

**Материалы для истории православной
церкви в царствование императора
Николая I. Книга 2
ред. Н.Ф. Дубровин**

Часть вторая. Местное управление
Отделение XI. Особенное возбуждение иерархической
деятельности в царствование Императора Николая I
(продолжение)
[Книга 1 →](#)

5) Чрезвычайные ревизии епархий лицами, посылавшимися от синода

Для возбуждения заснувшей или ослабевшей деятельности некоторых архиереев, а также для направления деятельности, уклонившейся от своего прямого пути и истинного назначения, синод посылал от себя доверенных лиц, с поручением поверить на месте распоряжения архиереев по епархиальному управлению и обследовать характер и образ их иерархических поступков. Если-же синод, зная о беспорядках по епархиальному управлению, почему-либо медлил производством следствия над известным архиереем, а между тем о них помимо синода было доводимо до сведения Государя, в таком случае нередко сам Государь приказывал произвести ревизию. Заметим вообще, что синод приступал к такой гласной и торжественной мере исправления архиереев, какова ревизия, только в самых крайних случаях, побуждаемый к тому слишком многочисленными беспорядками, замеченными им по епархиальному управлению. Обыкновенно-же он довольствовался отобранием объяснений от того архиерея, в епархии которого замечались беспорядки по управлению, или о неправильном образе действий которого доходили неблагоприятные слухи. С какою осторожностью синод приступал к этой крайней мере исправления архиереев, можно видеть из следующего случая:

8-го января 1848 г. гр. Протасов предложил синоду донос чиновника IX-го класса Костенского на херсонского архиепископа Гавриила, состоявший в том, что этот архиерей, по прибытии своем в Одессу, отдал состоящие при церквях лавки свечной продажи в аренду первоначально одесским купцам Владимиру Харламову и Семену Маркову, а впоследствии, по взаимному их соглашению, утвердил эту аренду за одним Марковым, который, таким образом, сделался монополистом свечной торговли в Одессе. За право такой монополии Марков был обязан вносить в епархиальное одесское ведомство 6.000 рублей ассигнациями в год, тогда как

эта операция, по словам Костенского, приносила 100.000 рублей ассигнациями. Такое право куплено было подарком архиерею двухтысячной кареты купцом Харламовым. Тот же преосвященный, отобрав во всех церквах от икон серебряные и золотые привески в значительном, по выражению Костенского, числе пудов, а равно драгоценные камни и жемчуг и церковную сумму, публиковал в газетах, что все это пожертвовано ему от неизвестного. Затем послал эконома своего дома, иеромонаха Антония, в Москву с одним священником, чтобы там из означенных вещей устроить архиерейскую ризницу со всеми к ней принадлежностями. Здесь иеромонах Антоний признан был своею законною женою, по её доносу взят под арест, а потом, по ходатайству преосвященного Гавриила, препровожден в Одессу и за прелюбодеяние подпал суду.

«Жена Литония, продолжает Костенский, находится в монастыре, а он, Антоний, проживая ныне на архиерейском дворе близ г. Очакова, прижил с монастырской девкой незаконное дитя. Тот же преосвященный Гавриил приказал благочинным взимать на архиерейский дом по десяти рублей ассигнациями в год с каждой церкви, а с богатых и более, и это, будто бы, за церковные отчеты и метрические книги; ставленников производит на мздоимстве, писал Костенский, взимая со священника 1.000 руб. асс., а с диакона 500». Деньги эти преосвященный брал чрез келейника своего, пономаря Ивана Дракова, который за это получал щедрое вознаграждение от владыки. Алчность и корыстолюбие Дракова коснулись даже армян, живущих в херсонской епархии, раскольников беспоповщинской секты и молокан. Синод, выслушав этот донос, решил так: «Прошение не принимается, когда в оном не показано доказательств, на коих оно основано (см. XV т. Св. Зак. ст. 924 и X т. Св. Зак. кн. VI, раз. 11, ст. 2277), и как всякий донос должен быть основан на явных и точных доказательствах, а потому означенный донос отставного чиновника IX-го класса Капитона Костенского препроводить при указе нынешнему херсонскому архиепископу Иннокентию (а у Гавриила, переведенного тогда из Одессы в Тверь, даже не спросили и объяснения по этому доносу) к зависящему распоряжению и о

дальнейшем последовании донести св. синоду»;¹ но Иннокентий ничего не донес синоду.² А между тем, подобные-же беспорядки, о которых писал Костенский, открылись и в тверской епархии³ с прибытием на тамошнюю кафедру преосвященного Гавриила. Значит, донос Костенского был не совсем несправедлив и требовал к себе большего внимания со стороны синода, который, по крайней мере, должен был истребовать от преосвященного Иннокентия уведомление о результатах его исследований по этому доносу. Этою-то неохотою синода к производству следствий над архиереями объясняется причина незначительного, сравнительно с беспорядками по епархиальному управлению, числа ревизий над архиереями в царствование Николая I.

Впрочем, некоторые архиереи подвергались даже двум ревизиям и почти все время своего епархиального управления находились под следствием. Но прежде приступа к описанию этих ревизий, мы считаем нужным предварительно указать на некоторое различие между ними: одни из них ограничивались обследованием собственно действий и поступков архиереев, другие занимались обсуждением поступков архиереев в связи с беспорядками их консисторий и даже семинарий, третьи главным образом касались консисторий и семинарий, и только косвенно задевали архиереев, поскольку беспорядки по этим вверенным их надзору учреждениям были или поддерживаемы ими, или с преступным равнодушием терпимы и не остановлены своевременно.

I. Следствие над иркутским архиепископом Иринеем

Первое место и по времени, и по драматическому характеру, занимает следствие, произведенное в 1831 году над иркутским архиепископом Иринеем. Имя его становится известным еще с двадцатых годов. Вигель, в своих «Воспоминаниях», говорит о нем, как о личности весьма замечательной по уму, характеру и ревности к православию. Но Вигель знал Иринея в ту эпоху его жизни, когда он был только еще ректором кишиневской семинарии и когда он действительно был известен как человек безукоризненный в частной своей жизни, строго монашеской, сведущий в богословских науках, ревностный к православию до некоторого энтузиазма, впечатлительный, немного желчный, с кровью жителей юга,⁴ довольно упорный и стойкий в своих убеждениях. Но с того времени до 1831 года много перемен произошло в Иринее и не к лучшему.

В 1825 году Иринея из ректора кишиневской семинарии был посвящен в епископа пензенского. В этом сане с ним совершилась большая перемена: дурные склонности, более не сдерживаемые высшим посторонним надзором, подучили полный простор; теперь впечатлительность и раздражительность его перешла в ярость, твердость в самоуправство и совершенное презрение к правам других и даже бесчеловечие, ревность по вере – в какой-то фанатизм и стремление из мира сделать скит отшельников; его поступки и действия сделались выходками и странностями; одним словом, власть окончательно испортила его. В Пензе уже начали смотреть на него, как на чудака, потому что он позволял себе кричать в церкви во время служения литургии, обращался в присутствии всех с такими словами к ректору семинарии: «Что ты много о себе-то думаешь, что ты много знаешь иностранных языков; Митридат-то больше тебя знал, а убил свою родную мать»; бранился во время богослужения, останавливал отправление богослужения, с подчиненными обращался сурово, награждал и казнил их без суда и причины. Наконец, хотя из

добрых и благих побуждений, сделал он одно прибавление к богослужению, наделавшее тогда много шума и ставшее известным синоду. В 1827 году Ириней, обозревая вверенную ему епархию, заметил в ней быстрое усиление раскола: многие семейства, даже целые села и деревни вдруг отпадали от православной церкви и переходили в раскол. «Недоумевая, объяснял он синоду, каким образом столь успешно действуют распространители раскола на низший класс людей, всегда приверженный к православной церкви, я старался изыскивать сему причины. Проезжая по епархии, я беседовал с раскольниками разных толков. Собеседования сии открыли мне, что все те, кои издавна находились в отступничестве, научены были не только молитвам, но и толкованию многих мест священного Писания, хотя в превратном смысле, но в совершенном убеждении, что они мыслят истинно, отчего и не внемлют никаким уже внушениям. Для привлечения в свою ересь простодушных, употребляют они наружные обряды, сим последним вовсе неизвестные, как-то: чтение молитв с известным числом больших и малых поклонов, называя сие началом молитвы. Для счета поклонов имеют все почти без исключения чётки, или так называемые ими лестовки. Средство сие в обольщении простодушных, желающих спасения, употребляемое под столь благовидным предлогом, тем более действительно, что производится не одними лжеучителями, но даже безграмотными бабами и девками. Между тем как православные не только не знают молитв и никем оным не научаются, но многие по небрежению своему не умеют порядочно изобразить на себе крестное знамение. Небрежность сия произошла частью и от самого духовенства, ибо и из него многие, знаменуя на себе крест, производят сие машинально, без всякого благоговения. Раскольники, указуя на сие небрежение, соблазняют простодушных наружным своим благоговением, упрекая их, что с изменением (по их мнению) священных книг, потеряно всякое достоподобное благочестие. Молоканы-же, отвергающие всякое наружное богопочитание, насмехаясь над неблагоговейным изображением крестного знамения, упрекают православных, что они не крестятся, а

махаются, и что священники их не пастыри, а наемники, ибо де стараются не о обучении своих прихожан православному исповеданию веры, но об одном только прибытке своем, и что только у них одних находятся свыше вдохновенные старцы. Зло сие до того простерлось, что между многими другими сектами внесена ужаснейшая секта самоубийц, известная по селу Копенам и могущая служить разительным примером заблуждения простодушных... К отвращению впадения в столь богопротивную секту, соделавшуюся мне известною под именем «спасовцев», предварительно разослано было по всей епархии сочинение мое под названием: «О необходимости устной пред иереем исповеди». Кроме сих заблуждений, новокрещенные мордва и татары, не будучи назидаемы в христианском благочестии и научены молитвам и догматам веры, остаются доныне в совершенном невежестве. Для приведения в познание истин христианской веры нашей и к отвращению впадения в гибельный раскол, при обозрении вверенной мне епархии, возбуждал я надежных священников, дабы они озаботились обучением прихожан своих, а особливо малолетних детей, молитвам и прочему (способ сего обучения для примера я преподал сам), поручив духовенству извещать меня о плодах, какие от сего усмотрены будут. Впоследствии времени дознано мною, что таковое обучение может произвести желаемое действие, ибо замечено, что народ, а особенно малолетние дети, в большем количестве приходили в церковь и все с удовольствием произносили за священником молитвы. Руководствуясь сим примером и указом св. синода 1821 года января 25-го дня, коим предоставлено епархиальным архиереям употребить всевозможное пастырское попечение о усилении церковного наставления между православным народом в вере и благонравии христианском, с предоставлением ближайшему их усмотрению употребить к тому средства, сообразные с обстоятельствами вверенных им паств, признал я необходимо нужным сделать повсеместное уже распоряжение, дабы священники первоначально занялись обучением прихожан своих молитвам по тому порядку, какой

изложен мною в предложении пензенской духовной консистории».

Порядок этот был следующий: по совершении божественной литургии, после отпуска, священник должен был учить своих прихожан в церкви так:

- 1) Во имя Отца... трижды, с тремя земными поклонами.
  - 2) Молитвами святых отец.
  - 3) Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.
  - 4) Царю небесный.
  - 5) Святый Боже, трижды, с тремя доземными (малыми) поклонами.
  - 6) Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу.
  - 7) Пресвятая Троице.
  - 8) Господи помилуй, трижды.
  - 9) Слава и ныне.
  - 10) Отче наш, без яко Твое есть царство, с одним поклоном.
  - 11) Господи помилуй, 12 раз.
  - 12) Слава и ныне.
  - 13) Приидите, поклонимся, трижды, с тремя доземными поклонами.
  - 14) Верую.
  - 15) Ослаби, остави, с доземным поклоном.
- По окончании:
- 16) Богородице Дево.
  - 17) Десять заповедей Божиих, прибавляя к началу каждой заповеди: 1-я заповедь Божия; 2-я заповедь Божия, и так далее, дабы сильнее напечатлелось в сердце, что заповеди сии не человеческие, а Божии.
  - 18) Достойно есть; по окончании, до земли поклон.
  - 19) Боже, милостивый буди мне грешному, трижды, с тремя доземными поклонами.

«Но чтобы дать действию сему, продолжает Ириней, особую важность и благоговение и поставить твердый оплот против раскольнических обрядов, назначил я приличные поклоны. По окончании-же урока, священник должен был, кроме обыкновенных поклонов при упомянутых молитвах, обратившись к народу и произнеши слова: «Простите мя,

братие», *пасть на землю, даба явить собою примера самоотвержения Иисуса Христа. За то и народ, в свою очередь, когда скажет: Бог да простит ти, честный отче! помолись о нас, прости и благослови нас!* должен пасть на землю, а священник встать и сказать: *Господь наш Иисус Христос благодатию и щедротами своего человеколюбия да простит и помилует и благословит вас.* После этого, не прибавляя более никаких слов, священник осеняет всех рукою в образ креста Господня. Меру сию признал я потому более необходимою, что постоянное преподавание христианского учения и толкование катехизиса, введенные в некоторых местах по пензенской епархии, не имеют не только должного успеха в обращении уклонившихся в раскол, но ниже малейшего влияния на простодушных, по совершенному незнанию ими догматов православной церкви нашей, особенно-же при невнятном и невпечатлительном чтении, и, таким образом, необходимо нужно было приготовить их к слушанию катехизиса изучением сказанных молитв. Да и в числе самого духовенства есть столь неблагомыслящие священнослужители, что, оставляя прихожан своих в совершенном невежестве, доводят их до той степени закоснелости, что они, сделавшись равнодушными к вере и впавши в грехи, не чувствуют гибельности своего состояния и не ищут исправления. Между тем, сами сии священники, представляя ежегодно исповедные списки, показывают всех бывшими у исповеди и св. причастия, и сие столь страшное злоупотребление делают из жадности к корыстолюбию, коим пользуются при составлении сих списков по домам своих прихожан. Равным образом, извлекают они свою пользу и из незнания прихожанами своими молитвы Господней, символа веры и заповедей Божиих, ибо при вступлении в супружество брачившиеся, не быв научены оным, по неимению сельских училищ и нерадению о том священно- и церковнослужителей, принуждены бывают исполнять, хотя и с большим отягощением, все незаконные требования духовенства; некоторые из священнослужителей до того простирают свои притязания, что и самое исхождение на молитвословия, бываемые во время бездождия и безведрия, исполняют не иначе, как по получении

с прихожан значительной платы. Чтобы искоренить таковые злоупотребления и истребить всякое на духовенство нареkanie, сделаны мною следующие распоряжения: а) предписаны правила благочинным и приходским священникам, дабы, под надзором первых, священники, а с их церковнослужители, обучались всем предметам, до должностей их относящимся, задавая им для изучения по временам такие уроки, какие они назначат, по силам своим, в чем и требуются от них по временам надлежащие отчеты; б) все священно- и церковнослужители обязаны подписками, дабы при входе во храм и св. алтарь, а также при всяком приступе к действию священнослужения, чинили поклонение со страхом Божиим; в) таковыми-же подписками обязаны они, священно- и церковнослужители, довольствоваться узаконенною за требы платою, а для общего сведения, сколько следует взимать им денег, на основании высочайшего указа 1801 г., апреля 3-го дня, прибиты в трапезах церковных объявления».⁵

Не отрицая ни важности побуждений, заставивших преосвященного Иринея прибегнуть к вышеупомянутой мере, ни той пользы, какая в некоторой степени могла проистечь от неё для утверждения христиан в православии, мы не можем в то же время не заметить в нем увлечения своею идеею до крайности, преступления границ своей власти и слишком большой свободы в действиях. По мнению его, раскол как будто оттого только и держится и распространяется, что православные худо или вовсе не знают молитв, а священники не учат их молитвам и поклонам, и что будто бы стоит только начать в церквях обучение православным молитвам, заставить их делать при этом известное число поклонов и ввести пустынножительский способ испрошения священником прощения у своих прихожан и прихожан у священника, чрез повержение на землю, – так раскол и падет. А что это было со стороны Иринея истинно увлечение своею идеею, что эта мера вовсе не сопровождалась теми плодами, каких он ожидал от неё, и что она, напротив, произвела результаты совершенно противоположные – это всего лучше можно видеть из отношения саратовского гражданского губернатора к обер-прокурору св. синода от 25-го

июня 1828 г.,⁶ и из распоряжений самого синода.⁷ Первый, вполне соглашаясь с важностью и основательностью побуждений, руководивших Иринеем при введении упомянутой меры, и отдавая должную справедливость его ревности к православию, замечает при этом, что «это распоряжение новизной своей возродило разные толки и особенно в старообрядцах, основывающих богослужение свое на неизменяемых древних правилах, утвержденных святыми отцами и вселенскими соборами. Они сей новый обряд усиленного моления нашего и познания о вере почитают, по духу суеверия своего, противным общим правилам церкви и тем более усиливаются удержат сию мысль за собою, что сей новый обряд есть единственный только в Саратовской губернии. Такие и подобные тому толки, возрождая каждый раз новое о себе суждение, становятся для раскольников новой пищей и новым доказательством к тем причинам, по коим они удаляются от соединения с православною церковью нашею». Синод, чрез преемников Ириней, епископов пензенского и саратовского, делал дознание о результате меры, введенной им, и окончательно убедился в её бесполезности, а потому приказал отменить её. Но в Пензе страсти Ириней еще не достигли своего апогея; им суждено было развиваться в Иркутске, куда он был переведен в 1830 году. Перевод этот сопровождался, к несчастью, такими обстоятельствами, которые, быв Иринеем поняты по-своему, служили ему как бы поощрением и возбуждением к тем самым действиям, которые навлекли на него порицание в Пензе. Его переводили в Иркутск с пожалованием во архиепископа и с извещением, что его посылают туда как человека твердого; это вскружило ему голову; он не мог понять, что этими ласкательными словами хотели смягчить горечь почетной ссылки. Местные обстоятельства иркутской епархии, этого, по словам иркутского иерарха Нила,⁸ края переселения и изгнания, где в основу населения легло отребье человеческого рода, края, на котором отражалась всякая политическая буря, пронесившаяся по России, и непременно заносившая туда свои жертвы, где и московские стрельцы, и участники пугачевщины, и ветковские и

стародубские изуверы, и литовские бродяги, и польские крамольники, все оставили свои отродья, обреченные передавать из рода в род печальную память отцов своих; беспорядки по епархиальному управлению, допущенные предместником Ириней, невысокое нравственное состояние тамошнего духовенства; слишком угловатые отношения Ириней к местной гражданской власти, которая, нужно сказать, не отличалась ни высокою нравственностью, ни мягкостью манер, ни деликатностью в сношениях, – все это служило горючим материалом для огненного характера Ириней. Он явился в Иркутск беспощадным и в тоже время самым неразборчивым и самоуправным карателем и мстителем за все преступления, совершенные иркутским духовенством до него,⁹ наказывал не только за преступления, прежде совершенные, но и за те, которые он, так сказать, предугадывал в духовенстве или подозревал, и наказывал без милости, без суда, с холодным бесчеловечием азиатского деспота. Не довольствуясь карательною ролью по отношению к духовным, он взял на себя обязанность Нафана-пророка по отношению к генерал-губернатору Лавинскому, грозил ему анафемою и чуть не публично обличал его.¹⁰ Заметив явное отвращение к себе во всех, гласные и открытые насмешки над собою, он еще более ожесточился и, наконец, дошел, кажется, до помешательства и начал сумасбродствовать. Чтобы иметь некоторое понятие о действиях Ириней в Иркутске, мы приведем здесь выдержку из записки иркутского кафедрального протоиерея Парнякова, поданной им Государю Императору, в которой он жалуется на обращение с ним Ириней, а также извлечение из дела по жалобе на Ириней благочинного иркутских церквей, протоиерея Флоренсова. Вот что писал Парников:

1) «Преосвященный Ириней, не удовольствовавшись услугами, состоявшими в провожании его из архиерейского дома в кафедральный собор пред каждой божественной литургией, приказал встречать себя при рундуке, к приделу Казанской Божией Матери примкнутом, и возводить под руки на оный так, чтобы тяжесть тела его лежала на моих и ключаря Масюкова руках. Потом, не удовольствовавшись и сим,

приказал встречать на середине помоста между кафедральным собором и архиерейским домом, шагах в тридцати с южной стороны параллельно лежащего. Наконец, и сим не удовольствовавшись, строжайше приказал мне ожидать его на той середине помоста полчаса непременно, *и в самые жестокие морозы в холодной одежде*, в случае-же невозможности от сих морозов стоять на месте неподвижно, прохаживаться по оному, как дозволено военным часовым, угрожая за неисполнение сего приказания строжайшим с меня взысканием и усиливая приказание сие образами встреч российских первостепенных архипастырей. Приказание сие исполнял я в виду народа, с постоянною точностью, таким же образом встречая его преосвященство и у приходских храмов, при подъезде к ним вынимая из кареты, и по выходе из оных садя в оную.

2) 5-го дня ноября минувшего 1830 года архиепископ Ириней, по входе в Петропавловский храм в мантии, взошед на возвышенное место пред царскими вратами для слушания обычного входного, при испрашивании от него исправляющим должность протодиакона благословения на чтение входного, вдруг обратившись ко мне, грозным голосом спросил меня, почему я не распространил правого клироса? и за сим вопросом, сошед с места и подошед к углу клироса, делал мне всенародно строгие выговоры, сравнивая меня с мальчиком, стоявшим за оным клиросом в разодранном платье. Хотя, по выслушании сих выговоров, осмелился было я на уважение его преосвященству представить, что как протяжением клироса и стоянием на оном певчих будет закрыта от взоров благоговейных читателей чудотворная икона Пресвятой Богородицы, поставленная в оном месте с самого основания собора, то, в отвращение народного ропота и охлаждения к вере, нужно с архипастырского его благорассмотрения предварительно избрать и уготовить благоприличное для оной другое место. Но преосвященный Ириней, с гневом погрозив мне пальцем, пошел искать по кафедральному собору места для чудотворной иконы, и остановившись прямо у каменного в своде столпа, среди собора стоящего, в коем помещена икона чудотворца Николая, приказал чудотворную икону Божией

Матери перенести в оный столп. Но как в последствии времени открылось, что в протяжении клироса за место чудотворной иконы, существенной нужды вовсе не настояло, то и чудотворная икона осталась на прежнем месте.

3) 19-го ноября, по приезде преосвященного Иринея к западному рундуку кафедрального собора, по вынуждению его из кареты мною с ключарем протоиереем Масюковым, в епитрахили одетым, и по возведении под руки на рундук, остановившись его преосвященство на паперти собора, сделал мне строжайший выговор за подачу ему некоторыми канцелярскими служителями прошения о выдаче им вперед жалования, поставив вину их в вину мне, с угрозою строгим за сие с меня взысканием, несмотря на то, что я вовсе не имел и понятия о том прошении, а по входе в притвор церковный, остановившись на месте облачения в мантии, вслух предстоявшего народа весьма громко сказал: «Где пьяный диакон? сейчас подайте его сюда!» разумея под сим вдового диакона Суслова, под смотрением эконома архиерейского дома находившегося; после сего таким же голосом сказал мне, погрозив пальцем: «Я с тебя взыщу; я тебя отрешу от собора и консистории», и, одевшись в мантию на сем месте, поносил меня дотоле, пока пришел из архиерейского дома и явился к нему вышеозначенный диакон, коему публично архиепископ Ириней громким голосом грозил отсылкой в военную службу; наконец, и по совершении божественной литургии архиепископ Ириней поносил меня на том же месте, как ему было угодно.

4) Двадцатого дня сего-же месяца, во всерадостный день празднования всевождемнейшего восшествия Его Императорского Величества на всероссийский Императорский престол, по обыкновенной встрече архиепископа Иринея, при возведении его из кареты на рундук собора, обратившись ко мне с суровым видом, в сильном гневе сказал: «Вам неприлично носить рясу этого цвета», указывая на мою рясу красного цвета, по скудости моей, как известно иркутским жителям и прочим, одним из доброхотных купцов мне подаренную, в которую, как наилучшую из трех, я оделся в ознаменование сердечной, искренней и сыновней радости о благоденственном, мирном и

отеческом самодержавии Его Императорского Величества; и проходя преосвященный Ириней до места с разными мне упреками и поношениями, остановившись на паперти, весьма громко сказал мне, с угрозою пальцем: «Не смей носить эту рясу; довольно для тебя, что Государь дал тебе лоскуток такого бархату», указывая на камилавку, всемилостивейше мне пожалованную. Потом делал мне разные и такие укоризны, кои, при собравшемся на паперти народе, шедшем к божественной литургии в собор, пронзали сердце мое, и в сильном азарте продолжал поносить меня дотол, пока уже усмотрел взади правой стороны на паперти генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского, стоявшего в сие время с фрейлиною Лавинскою. Не удовольствовавшись архиепископ Ириней и сим мщением, во время чтения шестого часа пред божественною литургией, по выходе моем со служившими тогда священнослужителями из святого алтаря в храм, вслух народа назвал меня невежей за то, что я, проходя мимо г. генерал-губернатора, поклонился ему, запретив между тем и впредь кланяться сими словами: «Невежа, при мне ты не должен кланяться г. губернатору; где я, там все должно унижаться и падать», подтвердив сие и во св. алтаре, по приобщении страшных Христовых Тайн. После божественной литургии, когда архиепископ Ириней, при провожании его из собора, усмотрел на мне рясу другую, цвета зеленого, которую, во избежание горшего от него гнева и мщения, приказал я принести из дома в собор во время служения литургии, так как, кроме сей, другой, приличнейшей высокаторжественному и всерадостнейшему дню сему, я уже не имел, его преосвященству и сия ряса не понравилась.

5) Впоследствии хотя преосвященный архиепископ Ириней 20-го дня ноября в архиерейском доме и просил у меня прощения в обиде, нанесенной мне в соборе, сознав и ошибку свою, во время молебна сделанную, при духовных лицах, в том доме бывших; но сим христианским действием его преосвященство хотел только прикрыть сердечную на меня злобу, которую он весьма скоро и обнаружил, ибо 21-го дня сего же месяца воспретил мне носить и последнюю рясу темного

цвета, покойным архиепископом Михаилом за усердное исполнение поручений его в 1822 году пред св. Пасхою мне данную.

6) 8-го дня декабря, при самом начале благовеста к божественной литургии, архиепископ Ириней, пришедши в кафедральный собор прежде назначенного им самим времени к благовесту, приказав самолично чередному священнику сделать начало к чтению часов, поставил сие в вину мне, с угрозою в храме пальцем: взыскать с меня строго, отрешить от собора и консистории и сделать меня заштатным, а под видом и якобы для приведения в порядок собора, в том же храме отрешив меня от консистории, приказал мне *ночевать в соборе со сторожами* и свидетельствовать в домах больных священно- и церковнослужителей, сторожей и звонарей, так как в то время многие из них и градожителей, при свирепствовавшем поветрии, страдали головною и грудною болезнями с жестоким кашлем, вследствие чего как того дня с исправляющим должность протодиакона диаконом Кедровым, так и после, свидетельствовал ключаря и прочих священно- и церковнослужителей.

7) Девятого дня сего-же месяца, когда, по неожиданному требованию преосвященного архиепископа Ириней, *явился я в 4-м часу пополуночи* в архиерейский дом, архиепископ, при самом появлении моем к нему, не удостоив меня и благословения архипастырского, сделал мне с азартным видом и весьма громким голосом приценку, якобы и я, и священно- и церковнослужители не во время собираемся в собор, куда якобы приказал он собираться при первом ударе в колокол, вместо того, что сам же он как прежде приказал, так и накануне, т. е. 8-го дня, строго подтвердил собираться в собор в течении получаса, которое время назначено им на благовест, который и доселе продолжается столько же времени, а во дни священнослужения его преосвященства продолжается час. Потом делал мне резкие укоризны, даже в ужас меня приводившие, за слово, в день тезоименитства Его Императорского Величества мною произнесенное, 5-го дня его преосвященством смотренное, и во всерадостнейший день им

же самым похваленное, приказав мне читать оное слово, и по прочтении первой части трактации оного, сказал: «Ты похитил тексты из св. Писания, как Прометей похитил священный огонь с неба». После сего делал мне угрозы отрешением меня от кафедрального собора и консистории (?), очернением пред св. правительствующим синодом и лишением высокомонарших знаков отличий, усиливая угрозы сии для большего впечатления во мне страха тем, *что он из всех архиереев избраннейший и отличнейший; что он имеет высочайшую грамоту на знаки ордена св. Анны преимущественную пред прочими архиереями; что весь жребий мой в руке его преосвященства; что он накажет меня примерно.* Окончив укоризны и угрозы сии, около часа вместе с благовестом к утрени продолжавшиеся, наконец назначил он мне со священно- и церковнослужителями кафедрального собора из разных мест священного Писания для изучения тексты, строжайше приказав являться к себе пред каждым богослужением, как для отчета в уроках оных, так и для получения новых.

8) Когда к его преосвященству являлся я со священно- и церковнослужителями сего же 9-го дня пред литургией, пред вечерней, 10-го дня пред утреней, литургией и вечерней, то каждый раз при отчете в старых уроках и получении новых, получал от него новые упреки, укоризны и угрозы, а 11-го дня пред утреней архиепископ Ириней, мри всех усилиях стеснить чем-нибудь меня, истощив ли средства к таковому притеснению, или наскучив уже оным, в хождении в архиерейский дом со священно- и церковнослужителями мне отказал, приказав отселе мне назначать уроки и себе, и священно- и церковнослужителям, разрешив мне, вопреки своему приказанию, 8-го дня в кафедральном соборе словесно данному и в канцелярии консистории словесно же в тот день объявленному, ходить в присутствие консистории по-прежнему. *Уроки сии, известные мне и магистру иерею Николаю Спасскому, мы учили в твердость.*

9) Когда от продолжительных ожиданий преосвященного Ириней в жестокие сибирские морозы, в холодной одежде, и от безвременных в ночное время к нему хождений, при

всегдашнем страхе получить выговоры, которыми он часто останавливал меня то на помосте между кафедральным собором и архиерейским домом, то в казанском холодном приделе, то на паперти собора, будучи сам он в теплой одежде, получил я сильную простуду, при геморрагических припадках, около 25-ти лет меня мучащих и от простуды сей еще более усилившихся, и с 24-го ноября страдал жесточайшею болезнью по 4-е декабря, когда и после сей болезни, при несовершенном здоровье, изможденном теле и слабых силах, 12-го декабря, почувствовав при ожидании и встрече преосвященного Ириней в кафедральном соборе на открытом и возвышенном рундуке оного сильнейшую простуду от быстрого стремления порывистой со снегом бури с северной стороны реки Ангары, проникнувшей (sic) чрез правое ухо во внутренность головы и шеи, доселе неизлечимых, только до 14-го дня сего месяца имел силы бороться с болезнью, и когда сего 14-го дня после утрени столь жестоко поражен был сею болезнью, что штаб-лекарь 7-го класса и кавалер Сорочинский, всегда мне помогающий, опытным токмо искусством и неусыпным попечением мог остановить опаснейшие оной последствия чрез истребление желчи, разлившейся по желудку и появившейся на поверхности тела, – его преосвященство, совершенно зная о качестве моей болезни и о сомнительном от оной выздоровлении, вместо того, чтобы по архипастырской своей милости попещись о моем здоровье, или, по крайней мере, дать мне потребное на выздоровление и укрепление сил время, – время сие нарочито избрал, дабы сильнее дать мне почувствовать всю тяжесть его гонения: 23-го дня декабря, сверх моего чаяния, отрешив меня от собора и духовной консистории вовсе, запретил и священнослужение, определив к двуприходской градо-иркутской Воскресенской церкви на место протоиерея Прокопия Громова третьим, только для получения от оной дохода, чем порастил меня так жестоко, что я, при очевидной уже опасности от болезни телесной, опасался даже болезни душевной, а семейство мое, т. е. восьмидесятисемилетняя дряхлая мать, жена и дочь, при горестнейших слезах и воплях, по немощи их пола, не в силах

будучи перенести сего неожиданного и сильного удара, сделались тяжело больны.

10) Двадцать четвертого декабря, когда я, полумертвый, помышлял только о христианском напутствии в вечность, архиепископ Ириней, потому-ли, что еще искал во мне пищи своему мщению, или потому, что хотел ускорить смерть мою, послал ко мне секретаря иркутской духовной консистории Копылова для того, чтобы 1-е, спросить меня: *великодушно-ли я переносу наказание?* 2-е, предложить его преосвященства совет мне и семейству, дабы не входили в св. синод с жалобой на него, угрожая за противное сему самым жесточайшим отягощением судьбы моей».

Опуская 11, 12, 13 и 14 пункты жалобы Парнякова, в которых он защищается против взводимых на него архиепископом Иринеем обвинений, переходим к 15-му пункту, где Парняков доносить, что Ириней своим соблазнительным отправлением богослужения, а не он, Парняков, довел кафедральный иркутский собор до того расстройств, в каком он находится, по описанию Ириней. «Хотя – пишет Парняков – из усилий преосвященного Ириней привести в порядок кафедральный собор, известны мне, священно- и церковнослужителям, сторожам, звонарям и публике: *первое*: разговоры, кои он продолжал в соборе при облачении в мантию, прежде в казанском холодном соборе, а после в притворе собора, при входе в самый собор, при чтении входного и часов, пред божественной литургией, пред первую часть оной, а иногда и в самую литургию и при самом чтении им проповеди, отчего и литургия, начавшаяся в 10 часов пополуночи, исключая времени благовеста, оканчивалась в два часа с половиною, а иногда и в три пополудни, и многие из богомольцев выходили из собора прежде окончания литургии, но в сих разговорах, или, по выражению архиепископа Ириней, усилиях видно было только то, что он в продолжении оных *то переставлял священников и диаконов с места на место, то поправлял у сих последних платки на шее, то перелажал ковер своими руками*, то ходил в мантии по собору, то громким голосом останавливал без нужды исправляющего должность протодиакона, угрожая ему отсылкой

либо на село, либо в полицию, либо к коменданту, то останавливал псаломщиков и певчих, передразнивая их, как его преосвященству угодно, то с остановкой также чтения часов вызывал меня из алтаря и приказывал мне всенародно *зачесывать* волосы у псаломщиков и пономарей, то при чтении: «Господи, помилуй» приказывал псаломщикам в случае недостатка в душевном умилении лицемерить, а в случае недостатка и в сей способности, возглашать по подобию рабов, умоляющих господ своих при наказании сими первых, возвышая для сего сам архиепископ Ириней голос свой, по подобию тех рабов, с троекратным повторением сего слова: *"помилуй"*; то требовал от кого-либо из священно- и церковнослужителей объяснений на некоторые слова из псалмов чтимых, или уже прочтенных, то изъяснял сам или какой-либо текст из св. Писания им взятый, или какое-либо таинство, объяснив однажды действие помазания миром сравнением с таким действием, которое, при уничтожении сего высокого таинства, слушателей привело в соблазн, а воспоминание об нем и доселе приводит в душевную скорбь, а 21-го дня ноября изъяснением совершенно противным св. Писанию обряда введения во храм Пресвятой Богородицы, при наведении на слушателей ужаса, пронзил до самой глубины сердца их, оставив в оных самое пагубное впечатление; то, наконец, при чтении проповедей, останавливаясь, обращался к священно- и церковнослужителям с упреками их мягкими перинами. *Второе:* посещение им кафедрального собора чрез несколько дней во время повседневного пения утрени, литургии и вечерни, так как в двенадцатые праздники и торжественные дни архиепископ Ириней ни для совершения всенощного бдения, по примеру его предшественников, ни для моления собора вовсе не посещал; но в те времена его преосвященство, при тогдашнем продолжении утреннего пения по четыре часа, а вечернего по два с половиною, учредил токмо новый порядок, по которому в вечернее пение девятый час и повечерие читаются в притворе церковном, чин вечерни отправляется священником в одной епитрахили без фелони; в вышеозначенное время священно- и церковнослужители сперва стоят в притворе с народом, потом

переходить из одного во храм, наконец из сего паки в притвор. Священник чередной пред окончанием повечерия и полунощницы испрашивает обычного прощения, *лежа на полу притвора*, и порядок сей соблюдался со строгою точностью неизменно».¹¹ Но в словах Парнякова, как человека обиженного и раздраженного, быть может есть преувеличение. Обратимся к жалобе на Иринея протоиерея Флоренсова, которой справедливость подтвердилась формальным исследованием, произведенным преемником Иринея, преосвященным Мелетием. Сущность этой жалобы заключается в том: 1) что он, Флоренсов, несмотря на исправление со всем тщанием и по долгу данной присяги должностей благочинного и члена консистории, был от них уволен под тем предлогом, будто бы не радел по благочинию, утаивая пьянствующих, а в консистории подписывал бумаги без всякого рассмотрения; в сущности же за то, что обще с другими членами иркутской консистории подписал доклад по просьбе протоиерея Парнякова, просившего консисторию приостановиться исполнением невыгодных для него распоряжений преосвященного Иринея до получения ответа на жалобу, поданную им, Парняковым, в синод на Иринея.

2) «Но этим, писал Флоренсов, преосвященный Ириней не прекратил своего к нему неблаговоления, но, напротив, более и более усиливая оное, обнаружил преимущественно 20-го мая минувшего 1831 г. в произнесении на счет его, Флоренсова, разных оскорбительных укоризн и угроз, что было при товарище его, Флоренсова, священнике Иоанне Сукневе и диаконе Кузнецове, бывших с тем Флоренсовым в то время у архиепископа Иринея для принятия благословения, по случаю наступавшего храмового праздника Владимирской Божией Матери. 3) Таковое неблаговоление к нему не переставал Ириней обнаруживать и в самый праздник, т. е. 21-го мая, во время совершения им в упомянутой церкви литургии, относя на счет Флоренсова разные неисправности, как-то: поставлял ему в вину: а) что на жертвеннике и престоле не великолепные одежды; в) что антиминс хранится в женском платке; е) что птички свили в окнах оной церкви гнезда, за что угрожал

взятием его, Флоренсова, под надзор в крестовую церковь и страданиями его самого и даже жены и детей его. 4) Мая 22-го дня, когда он, Флоренсов, с товарищем своим, священником Сукневым, и диаконом Кузнецовым пришли благодарить его, преосвященного, за отслужение в сей праздник божественной литургии: то после укорения его, Флоренсова, вышеупомянутыми неисправностями, действительно было приказано им, преосвященным Иринеем, ходить ему в домовую церковь учиться петь и читать под надзором иеромонаха Варлаама, который из костромской епархии поступил в иркутскую с нечистым послужным списком и самим преосвященным Иринеем за развратное и соблазнительное поведение был отрешен от экономской при иркутской семинарии должности. 5) 23-го мая в продолжение утрени был испытует вышеупомянутым иеромонахом Варлаамом в чтении и того ж числа после поздней литургии, во время которой преосвященный архиепископ Ириней, при неуместных рассуждениях, производил ужасные беспорядки, был он от хождения в домовую церковь уволен с объявлением, что чрез месяц будет в оную призван на экзамен». Эти ужасные беспорядки, которые производил архиерей в своей домовой церкви, состояли, по описанию Флоренсова, в том, что Ириней беспрестанно останавливал читавшего часы запрещенного священника Христофора Куртукова, взятого также на испытание, говоря ему, будто он читает неправильно, против ударения, без чувства, и что сам Бог его наказывает, что он, архиепископ Ириней, сколько раз ни покушался разрешить ему, Куртукову, священнослужение; но сделать сего никак не мог; рассуждал, остановив службу, о протоиерее Прокопии Громе, будто бы защищавшем протоиерея Никифора Парнякова от притеснения архиепископа Ириней, и о протоиерее Парнякове, будто бы прежде притеснявшем в это время тут же находившегося запрещенного священника Георгия Амвросова; рассказывал, будто протоиерей Громов ездил в заморский край не для обозрения церквей, а для обогащения, ибо по возвращении из поездки купил себе дом, и будто протоиерей Парняков, бегая где-то за какою-то женщиною, сронил с себя

крест. Грозно допрашивал Флоренсова, подписался-ли он, или нет, под делом упомянутого священника Амвросова, которого он называл бедным и невинным страдальцем; рассказывал, со злостной улыбкой, как и где подписывал вышепрописанный доклад о протоиерее Парнякове посольский архимандрит Феодорит. Певчего Петра Ковригина, что ныне диаконом при иркутском кафедральном соборе, называл человеком добрым, но ожиревшим от монашеского хлеба, и говорил ему, чтобы он шел в монастырь; кричал на иеромонаха Варлаама, что не смотрит за вверенными его смотрению; делал распоряжения, кому смотреть того дня в отсутствие иеромонаха Варлаама; с криком останавливал служащего священника с диаконом, приказывал им повторять одно и то же и даже неоднократно издевался, передразнивая голос и произношение последнего во время чтения св. Евангелия; призывал во св. алтарь священника Флоренсова, показывал место, где стоит зеркало, укорял, что он в их церкви видел где-то начесанные волосы; подходил неоднократно к царским вратам, смотрел чрез них сверху в алтарь на действующих священнослужителей, приказывал им останавливаться во время освящения даров, вбегал в св. алтарь, и при этом раз ударился так в восточных дверях, что едва могла удержаться на нем камилавка; похваляясь неограниченностью архиерейской власти, утверждал, что он, как архиерей, может делать все, что ни захочет, и в самой церкви, в какой-бы то час ни было; давал Флоренсову приказание перенести стоящие при их владимирской церкви дрова с настоящего места на другое; полые места заградить так, чтобы не могли входить в оную собаки, которые, как он говорил, чинят непотребства; сделать большой образ с золотыми рамами и устроить горнее место.¹² Такие и многие другие им подобные действия совершались Иринею открыто, часто в кафедральном соборе и в высокотожественные дни. Притом-же, как сказано выше, Ириней позволял себе делать обличения и генерал-губернатору Восточной Сибири Лавинскому, человеку гордому, мстительному и не совсем чистому, а поэтому очень обидчивому, и делать их гласно, на улице, при стечении народа.

Лавинский не мог перенести этого и чрез шефа жандармов донес Государю о всех выходках Иринейя.

26-го июня 1831 года обер-прокурор св. синода князь Мещерский сделал синоду такого рода предложение, что «по дошедшим до Государя Императора сведениям о беспорядках, происшедших по иркутской епархии во время управления оною архиепископа Иринейя, и о предосудительных его действиях, по коим полагать должно, что он подвергся расстройству умственных способностей, Его Величество высочайше повелеть соизволил удалить его немедленно от управления епархией и запереть в монастырь по усмотрению св. синода, с назначением ему содержания, а на место его представить кандидатов. Вместе с тем, Государь Император повелевает, чтобы по назначении в иркутскую епархию другого архиерея, поручить ему рассмотрение жалоб и доносов, поступивших на архиепископа Иринейя, и затем представить св. синоду мнение о исправлении тех беспорядков и неурядиц, кои по духовному управлению там оказались».¹³ Синод, выслушав такое предложение, *по довольном о сем рассуждении*, приговорил поднести Государю доклад следующего содержания: «*Первое:* означенного архиепископа Иринейя, по удалении от управления епархией, не допускать более до священнослужения; *второе:* пребывание ему иметь вологодской епархии во второклассном Спасоприлуцком монастыре, где, сверх бдительного за ним надзора настоятеля сего монастыря, иметь таковой же и вологодскому епархиальному архиерею, а касательно образа жизни и поступков доносить по третям года; *третье:* по надлежащем объявлении о сем ему, архиепископу, и по принятии от него всего принадлежащего иркутскому архиерейскому дому казенного имущества и денежной суммы, кому от синода поручено сие будет, следовать ему в назначаемое местопребывание в сопровождении надежного чиновника, коего истребовать от генерал-губернатора Восточной Сибири; *четвертое:* на проезд и препровождение его, архиепископа, Иринейя от Иркутска в Вологду и на путевые при сем дальнем переезде издержки, отпустить прогонные деньги по сану его, да на обратный путь в Иркутск чиновнику, имеющему

проводить его, архиепископа, в Вологду, сколько по чину его следовать будет, на счет экстраординарной суммы, ассигнуемой ежегодно по духовному ведомству. *Пятое:* на содержание его, архиепископа, в Спасоприлуцком монастыре производить ежегодно по 1.200 рублей из Государственного казначейства».¹⁴ Далее в докладе говорится о кандидатах, представляемых на иркутскую кафедру. Государь вполне утвердил доклад синода. К Стефану, епископу вологодскому, а равно и к Иринею, посланы были указы из св. синода по этому предмету. Но при получении последним указа об его удалении от епархии, он счел его за подложный и за проделку Лавинского и других его зложелателей. Вот как об этом происшествии, на основании донесений генерал-губернатора Восточной Сибири и иркутского коменданта, писал князь Мещерский в предложении синоду: «Государь Император получил от генерал-губернатора Восточной Сибири и иркутского коменданта донесения о необыкновенном поступке преосвященного Ириния, бывшего архиепископа иркутского, который, утверждая, что присланный из св. синода об удалении его из епархии указ есть подложный, потому что непечатный, решился сам отвести на гауптвахту чиновника, отряженного для сопровождения его в Вологду, где для пребывания его назначен Спасоприлуцкий монастырь, обвинял сего чиновника пред солдатами и народом в злоумышлении на жизнь его и убеждал их защитить своего пастыря».¹⁵

Его Величество, относя таковые действия архиепископа Ириния к помешательству ума, в коем он уже замечен, но, тем не менее, признавая необходимым отправление его из Иркутска и сопровождение до места назначения произвести под строгим надзором, какого поступок его заслуживает, высочайшим рескриптом, данным генерал-губернатору, повелеть соизволил: объявить архиепископу Иринею таковую волю его Величества, в рескрипте сем изложенную, и непосредственно за сим, в присутствии генерал-губернатора, и отправленного с сим рескриптом в Иркутск флигель-адъютанта поручика Гогеля 1-го, сдать его в ведомство корпуса жандармов подполковника

Брянчанинова, назначенного для сопровождения его от Иркутска до Спасоприлуцкого монастыря.

За сим его Величество Высочайше повелеть соизволил, чтобы, по прибытии архиепископа Иринея в Спасоприлуцкий монастырь, произведено было по распоряжению св. синода самое строгое исследование об означенном поступке его, и ежели по сему исследованию окажется, что поступок сей учинен не в помешательстве ума, то, по мнению Его Величества, важность преступления заслуживает, чтобы виновный был лишен архиерейского сана и сослан в Соловецкий монастырь; но впрочем, Его Величество предоставляет св. синоду сделать о сем в свое время постановление, на церковных законах основанное, и поднести оное к Высочайшему утверждению».¹⁶ Видно было, что поступок Иринея встревожил Государя и напугал Лавинского и синод. Лавинский писал к Государю о необходимости прислать в Иркутск, для отправления оттуда Иринея, особу высшего сана, но Государь на это не согласился.¹⁷ В синоде, после совещания двух его членов, Серафима и Филарета, было положено,¹⁸ чтобы, по снисхождению к сомнительному состоянию Иринея и к возможному устранению дальнейшего соблазна, Серафим, как первенствующий член синода, к которому Ириной должен иметь надлежащее доверие, написал к нему частное письмо с увещанием покориться воле Божией и распоряжениям правительства. Государь сам прочитал письмо Серафима к Иринею, вполне одобрил его и приказал отдать его отправлявшемуся в Иркутск флигель-адъютанту Гогелю для доставления Иринею. Действительно, правительство имело основание тревожиться; такой человек, как Ириней, способен был решиться на всякую крайность и даже произвести движение, в которое очень легко могла быть вовлечена Сибирь, где так много элементов для всякого движения. При том же, вид архиерея, явившегося пред солдатами и умоляющего о защите и пощаде и вообще предрасположение наших мужиков и солдат более доверять лицу священному, чем светскому, могло привести в брожение массу простого народа и привлечь её на сторону Иринея, особенно при его заверении, что в поступке

губернатора с ним кроются замыслы самые злодейские. Пример протоиерея Каноровского, принявшего сторону Ириней, показывает, что и люди образованные могли увлечься и пристать к нему. Убеждение самого Ириней в подлоге было сильно и, кажется, искренне. Следующие письма его к митрополиту Серафиму и князю Мещерскому раскрывают нам состояние его духа в эту минуту и отчасти объясняют его поступок, столь поразивший других. «Спешу – пишет он к Серафиму – хотя несколько, уведомить вас, милостивейший архипастырь, по делу неслыханному. Выдуманы три фальшивые указа. Прилагаю копии их верные. По оным вся моя епархия с 3-го сего сентября воспоминает в церквах имя Мелетия. Злодеи даже в войске поспешили распространить сию страшную ложь. Пружина всего есть генерал-губернатор Лавинский. Он послал Государю Императору донесение, за подписом добрых, но несчастных граждан Иркутска, что я сошел с ума. Не подпиши – и все у тебя пойдет худо. Многие однако же имели дух не подписать. Споспешествовали генерал-губернатору два протоиерея, Парняков и Громов, мною давно запрещенные, но о которых, к несчастью, ни в св. синоде, ни по делам прокурорским, за всеми моими донесениями, нет никакого движения. Злодейства их невероятны. Следовало тушить искру в начале. Но выслушайте уже следующее ужасное происшествие: среди белого дня, после ранней литургии, в воскресный день 20-го сентября сего 1831 года, генерал-губернатор Лавинский велел чиновнику своему Голубеву схватить и увезти меня, дабы предать смерти мученической. Все было по-адски приготовлено. Солдаты, офицер и комендант, верные Богу, церкви святой и своему Государю, стоявшие на постах и гауптвахте, спасли меня, хотя генерал-губернатор, его соумышленники и два протоиерея, Петухов и Масюков, все силы истожили и на самой гауптвахте погубить меня. Почта самая неблагонадежная: доселе нет указов св. синода о рождении Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича. Ныне спасаю я жизнь под защитою коменданта, плац-майора и 20 лучших солдат, переменяющихся. Всего теперь открывать не должно; только

самой доверенной особе Государя Императора все открыть можно. Доложите Его Императорскому Величеству. Я предвидел сие происшествие и два раза – от 11-го и 18-го сего июля – писал к господину генерал-адъютанту Бенкендорфу. Получено-ли? Беда с почтою. Исходатайствуйте мне разрешение в священнослужении, а также повеление не воспоминать в церквах Мелетия, а меня, и право удалить тех от присутствия в консистории, кто распустил меня (sic) и лишил меня данного мне свыше и моим Государем права быть в соединении и единодушии со святою православною церковью. Пять месяцев нахожусь я уже в непрестанном борении с адом. Жив Господь! Он силен сохранить своих. Кое-что писал я и к князю Петру Сергеевичу Мещерскому».¹⁹ Письмо к князю Мещерскому, в главном, сходно с предшествовавшим, но в подробностях представляешь некоторые особенности. «Тремя фальшивыми указами, коих верные копии прилагаю у сего, удален я от управления епархией и подвергнут всякого рода неслыханным обидам. С 3-го сентября по всей Восточной Сибири воспоминают в церквах имя Мелетия; но его нет, да и быть не может. Духовенство предалось пьянству до того, что один священник от одного уже помер внезапно, а следствия никто учинить не хочет, хотя и требовал я одного от духовной и гражданской власти. Бесстыдство и сожжение совести возросло до высочайшей степени между духовенством и штатскими. Дети духовного звания не знают брака, с самых юных лет предаются оба пола пьянству и разврату, бьют своих родителей и отнимают дома у них, а гражданская власть и консистория сему всемерно споспешествуют. От великого до малого, за исключением немногих, единодушны и мудры в творении зла. С прибытия моего на сию епархию я видел неизъяснимые ужасы; писал, протестовал, взывал к Богу, св. синоду, вам, и помощи ни откуда не получил. Грабеж здесь консистории невероятен. Из одного только Киренского монастыря, самого бедного, взято ею до 7.000 рублей, прочие сделались местами торговли (sic); и я зол, что ввожу порядок. В указах фальшивых я даже именем Государя Императора назван сумасшедшим. Не знаю, дошло-ли к вам, сиятельный князь, донесение мое, что всенародно

некто в Спасской градо-иркутской церкви оборвал кисти у салопа честной купеческой дочери-девицы и влек её в чашу публичного сада, окружающего церковь (было всенощное бдение) для блудодеяния, давая деньги. Сего мало; выслушайте следующее: среди белого дня, после ранней литургии, в воскресный день, 20-го сего сентября, генерал-губернатор Лавинский именем Его Императорского Величества велел схватить меня чиновнику своему Голубеву и везти на край света, или лучше, за Ангару, или в самую Ангару для отправления в вечность. Все по-адски было приготовлено. Все знаю, но теперь не время открывать – перехватят письма. Доселе нет указов из св. синода о рождении Его Императорского Высочества Николая Николаевича. Меня спасли военные посты, гауптвахта, офицер и комендант. Генерал-губернатор и его соумышленники – Муравьев, Кабрит, Рыкачев и два протоиерея – Петухов и Масюков – и тут меня погубить хотели. Обратите внимание, ваше сиятельство, на двух запрещенных мною за злодеяние протоиереев, Парнякова и Громова. Множество бумаг послал я об них в св. синод и к вам. Они неистовствовали, когда в консисторию были присланы вышеупомянутые фальшивые указы об удалении меня и запрещении в священнослужении. Сверх того, священник Шергин при торжественном собрании в кафедральном соборе градо-иркутского духовенства 5-го истекающего сентября бесстыднейшим образом поносил благочинного и занес руку, намереваясь ударить его, а сын его, священник-же, Алексей Шергин, ворвался в консисторию, прочитал тотчас по получении фальшивый указ и начал своевольно, к соблазну города, воспоминать в церкви имя Мелетия. Исправляющий должность секретаря спасся бегством от побоев старого секретаря Копылова, самого злонамеренного чиновника, и его товарищей. Не стану говорить о других происшествиях, лично до меня относящихся. Тысячи смертей претерпел я. Предвидя мое бедствие, два раза – от 11-го и 18-го минувшего июля – писал я по секрету к генерал-адъютанту Бенкендорфу. Не знаю, получены-ли сии важные бумаги. Ныне, под охранением верных своему Царю и церкви солдат, плац-майора и коменданта, я,

как бы во время нашествия иноплеменных, спасаю жизнь мою. Ректор семинарии в прямом смысле чудовище; вся душа его предана аду. Два года, вместо архиерея, сам рекомендует академии профессоров своей семинарии и успех их; кроме секретаря – все совершению развратил. Ученики сгорали от винопития и погибали без вести; неизвестно, где девал 15.000 рублей, адресованных комиссией духовных училищ на мое имя, для построения в Якутске училищ; требования мои ни во что им поставляемы были. Не допустил меня исполнить поручение комиссии духовных училищ, вследствие Высочайшей воли, по делу устройства новой семинарии или перестройки старой, и прочее. Всех обморочивал в моем запрещении и удалении от епархии, составляя фальшивые письма. Ходатайствуйте обо мне».²⁰

Но скоро заблуждение Ириней должно было рассеяться. Так как он, главным образом, основывал свое сомнение в подлинности указа об удалении его от иркутской епархии на том, что указ этот писанный, а не печатный, то Государь чрез Адлерберга приказал князю Мещерскому приготовить для отсылки в Иркутск с нарочным из Москвы до 500 печатных экземпляров указа св. синода об удалении Ириней. Указы эти были отправлены к Лавинскому, с таким повелением от Государя, чтобы он, если со стороны архиепископа Ириней, после известного уже поступка, будут еще сделаны новые подобные покушения и ежели генерал-губернатор имеет действительные причины опасаться неблагоприятного впечатления на народ, сделал немедленно распоряжение о распространении того из трех указов, который будет им признан более надежным²¹ к истреблению сего впечатления; если-же, по обстоятельствам, окажется выпуск сих экземпляров вовсе излишним, то, не пуская дела сего в дальнейшую огласку, уничтожить все сии экземпляры.²² Указы эти оказались ненужными: письмо Серафима, с приложением печатного указа, и приезд в Иркутск Гогеля, заставили Ириней отказаться от его убеждения; он увидел, что участь его решена, и тогда он безропотно покорился своей судьбе и из зазорного, вспыльчивого и упрямого вдруг сделался тихим, спокойным и

кротким. В сопровождении Брянчанинова, он, без всяких приключений, приехал 18-го декабря 1831 года в Спасоприлуцкий монастырь, а на другой день представлен был настоятелем монастыря в вологодский архиерейский дом. Тогда-то начались почти одновременно, но в двух разных пунктах, в Вологде и Иркутске, два следствия над Иринеем. Для этой цели составлены были особые комиссии из двух старших членов местных консисторий, под председательством тамошних преосвященных. Следственная комиссия в Вологде открыла свои заседания на другой-же день по прибытии Иринея. По предъявлении ему указа об учреждении комиссии, начали допрашивать его письменно и требовали от него также письменного объяснения по следующим пунктам: а) «Почему он усомнился в письменном указе о удалении его от управления иркутской епархией после того, как на переводение его из Пензы в Иркутск имел он также письменный указ, в котором сомнения в то время не изъявлял, и когда в подлинности указа удостоверяли его, кроме печати, подписи бывшего обер-секретаря Журихина и секретаря Гиновского, коих почерк был ему известен из прежних указов? б) Если подлинно усомнился он в подлинности указа, полученного 3-го сентября, то почему сомнения своего не изъявил немедленно, а обнаружил оное словесно 20-го сентября, а письменно 29-го? в) Какое происшествие было между ним и чиновником Голубевым в архиерейском доме, на заставе и главной гауптвахте, от каких оное произошло причин и какими сопровождалось обстоятельствами и последствиями? объяснить с точностью по сущей справедливости. г) Чрез неделю после сего происшествия какой разговор имел он в своем доме с г. гражданским губернатором в присутствии коменданта?»

На эти предложенные вопросы Иринею своеручно написал ответы, которых содержание следующее: 1) «Об удалении меня от управления иркутской епархией я всегда судил в связи с моим преемником, преосвященным Мелетием. Обстоятельство, что я не был распубликован печатным указом, считал я за величайшую милость; но в тоже время имел долг требовать, по силе указа от 2-го мая 1783 г., коим письменные

государственные указы называются пасквилями, краткого печатного циркулярного указа о моем преемнике, преосвященном Мелетии, каков мне и прислан высокопреосвященнейшим Серафимом, митрополитом с.-петербургским и новгородским, уже после, от 20-го октября сего года. Я бы и тогда не усомнился в истине письменного указа, ежели-бы хотя в консисторию был прислан таковой печатный циркулярный указ, или увидел оный напечатанным хотя в Московских Ведомостях. Да сие нужно и для сношения в потребных случаях, как всех епархиальных, так и других присутственных мест и властей. Таковой циркулярный печатный указ приложен был к письменному и на переводение мое из Пензы в Иркутск, а потому и повода к сомнению никакого не было. Оный почтеннейше представляю сему присутствию. Относительно печати я тоже имел случай сомневаться; ибо с почтою, предшествовавшею получению указов об удалении меня от управления иркутской епархией, получены таковые-же из св. синода, то на мое имя с изъяснением слов: иркутский, нерчинский и якутский, то на имя консистории, под одною и тою же печатью, без слов, вдвойне намеленною, заставлявшею меня думать о каких-либо неблагонамеренных действиях неблагонамеренных людей. Конверт с таковою печатью я велел хранить в консистории за замком.

Подпись бывшего обер-секретаря Журихина показалась мне сомнительною по букве заглавной Г в слове Гаврило. На всех указах, ко мне адресованных, и на прочих, кои я сличал, она писалась так: . Как будто в опровержение сего моего сомнения, кое и объявлял присутствующим иркутской консистории, прислан пензенской консисторией св. синода указ о том же предмете, о коем значилось в прежних указах, но уже с требуемою мною буквою . и, притом, после происшествия 20-го сентября мне плац-майором Шушковским доставленный. Сей указ, вместе с отношением пензенской консистории и конвертом, почтеннейше представляю сему присутствию».

2) «Коль скоро представлены мне членами консисторскими 3-го сентября ввечеру около 9 часов указы из св. синода об удалении меня от управления иркутской епархией, то в тоже

почти время получено мною от г. генерал-губернатора письмо на молдавском языке из С.-Петербурга, в коем служащий переводчиком молдавского языка при иностранной коллегии, по азиатскому департаменту, бывший некогда моим учеником в Бессарабии, Яков Гинкулов, между прочим, написал: «Блаженны изгнанные правды ради; так изгоняли и пророков». Я показывал сие письмо присутствующим, принесшим указы, изъявлял недоверчивость мою к оным и заключил, что письмом бывшего ученика моего, в одно почти время с указами принесенным, хотят расстроить справедливость моих сомнений, с давнего уже времени мною обнаруживаемых.

Изъявлял я мое сомнение вскоре за сим пред теми же присутствующими, а особливо пред кафедральным протоиереем Фортунатом Петуховым и исправляющим должность секретаря консистории Любославовым. Их ответ был: «Не мы будем виноваты, а тот, кто составил сии указы». Сомнение мое в подлинности тех указов я письменно изъяснял пред г. комендантом генерал-майором Покровским 9-го сентября, за № 1, и получил ответ, что военная часть в сие дело не вмешивается.

Указ от 14-го марта 1764 г., коим повелевается письменным указам, до всенародного сведения относящимся, не верить, применяя оный к преосвященному Мелетию, а не к себе, был мною прочитываем как пред присутствующими, так и пред исправляющим должность секретаря консистории, и вследствие сего один из присутствующих, протоиерей Василий Каноровский, не подписывал бумаг относящихся до моего удаления.

19-го сентября, когда казачий чиновник, начальник над ссыльными иркутского рабочего дома, Кривогорницын, объявил мне поутру того дня, что экипажи мои готовы, я требовал настоятельно, дабы он тотчас отправился к г. генерал-губернатору и к г. коменданту и объявил им решительно, что указы о высылке меня подложны.

3) 19-го сентября, поутру, как выше сказано, я решительно объявил казачьему чиновнику, начальнику над ссыльными иркутского рабочего дола, Кривогорницу, чтобы он не

доставлял ко мне экипажей, т. е. моей собственной коляски, по повелению г. генерал-губернатора починенной, и тарантаса (дроги крытые, долгиши) и немедленно бы явился к нему, г. генерал-губернатору, и коменданту с объявлением, что я ни моего собственного экипажа, ни тарантаса не приму, поскольку совершенно удостоверен, что указы о высылке меня подложны. Сей чиновник дал слово, что тотчас отправится и исполнит мое поручение. Ответа от него я не имел, но экипажи не были доставлены. На другой день, 20-го сентября, когда вышел я от ранней обедни из Крестовой архиерейского иркутского дома церкви, в воскресный день, спустя около четверти часа, мне сказано было келейником, что явился от генерал-губернатора чиновник. Я надел рясу с орденским знаком, т. е. звездою, панагию и клобук, и встретил его в приемной зале учтиво. Он объявил, что прислан от г. генерал-губернатора и что по именному указу должен я следовать с ним в вологодский монастырь. Я доказывал, что именно указ, яко непечатный, есть подложный, поставляя ему, Голубеву, на вид преемника моего, пр. Мелетия, а не себя. Голубев горячился, повторяя непрерывно: «Вы должны ехать». Я указывал на его шпагу и мундир, и говорил, что он лишится их, ежели отважится подложный указ привести в действие. Голубев никаким моим убеждениям не внимал, но приходил в ярость, повторяя одно и тоже: «Вы должны ехать». Сдав уже почти весь дом иеромонахам: эконому Варлааму и казначею Владимиру, а именно составив описи имуществу оного, передавши им мою библиотеку, с намерением учинить её собственностью иркутского архиерейского дома, удовлетворив всех жалованием, а монахов наградив и пособием из неокладной суммы, вверив для окончания построек значительное количество денег оным эконому иеромонаху Варлааму и казначею Владимиру, я занимался с ними разбором документов и окончательными денежными расчетами, дабы вскоре без дальнейшего затруднения все имущество дома, все документы и все суммы передать консистории по надлежащему. Сие тем более нужно было, что, вступив в управление иркутской епархией, ничего

подобного не нашел я, и что убежден был в ожидавшей меня на пути насильственной кончине.

Хотя я совершенно был уверен в подлоге указов, видя однако же настояние генерал-губернаторского чиновника, я решился, предвидя даже неминуемую смерть, ехать с ним. Но при сем все же не терял надежды, думая, что истина вскоре раскроется и я спасен буду, и, кроме того, полагая, что в сие наипаче время, когда и в самых столицах С.-Петербурге и Москве происходят и распространяются смуты, жизнь моя нужна не для меня одного, но для всей вверенной мне епархии и для самого моего отечества – России, как сие ниже объяснено будет мною.

По указу, следовавшему в консисторию, я долженствовал сдать все, даже ризничные вещи, не взирая, что слово: «ризничные», превращали в «различные». А по сему я объявил чиновнику Голубеву, что мне осталось еще сдать собор. «Вы его не принимали; вы его не обязаны сдавать», отвечал он с нахальством, свойственным осужденным и безответным колодникам, а не человеку духовного звания, посвятившему всего себя с самых первых лет юности на служение церкви и отечеству и непрерывно пользовавшемуся во всю свою жизнь отличными похвалами своего начальства и высокими наградами своих монархов, да и теперь еще при сдаче святыни дома Господня стремящемуся оправдать заботливость свою о благе общем не словами, но самым делом.

Сие решительно и окончательно утвердило меня в мысли, что чиновник Голубев есть мой будущий неумолимый убийца; ибо он не только к людям, но и к месту славы Царя Царей не имеет уважения. Здесь я должен сделать отступление, дабы последующее было очевиднее. Вступив в пределы Восточной Сибири, на границу вверенной мне епархии, и посещая все церкви по пути до самого Иркутска, заметил я, что новые св. антиминсы в некоторых церквях, судя по материи, на которой напечатаны, и по самой форме не имеют сходства с получаемыми из московской св. синода конторы. Прибыв в Иркутск, я заметил тоже. Спрашивал ключаря о причине, но ответы были сомнительные. Когда уже все антиминсы

разошлись, то один из иркутского рабочего дома, ссыльный, принес ко мне медную доску, им выгравированную, для напечатания антиминсов. Ссылного сего я тотчас узнал. Он за делание фальшивых ассигнаций сослан из Одессы в Сибирь. Знаком мне потому, что Бессарабской области в городе Кишиневе, где я был ректором семинарии, он золотил иконостасы и гравировал на меди. Имя и прозвание его Григорий Золотарь. Его знает и иеродиакон Паисий, прибывший вместе со мною из Бессарабской области в С.-Петербург, а затем переместившийся со мною же из Пензы в Иркутск и ныне там остающийся.

Приметил я также, что в Иркутске печатаются грамоты ставленнические, за всем тем, что я нашел их в консистории много готовых, напечатанных при московской св. синода конторе и принесенных мне из консистории повытчиком Вагановым. Одну из таковых грамот почтеннейше представляю сему присутствию.

На вопрос мой: довольно-ли св. мира? ключарь собора отвечал мне, что оного станет на сто лет.

Не буду здесь говорить о чудесах, кои долженствовали бы подлежать разысканию.

Сие и кроме сего ниже излагаемое приводило меня к страшной мысли: нет-ли, или не было-ли какого злоумышления или законопреступных отдаленнейших связей на счет целостности государства, особливо здесь, где столь много отличнейших и самых отчаянных ссыльных и так мало войск, да и между сими есть ссыльные, когда уже и самая церковь отделяется, печатая такие документы в Иркутске, кои зависят только от высшего начальства. По долгу присяги и совести я долженствовал сие обнаружить.

В соборе хранилась сумма камчатская 13.000 руб., в ведение архиерея, а не консистории отпущенная, но коею, без моего ведома распоряжались, как сие и документ свидетельствует, из Камчатки мною от г. попечителя Голенищева незадолго до сего полученный и у сего прилагаемый, и другие мои сведения обнаружили бы.

Не стану говорить о других злоупотреблениях по собору, на кои следовало мне указать, дабы преемник мой мог увидеть все в настоящем положении и прекратить злоупотребления, а я оправдать себя, ежели-бы жив остался, пред св. синодом, а чрез то заслужить и Монаршее благоволение.

К сему присовокупить должно 24-е августа и 4-е сентября.

Происшествие 24-го августа, со мною случившееся, состоит в следующем:

Накануне сего дня, т. е. 23-го августа, объявлено мне повытчиком консистории Вагановым, представлявшим мне бумаги из почты, относившим оные в консисторию и наоборот, что какой-то, сказывавшийся пред ним приезжим, впрочем опознанный тутошним, человек предварил его, что его ищет чиновник, прибывший из С.-Петербурга и записавший его имя, квартиру имеет близ Кабрита, правителя канцелярии г. генерал-губернатора, и будет к нему в 7 часов утра на другой день, т. е. 24-го августа, По сему случаю я послал его, Ваганова, и эконома иеромонаха Варлаама к г. коменданту. Даны были солдаты, дабы схватить оного чиновника, без сомнения мошенника. 7 часов утра 24-го августа пришло, а мошенник не явился. Но вскоре Ваганов, находившийся уже у меня, извещен был, что оный мнимый с.-петербургский чиновник пришел к нему. Ваганов, увидя его, приметил, что это Медокс, известный ему по некоторому происшествию в маскараде иркутском, но притворился не знающим его. Сей Медокс объявил ему, что вскоре будут получены указы об удалении меня от управления епархией, но потому замедливают, что идут чрез метрополию московскую; что я более ему, Ваганову, не нужен; что генерал-губернатор предлагает ему 200 рублей и требует, чтобы он, Ваганов, доставил ему копии тех бумаг, кои я секретно с почтою от 11-го и 18-го июля послал в собственные руки г. генерал-адъютанта Бенкендорфа, и что, кроме денежного награждения, он, г. губернатор, будет уметь наградить его. Ответ Ваганова был, что он сего никогда не исполнит, да, кроме того, и ничего не знает. Метокс далее говорил Ваганову: «Ваш архиерей знает законы: он был в Бессарабии долго присутствующим консистории. Ныне он запретил венчать браки ночью, не знаю,

позволят-ли сего дня ввечеру быть свадьбе княжны, прибывшей из Москвы». Напомнил и о Парнякове, священнике приходском селения, недалеко отстоящего от Иркутска, где имеется винный завод, родственнике запрещенного мною и отрешенного от собора, бывшего кафедрального протоиерея Парнякова.

День прошел, настал вечер 24-го августа. Было около 9 или более часов. Я занимался спокойно чтением в приемной зале. Ночь была самая темная, так что трудно было различить человека от человека. Внезапно раздались выстрелы, наподобие залпа из ружей. Мне показалось, что сие произошло пред домом генерал-губернатора в знак радости, что брак княжны, из Москвы прибывшей, совершился. (После сказывали мне, что выстрелы происходили в ограде польского костела, а некоторые, что в самом костеле, дабы более придать выстрелам гулу). Я спокойно продолжал свое чтение. Но вскоре, как бы возле самой каменной стены архиерейского дома, против окошек, где я читал, раздались какие-то глухие выстрелы, будто бы из мортирок. Опрометью я бросился из залы с намерением унять стреляющих, думая, что этот беспорядок происходит от служителей архиерейского дома, но как бы нарочно готовы были для встречи эконома архиерейского дома иеромонах Варлаам и исправляющий должность секретаря консистории Любославов. Они взяли меня под руки, не допустили до того места, куда я стремился, но повели меня в огород и велели мне прилечь на землю. Я слышал еще кое-где выстрелы, и один близ Московской заставы, за семинарией, где держат караул военные. Возвратясь с тем же Вагановым и Любославовым в келью, я велел им справиться, что происходит на проспекте близ собора. Они донесли мне, что там ключарь и что около 10 человек мужиков пробежали около собора и ограды архиерейского дома. Спустя некоторое время, они взяли у меня ключ от спальни и отвели меня по темным переходам и лестницам наверх дома, обещав всю ночь бодрствовать и удалить всякую опасность на случай каких-либо новых происшествий. Пред заутренею 25-го августа они же свели меня с чердака.

Поутру сего же 25-го августа явился ко мне голова градской Константин Петров сын Трапезников, муж отличнейших добродетелей и необыкновенной твердости характера. Первое мое к нему слово было: Что? Бунт? – «Бунт, отвечивал он, но не созрел. Дай Бог управиться нашему Государю поскорее с поляками, управится и с сими». Затем говорил мне о многих важных предметах, посматривая, дабы не забыть какого, в свою записку, и между прочим, что в некотором доме, где находился и бывший градо-иркутским благочинным протоиерей Василий Шастин, чиновник, служащий при генерал-губернаторе, человек очень честных правил, Воинов произнес с силою духа: «Муравьев хочет быть сибирским принцем; он раздает офицерам деньги; я имею данное мне отцом моим двухствольное ружье – я первый застрелю его и не допущу до сего».

На вопрос: кто Медокс, о коем выше мною упомянуто? градской голова отвечивал: это генеральский сын, сосланный в Сибирь за то, что в 1812 году собирал в Грузии войска, ложно представляя себя флигель-адъютантом; что кроме его есть здесь Раевский, и что когда я был еще на пути из Пензы в Иркутск, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевского, в Сибирь, что он часто проводит время у Муравьева, покупает водку на заводе близ города и развозит оную для продажи по селениям, и что он под чужим именем держит гоньбу почтовую. При сем я вспомнил, что еще когда я был ректором в Бессарабии, то мною первоначально было открыто зловерное для государства учение, которое преподавал бывший тогда майором сей Раевский юнкерам в военном бессарабском Лицее. Тогда дивизионным генералом в Кишиневе был Михаил Федорович Орлов, а корпусным Сабанеев. Раевский найден виновным и сослан в Сибирь. С головою сим, могу сказать, истинно великим мужем и патриотом, я расставался в слезах и сим возбудил и в нем слезы. При последнем прощании я сказал ему: «Мы оба постраждем». «Остается целая вечность, там будем награждены, отвечивал он; но не должно еще терять надежды, на нашей стороне Бог». – «Нас не много, возразил я, да притом за нами смотрят». «О,

чрезвычайно много!» сказал он с какою-то необыкновенною впечатлительностью и умилением, и, откланявшись, ушел.

Выше мною сказано о 4 числе сентября. По удалении меня от управления, на другой день, т. е. 4-го сентября ввечеру, ключарь градо-иркутского кафедрального собора протоиерей Масюков с причетниками собора, мною из Урики переведенными, занимался во время торжественного всенощного бдения выноскою из колокольни кафедрального собора каких-то вещей и покрыл их холстом на очень большое пространство между архиерейским домом и собором. На другой день, 5-го сентября, кафедральный протоиерей Фортунат Петухов объявил мне, что во время всенощного бдения некому было петь, потому что ключарь с причетниками занимался выноскою железных шестов, бывших под крышею собора, и что купец Николай Баснин припевал, стоя между народом, отчего происходил беспорядок в церкви. Шесты-ли железные или другое что-либо было покрыто холстом, мне неизвестно, но сие видели многие, яко публично выставленное. На 6-е сентября ночью все было прибрано.

Присовокупляю к сему слова г. коменданта, говоренные мне однажды: «Дойдет до пушек», и случившиеся смуты в обеих столицах и возле Новгорода, укрощение первых самим Государем Императором и Высочайший по сему случаю манифест. Носилось письмо об истреблении якобы корпуса Ридигера поляками и слухи о буйствах французов и об имеющей быть в пользу поляков войне их с Россией, начавшейся якобы уже посредством бельгийцев и принца Оранского.

При сем взяв еще в соображение:

а) Действия г. генерал-губернатора, бывшего городничего Муравьева и губернского правления, по коим я с подведомыми мне постоянно лишался законной защиты и получал всегда противные письменные отзывы, между тем как невинные страдали, на месте святе водворялась мерзость запустения и буйство дерзновенных торжествовало, подавая опасный пример, что можно ненаказанно ругаться над законною властью.

б) Отделение гражданских чиновников и почтеннейших граждан от собора и расстройство духовенства чрез то, что г. генерал-губернатор устроил как бы новый собор в Воскресенской Тихвинской церкви, завел там соблазнительную, по театральному напеву, казачью певческую, отделил для себя особенное место, устроив возвышенное со ступенями седалище и принимал особенную от священнодействующих честь.

в) Покровительство ламизма между монголами и чрез то умножение их лам и кумирен, распространение их заблуждений даже между добрыми, готовыми целыми тысячами принять св. крещение бурятами или братскими, и неуважение тех из них, кои обращаемы были, или уже обратились. Вместо Христа Спасителя ныне ознакомливаются они с Шишмуни, китайский Фоз, и явилось изображение его. Добродетельнейший и неутомимый в обращении их подвижник, миссионер иеромонах Нифонт, со скорбью о сем преждевременно сошел в могилу.

г) Свидание мое по секретному совету г. коменданта с г. генерал-губернатором в его, генерал-губернатора, доме 10-го сентября, при коем никого не находилось и при коем г. генерал-губернатор непонятные для меня или двусмысленные речи говорил и даже намекал, что по сибирскому учреждению он может переменять самые определения высшей власти.

д) Замки, устроенные по повелению г. генерал-губернатора в моем экипаже и распространившиеся по сему ужасные слухи.

е) Присылку незнакомого мне чиновника Голубева.

ж) Вербку на куполе под крестом кафедрального собора, которую ключарь по повелению моему снять не хотел, и которая непрерывно напоминала мне его слова, слышанные им от священника, крайне неблагонадежного, Иоанна Шергина. Он говорил их пред народом тогда, когда при звоне во все колокола возвышали на главы собора позолоченные кресты и когда народ спрашивал его, Иоанна Шергина: зачем звонят? Слова те заключались в следующем его ответе народу: «В знак, что увезут нашего архиерея». – Куда? «Вон туда, за Ангару». Слова сии произнес он задолго еще до моего удаления. Вербку сию я показывал секретно и г. плац-майору Шушковскому после

20-го сентября. Она снята уже пред прибытием преосвященного Мелетия в ноябре месяце.

з) Речь, бывшую в большом собрании: «Архиерея увезут при колоколах», и насмешки посему священника Алексея Шергина. О сем мне сказывал кафедрального собора священник из бурят, Николай Каноровский. Сии насмешки сбылись: Голубев тогда пришел ко мне и требовал, дабы я ехал с ним, когда звонили к поздней обедне в воскресный день во все колокола, между тем как я ни в моем доме, ни на пути не слышал от него, что мне дается какой-либо срок для приготовления, кроме слов: «Вы должны ехать».

и) Гроб, виденный мною в Нижнеудинске, протоиерея, пострадавшего от гражданской власти, и таковой-же архиерея, пострадавшего тоже от гражданской власти, отстоящий недалеко от первого и находящийся в Братском Остроге, о котором мне рассказывал при осмотре Нижнеудинской церкви и её погоста протоиерей Нарциссов, переведенный мною затем в губернский город Красноярск.

Взяв все сие в соображение, я заключил, что при таковых обстоятельствах обязанность верноподданного Его Императорского Величества, носящего на себе звание архиепископа и не имеющего никакого сведения о своем преемнике, между тем как в С.-Петербурге нападали на врачей, и возле Новгорода и в Москве по случаю колодцев произошли смуты, есть не спешить выездом из своей епархии, по первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы, а вместе избежать мученической смерти, которую искусно и безответно умел бы для меня приготовить в оном экипаже с замками Голубев, и что на сей конец мне следует верить себя коменданту; но как сей письменно отказался брать во мне участие, Голубев-же не внимал никаким моим представлениям, а твердил только: «Вы должны ехать», то решился я достигнуть сего посредством гауптвахты, а потому и сказал Голубеву спокойно, а не в исступлении: «Пойдем». Он пошел; мы вышли из дома. Тут же вблизи нас при соборе находился часовой (более их здесь не положено, и не было). Приближаясь к нему, я взял Голубева, не касаясь вовсе шпаги его, за борт мундира и

отдал тому часовому, а вместе и себя, приказывая ему не отпускать его, а между тем велел позвать из Московской заставы, недалеко от собора находящейся, других часовых служителей. При мне казначея вовсе не было, а находился мальчик, который сие и исполнил. Голубев в сие время произносил: «Кабрит! Кабрит!»! но Кабрит не являлся. Пришли часовые из Московской заставы, тоже вблизи находящейся. Я велел нас обоих отвести туда. Мы пришли. Тут Голубев очень горячился и много говорил. Я сказал «Солдаты! вы обязаны исполнить долг вашей присяги в верности вашему Государю и отвести нас на гауптвахту». Имя Государя сильно потрясло гофрейтера (sic); он тотчас обезоружил двух солдат и велел отвести. По церквам звонили во все колокола к поздней обедне. Слов моих никто, кроме солдат, слышать не мог. Ежели кто встречался, то я издали благословлял его. Возвышенных слов: «Православные воины!»! я не говорил, а просто: «Солдаты!», ибо их было очень немного – при соборе один и на заставе несколько. Идучи на гауптвахту, в душе моей молился, страхась, дабы Голубев не увлек меня к генерал-губернатору, а не подло кричал: «Защитите меня, вашего пастыря! Голубев хотел меня зарезать» и тому подобное. Сие я келейно и условно говорил, в виде повествования, после происшествия 20-го сентября: «Зарезал-бы, умертвил-бы», и то пред теми, коих считал себе благоприятствующими. По случаю вышеупомянутого с замками экипажа, предполагал, что меня в нем, яко сумасшедшего, заковал бы Голубев по рукам и по ногам и умертвил бы или голодом, или затряс бы в дурное осеннее время по дурной дороге, или зарезал бы, приписав сие действию припадка моего сумасшествия, ибо по этим указам от 27-го июля отдаваем был я чиновнику Голубеву, на случай расстройства ума моего в пути, в полное распоряжение. Сие говорил я еще и потому келейно, что после происшествия 20-го сентября дошли до меня слухи, что генерал-губернатор предварительно, с отходившею 19-го сентября почтою, послал донесение, якобы я в припадке сумасшествия зарезался на пути и что потому Голубев на второй день, т. е. 20-го сентября, не допускал меня до сдачи собора, предполагая непременно в сей

день рано или поздно увезти меня, имея на сей конец уже всё изготовленным и отчаянных соумышленников, в виде казаков, которых после никто-бы отыскать не мог, яко несостоящих в списке, и что сие было причиною необыкновенной настойчивости его Голубева и слов: «Вы должны ехать». Мои речи, говоренные келейно и переданные тотчас, подали случай написать, что я их говорил всенародно и пред солдатами. И в приложениях при всеподданнейшем письме к Государю Императору от 29-го сентября я о сем выражался. Мы пришли на гауптвахту. Я просил взять нас. Не было никаких действий. Голубев тотчас ушел, а я под столбом строения стоял и плакал. Вообще от самого дома до гауптвахты по большей части я был в чувстве умиления и кротости, как спасающийся, а Голубев в чувстве ярости и преобладания, как преследующий, так что и моим домашним, и всем в городе показалось, что меня Голубев хочет то заколоть шпагою своею, за которую он хватался, то якобы наносить мне своими руками удары.

Стоя при столбе строения на гауптвахте и плача, я увидел генерал-губернатора, стремящегося с Кабритом в шинели и фуражке. На гауптвахте забили ему дробь. Позади фронта я требовал, чтобы он передал меня коменданту, но вместо того он своими руками старался втащить меня в сени. Вскоре однако послал за комендантом. Ответ был: «болен». Меня опять тащил он, г. генерал-губернатор, в сени; я вторично просил, чтобы послал за комендантом; послал, но ответь был тот же: «болен».

Заметив, что ярость г. генерал-губернатора умножается, и видя движения его, при усилии втащить меня в сени, крайне неблагопристойными (от сего после распространилась молва в городе, что он мне наносил удары), а притом увидев тут же Муравьева, Рыкачева и других чиновников, мне не благоприятствовавших, я в последний раз попросил его, г. генерал-губернатора, дабы послал за комендантом. Он послал, а я между тем пробрался к офицеру перед фронт. Офицер изъявил мне знак почтительности; подходивших тут ко мне я благословлял. Подле меня тотчас-же стал и генерал-губернатор. Позади фронта, а не перед фронтом, и в сенях, куда до прибытия еще г. генерал-губернатора я вошел однажды,

говорил солдатам, чтобы они любили своего Государя Императора Николая I. Я готов был первый умереть и не допустить в городе или епархии, мне вверенной, произойти злу, по связям каким-либо законопреступным, которые я предполагал, как выше мною изъяснено и о чем я писал к г. генерал-адъютанту Бенкендорфу от 11-го и 18-го июля. Я хотел оправдать слова Государя Императора: «Избрать самого твердого и надежного и перевести в Иркутск». Сверх сего, ссылаюсь на всю мою жизнь, с самой первой юности посвященную на служение церкви и отечеству. И в Иркутске каждый поступок и каждая бумага моя тоже свидетельствовали. Мне очень приятно повторять, что в Иркутске, ежели-бы потребовала надобность, я первый желал умереть за Царя, толико меня благодетельствовавшего.

Оканчиваю: после третьего приглашения комендант немедленно явился; я ту же минуту отдал себя в руки его, нас окружили солдаты и отвели в архиерейский дом.

И здесь г. генерал-губернатор, при многочисленном собрании почтеннейших гражданских и военных чиновников, бросался на меня с яростью и повелевал свести на низ мокрого, усталого, в дурную и холодную комнату, которую заблаговременно приготовили, а между тем консисторские принялись печатывать дом. Комендант и новый городничий Тюменцев, человек честных правил, испросили дозволение остаться мне в тех же комнатах, кои до сего были занимаемы мною, и прекратили печатывание. Таким образом, под ведением коменданта, плац-майора и нижних военных чинов находился я с 20-го сентября по 21-го ноября, а с сего числа поступил в ведение г. жандармского подполковника Брянчанинова, который, отправясь со мною из Иркутска 26-го ноября, прибыл благополучно в вологодский Спасоприлуцкий монастырь 18-го декабря. Я ссылаюсь на него и на всех бывших с ним, заметили-ли они во мне какой-либо беспорядок в денно-нощном продолжительном пути.

Последствия оправдали мое действие, приписываемое сумасшествию, а не верноподданнической пламенной любви к своему Государю: открыты в городе гражданские чиновники,

уготовлявшиеся на убийство с какими-то необыкновенными ножами; прекращены сигналы городских часов; потушен благополучно пожар; не допущены до зажигательства, во время наступившей бури, два ссыльные в архиерейском доме. Учинилось недействительным слово: «арсенал», которое произнес архитектор Васильев при солдатах и унтер-офицере, содержавших караул вокруг иркутского архиерейского дома, о чем мне донес служитель келейный Адриан и протоиерей Василий Каноровский, член консистории, прикомандированный ко мне, и что должно быть не без известно и г. плац-майору и коменданту. Наконец, раздалось в городе: «Варшава у ног Вашего Императорского Величества», и все затихло. Буйство на колокольнях города, производившее безвременный и неприличный звон в течении августа и сентября, умолкло; явился преосвященный Мелетий; уехал и я мирно и достиг благополучно места своего. Не все я могу здесь объяснить, но верую, что, став перед судом Божиим, не буду постыжден.

4) Чрез неделю посетили меня г. губернатор и г. комендант. Когда я принес бумаги к ним, обещая доказать по оным, что я здоров и не поврежден умом, то цель моя была обратить их внимание не на меня, а на преосвященного Мелетия. Между прочим, представлял я им и краткий печатный циркулярный обо мне указ, напечатанный по случаю перемещения моего из Пензы в Иркутск, и утверждал, что такой-же циркуляр был-бы и о преосвященном Мелетии, ежели-бы истинно было мое удаление, а его перемещение, но сего нигде не имеется. Г. гражданский губернатор не хотел понимать меня и говорил не от сердца, а софистически; софизмы я и называл софизмами, а свою речь, ссылаясь на указ 1773 года от 19-го октября, подкреплял тем, что без печатаемых, и то не губернскими правлениями, а высшим правительством, указов, появлялись бы самозванцы и Пугачевы. Они ничему не внимали и хотели уйти с тем же обо мне предубеждением. Я сделал вид, сидя, впрочем, на канаве и держась за стол, будто хочу опуститься на колени и просить их выслушать меня, дабы убедиться в истине. Сим способом я успел представить г. гражданскому губернатору еще самое важное изменение формы, подкреплявшее мое

сомнение, а именно, что даже в письменном указе о преосвященном Мелетии в речи: «для сведения дать знать», пропущены следующие слова: «московской и грузино-имеретинской св. синода конторам»; при словах: «епархиальным архиереям», пропущено слово: «и прочим», а также пропущены слова: «ставропигиальным лаврам и монастырям и типографской конторе».

«Мне известно было мое удаление в мае месяце». Сии слова говорил по следующим причинам: есть в Иркутске Баснины, купцы кяхтинские, люди богатые. Они пользуются особенною милостью г. генерал-губернатора. О Николае Баснине рассказывал мне сам г. комендант, что сей человек был причиною наказания шпицрутером (sic) по чину более, нежели унтер-офицера, артиллериста Дементьева, и сделал других несчастными, не признав подписи руки своей, дабы не уплатить 500 руб., хотя, говоря по совести, она у него была. Брат сего Николая Баснина, Петр Баснин, обратил на меня все свое мщение за то, что родную сестру его, игуменью Иларию, удалил я после многих напоминаний от управления монастырем, поскольку вовсе безграмотна и допустила управлять оным брата своего, сего Петра Баснина, сделавшегося причиною всех соблазнов и злоупотреблений по оному, о чем я донес и св. синоду. Сей Петр Баснин распространил еще в мае месяце молву, что меня скоро не будет; что он для сего отправляется в Россию, и неизвестно, почему и для чего говорил: «Ежели я напишу в мое защищение пять слов, то у него готовы 5000 руб., ежели десять, то 10,000 руб., ежели сто, то 100,000 рублей». – И действительно, он взял с собою все свое семейство и отправился в Россию. В Иркутске получены письма из Пензы, писанные там 17-го июня (за полтора месяца до Высочайшего утверждения доклада св. синода о моем удалении), что меня постигло величайшее несчастье. И ныне сей Петр Баснин со всем своим семейством разъезжает по разным местам России, к удивлению многих, что неизвестно и г. жандармскому полковнику Александру Петровичу Маслову, встретившемуся со мною недалеко от Перми.

О 15.000, яко адресованных на мое имя, я имел право говорить пред г. губернатором, и он, признавая справедливость моей речи, прощаясь со мною, очень благосклонно отвечал: «Отыщем», а не говорил: «Вы шутите», не упрекал и я тоже г. губернатора за дружбу с архимандритом Иларию.

«Я собирал всех священников». Никогда! Не должность епархиального архиерея меня занимала, но долг мой по вышеизложенным обстоятельствам и глубочайшая уверенность, что указы подложны и что, следовательно, по обыкновенному порядку вещей, исполнивши долг мой, я останусь при должности.

«Я дарил их». Дарил, желая некоторых из духовенства, способнейших и благонадежнейших, возбудить действовать со мною во благо церкви святой.

Прочие речи, приписываемые мне г. губернатором и комендантом, считаю или превращенными, или ужасными и крайне для меня обидными, по неприкосновенности и мыслью к какому-либо злему преднамерению.

В заключение, осмеливаюсь изъясниться: в необыкновенные времена между необыкновенными людьми, на пределах отдаленнейшего края обширнейшей в мире Империи, всеми моими силами старался я распространить добро, руководствуясь правилами Господа нашего Иисуса Христа и исполняя в точности указы Его Императорского Величества и св. правительствующего синода. В краткое время я успел ввести во многом надлежащий порядок. Все добрые меня любили.

То, что признавал указы подложными, не было во мне притворством ни на одну минуту. Наказание от моего начальства всегда принимал и буду принимать до последнего издыхания моего, ежели-бы оно и усилено было наперед до возможной степени, как сладость закона. Одни ужасы беззакония были для меня несносны. Но я был бы горд, ежели-бы терял надежду. А потому смиреннейше прошу св. правительствующий синод ходатайствовать обо мне пред правосуднейшим, но вместе и милосерднейшим Монархом нашим».²³

После этого объяснения, в котором представляется такая чудная и странная смесь здравых мыслей с бредом полупомешанного, суждений мужа опытного с понятиями ребенка или с грезами одержимого горячкою – Иринея подвергли, в присутствии епископа Стефана, ректора вологодской семинарии Евтихиана и игумена Израиля, медицинскому освидетельствованию чрез инспектора вологодской врачебной управы Энгельмейера и акушера Карпинского. Замечателен журнал, составленный после этого освидетельствования: «Архиепископ Иринеи, при хорошем видимом телосложении, пользуется, как объясняет, довольно постоянным телесным здоровьем. Относительно умственных способностей наблюдено: в разговорах, объясняющих случившиеся с ним, архиепископом Иринеем, происшествия, соблюдает тождество и одинаковую последовательность оных с припамятованием даже самых мелких подробностей. В самом образе изложения видна должная связь идей предшествующих с последующими. В произношении выражений не замечается порывов страсти, столь обыкновенной у потерявших равновесие мыслящих способностей. А посему заключаем, что архиепископ Иринеи во дни наблюдения, при хорошем состоянии физического здоровья, находился в здоровом состоянии и душевных способностей. На вопрос-же: не замечается-ли в архиепископе Иринее следов бывшего расстройства ума? отвечать ни утвердительно, ни отрицательно наблюдением не приобретено основания, доколе повторение подобного припадка (если действительно он был), или совершенное оно отсутствие в последствии времени, не поведет к решительно верному на сей предмет заключению».²⁴

Занятия иркутской следственной комиссии по делу Иринея были гораздо многосложнее и труднее, чем занятия вологодской. Ей предлежало допросить и снять показания с тех лиц, которые или были прикосновенны к делу Иринея, или могли свидетельствовать, как очевидцы о тех происшествиях, на которые он указал в своих объяснениях вологодской следственной комиссии, а также дознать справедливость и истину доносов Иринея касательно беспорядков по иркутской

епархии, о коих он упомянул в этих же объяснениях. Таким образом, действия иркутской следственной комиссии распались на три части: сначала она занялась отобранием показаний от протоиерея Каноровского и иеродиакона Паисия, принявших сторону Ириней, или лучше, увлеченных им, потом проверкой ссылок Ириней на лица, будто бы бывшие свидетелями описываемых им происшествий, т. е. допросом купца Трапезникова, эконома Варлаама и исправлявшего должность секретаря иркутской консистории Любославова, и, наконец, расследованием о напечатанных в Иркутске ставленнических грамотах, антиминсах, о св. мире и других беспорядках. Каноровский, убежденный Иринеем в подложности указа об удалении его от управления иркутской епархией, известил о подложности указа местную консисторию и отпрапортовал синоду. Иеродиакон Паисий, бывший келейником при Иринее, видел сцену, происшедшую между Иринеем и чиновником Голубевым, когда последний явился к Иринею, чтобы взять его и ехать с ним в Вологду. Со слов Паисия, как очевидца происшествия, составлены были Каноровским и экономом архиерейского иркутского дома рапорты в иркутскую консисторию и синод, но в этих рапортах происшествие изображалось совсем не так, как оно представлено местными иркутскими гражданскими властями, даже было разноречие в них самих. Оба эти лица, еще прежде производства формального над ними следствия, подверглись наказанию: Каноровскому было запрещено священнослужение, благословение рукою, ношение рясы, документы на звание священника от него отобраны, его самого заключили в монастырь под присмотр, чтобы не разглашал своих неосновательных сомнений, а если в этом будет замечен, то, для предупреждения вредной молвы, велено было отдать его под арест в ведение губернского начальства.²⁵ Что же касается до Паисия, то о нем в журнале св. синода от 4-го ноября 1831 года постановлено было: «Как в рапортах эконома архиерейского дома с братией и присутствующего консистории протоиерея Каноровского описано бывшее происшествие архиепископа Ириней с чиновником Голубевым и прочими

совершенно различно, и как под обоими сими рапортами в верности происхождения подписался иеродиакон архиерейского дома Паисий; то, по сомнению в неблагонамеренных действиях его, Паисия, предписать преосвященному Мелетию, архиепископу иркутскому, запретить ему священнослужение и учредить за ним строгий надзор впредь до общего рассмотрения обстоятельств оказываемого архиепископом Иринеем сопротивления».²⁶ Следственной иркутской комиссией предложены были протоиерею Каноровскому следующие вопросные пункты: а) Почему он усомнился в двух письменных указах об удалении от управления архиепископа Иринея и об определении на его место архиепископа Мелетия, тогда как об указе, которым определен архиепископ Ириней, также письменном, сомнения не изъявлял, и когда о подлинности всех сих указов, кроме печати, свидетельствовали подписи обер-секретаря и секретаря, коих почерк по другим указам консистории известен? б) Почему сомнение об указах, полученных 3-го сентября, изъявил он не прежде, как 29-го сентября? в) Сам-ли собою вошел он в сие сомнение, или введен был кем-либо другим, и в сем случае каким образом сие произошло? г) Какие именно несообразности и несходства двух указов с прежде состоявшимися заметил он и почему разности сии признал сомнительными? д) Объявил-ли он о своем сомнении консистории письменно или словесно, когда именно, и записано-ли то в журнале консистории, или нет, и почему? е) Обнаруживал-ли свои сомнения о подлинности указов, кроме консистории, пред кем именно и с какими обстоятельствами? ж) От кого и каким образом узнал он о третьем указе, последовавшем на имя архиепископа Иринея, и о том, от какого числа сей указ, и даже под каким номером? – Каноровский отвечал, что он введен был в заблуждение преосвященным Иринеем, который указал ему на несообразности в указах св. синода и доказал, что указы об удалении и перемещении архиереев должны быть непременно печатные. В подлинности указа при определении Иринея на иркутскую епархию он не имел случая сомневаться, потому что в то время не был присутствующим в консистории. Сличения подписей на сих

указах с подписями обер-секретаря и секретаря св. синода на других указах не сделал потому, что был совершенно убежден словами преосвященного Ириней в подложности первых. Сомнение свое в указах объявил иркутской духовной консистории 28-го сентября, а составлен-ли о сем журнал, о том не знает; другим-же о подложности указов не говорил. О третьем указе узнал от преосвященного Ириней. В заключение своего объяснения, Каноровский присоединил, что он не хотел было доносить св. синоду о своем сомнении, но был принужден к тому различными уверениями и даже устрашиванием архиепископа Ириней, «что ежели я о сем не донесу, то должен буду лишиться сана и чести. Преосвященный Ириней даже черновой рапорт, написанный мною, поправлял своею рукою».

Паисий, спрошенный следственной комиссией о причине данных им разноречивых показаний о происшествии, случившемся 20-го сентября 1831 г. у архиепископа Ириней с чиновником Голубевым, отвечал, что он, будучи родом из молдаван, худо понимает русский язык, а потому, понадеявшись, что в рапортах эконома архиерейского иркутского дома и протоиерея Каноровского все происшествие описано по справедливости, подписал оба эти рапорта, не читавши.

После Каноровского и Паисия комиссия начала допрашивать лиц, которые, по указанию преосвященного Ириней, были свидетелями происшествий, упоминаемых им в своих объяснениях, именно купца Трапезникова, эконома Варлаама и чиновника Любославова.

Трапезникова под присягою, при депутате со светской стороны, спрашивали о содержании разговора его с Иринеем 25-го августа, который (разговор), по словам Ириней, состоял в следующем: «Когда 25-го августа явился к нему Трапезников, первое Ириней к нему слово было: что, бунт? Бунт, отвечивал он, но не созрел; дай Бог управиться нашему Государю поскорее с поляками, управится Его Величество и с сими». Потом Трапезников рассказывал ему о некотором чиновнике Воинове, говорившем в одном доме, что Муравьев хочет быть сибирским принцем, раздает офицерам деньги, и что

он, Воинов, первый застрелит его и не допустит до того. При прощании с Трапезниковым, архиепископ Иринеи сказал ему: «Мы оба постраждем»; на что отвечал Трапезников: «Остается целая вечность; там будем награждены; но не должно еще терять надежды, на нашей стороне Бог». «Нас немного, возразил архиепископ, да притом за нами смотрят». «О, чрезвычайно много!» сказал на то Трапезников. При допросе Трапезников отрекся от разговора своего с преосвященным Иринеем в том виде, как он прописан в указе св. синода; относительно иркутского городничего Муравьева сказал, что советник Елисеев передавал ему свой разговор с советником Воиновым, который находил действия Муравьева подозрительными, слов же, что Муравьев желает быть сибирским принцем и раздает солдатам деньги, не говорил. В разговорах с архиепископом Иринеем иногда изъявлял желание, чтобы возмутители отечества были усмирены, а начинался-ли когда разговор между ними словами: «Что? бунт?» не помнит; слов: «бунт, но не созрел», не произносил. Касательно готовности Воинова застрелить всякого изменника отечества, хотя-бы в том числе и Муравьева, кажется, говорил архиепископу Иринею, пересказывая ему вышеописанный слышанный разговор. О уповании и надежде на Бога и о покровительстве Его за все добрые дела, разговор был у них нередко; но был-ли такой разговор, который прописан в указе св. синода, он не помнит.

Эконома Варлаама и чиновника Любославова опрашивали о происшествии, бывшем, по словам Иринея, в ночь с 24-го на 25-е августа, именно: было-ли в это время в Иркутске какое-либо движение, похожее на бунт, сопровождавшееся выстрелами, даже возле самой каменной стены архиерейского дома; действительно-ли было то, что, когда Иринеи бросился из своей залы с намерением унять стреляющих, думая, что этот беспорядок происходит от служителей архиерейского дома, то Варлаам и Любославов как бы нарочно готовы были для встречи его и, взяв его под руки, не допустили до того места, куда он стремился, но повели в огород и велели ему прилечь на земле; потом, возвратясь все в кельи, они отвели его по

темным переходам и лестницам наверх дома, обещав всю ночь бодрствовать и удалять всякую опасность на случай каких-либо новых происшествий, и что 25-го августа пред заутреней они же свели его с чердака. Варлаам показал, что он слышал (впрочем, не по один вечер) два выстрела как будто из ружья, но не подле ограды архиерейского дома, а около католической церкви, причем никакого движения, похожего на бунт, не было; архиепископ Иринеи, встревоженный этими выстрелами, просил его, эконома, где-либо укрыть себя; эконом пригласил преосвященного к себе в келью, откуда он неоднократно посылал его слушать представлявшие ему стрельбу и колокольный звон. Несмотря на все уверения Варлаама, что ни стрельбы, ни звона нет, архиепископ Иринеи вышел из кельи с намерением найти себе убежище в семинарии; по дороге к огороду, около деревянного флигеля, они встретили исправляющего должность секретаря Любославова, который пошел с ними же. Пришед в огород, архиепископ Иринеи порывался было пройти в семинарский корпус, но они, эконом и Любославов, удержали его от этого и он лег между грядами, послав Варлаама за ворота узнать, что там делается. Когда возвратившийся эконом уверил преосвященного, что никакой опасности не предстоит, тогда все трое пришли в архиерейский дом, где Иринеи, по некотором времени, снова начал тревожиться. Наконец, он приказал отвести себя на чердак, где и пробыл до рассвета, совершенно один, успокоенный обещаниями Варлаама и Любославова, что они будут над ним бодрствовать всю ночь. Архиепископ Иринеи во время описанного происшествия представлялся чрезвычайно испуганным, так что дрожал и даже отдавал эконому и Любославова деньги, которые он, после их отказа принять, положил за шкаф, находящийся на чердаке. Преосвященного Иринея эконом встретил в сенях архиерейского дома, куда он вошел, по предварительному извещению мальчика о встревоженном состоянии архиерея, и увидел его действительно чрезвычайно смущенным. Любославова показание представляет значительные разности с показаниями эконома, именно: Любославов говорит, что он выстрелов не

слыхал, в огород Ириней не сопровождал, призванный в архиерейский дом, встретил архиепископа в испуганном виде уже сходящим с лестницы, ведущей на задний двор, в сопровождении эконома, и вдового диакона Суслова, и что следовал за преосвященным по его приказанию только до ворот огорода, откуда был им отпущен домой. Впрочем, Любославов на очной ставке, данной ему с экономом Варлаамом, извинял себя в разноречиях давностью происшествия, по причине которой не помнит всех его подробностей.

Из доносов Ириней о беспорядках по иркутской епархии одни оправдались, другие оказались преувеличенными, некоторые же совсем несправедливыми. Так, касательно напечатанных в Иркутске гражданскими буквами ставленнических грамот открылось, что в 1826 году, при архиепископе Михаиле, их было отпечатано 25 экземпляров и из них 8 выдано диаконам церквей, состоящих в ведении Красноярского, Канского, Нижнеудинского и Троицкосавского духовных правлений. Точно также была заказана архиепископом Михаилом Григорию Золотареву медная доска для печатания антиминсов и в одной церкви, освященной лично покойным преосвященным Михаилом (Алзамаевской), антиминс был не печатанный, а рисованный.²⁷ Но оказался преувеличенным извет Ириней о том, будто бы генерал-губернатор Лавинский устроил в Воскресенской Тихвинской церкви, как бы новый собор, завел там соблазнительную по театральному напеву казачью певческую, отделил для неё особенное место, устроил возвышенное со ступенями седалище, и принимал от священнодействующих особенную почесть. Отобранные по этому предмету объяснения от протоиерея Громова и причта Воскресенской церкви обнаружили следующее: 1) Что в означенной церкви не было ничего, отличающего её от обыкновенных приходских, кроме, может быть, некоторого благолепия, зависевшего от усердия прихожан, из коих многие принадлежали к богатому купечеству, и кроме хождения в неё генерал-губернатора, вследствие чего в эту же церковь собирались и почти все чиновники. 2) Певчие, по распоряжению бывшего иркутского гражданского губернатора Трескина,

набраны из казачьих детей и по распоряжению настоящего генерал-губернатора в этой церкви во все воскресные и праздничные дни поют партесно; впрочем, ничего соблазнительного в пении не замечено. Сверх того, эти же самые певчие неоднократно певали литургию и в соборе при архиепископе Михаиле, а преосвященным Иринеем были поставлены в образец архиерейским, так что надзирающий за генерал-губернаторским хором надворный советник Константинов, с регентом архиерейского хора, бывали по вечерам в покоях архиепископа Ириния и руководствовали там архиерейских певчих. 3) Означенные генерал-губернаторские певчие действительно, с согласия покойного архиепископа Михаила, имели помещение, и то лишь для приготовления к пению, а не для постоянного жительства (ибо они имеют дома), в каменном доме, принадлежащем к Воскресенской церкви, никем тогда не занятом, по неимению в нем окон и служб; но после, когда дом сей купцами Трапезниковыми, помнится, в 1829 г., с позволения архиепископа Михаила, был исправлен для помещения неимущих, то певчие неизвестно кем из сего дома высланы. Ныне же в означенном доме проживает диакон Воскресенской церкви Василий Иванов с семейством. 4) Генерал-губернатор Лавинский никакого возвышенного со ступенями седалища не устроил; а хотя в холодной Воскресенской церкви и есть под хорами близ арки по обеим сторонам два возвышенные места, но места сии еще устроены губернатором Трескиным, и на них генерал-губернатор, всегда занимающий место подле правого клироса, никогда не стоял. Случалось, что для дочери его, фрейлины Лавинской, поставлялись, впрочем без всякого со стороны её предварительного распоряжения, а единственно по предосторожности старосты церковного, кресла, но она никогда на оные не саживалась, а только в случае ослабления иногда облакачивалась. 5) Никогда и никакой особенной чести генерал-губернатор от священнодействующих не требовал и таковой ему не оказывалось, кроме а) что, по приказанию покойного архиепископа Михаила, обедня не начиналась до прибытия генерал-губернатора, а это делалось с тою целью, чтобы он, по

приходе в церковь, не мог найти священнослужителей еще неготовыми к начатию литургии. Протоиерей Громов докладывал об этом архиепископу Иринею и не получил запрещения. 6) При выходе с Евангелием генерал-губернатор имеет обыкновение кланяться священнодействующему, который на это отвечает ему также поклоном. 7) Пред окончанием литургии, генерал-губернатору чрез диакона подносима была просфора и красное вино, так как сию почесть оказывал ему и преосвященный архиепископ Михаил. Наконец, доносы Иринея о св. мире и растрате консисторией суммы, пожертвованной митрополитом Серафимом на камчатское училище, оказались совершенно несправедливыми. Ключарь иркутского собора отрекся от слов, которые приписал ему Иринею о св. мире, что его достанет на сто лет. При освидетельствовании св. мира, в присутствии преосвященного Мелетия, его оказалось, примерно, полтора ведра из двух ведер, полученных из московской св. синода конторы 28-го ноября 1824 года.

Сумма, назначенная на камчатское училище и, по словам Иринея, растраченная иркутской консисторией, оказалась в целости, и к тому же она не только не находилась в распоряжении консистории, но даже и в ведении её.

Этим кончилось исследование о поступках Иринея, которое потом было представлено в св. синод на окончательное обсуждение и для произнесения приговора Иринею и тем лицам, кои были, более или менее, замешаны в его деле. Синод постановил следующее решение: «Подлежащие в сем деле рассмотрению поступки архиепископа Иринея, а именно: непризнание подлинными указов св. правительствующего синода без достаточной на то причины и под предлогом опасности жизни от чиновника Голубева, публичное поручение себя защите военной стражи, оказываются сделанными не в здравом состоянии ума по следующим признакам: 1) Пред вышеозначенными поступками, с 24-го на 25-е августа 1831 года, вечером, архиепископ Иринею, по случаю двух ружейных выстрелов, сделанных не вблизи от архиерейского дома, несмотря на то, что таковые случались и в другие вечера, представлялся, как свидетельствует эконоом Варлаам,

чрезвычайно испуганным, так что дрожал, просил эконома где-либо прикрыть себя; представлялась ему, архиепископу, продолжающаяся стрельба и звон, чего совсем не было; хотел он скрыться в семинарии; с тою же целью ложился в огороде между грядками, а потом до конца ночи скрывался на чердаке; даже и тогда, как ночь прошла благополучно, архиепископ не уверился в ничтожности вечернего приключения, но, как сам показывает, поутру 25-го августа, пришедшему градскому главе Трапезникову первое слово его, архиепископа, было: «Что? бунт?» 2) В показании, данном архиепископом Иринею 23-го декабря 1831 года в Вологде, встречаются такие соединения понятий, каковых здравомыслящий человек употребить не может, напр., взяв он, архиепископ, в соображение, между прочим, веревку на куполе под крестом кафедрального собора, которую ключарь по повелению его не хотел снять, заключил, что при таковых обстоятельствах обязанность верноподданного есть – не спешить выездом из своей епархии, но первому, ежели-бы надобность потребовала, положить душу свою за овцы. Он прибавляет, что веревку сию секретно показывал плац-майору Шушковскому после 20-го сентября, и что она снята уже пред прибытием преосвященного Мелетия в ноябре. Хотя из того же показания видна простая причина повешения сей веревки, а именно поднятие позолоченных крестов на главы собора, но архиепископ, несмотря на то, давал и продолжает давать сей веревке какое-то таинственное значение, соединенное, будто бы, с опасными для общественного спокойствия предприятиями. 3) Подобное расстройство мыслей обнаруживается и в способе, каким оправдывает преосвященный Иринею свое сомнение о подлинности синодского указа. Человек, находящийся в состоянии полного здравомыслия, не извлек бы важного сомнения из употребления одной буквы Г вместо подписи бывшего обер-секретаря Гаврилы Журихина, тогда как сомнение разрешали все прочие буквы его подписи, почерка довольно оригинального, и, по долговременной службе сего чиновника, известного по всему ведомству духовному. Если-же предположить, что архиепископ притворно взводил подозрение на подлинность указа, чтоб

иметь предлог не исполнить оно, то и в сем случае только не здравомыслящему, можно было уверить себя, что он удержится на месте, уверив подчиненных в подложности указа, как будто правительство и не сведает о сем и не употребит мер для выполнения своего подлинного указа. 4) Изречение архиепископа Иринея, что Мелетия нет и быть не может, также не иначе могло быть произнесено, как в состоянии нездравомыслия; ибо он не мог не знать о существовании Мелетия, как епископа одной из ближайших епархий, и о возможности перевода его в Иркутск. Посему хотя поступки архиепископа Иринея, как противные подчиненности и соединенные с явным соблазном, подвергали-бы его строгой ответственности; но, приемля в рассуждение, что архиепископ Ириней сделал оные в припадках нездравомыслия, что сим обстоятельством сколько уменьшается виновность его действий, столько-же увеличивается потребность снисхождения к его лицу и, по возможности, кроткого с ним обращения, в предосторожность возврата припадков умоповреждения, приключившихся, как приметно, от излишней мнительности, духа подозрения и опасения бедственных происшествий; что, наконец, при всей несообразности его поступков, не обнаружил он в них никакой неблагонамеренности, а напротив того, оказывал намерение в опасностях, хотя впрочем погрешительно предполагаемых, соблюсти долг верноподданнической присяги Его Императорскому Величеству; то 1) архиепископа Иринея, как уже из иркутской епархии удаленного, а в сделанных поступках припадками умоповреждения извиняемого, от дальнейшей по сему делу ответственности освободить. 2) В предосторожность могущих вновь последовать публичных беспорядочных поступков от возврата припадков умоповреждения, содержать его в Спасоприлуцком монастыре безысходно и не допускать до священнодействия впредь до усмотрения и особенного разрешения св. синода. 3) Впрочем, как по донесениям вологодского епископа в поведении архиепископа Иринея в Спасоприлуцком монастыре ничего предосудительного и беспорядочного не замечается, то для собственного душевного блага не возбранять ему при

священнослужении другого приобщаться Св. Таин во св. алтаре, в малом облачении. 4) Вологодскому епископу предписать, чтобы при бдительном смотре за образом жизни и мыслей архиепископа Иринея, доносимо было о сем синоду по третям года».²⁸

Государь утвердил решение синода и дал на нем собственноручно следующую резолюцию: «Согласен: о поведении его доносить по временам».²⁹

О протоиерее Каноровском и иеродиаконе Паисии постановлено было синодом: «Как протоиерей Каноровский по делу о неосновательном сомнении в подлинности указа св. прав. синода находится под запрещением в священнодействии и лишенный рясы с 18-го декабря 1831 года и с того времени, содержась под надзором в иркутском Вознесенском монастыре, по свидетельству настоятеля сего монастыря, ведет себя честно и мирно: то, приемля в уважение долговременную его, беспорочную до сего случая, службу, вменить ему, Каноровскому, в наказание понесенное им чрез два почти года запрещение и заключение в монастыре, и, разрешив в священнодействии, определить его на священническое место к сельской церкви по усмотрению преосвященного; касательно иеродиакона Паисия, которого за лжесвидетельство мнением епархиального начальства положено, запретив в священнослужении, определить в послушническую должность на три года, оное мнение утвердить».³⁰ Архимандриту Иларию и секретарю Копылову с понытчиком Бурдуковым сделать замечание за то, что они подписывали без постановления консистории отношение в губернскую типографию о напечатании ставленнических грамот, и обязать иркутское епархиальное начальство впредь непременно выписывать как ставленнические грамоты, так и антиминсы из конторы московской синодальной типографии». Наконец, священнослужителям иркутской Воскресенской церкви подтверждено, «чтобы начатие литургии и прочих священнослужений церковных до прибытия генерал-губернатора не было отлагаемо и чтобы при вынесении св. Евангелия священнослужитель генерал-губернатору не

кланялся и также, чтобы не было ему оказываемо при церковном богослужении других отличий, каковые, на основании 9-го из докладных пунктов св. синода 1722 г. августа 12-го дня, предоставлены токмо Его Императорскому Величеству и Высочайшей фамилии».³¹

По окончании следствия, на преемнике Иринея лежала обязанность рассмотреть и разобрать жалобы на Иринея обиженных им лиц, именно: протоиерея Флоренсова и Парнякова, которые были известны и св. синоду. Преосвященный Мелетий передал дело как Флоренсова, так и Парнякова, суду местной консистории. Флоренсов был совершенно оправдан консисторией, с мнением которой согласился и Мелетий. «Поелику преосвященный Иринея, писала иркутская консистория, определенного по собственному усмотрению своему присутствующим консистории и благочинным священника Флоренсова отрешил от сих должностей за подписание, в числе прочих присутствующих, апреля 3-го дня минувшего 1831 г. доклада о протоиерее Никифоре Парнякове, который доклад, по мнению архиепископа Иринея, назван законопреступным, а не за нерадение и опущение должности, что доказывается тем, что на другой-же день после сдачи означенного доклада в консисторию, т. е. 4-го же апреля, дал он, преосвященный, об отрешении его, Флоренсова, от присутствования в консистории и благочиннической должности предложение, в котором, между прочим, значится, что священника Флоренсова за нерадение к своей должности по благочинию, так что пьянствующие им утаиваются, а прочее запускается, отрешить вовсе от присутствования в консистории и от благочиннической должности; но ни сам не означил, ни по учиненной в консисторий справке не оказалось, чтобы пьянствующие были Флоренсовым утаиваемы и чтоб было какое-нибудь в течении трех месяцев нахождения его, Флоренсова, при сей должности опущение, не видно: то сие отрешение, как незаслуженно сделанное без суда и следствия, не поставлять ему в порок и бесчестие, но, как пристрастное, отнести, на основании указа св. прав. синода от 5-го сентября 1831 г., по Высочайшему

повелению состоявшегося, к беспорядкам архиепископа Иринея». ³²

О Парнякове мнения в иркутской консистории разделились: одни из её членов признали его виновным и отрешение его от консистории и собора правильным, другие-же напротив. Преосвященный Мелетий хотя и согласился с мнением членов, обвинивших Парнякова, но в тоже время разрешил его в священнослужении и оставил его на настоятельском месте при Воскресенской церкви. Сверх того, чтобы доставить ему случай совершенно оправдать себя и доказать свое усердие и исправность по должности кафедрального протоиерея, так как он архиепископом Иринеем был обвинен в нерачительности по собору, преосвященный Мелетий назначил его с прочими в учрежденный комитет для освидетельствования архиерейской ризницы и соборного имущества. Но, видно, обида, нанесенная Иринеем Пармякову, а равно и неблагоприятное для него решение членов иркутской консистории до того сильно оскорбили его самолюбие, что он сделался несговорчив и неуступчив, ничего не хотел делать и требовал возвращения себе всех прежних должностей, а следовательно и должности кафедрального протоиерея. Домогательства Парнякова Мелетий представил на усмотрение синода, который постановил отказать ему в оных.

Примечание. Иринеи, во время пребывания своего в Спасоприлуцком монастыре, молился и занимался чтением св. отцов. Поведение его здесь было тихо и безукоризненно. Преосвященный вологодский в рапортах своих св. синоду всегда отзывался об Иринее с весьма хорошей стороны, а потому синод сначала исходатайствовал ему право священнослужения, потом право выезда из монастыря, наконец дал ему в управление богатый Толгский монастырь около Ярославля. Но управление Иринея монастырем уже вынудило его, архимандрита, принести св. синоду несколько жалоб на бывшего иркутского преосвященного.

II. Ревизия тульской консистории

Ревизия тульской консистории, произведенная в 1834 году, следует в хронологическом порядке непосредственно после следствия над иркутским архиепископом Иринеем. Ревизия эта представляет некоторые замечательные особенности: во 1-х, она была первою по духовному ведомству, возложенною на лицо светское; во 2-х, лицо это посылалось по Высочайшему повелению и в 3-х, касаясь, по-видимому, беспорядков только в консистории, она имела, главным образом, в виду поверку действий местного архиерея. Тульским архиереем в это время был Дамаскин. Нельзя сказать, чтобы его управление епархией шло хуже, чем у других архиереев, и если он был жаден и корыстолюбив до цинизма и оставил после себя довольно поразительные и ясные улики своего корыстолюбия,³³ если он любил подарки и не был чист от греха симонии,³⁴ был груб в обращении и человекоугодлив пред людьми влиятельными и помещиками до подлости и был готов втоптать в грязь священника по самой недоказательной жалобе; если он требовал, чтобы все духовные его епархии за 100 сажен до архиерейского дома снимали шапки и заставлял их стоять по три часа зимою в холодном коридоре, когда они являлись к нему с прошениями; если, сверх того, он был недеятелен, любил комфорт, а потому сохранил приятную свежесть и даже румянец в лице до самых последних минут своей жизни, был непотист и любил пристраивать своих племянниц за духовных тульской епархии, которые нередко злоупотребляли своими к нему отношениями, то все эти грехи не были исключительною принадлежностью только одного Дамаскина. Сама тульская консистория, на которую даже нельзя было жаловаться Дамаскину – так он ей потакал – хотя своевольничала, грабила, делала подлоги и представляла хаос по делопроизводству, хранению сумм и бумаг, но по таким беспорядкам была не единственною. Многие архиереи и многие консистории того времени были не лучше, а между тем ревизии не подвергались: Дамаскин и его консистория в этом случае были просто

несчастливы. Нечаев, прежде назначения своего обер-прокурором св. синода, занимал должность директора тульской гимназии и в это время не только мог узнать о беспорядках тульского епархиального управления, но и быть их очевидцем; сверх того, на беду Дамаскина, Нечаев в бытность свою директором гимназии не только узнал его с худой стороны, но между ними даже возникли неприятные отношения. Когда Нечаев сделался обер-прокурором св. синода, то он, частью из мщения, а частью из более благородных побуждений, искал случая обнаружить все беспорядки по тульскому епархиальному управлению. Случай этот скоро представился.

В 1833 году в тульской епархии случилось следующее происшествие: благочинный Новосильского уезда, села Богоявленского, по донесению ему того же села диакона Антония Терентьева и сотского Васильева, представил тульскому епархиальному начальству, что 26-го июня тамошний помещик Давыдов, быв у приходского священника Григорьева, сделал находившемуся там помянутому диакону Терентьеву выговор за не поздравление его, Давыдова, с приездом из Воронежа и пригласил его тогда же к себе, сказав, что имеет к нему надобность. Когда диакон и случившийся тут же села Троицкого священник Иванов пришли к Давыдову, то он вышел к ним навстречу в сени и велел им обоим несколько времени подождать в людской. Священник Иванов не захотел дожидаться, диакон же остался в людской, куда вскоре вошел Давыдов и ударил его в щеку, будто бы за непокорность местному своему священнику. Когда-же диакон, желая уйти, выбежал на двор, то Давыдов приказал догнать его своему старосте Никитину и пяти дворовым людям, которые схватили диакона у самых ворот, где и начали его раздевать; вслед за сим вошли во двор 20 человек крестьян, положили обнаженного диакона на землю и стали бить палками, а Давыдов из своих рук поленом и ногами по голове и бокам, приговаривая: «Покоряйся священнику». Потом Давыдов, вылив на диакона две бутылки вина и покрыв его намоченным полотном, велел его сечь витыми солеными розгами. В это самое время сотскому Васильеву случилось идти мимо дома Давыдова и быть

свидетелем бесчеловечного истязания диакона. На вопрос сотского Давыдову: что он делает? последний спросил его, что он за человек и, схватив его за руку, сказал, чтоб он шел, куда идет, а то и ему будет тоже. Васильев побежал к церкви, ударил в набат и, взяв находившихся подле неё у житниц караульных, пошел с ними к дому Давыдова, но по дороге встретил едва движущегося диакона, которого, за приключившимся ему припадком, не могли они отвести домой и положили близ церкви. При освидетельствовании благочинным со священно- и церковнослужителями двух сторонних сел, диакон Терентьев найден едва живым и до того избитым палками и иссеченным розгами или плетью, что все его тело было покрыто смертельными ранами. В таком виде это происшествие доведено было до сведения синода и обер-прокурора; в таком же виде было оно представлено Государю Нечаевым, который, кроме того, доложил ему, что он отнесся к министру внутренних дел с просьбою обратить особое внимание на ход сего дела, а преосвященному тульскому предложил уведомить его о том, как оно будет решено. Государь на докладе Нечаева написал следующие грозные слова: «Г. Чернышеву велеть послать флигель-адъютанта узнать все подробности сего; а буде окажется справедливым хотя и в десятую долю, то помещика Давыдова арестовать, содержать под строгим караулом и судить без очереди военным судом. Донести, что за Давыдов». ³⁵ Чернышев послал для производства следствия гвардии ротмистра Бутурлина, который представил это происшествие в другом свете, много смягчающем поступок Давыдова, хотя сущность факта, именно, что диакон Терентьев действительно был им высечен, осталась неопровержимою и засвидетельствована самим следователем.

Вот что донес Бутурлин Чернышеву: «1) Помещик Давыдов, в чистосердечном раскаянии и полагаясь на милость Его Императорского Величества, показал: что действительно он заставил людей своих сечь пришедшего к нему в дом в пьяном виде диакона и обидевшегося за то, что он, Давыдов, не пригласил его в ту комнату, где были у него гости, а именно: того села священник и Новосильского уезда помещик

Дементьев, а приказал токмо впустить его, диакона, в особенную комнату и ему подать туда травнику. Помянутый-же диакон, хотя в ту минуту и оставил дом Давыдова, но, выходя со двора, ругал его, и Давыдов, весьма пьяный и будучи подстрекаем помещиком Дементьевым, приказал диакона вытащить в избу людскую. Вслед за сим диакон, увидя вошедшего в ту избу Давыдова, начал его ругать и, бросившись на него, разорвал на нем все платье,³⁶ после чего Давыдов, по наущению Дементьева, приказал собранным по его приказанию крестьянам вытащить на двор и сечь диакона, покрыть полотном его и обливать вином. В продолжение сечения Дементьев неоднократно кричал на людей: «Секи его, вора, мошенника; он того стоит», а диакону приговаривал: «Живи ладнее с помещиком». Спустя ж несколько времени Дементьев начал уговаривать Давыдова перестать, но сей последний, разъяренный, пьяный и более всего им же, Дементьевым, ободренный на столь гнусный поступок, не внимал уже никаким словам и продолжал сечь; Дементьев выбежал на улицу и, повстречавшись с сотским, уверил его, что необходимо бить в набат, что и исполнено было им, сотским, в ту минуту. Люди Давыдова, услышав звон колокола, разбежались по домам. 2) Высеченный диакон Терентьев после одного происшествия неоднократно уговаривал сотского не давать о том знать суду, и он, сотский, единственно токмо по глупости выполнил желание диакона».

(Только причетник Авраам Алексеев, сказали при допросе, что Давыдов был пьян; сам же Давыдов показал, что он действительно при сечении диакона Терентьева приказывал покрыть его полотном и поливать по нем вином, но что все это он делал почти в беспамятстве, вследствие чрезмерного раздражения от нанесенного ему диаконом Терентьевым оскорбления бранными словами.³⁷ Что Давыдов подсылал к диакону штабс-капитана Пересыпкина с предложением мировой, от которой, впрочем, диакон отказался, а также о совете, данном диакону дворянским заседателем Хотинским прекратить ссору полюбовно, об этом Бутурлин не сказал ни слова в своем донесении).

«Я же при производстве исследования, соображаясь с обстоятельствами дела, не мог не обратить внимания на первоначальную и весьма странную настойчивость диакона к умолчанию причиненной ему столь гласно обиды. Отобрав по сему предмету показания разных лиц, обнаружилось, что хотя диакон действительно и больно высечен розгами, но не так однако, как объяснено в приложенном при вышеупомянутом предписании вашего сиятельства за № 8153 списке с рапорта секретаря тульской консистории³⁸ к обер-прокурору св. синода от 14-го августа за № 42, ибо в оном донесении прописано, что при производстве местным благочинным со священно- и церковнослужителями двух сторонних сел освидетельствовании найден диакон Терентьев едва живым избитый палками, иссеченный розгами или плетью от головы до пят ног, так что не имеет даже и вида человеческого и знака настоящего тела, но весь совершенно покрыт смертельными ранами, тогда как ныне, при производстве мною исследования, открылось: 4) кроме того, что диакон 26-го июня вечером ничем другим не был сечен, как лозовыми прутьями, наломанными в тоже время с дерев двора, на коем было происшествие. Местный благочинный села Покровска священник Каменев, родственник диакону Терентьеву, 29-го июня приказал священно- и церковнослужителям двух означенных в деле сторонних сел отправиться с ним для освидетельствования диакона; по прибытии на место вкупе с благочинным, осматривали они найденные ими знаки, происшедшие от сечения; смертельных же ран на теле вовсе не оказалось. По окончании одного освидетельствования, благочинный Каменев написал начерно свидетельство, в коем и прописал, что назначенные им духовные лица действительно видели, что он, диакон, с головы и до ног не имел даже и знака настоящего тела, но весь покрыт совершенно смертельными ранами и, приказав одному из тех духовных лиц переписать набело, требовал наконец, чтобы все они, духовные, вопреки их желанию, подписали несправедливое и сочиненное им же самим сведение, и сии духовные, убоясь власти благочинного, колеблясь, подписали. Сверх того, он же, благочинный, потребовал по сему случаю от

сотского показание и заставил другого села дьячка Терентьева, родного брата высеченного диакона, писать со слов сотского черновое показание, а диакона ближнего села набело переписывать, руку же прикладывал за сотского другой дьячок, по настоянию того, который писал начерно.

Излагая таким образом приведенное мною к концу исследованное дело вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что помещик Давыдов, по сделанному до прибытия моего повальному обыску, до сего поступка ни в чем дурном замеченным не был, а диакон Терентьев неоднократно поступками своими оказывался вредным и его сану, что и подтверждается как учиненным мною о нем повальным обыском, так и тем, что он, диакон, был предан суду за шум, сделанный им пьяным в церкви при повенчании брака, и ударение им же в то время в набат, а также за кражу меда и овчин. Из таковых его поступков за первый был наказан полугодичною епитимьей, а по второму не оправдан, но токмо подведен под милостивый Его Императорского Величества манифест».³⁹ Эти последние слова Бутурлина были ящиком Пандоры, как для диакона Терентьева, так для тульского преосвященного и тульской консистории; отсюда начался для них ряд бедствий и зол. Государь в докладе Чернышева по донесению Бутурлина обратил внимание на описанные следователем поступки диакона Терентьева и велел копию с представленного Чернышеву следствия препроводить к Нечаеву, с тем, «чтобы, во 1-х, безотлагательно истребовано было от кого следует сведение и донесено Ему: почему диакон Терентьев был терпим до сего времени в священнослужительском звании, несмотря на предосудительное его поведение и бытность под судом по двум делам, из коих по одному он был уже наказан полугодичной епитимьей, а по второму, о покраже меда и овчин, не оправдан, но подведен под милостивый манифест; во 2-х, чтобы независимо от того обращено было на поступки диакона Терентьева, следствием обнаруженные, равно на пристрастное свидетельство благочинного Каменева и на предосудительное покровительство порочному диакону ближайшее внимание епархиального

архиерея для надлежащего с них взыскания, поставив, притом, в виду преосвященного крайнее сожаление Его Величества о слабом надзоре за служащими во вверенной ему епархии духовными лицами, тогда как бдительнейшее и неослабное надзирание, дабы они в действиях своих и даже в образе жизни соблюдали всегда приличное их сану благочиние и добронравие – сии необходимые условия к снисканию должного от мирян уважения – лежат главнейше на его обязанности».⁴⁰

Таким образом, к делу о диаконе Терентьеве был привлечен и местный архиерей. Синод, поставив на вид Дамаскину замечание Государя, между прочим, приказал ему рассмотреть поступки диакона Терентьева, а равно пристрастное свидетельство благочинного о побоях, нанесенных означенному диакону помещиком Давыдовым, и немедленно представить о том синоду свое мнение, с приложением всего подлинного делопроизводства, какое состоялось в тульской консистории об означенном происшествии, а вместе с тем потребовал от него объяснения, почему диакон Терентьев, будучи порочного поведения, был терпим до сего времени в духовном звании и в настоящем сане. Дамаскин отвечал синоду, что 1) «благочинный, большею частью рекомендовавший диакона Терентьева с хорошей стороны, за такое злоупотребление доверенности начальства отрешен от должности до дальнейшего суждения при решении дела; 2) диакон Терентьев также удален от должности, с запрещением ему священнослужения; 3) ему, преосвященному, известно было по ведомостям одно только дело, касавшееся до Терентьева: о бесчинии, произведенном им в пьяном виде 19-го октября 1819 года в церкви, при венчании одного приходского брака, а именно: он надел стихарь задом наперед и, не слушая совета священника, чтобы он разоблачился, стал перечитывать читаемую священником ектенью; при таком беспорядке священник, оставя венчание брака, разоблачился и вышел с брачившимися и всеми бывшими в церкви вон из оной; спустя часа с два, священник, пришед к церкви для совершения того брака, приказал поезжанам диакона не впускать в неё, а диакон, усиливаясь взойти в церковь, сказал, что брак

венчается не в законные часы, и потом, вскочив на колокольню, бил во все колокола в набат; на каковую тревогу прислан был от приходского помещика, полковника Крюкова, дворовый человек, за что он (диакон Терентьев) и был наказан отсылкой в монастырь на четыре месяца. Но другое, открывшееся ныне, дело о покраже диаконом Терентьевым из двух ульев меда у пономаря и овчин у одного крестьянина, не было совершенно известно ему (преосвященному), потому что от консистории об этом деле ему не было доносимо, а в ведомостях о решенных и нерешенных делах не было показано». ⁴¹ Последние слова Дамаскина явно обличали тульскую консисторию в подлоге, и архиерей ими всю ответственность за сокрытие дела о покраже диаконом Терентьевым меда и овчин сваливал с себя на консисторию. Начались разыскания, каким образом нерешенное дело попало в архив. Разыскания эти открыли, что дело о покраже диаконом Терентьевым меда и овчин поступило в тульскую консисторию в 1822 году из Новосильского уездного суда, в котором оно прежде производилось, и что оно было сдано нерешенным в консисторский архив, будто бы, умершим повытчиком тульской консистории Луневым, и от него было принято архивариусом Куркинским, тоже умершим. Разыскания эти были произведены самою тульской консисторией, которая, обвинив в подлоге умерших Лунева и Куркинского, думала, что она этим совершенно оградила себя от всяких дальнейших привязок и что слова её будут безусловно приняты синодом; но она жестоко в этом ошиблась. «Синод, как выразился Нечаев, затрудняясь согласиться с тем, что в сдаче нерешенного дела в архив были виновны единственно упомянутые повытчик и архивариус, ибо сие не могло произойти без ведома присутствующих, и в особенности секретаря консистории, а если и случилось так, то сие обнаруживает явную небрежность их в исполнении своих обязанностей, – положил предписать преосвященному Дамаскину, чтобы он, составя из трех, заслуживающих доверие начальства, духовных лиц, и притом таких, которые бы с начала 1822 года небыли присутствующими в консистории, особую комиссию, поручил ей строжайшим образом учинить изыскание, когда и почему сдано упомянутое

дело в архив, можно-ли, по всей справедливости, признать в этом виновными повайтчика Лунева и архивариуса Куркинського, и не действовал-ли еще кто в сокрытии оного дела? также, от кого именно произошло, что дело сие не было поставлено на вид ему, преосвященному, ни по получении его в консистории, ни после в ведомостях о решенных и нерешенных делах? и потом, сообразив с тем, что откроется, постановив, на законном основании, заключение, донести об оном синоду. Секретаря-же консистории, титулярного советника Морева, при коем и дело сие возникло в 1822 году, впредь до решения по сему предмету дела, удалить от должности».⁴² Но от комиссии, составленной из местного духовенства, нельзя было ожидать тех результатов, каких хотел Нечаев, потому что она, находясь под угрожающим влиянием архиерея и консистории, едва-ли осмелилась-бы действовать беспристрастно в таком деле, в котором были замешаны и тот, и другая. Поэтому Нечаев не мог согласиться с определением синода и, чтобы вывести на свет все беспорядки тульской консистории, избрал для её ревизии лицо, совершенно независимое от тульского епархиального начальства, но вполне зависевшее от него, всем ему обязанное, и следовательно от которого он мог ожидать самой строгой, точной и беспристрастной ревизии. Лицом этим был Войцехович. Но так как назначение Войцеховича не только могло показаться явлением необыкновенным, потому что до этого времени еще не было примера по духовному ведомству, чтобы светское лицо, в чине коллежского асессора, ревизовало целое местное духовное управление, но даже обидным для чести епархиального архиерея,⁴³ так что легко могло быть не одобрено синодом, то, чтобы избежать всякой оппозиции со стороны его и чтобы вернее достигнуть своей цели. Нечаев поставил свою мысль под защиту Высочайшей воли. Получив утверждение своего плана от Государя, он предложил его синоду уже в виде повеления самого Государя. Любопытно по докладу Нечаева следить за его изворотливостью, искусством и ловкостью, с которыми он действовал в этом случае. Нечаев, упомянув в докладе своем Государю об учреждении по синодскому распоряжению комиссии из трех духовных лиц,

избранных между тульским духовенством, для исследования дела о поступке диакона Терентьева, продолжает: «О таком распоряжении св. синода, по поручению оно, всеподданнейшие доводя до Высочайшего Вашего Императорского Величества сведения, поставляю долгом при сем представить, со своей стороны, следующее мнение: а) поскольку исследование выше объясненных обстоятельств, по необходимости, поверяется лицам, подведомым той же самой консистории, где замечается такого рода подлог, то, для большей достоверности в сем разыскании, я полагал-бы нужным командировать в Тулу от себя доверенного чиновника, который бы наблюдал за всеми действиями учреждаемой там комиссии, на праве прокурора. б) Как независимо от сего неоднократно доходили до синода и до меня жалобы на делопроизводство в тульской консистории, то мне представляется еще излишним и особенно удобным, чтобы сей же самый чиновник, по окончании того следствия, занялся вообще обревизованием консисторской канцелярии, в отношении к порядку делопроизводства, сдачи и хранения дел, приема и хранения сумм и проч. Для сего поручения почитаю я весьма, способным служащего при отделении духовных дел греко-российского исповедания коллежского асессора Войцеховича, который и при предместнике моем, тайном советнике князе Мещерском, неоднократно употребляем был с наилучшим успехом в делах еще большей важности, или требовавших, по крайней мере, столько-же верности и честности несомненной. Но как предполагаемые мною меры: прикомандирование особенного чиновника для наблюдения за следствием лиц местного ведомства, и обревизование тем же способом консисторской канцелярии до сего времени еще не были предпринимаемы, то я счел долгом представить о том предварительно на благоусмотрение Вашего Величества, и на исполнение такового, впрочем не нового по другим ведомствам распоряжения, испросить Высочайшее соизволение, в том полном убеждении, что оно может быть существенно полезно как в настоящем случае непосредственным образом, так и в отношении к другим консисториям, которые, ожидая также

нечаянных обревизований, вероятно, будут осмотрительнее и осторожнее, а строгий порядок в сих судебных местах, если Бог поможет мало-помалу установить его, может иметь спасительное влияние на благочиние всей массы духовенства».⁴⁴ Государь совершенно одобрил мысль Нечаева, который, вследствие этого, 23-го февраля 1834 года сделал такого рода предложение синоду: «По случаю учрежденной в г. Туле из местных духовных лиц комиссии, для исследования, по какому случаю сдано было в архив тульской духовной консистории нерешенное дело, касавшееся до диакона села Богоявленского Антона Терентьева, последовало Высочайшее повеление, чтобы я командировал в Тулу от себя особого доверенного чиновника, который бы имел наблюдение за всеми действиями упомянутой комиссии, на праве прокурора, и потом занялся-бы обревизованием консисторской канцелярии в отношении к порядку делопроизводства вообще, хранения и сдачи в архив дел, приема и хранения сумм и проч.».⁴⁵ Таким образом, Войцехович был назначен главным следователем в этом деле. Деятельность его, по двойственному свойству самого поручения, распалась на две части: а) ему нужно было отыскать виновных в подлоге по делу о покраже меда и кожи диаконом Терентьевым и б) обревизовать тульскую консисторию во всех её частях. В первом случае он как бы скрывался за учрежденной комиссией, хотя и тут был главным лицом, а во втором уже открыто действовал сам собою. По делу о подлоге, независимо от следствия, представленного комиссией св. синоду, Войцехович донес Нечаеву, что 1) «Умерший повытчик Лунев, которому приписана была сдача упомянутого дела в архив, не сдавал, да и не мог сдать, а следственно и умерший архивариус Куркинский, которому приписан прием того дела от Лунева, не мог от сего последнего принять его. 2) Дело о диаконе Терентьеве и не сдавалось в архив, а было просто положено в нем, неизвестно точно в какое время, но после 1826 г., в котором оное подложно подведено было под всемилостивейший манифест. 3) Положил сие дело в архив несомненно повытчик Покровский, у которого оно было в делопроизводстве. 4) Покровский побуждался к тому

надобностью скрыть упомянутый подлог. 5) Участником такового действия понытчика Покровского был несомненно секретарь Морев, который, быв участником в подлоге, старался всеми мерами оный скрыть, намеревался в представленных справках показать дело подведенным под манифест, но, быв остановлен вопросом преосвященного: «Значится-ли оно в ведомостях, св. синоду представленных»? донес, что дело сдано было нерешенным в архив. 6) Подтвердившие своим подписом таковую справку два члена консистории: иеромонах Никанор и протоиерей Романов, сим поступком своим и другими обстоятельствами наводят на себя некоторое подозрение, что они знали, в каком положении было дело. 7) Дело, поступившее в консисторию в 1822 году, было однажды поставлено в виду преосвященного, в краткой, однако же, справке при другом деле о Терентьеве, но в ведомостях о нерешенных делах оно никогда не показывалось и виною в том Морев и Покровский. 8) На других присутствующих консистории не пало никакого подозрения ни в отношении сокрытия дела в архиве, ни в отношении непоказания оногo в ведомостях. Заведовавшие-же собственно Новосильским понытием до 1826 г., в том году померли. Впрочем, и относительно к сим последним, ни из собранных епархий, ни из взятых показаний, ничего не усмотрено. 9) Подложное подведение дела диакона Терентьева под манифест произошло непосредственно от секретаря Морева и понытчика Покровского. 10) Подпись на указе, посланном в новосильское духовное правление о прощении Терентьева по манифесту, обнаруживает еще третьего участника в подлоге, бывшего присутствующего в консистории, протоиерея Глаголева. Комиссия объяснила подробно все, касающееся до сего протоиерея, но не решилась прямо признать его виновным, так как на сие нет достаточных в деле убеждений; сам же он, сознаваясь в неосмотрительности, призывает Бога во свидетели, что не был намеренным в подлоге участником. 11) Морев и Покровский во всем вышеизложенном не сознались, но уличены собранными сведениями, открывшимися обстоятельствами, документами, укрывательством всех спрошенных комиссией бумаг, ею же

самую отысканных, и наконец собственными их противоречиями в разных показаниях». Замечательно заключение, которым Войцехович оканчивает свой рапорт Нечаеву: «Во исполнение предписания вашего превосходительства, я наблюдал за всеми действиями комиссии, руководствуясь предписанными мне правилами, участвовал во всех её суждениях и рассмотрениях, скреплял по листам представленное ею преосвященному подробное изложение всего, открывавшегося по исследованию».⁴⁶

Беспорядки, обнаруженные Войцеховичем по канцелярии тульской консистории, по свойству своему, были весьма значительны. Так, 1) в регистратуре, на которой основан весь порядок делопроизводства, оказалось, что входящие и исходящие реестры до 1824 года были или без начала или без конца, с пропусками, перемаранные и до того истлевшие, что немалого труда стоило прочесть написанное в них. Но главная неисправность реестров заключалась в том, что против многих вступивших бумаг не имелось расписок повятчиков, получивших их в повятье. За многие присутственные дни журналов совершенно не было, а за некоторые оказалось по два, но разного содержания. Найдено немало журналов без подписей членов, или подписанных одним из них за те дни, в которые присутствовали и другие члены, а также подписанных лишь одним секретарем. Журналы составлялись небрежно, с ошибками в показании дней и с помарками. С 1824 по 1834 год они еще не были переписаны; журналы за прежние годы не были сданы в архив и найдены Войцеховичем на консисторском чердаке. Вместо протоколов, большею частью, составлялись по делам краткие донесения преосвященному; находящимся же на лицо протоколам не было описей. В настольном реестре входящих сумм не было отметок в особо назначенной для того графе, когда вступившие деньги отправлены по назначению. Указы св. синода с 1827 года без переплета, без описей и не в должном порядке. Всякий из повятчиков брал их и держал у себя подолгу. В ежегодных ведомостях о решенных и нерешенных делах многие из них никогда не показывались и потому оставались без наблюдения со стороны членов, а

иногда, не быв даже кончены, обращались на чердак или в архив. Секретарь Морев обыкновенно распоряжался тем, какие дела вносить, или не вносить в ведомость.

Что касается 2) консисторского делопроизводства, то каждое поветье имело свой настольный реестр, за исключением небольшого промежутка времени, когда у всех их был один общий настольный реестр. Реестры эти до 1822 г. были или без начала и конца, или с пропусками, изорваны и попорчены. С 1822 года они в большей исправности, но зато оказались упущения в других важнейших предметах, а именно: весьма много дел и бумаг, по существу своему немаловажных, не были вписаны в эти реестры, а потому, оставаясь в неизвестности, не имели и движения. Такого рода неисправность особенно заметна по двум поветьям: 1) по тульскому и белевскому и 2) по ефремовскому и новосильскому. По последнему дела и бумаги за целые месяцы последних годов не внесены в настольные реестры.

Слушание дел происходило не по порядку их вступления, с соблюдением строго предписанной законом очереди, но просто по произволу канцелярии; оттого многие дела оставались в течение долгого времени незаслушанными. В настольных докладных реестрах вовсе не было отметок о времени исполнения резолюций. Войцехович нашел также, что резолюции преосвященного и определения консистории с давнего времени по делам немаловажным оставались неисполненными, и многие из таких дел положены были на чердак, или сданы в архив. Вот образчик того, как исполнялись тульской консисторией резолюции местного преосвященного: в марте 1832 года белевское духовное правление представило в тульскую консисторию следствие, по которому копиист того правления Василий Воскобойников был сильно заподозрен в похищении консисторского указа с приложенными при оном двумя свидетельствами из дела о пропуске в метрических книгах записи о рождении и крещении дочери белевского мещанина Богомолова, девицы Анны. 18-го июня того же 1832 г. состоялось в тульской консистории следующее определение: «Воскобойникова исключить из службы и отправить в губернское

правление для употребления, куда годными окажется». Это определение консистории тогда же утверждено преосвященным, но не было исполнено, и Воскобойников спокойно жил в Туле в то время, когда Войцехович производил ревизию тульской консистории.

При ревизии самых дел открылось, что 1) бумаги посылались без доклада присутствию; 2) резолюции преосвященного исполнялись помимо присутствия; 3) справки по делам производились неполные; так, напр., в ноябре 1829 г. благочинный города Крапивны донес о побоях, причиненных дьячком села Красногорья, Иваном Иларионовым, крестьянину Григорию Иванову. Рапорт благочинного не был заслушан в консистории, а между тем дьячок Иларионов уволился в крапивинское мещанство. Ни архиерею, ни казенной палате не было дано знать о побоях, нанесенных бывшим дьячком Иларионовым крестьянину Иванову. А вот еще другое доказательство: в деле о поступках бывшего игумена новосильского Святодухова монастыря Августина не было приведено на справку дело о самовольном увольнении им из монастыря двух скопцов, причинивших впоследствии много беспокойств своими поступками.

4) Описей делам в повытьях нет, пишет Войцехович, а если и есть за некоторые года, то неполные. Дела вообще содержатся в большом беспорядке, не подшитые, разбросанные по частям, перемешанные с лежащими в таком же беспорядке клировыми ведомостями и неповеренными книгами, выдаваемыми для сборов в пользу церквей. Повытчики сами не знали, какие дела находились у них, а потому и затруднялись в отыскании их, а некоторых дел совсем не находили. Естественным следствием такого беспорядка было то, что дела получали неправильное направление, рассматривались и перерешались несколько раз.

5) В архив сдавались дела не в том порядке, в каком следовало, т. е. с означением на каждом деле: кем, кому и когда дело сдано, но просто по описям, из которых иные даже никем не подписаны. Метрические книги и исповедные росписи

свалены в архиве кое-как и разбиты до такой степени, что нет возможности справляться по ним.

6) Не меньший беспорядок был и в записывании и хранении денежных сумм: в книгах остаток от каждого года не показывался в приходе следующего; каждый присутствующий в консистории, записывая в книгах приход и расход сумм по своему повытью, не обращал внимания на прочие, от чего и не было в книгах надлежащей определительности, точности, итогов, транспортов и проч., а между тем замечено множество подскобок и переправок. Суммы подолгу лежали без отправления, а проверки сумм с документами никогда не бывало. Билеты опекунских советов, банков и приказов общественного призрения, переходя чрез консисторию в другое какое-либо место, церковь или монастырь, не всегда хранились вместе с суммами, но оставались иногда в повытьях.

7) Помещение архива неудобно, сыро и тесно, так что в нем нельзя поместить всех дел, лежащих в повытьях и на чердаке».

Что же касается до сдачи и хранения дел в архив, то первая производилась самым беспорядочным образом, потому что в связках дел Войцехович находил просто бумаги разных годов и разного содержания, с надписями, что они исполнены. Метрические книги и исповедные росписи лежали разбитые на полу и от сырости начали гнить.

В заключение, Войцехович высказал свое мнение о составе канцелярии тульской консистории. «По настоящему ограниченному штату канцелярии, пишет он, конечно, нет возможности к совершенно удобному распределению предметов и уравнительному разделению трудов. Особенно это неуравнительное разделение трудов примечается в отношении повытчика Покровского. Сей повытчик оказался ныне самым неисправнейшим. На неисправность его и прежде были жалобы; на неё роптали члены консистории и сам преосвященный замечал об оной. Было даже и определение об исключении его, но секретарь Морев его удерживал и, между тем, возлагал на него все важнейшие дела. Он и поныне занимается составлением ежегодных ведомостей о движении дел по консистории, занимался делом о священниках, бывших под

судом, вел дела о разводе, – и все сие вел в крайнем беспорядке. По роду-же открытых в его повыее упущений, нельзя относить их к одной неисправности, ибо они обнаруживают и неблагонамеренность: так, напр., известное подведение под манифест диакона Терентьева, оставление без доклада дел особой важности и неисполнение таковых-же определений. Сверх всего этого, он редко бывает трезв, и подолгу не являлся иногда к должности. А доверенность и послабление со стороны секретаря Морева ничем иным нельзя объяснить, как очевидною связью их, основанием которой было единственно употребление во зло доверенности начальства.

Из числа прочих чиновников канцелярии нельзя, по всей справедливости, ни одного сравнить с Покровским. Не совсем благонадежным представляется один токмо канцелярист Глаголев, заведывающий повыеем по уездам Каширскому и Алексинскому – о нем говорят с дурной стороны. При ревизии же я заметил, что он часто намеревался представлять дела не в том виде, в каком они находятся. При том же до него касается дело о грубостях, причиненных им в нетрезвом виде секретарю. Все другие повытки одобряются, а в особенности титулярный советник Иерусалимский и исправляющий ныне должность секретаря, канцелярист Воскресенский.

Остальные канцелярские чиновники мало и опытные, и способны, и недостатки в средствах к жизни ясно на них отражаются.

Все они почти из исключенных учеников духовных училищ. Один только не из духовного звания, коллежский регистратор Орлов. Он из киргиз принявших христианскую веру, не токмо не знающ в делопроизводстве, но едва может писать.

Поступок повычика Покровского и обнаруженные по всему делопроизводству канцелярии упущения, ясно показывая, сколько был слаб со стороны секретаря Морева надзор за поведением и деятельностью чиновников, представляют, вместе с тем, по роду и степени оных весьма сомнительною благонадежность самого Морева. Очевидно, что он имел неограниченное влияние на решение дел и отважно позволял себе распоряжаться исполнениями; ибо невозможно, чтобы без

сведения его столько дел, и особой важности, оставлено было без доклада, или окончательного исполнения, а сие несогласно уже с понятием о неисправности просто, в которой Морев и себя, и прочих чиновников канцелярии, бывшей у него в заведовании, сознает виновными: так он мне объяснялся, впрочем, на словах, ибо я не входил с ним ни в какую переписку, довольствуясь требованием на бумаге сведения и объяснений, представлявшихся мне нужными, от исправляющего должность секретаря. Морев же, при ревизии, всегда был в канцелярии и объяснял встретившиеся недоумения, или помогал в отыскании дел».⁴⁷

Нетрудно угадать, что результат как следствия, произведенного флигель-адъютантом Бутурлиным и бывшего причиной ревизии тульской консистории, так и самой ревизии, будет неблагоприятен для многих лиц. Действительно, диакон Терентьев, дело о котором было главным поводом к ревизии тульской консистории, лишен был диаконского сана, исключен из духовного ведомства и отослан в губернское правление для приписки в податное состояние. Благодинный Каменев, за покровительство Терентьеву, удален был от благочиннической должности, с тем чтобы впредь его не определять к общественным должностям. Священники, диаконы и причетники, подписавшие свидетельство благочинного о причиненных Терентьеву от помещика Давыдова побоях, – первые посланы в монастырь на два месяца, вторые на месяц, а третьи наказаны положением по сто земных поклонов в городском Новосильском соборе. Уличенные в подлоге по делу о покраже диаконом Терентьевым меда и овчин, секретарь тульской консистории Морев и понытчик Покровский отрешены от должностей и преданы суду уголовной палаты. Той же участи подвергся и присутствовавший в тульской консистории протоиерей Глаголев (подписавшийся под указом о прощенных по всемилостивейшему манифесту), с запрещением ему священнодействия; но он впоследствии был оправдан уголовною палатою. Присутствующие в тульской консистории: протоиерей Романов и иеромонах Никанор, подписавшие

неверную о Терентьеве справку, получили замечание от синода.⁴⁸

Что же касается главного начальника епархии, которого беззаботность, по выражению Нечаева, оказалась при этой ревизии в непозволительной степени, то ему сделано было только строгое замечание от синода, с предписанием непременно озаботиться исправлением всех беспорядков в тульской консистории. Может быть, Нечаев домогался не тех результатов по отношению к Дамаскину, какие были добыты ревизией, может быть, стремления его и увенчались бы успехом, если бы Дамаскину не помогли особенные обстоятельства, заключавшиеся в его отношениях к митрополиту Серафиму и Серафима к Нечаеву.

Дамаскин, первоначально бывший викарием Серафима по новгородской епархии, который и рекомендовал его на тульскую кафедру, находился под покровительством митрополита, так что в беде мог всегда найти защиту у своего бывшего начальника. Вероятно, при этом случае не обошлось без просительных писем со стороны преосвященного Дамаскина к митрополиту Серафиму о покровительстве, которое и было оказано последним тем охотнее, что отношения его к Нечаеву и Нечаева к нему были в каком-то напряжённом состоянии. Мы уже сказали в другом месте, что Нечаев, приставший к стороне митрополита Филарета и опиравшийся на князя А. Н. Голицына, чрез которого в то время шли все доклады по важнейшим синодским делам к Государю, естественно поставил себя не в дружественные отношения к противной стороне, т. е. к митрополитам Серафиму и Евгению.

Обе стороны не скрывали своих чувств, напротив, нередко обнаруживали их с самою свободною откровенностью, которою особенно отличались два члена этих противоположных партий: митрополит Серафим и обер-прокурор Нечаев. Последний в описываемую нами эпоху вот как откровенно-невежливо обнаружил свои отношения к митрополиту Евгению: посетив в 1834 году Киев, он не хотел первый сделать визита митрополиту и выжидал, что он к нему явится; но Евгений не приехал. За это Нечаев, чтобы кольнуть митрополита, выставил его в отчете

Государю с самой невыгодной стороны. «Московская академия – писал Нечаев – много обязана своим благоустройством начальственному влиянию митрополита московского, киевская же всем обязана нынешнему ректору Иннокентию и бывшему инспектору Иеремии»,⁴⁹ т. е. другими словами, митрополит Евгений ничего не делает для академии. Столь же ясно он выражал неприязненные свои отношения и к митрополиту Серафиму. Следующий анекдот весьма наглядно характеризует взаимные их отношения. Нечаев, постоянно приезжавший в синод позже митрополита, при входе в комнату, находящуюся перед залом синодального присутствия, весьма часто громко спрашивал синодского экзекутора: *»Серафим здесь? Серафим приехал?»* Эти вопросы делались так невежливо и так громко, что их не мог не слышать митрополит. Чтобы положить этому конец, Серафим однажды намеренно приехал в синод позже обыкновенного, когда Нечаев уже находился в зале присутствия, и, входя в находящуюся перед ней комнату, громко и, притом, несколько раз спросил экзекутора: *«Степан здесь? Степан уж приехал? Степан Нечаев здесь?»* При таких неприятных отношениях митрополита Серафима к обер-прокурору Нечаеву, неудивительно, что ревизия тульской консистории кончилась для преосвященного Дамаскина только замечанием, полученным им от синода.

III. Ревизия оренбургского духовного управления

Эта ревизия была вызвана беспорядками по оренбургскому духовному управлению, сделавшимися известными св. синоду, с одной стороны, по доносам архиерея и членов консистории на её секретаря, а с другой, по извещениям секретаря на архиерея и членов консистория. Но прежде чем приступим к изложению содержания самых доносов, скажем несколько слов о главных ратоборцах, тогдашних оренбургском архиерее и консисторском секретаре. После доброго, кроткого и отчасти слабого преосвященного Михаила, переведен был в 1835 г. на оренбургскую кафедру из Вятки Иоанникий. Уже самый перевод его из богатой и высшей по степени епархии на оренбургскую, беднейшую и низшую, показывает, что синод имел невысокое понятие об умственных и нравственных качествах Иоанникия. Доклад синодального обер-прокурора Государю о причине перевода Иоанникия из Вятки в Уфу как нельзя лучше доказывает это, несмотря на то что Нечаев всемерно старался смягчить пред Государем невыгодное мнение синода об Иоанникии. «Поднося, пишет Нечаев, при сем доклад св. синода об избранных на вакансию оренбургской архиерейской кафедры кандидатах, долгом почитаю представить Вашему Императорскому Величеству предварительное объяснение о причине, почему в числе их внесен, совокупно с двумя архимандритами, епископ вятский Иоанникий, занимающий ныне кафедру хотя также третьеклассной епархии, но старшей против оренбургской. Побуждением к сему назначению были особенные обстоятельства вятской епархии и учрежденных в ней миссий, по которым, при всей благонамеренности нынешнего начальника, остается еще желать в занимающем сие место особенной твердости и личной настоятельности в надзоре управления. В сей епархии замечено не всегда просвещенное и усердное и не всегда бескорыстное действие приходского духовенства относительно неутвержденных в вере черемис и вотяков; донесения об успехах миссий оказываются не во всех частях верными, а со стороны епископа Иоанникия неполная

мера силы характера, каковая в преимущественной степени требуется в подобных обстоятельствах, чтобы ближайшим и точнейшим образом открыть положение дел и людей и дать тем и другим решительное направление к лучшему. Напротив того, оренбургская епархия, малочисленная и по населению военному зависящая наиболее от особенного поставленного над ним начальства, не представляет таких трудностей в своем управлении, почему и можно надеяться, что епископ Иоанникий, приобретший уже некоторую опытность в епархиальном управлении, будет здесь существеннее полезен, ежели Вашему Величеству благоугодно будет назначить его на сию кафедру.

Члены св. синода, препоручая мне всеподданнейше доложить о таковом их предположении, изъявили мнение, что было бы по обстоятельствам обеих епархий полезнейшею мерою, если бы поступил на оренбургскую кафедру сей первый кандидат, епископ Иоанникий, с сохранением настоящей своей степени (ибо понижения не заслуживает), как о том упомянуто и в синодальном докладе, а в вятскую епархию был определен другой начальник с качествами, наиболее для дел её нужными». ⁵⁰ Иоанникий, при ограниченных умственных способностях и при непростительном в его звании незнании самых обыкновенных форм духовного судопроизводства, был, сверх того, задорлив, сварлив, надут, мстителен, пристрастен и несправедлив; будучи окружен своими племянниками, людьми не совсем нравственными, он позволял им вмешиваться в дела епархиального управления, и не только им, но даже и женам их. Не строгий к самому себе, он снисходительно смотрел на поступки грязного и пьяного ректора оренбургской семинарии Никодима, и нравственного уроды, смотрителя уфимских училищ, иеромонаха Филиппа. Но главный порок, которым опозорил себя Иоанникий и за который в глаза называли его даже татары грабителем, было корыстолюбие, послужившее началом вражды между ним и секретарем Маминым.

Мамин был натура энергическая, огненная, смелая и дерзкая до наглости, язвительная, изворотливая, опытная в крючкотворстве и самая умная и даровитая среди безграмотной, невежественной и ленивой челяди

консисторской; натура гордая, мстительная и, как все консисторские секретари, корыстолюбивая. С семинарской скамьи Мамин попал в консисторию, где, при безлюдье умных и мало-мальски грамотных, он скоро был замечен и, как человек смысленный, в непродолжительное время успел достигнуть места секретаря. Время назначения Мамина на эту должность было для него самое неблагоприятное: оренбургская консистория доведена была до крайнего расстройтва и представляла по делопроизводству чистый хаос. Один из предместников Мамина был предан суду уголовной палаты за беспорядки по консистории, другой едва избег этой чаши. Мамин принял должность только по усиленной просьбе тогдашнего преосвященного оренбургского Амвросия, который писал к обер-прокурору князю Мещерскому, вызывавшему Мамина на службу в синод, что если угодно будет его сиятельству «взять Мамина в канцелярию синода, то он, по неимению благонадежных чиновников, должен будет запереть консисторию».⁵¹ Это обстоятельство, конечно, должно было иметь влияние как на характер Мамина, и без того уже гордый, так и на образ его действий. Впрочем, к чести Мамина следует сказать, что он с необыкновенною деятельностью принялся за исполнение своей обязанности: сотни дел, лежавших до него по несколько лет без движения, были окончены в самый короткий срок и консистория даже по внешности приняла более благообразный вид. Преосвященный Михаил рекомендовал Мамина за такую его деятельность с отличной стороны.⁵² Но вскоре случилось с ним происшествие, о котором трудно сказать, было-ли оно злонамеренным, или только следствием его оплошности: он был обвинен в растрате консисторских сумм и удержании у себя 880 руб. асс., принадлежавших комиссии духовных училищ. Хотя большую часть растроченной суммы Мамин пополнил, а другая часть этой суммы была вменена ему в пособие, как пострадавшему от пожара и во внимание к его похвальному поведению, способностям и трудам по приведению в возможный порядок расстроенных при прежних секретарях дел, и хотя преосвященный Михаил даже ходатайствовал пред св. синодом, чтобы не судить за это

Мамина и не делать отметки в его формуляре, однако синод, не только удалил Мамина от должности, но и предал его суду уголовной палаты. Уголовная палата оправдала Мамина, «как не обличаемого в умысле воспользоваться консисторскими суммами, а показавшего только неотчетное действие по оным и уклонение от своевременного их направления». Преосвященный Михаил снова после этого стал ходатайствовать пред синодом о допущении Мамина к секретарской должности, как благонадежнейшего из всех чиновников консисторской канцелярии. Синод, после многих отказов, наконец согласился на ходатайство преосвященного, но и то неохотно и только под тем условием, «чтобы в случае каких-либо от Мамина беспорядков и незаконных действий впредь, ответственность в том преимущественно отнесена была на самое епархиальное начальство, как ручающееся за его благонадежность».⁵³ Мамин во второй раз, уступая просьбам преосвященного Михаила, принял должность секретаря, но уже с чувством оскорбленного самолюбия. Между тем, во время удаления Мамина от секретарства, т. е. в продолжение 3 лет (с 1830 г. по 1833 г.), дела консисторские пришли в совершенное расстройство. Должность секретаря в оренбургской консистории была тогда столь тягостна и страшна, что, по удалении Мамина, чиновник Голубев, вызванный нарочно для занятия её из духовного правления, несмотря на убедительные представления консистории и преосвященного, решительно отказался от неё и возвратился на прежнее место службы.⁵⁴ Наиболее расстроена была консистория Агафоновым, исправлявшим должность секретаря по удалении Мамина, чиновником невежественным, ленивым, бессовестным и глупым: архив консисторский в это время пришел в совершенное запустение, в канцелярии бумаги лежали незаписанными во входящие реестры, исполнения делались без резолюций; у членов консистории за один 1831 год нерешенных дел и бумаг оказалось 458.⁵⁵ Мамин снова с жаром принялся за исправление консисторских беспорядков и в два месяца от своего вступления в должность сделал столько, сколько без него сделано было в целый год.⁵⁶ Но его зависимое положение

от членов консистории и в тоже время обидное для его самолюбия, было в высшей степени вредно для быстроты и правильности консисторского делопроизводства и всегда могло, при натянутости и напряжении своем, служить источником раздоров и ссор между ним и членами консистории. Члены же, зная, что судьба секретаря совершенно зависит от их одобрительного отзыва, явно требовали, чтобы он был безмолвным свидетелем их злоупотреблений, упущений по должности и их поблажек своим родственникам, и не терпели никакого контроля с его стороны над своими поступками, никаких возражений и напоминаний. Действия секретаря были парализованы такими ненормальными его отношениями к членам консистории: он должен был молчать и как бы не видеть их грехов и злоупотреблений. Правда, огненная натура Мамина не всегда могла сдерживать себя; иногда у него то вырывалось колкое слово на счет того или другого члена консистории, то вылетала насмешка; но все это сносилось членами только потому, что Мамин был покровительствуем преосвященным Михаилом. С другой стороны, Мамин, видя злоупотребления членов, зная за каждым из них несколько грехов и снисходительно смотря на их леность и упущения по службе, тем смелее, свободнее и развязнее действовал там, где можно было ему действовать, тем более влияния приобретал над некоторыми делами в консистории. Может быть, членам казалось иногда и неприятным преобладающее влияние Мамина; может быть, не раз возникала у них мысль ограничить его, и даже удалить из консистории, но боязнь, чтобы он, по выходе отсюда, не обличил их злоупотреблений и не вывел наружу всех их темных дел, опасение нападениями на него оскорбить покровительствовавшего ему преосвященного Михаила, – все это связывало руки членам консистории, заставляло их скрывать свое нерасположение к Мамину и вынудило их рекомендовать его в 1835 г. с хорошей стороны. Мамин, вследствие этой рекомендации крепко утвердись на месте, стал требовательнее и взыскательнее по отношению к членам консистории. Самые обстоятельства так сложились, что Мамин, получив особые предписания синодального обер-

прокурора, должен был напоминать некоторым из них об усилении их деятельности, как, например, кафедральному протоиерею Кандарицкому, которому поручено было привести в порядок консисторский архив и который, между тем, ничего не делал, а обер-прокурор предписаниями своими к секретарю постоянно напоминал о скорейшем окончании этого дела. Члены по-своему объясняли перемену в обращении с ними Мамина. Кстати, заметим здесь, что разные секретные предписания обер-прокуроров Нечаева и Протасова⁵⁷ к секретарям консисторий, как бы дававшие им особые полномочия и право какого-то наблюдения за местным епархиальным начальством, сбили с толку многих консисторских секретарей, поставили их в фальшивое положение к членам консистории и архиереям, и многих из них погубили. В это время, когда взаимные отношения членов и секретаря становились более и более напряженными, преосвященный Михаил отказался от управления оренбургской епархией и был уволен на покой, а место его занял Иоанникий. С первых же недель по поступлении Иоанникия на оренбургскую кафедру, начались неудовольствия между ним и секретарем. Прежде, при слабом, бескорыстном и доверчивом преосвященном Михаиле, Мамин имел большое влияние на движение и направление дел; теперь-же статьи доходные отошли от Мамина к свите новоприбывшего преосвященного, которая, независимо от секретаря и даже во вред его интересам, начала влиять на ход епархиальных дел. Мамин, лишенный выгод, какими он дотоле пользовался, стал врагом архиерея и, при своей мстительности, искал случая напасть на него. Сначала вражда Мамина к архиерею ограничивалась остротами на счет владыки и его свиты. При услужливом угодничестве некоторых лиц, желавших показать свое усердие, преосвященный Иоанникий, охотно слушавший всякие сплетни, немедленно узнавал все, что было говорено Маминым на его счет. Затаенная вражда с той и другой стороны росла со дня на день. Некоторые из членов консистории, недовольные Маминым и боявшиеся, чтобы он не обнаружил их злоупотреблений, всемерно раздували эту вражду, надеясь при

помощи архиерея избавиться без хлопот от секретаря. Наконец, 6-е февраля 1836 г. было началом открытой вражды между архиереем и Маминым. Поводом к обнаружению её послужило следующее обстоятельство: на 5-е февраля (1836 г.) в архиерейском доме случилось воровство: у иеродиакона Филарета, засидевшегося до 4-х часов за полночь в келье иеромонаха Платона, украдено было 2.500 руб. (асс.); похититель был найден на другой день и возвратил Филарету из украденных только 200 руб., а остальную сумму обещал уплатить впоследствии, внося в неё ежегодно по 300 руб. Вор был слуга архиерейского дома Федоров, который, после уличения в краже, более трех суток скрывался в архиерейском доме, в келье архиерейского эконома Владимира, покровительствовавшего Федорову.⁵⁸ Дело, кажется, хотели замять, как скандальное для архиерейского дома, или, по крайней мере, кончить домашним образом. Но Мамин воспользовался этим случаем, чтобы кольнуть архиерея и выставить напоказ темные дела архиерейского дома, и подал в консисторию 6-го февраля такого содержания доклад: «До сведения моего дошло, что в оренбургском архиерейском доме, именно в келье иеродиакона Филарета, во время ночи, в небытность его, покрадено 2.500 руб., по его показанию. Вор этих денег найден и укрывается в архиерейском доме. Вследствие чего я просил-бы оренбургскую консисторию спросить кого следует, справедлив-ли этот слух».⁵⁹ Со стороны Мамина это был самый дерзкий вызов архиерея на брань; выходка самая обидная и язвительная, заключавшая в себе гораздо более, нежели сколько сказано в докладе. Архиерей был раздражен, потому что его унизили в глазах консистории и целого города. Это состояние души преосвященного Иоанникия не могло укрыться от некоторых членов консистории, особенно пользовавшихся его расположением; а может быть и сам Иоанникий не скрыл пред ними своих чувств и дал полную свободу своему негодованию на поступок Мамина. Когда, таким образом, члены консистории уверились, что архиерей будет за них против Мамина и что всякое нападение со стороны их на секретаря будет принято с удовольствием преосвященным,

тогда три члена: Кандарицкий, Лепоринский и иеромонах Владимир, как бы желая подслужиться архиерею, 23-го марта 1836 г. подали ему следующий доклад: «Указом из св. правительствующего синода, 28-го ноября 1832 г. воспоследовавшим, по делу о сужденном в оренбургской палате уголовного суда губернском секретаре Мамине за растрату разных сумм консисторских, между прочим, предписало было: допустить Мамина к прежней должности секретаря в консистории с тем, что в случае каких-либо беспорядков и незаконных действий впредь, ответственность в том отнесена будет на самое епархиальное начальство.

Вследствие чего, допустив того Мамина к исправлению должности секретаря в консистории, мы надеялись, что урок оной бытности под судом за растрату сказанных сумм уже внушил ему важность государственной службы, а обязав его в тоже время подпиской в том, что сию должность, снова ему поручаемую, он исправлять будет сообразно узаконениям, мы полагали, что если он, Мамин, и забудет оный урок, правительством ему заданный, то, по крайней мере, останется верен упомянутой подписке своей.

В каковых понятиях об нем, секретаре Мамине, мы и были до минувшего 1835 г., но, одоблив его в послужных списках, как и прежде, за оный минувший год, ныне уже раскаиваемся. Ибо сождав лукаво сего одобрения нашего, он, секретарь Мамин, не только в замеченных нами беспорядках у него не исправляется, но от одного дня до другого делается безнадежнейшим.

Когда ж доходит у нас до напоминаний ему обо всем том, тогда он, секретарь Мамин, отвергая их с презрением, величается, что не мы, а сам он ревизор наш в консистории по власти, якобы данной ему от г. обер-прокурора св. синода, что только его же превосходительству как за нас, членов, так и за всю консисторию отвечает он, имея от него на все то, будто бы, предписания, и что по неимению прокурора в консистории, сам он, Мамин, не только секретарь, но и прокурор в оной. А какие между тем делал он еще личные обиды нам, членам, по проявившейся наглости в нем, то хотя об оных мы здесь писать и стыдимся, но долее терпеть их от него уже не можем: так они

грубы и тяжки. Докладывая о сем вашему преосвященству, мы, в заключение всего, имеем долг изъясниться, что с сего времени мы уже никакой за него, секретаря Мамина, ответственности на себя не приемлем, ибо по прописанным обстоятельствам оной боимся. А потому и просим покорнейше учинить архипастырское вашего преосвященства распоряжение об избавлении нас от оной ответственности за него, секретаря Мамина».⁶⁰ Архиерей с радостью принял этот доклад, как нельзя более соответствовавший его собственному желанию; но как доклад был подписан только тремя членами консистории, а следовательно поэтому не имел полной силы и значения, то преосвященный сделал запрос не подписавшимся членам: «Ручаются-ли они за секретаря Мамина, и почему не подписались под докладом протоиереев: Кандарицкого и Лепоринского и иеромонаха Владимира?» Протоиереи Бреев и Несмелов, к которым относился запрос Иоанникия, хотя также не брали на себя ответственности за Мамина, но и не подтвердили доноса трех членов, и дали ответ по этому случаю уклончивый и неопределенный.⁶¹ Архиерей, получивши отзывы Бреева и Несмелова, тотчас удалил Мамина от должности, велел прекратить ему жалование и запретил выдавать ему в почтамте бумаги, адресованные на имя консисторского секретаря, а должность секретаря поручил Агафонову, врагу Мамина. Если дерзок был поступок Мамина, то столь же незаконно самоуправство архиерея, предвосхитившего себе власть синодальную, потому что определение, перемещение и увольнение секретарей консисторий принадлежит власти синода, а не местного архиерея. Самоуправство Иоанникия должно было вызвать новые дерзости и сильные протесты со стороны секретаря. Мамин, видя, что теперь идет игра на всю его судьбу и карьеру, начал употреблять все средства, чтобы защитить себя и погубить своих врагов: он обращался с обидными докладами и дерзкими вопросами к архиерею, следил за ним и не давал ему покоя, завалил обер-прокурора доносками, а архиерея и консисторию докладами и протестами. Лишь только он узнал о доносе на него членов консистории, как подал два доклада – один в консисторию, а другой архиерею; в

этих докладах он просил оренбургскую духовную консисторию до прибытия в Уфу синодального обер-прокурора, или комиссии, которую он решился испросить у верховного правительства для исследования действий здешнего епархиального начальства, «всеми секретными мерами против него приостановиться». «Причем – писал он – обязанностью считаю доложить оренбургской консистории, что в случае малейшей несправедливости против меня, до прибытия или г. синодального обер-прокурора, или комиссии, я вынужден буду испросить защиты у постороннего правительства».⁶² Когда угроза не имела никакого действия и он был отставлен, тогда он делает доклад, обидный для Иоанникия, или, лучше, задает ему вопрос: «может-ли эконоом архиерейского дома Владимир, отрешенный от эконоомской должности вследствие резолюции вашего преосвященства, как укрыватель вора и как неспособный к исправлению, присутствовать в консистории, где должно заседать не только беспорочное, но и избранное духовенство»? Этим вопросом Мамин прямо почти называл Иоанникия глупцом, который до такой степени недалек, что человека, который не может быть эконоом архиерейского дома, оставляет членом консистории. Потом посылались от Мамина ряд доносов на Иоанникия обер-прокурору: во-первых, он доносил что «с прибытием преосвященного Иоанникия из Вятки в Уфу появились в архиерейском доме пять человек: один из них иеромонах Виталий, как видно из послужного его списка, бывший вятского архиерейского дома эконоом, вступивший в монашество из подьяческого звания, другой, Лелявский, именуется послушником, а трое неизвестных консистории. Виталий сделан был эконоомом вместо иеромонаха Владимира, исправлявшего эту должность 12-ть лет не только беспорочно, но еще приобретшего архиерейскому дому 12,000 рублей. Лелявский-же занял две должности: иеродиаконскую при крестовой церкви и иподиаконскую при кафедральном соборе, а прочие неизвестно консистории чем занимаются. Лица эти при первом своем вступлении в оренбургскую епархию начали вести себя очень несообразно своему званию и месту, где они *угнездились*. Получив в городе, привыкшем видеть

благочестие в доме архиерейском, невыгодные слухи о их поведении, я обязанностью почел словесно доложить его преосвященству о таких соблазнительных слухах. Его преосвященство, по-видимому, оказавши удовольствие за предостережение, благоволил сказать мне, что он постарается все это прекратить. Следствие показало противное»; в доказательство чего Мамин приводит воровство, случившееся в архиерейском доме, о чем мы уже упомянули, распространившиеся по городу слухи о соблазнительном поведении молодежи, наполняющей архиерейский дом, и изгнание из архиерейского дома старца Нехорошкова, носившего на себе железные вериги. Во-вторых, жаловался Мамин обер-прокурору, что когда оренбургская консистория спрашивала преосвященного: кому ей сдать имущество архиерейского дома, он, поручив прием новому, привезенному из Вятки эконому, его, Мамина от сдачи устранил, потому что еще до начала сдачи издержано было на содержание приехавшей с архиереем свиты более тысячи рублей из накопленных прежде 12.000. В-третьих, что преосвященный Иоанникий, раздраженный словесными и письменными докладами Мамина о беспорядках по архиерейскому дому, приказал членам консистории, которых определение и смена и даже самый сан зависят прямо от него, на последней неделе великого поста, когда и присутствующие консистории (кроме кафедрального протоиерея Кандарицкого), и канцелярские чиновники с ним занимались одним богомыслием для исполнения христианских обязанностей своих, написать против него вышеприведенный доклад. «Я, продолжает Мамин, после узнал, что доклад тот подписан членами, подвергшимися ответственности вследствие моих настояний, именно: о. протоиереем Кандарицким, расстроившим совершенно архив консисторский, ключарем протоиереем Лепоринским, против которого я еще в прошлом году протестовал в том, что он, при преосвященном Амвросии за отменно противозаконное действие быв отрешен от присутствования в консистории, с тем, чтобы на будущее время не определять его к подобным должностям, при преосвященном Аркадии допустил себя к

присутствованию в оной (без справок), и иеромонахом Владимиром, который, будучи угнетен при архиерейском доме и его преосвященством, и приехавшею с ним свитою, не имел духа воспротивиться приказанию его преосвященства; другие же члены доклада того подписать не согласились. Его преосвященство, после многих личных убеждений сим последним подписать доклад, наконец отобрал от них показания. Показания эти, как дошло до сведения моего, вполне не подтвердили доклада, составленного вне присутствия и даже не имеющего нумера. Но его преосвященство в данном консистории предложении изволил написать, что он вследствие доклада некоторых членов консистории, подтвержденного показаниями других в чем-то, представил св. синоду об удалении меня от секретарской должности, и вследствие сего приказал удалить меня тотчас же. По поводу этому я без всякого даже постановления консистории упоминаемыми о. протоиереями Кандарицким и Лепоринским устранен в тот же день от дел, за которые более всех обязан отвечать высшему правительству, а по вытчикам внушено, в случае если я решусь оправдываться, не давать мне ни одного деда для справок, и впоследствии сообщено в Уфимскую почтовую контору, чтобы бумаг, следующих на мое имя, не доставлять мне».⁶³ В-четвертых, что преосвященный Иоанникий разрешил священнослужение священнику Уфимской Богоявленской церкви Высокогорскому, который, сверх многих других противозаконных поступков, подвергся ответственности за неведение метрических и обыскных книг и за незаписывание сумм по церкви в приходо-расходные книги, а также за отказ дать объяснение по этому делу консистории, соединенный с обидою членов консистории и секретаря.

Протасов все эти доносы Мамина предложил синоду, который нашел доклад против секретаря, подписанный только тремя, а не всеми членами, сомнительным, а основанное на этом докладе распоряжение преосвященного об удалении Мамина от должности самоуправным и приказать немедленно допустить его к исправлению должности, удовлетворив и всем следующим по сие время жалованием. «Если же, писал синод,

Мамин изъяснялся иногда пред преосвященным, забывая должное приличие и как бы с некоторым устрашиванием, то сия нескромность требовала одного начальнического замечания и внушения Мамину быть впредь осторожнее и не забывать должного к преосвященному уважения. А два доклада Мамина, к преосвященному и в консисторию поданные, о приостановлении распоряжений по докладу на него трех членов, ничего особенного в себе не заключают, кроме необдуманного предположения его просить для исследования действий епархиального начальства назначения особой комиссии и пособия от гражданского начальства, а посему и сии обстоятельства не подвергали Мамина удалению от должности». ⁶⁴ Что же касается до приписываемых Мамину беспорядков и упущений по должности и неприличных поступков, то синод велел произвести надлежащее следствие, истребовав прежде от подписавшихся под докладом членов ясное показание, в чем именно состоят эти беспорядки и неприличные поступки, а также где, когда и почему без ведома и согласия двух присутствующих тот доклад был составлен. За неприличные и дерзкие выражения Мамина в докладах против преосвященного Иоанникия синод сделал ему строгий выговор, с подтверждением впредь таковых поступков остерегаться. Самому преосвященному поставлено было синодом на вид его самоуправство в удалении от должности Мамина, так как определение и увольнение консисторских секретарей зависит от св. синода, и подтверждено ему, чтобы на будущее время не простирали власти своей далее её пределов. Наконец, по протестам на него Мамина потребованы обстоятельные объяснения. Вообще указ синодальный был более в пользу секретаря, чем архиерея. Мамин торжествовал; сторонники его, прежде робко и боязливо державшиеся его, теперь открыто пристали к нему и стали защищать его интересы; сам он, ободренный первым успехом, стал еще неумолимее к архиерею и его партии, досаждал и постоянно беспокоил его докладами, неутомимо доносил обер-прокурору о беспорядках, открываемых им в епархиальном управлении. Вражда между партиями теперь приняла характер ожесточенный; враги, считая

позволительными все средства, дошли до забвения всякого приличия, клеветали друг на друга, подыскивались, подсылали, подбрасывали дела и бумаги, разламывали столы, где хранились дела, судили друг друга, производили следствия, отрешали от должностей, не довольствуясь судом домашним, обращались к суду уголовной палаты и губернского правления, и во всем этом пробивались наружу мщение к врагам и пристрастие к сторонникам. Доносы, один другого грязнее, от той и другой стороны, восходили в синод и к обер-прокурору. Мамин обыкновенно обращался со своими доносами к обер-прокурору, а архиерей в синод. Так, Мамин доносил обер-прокурору, что 1) архиерей в течение 9-ти месяцев выдал около ста сорока ставленнических грамот, тогда как по малочисленности церквей в оренбургской епархии прежде сего не выдавалось и пятой части в целый год. Между тем, в тоже время он с непонятным равнодушием отказывал поставить священника туда, где в нем настояла крайняя надобность, в доказательство чего представлял Мамин то обстоятельство, что еще в марте месяце 1836 г. несколько раз лично просили его преосвященство поверенные от единоверцев Челябинской округи села Сладких Карасинской церкви к себе священника. Они имели в нем необходимую нужду, потому что приход их, состоящий слишком из пяти тысяч душ обоего пола и рассеянный по всей Челябинской округе на пространстве более двухсот верст, не имел у себя ни одного штатного пастыря. Но его преосвященство, несмотря на представление поверенных, что многие из доверителей их, будучи еще юны в единоверии, могут обратиться опять в раскол; несмотря на представление консистории, опасавшейся того же самого и объяснявшей ему, чего стоило епархиальному начальству обращение их к единоверию, не дал им священника, и они вынужденными нашлись обратиться со своею просьбою в Пермскую губернию, к какому-то покровителю единоверцев, купцу; 2) что Лепоринский, член консистории, с чиновником Агафоновым скрывали дело о священнике Агрове, родственнике Лепоринского, обличаемом диаконом Касаткиным в произнесении оскорбительных слов против Государя Императора; 3) что в архиерейской Крестовой

церкви найдены разбитыми два ящика, в которых хранилась свечная и братская сумма, и находившиеся в них деньги неизвестно кем украдены. Дело это хотели скрыть и последствия произведенных по нем разысканий ограничились только тем, что вскоре после этого случая один из племянников Иоанникия переведен из архиерейского дома на жительство в семинарию. Но Мамин написал об этом воровстве доклад Иоанникию, который сдал его в консисторию с такою резолюцией: «Хотя доклад сей заключает, по-видимому, одно донесение о прописанном происшествии, но поскольку я подобными докладами секретаря Мамина оболган уже пред г. синодальным обер-прокурором и св. синодом, то полагаю, что и сей доклад имеет ту же цель, а не доношение ко мне, а потому объявить ему, что я ревизором его над собою и архиерейским домом не признаю и впредь подобных бумаг принимать от него не буду, имея в доме своем должностных лиц, наблюдающих за порядком. А как я слышал, что в консистории имеется дело об обиде, причиненной им самим, Маминым, в консистории бывшему соборному священнику Соколову, то донесено-ли было о сем г. обер-прокурору, и чем оно решено, рекомендую консистории представить ко мне оное». Мамин и эту резолюцию архиерея сообщил обер-прокурору при докладе об известной покраже с таким интересным прибавлением, что «в Крестовую церковь есть два входа – один из коридора, другой из комнат его преосвященства; замки того и другого входа оказались целыми и даже неповрежденными; ключи же от них хранились от первого у казначея иеродиакона Филарета, а от последнего у его преосвященства, но похитители не отысканы». Доносилось также 4) что, вскоре по удалении Мамина от должности, члены консистории, с утверждения его преосвященства, под предлогом приведения в порядок расстроенных кафедральным протоиереем Кандарицким и титулярным советником Агафоновым дел, собрали в одну кучу все дела без описей по 1833 год, смешали с ними прежние и в комнате, занятой сторожем, четыре дня сряду топили печь по два и по три раза в день, по распоряжению Агафонова, и сожгли таким образом множество консисторских бумаг. Впоследствии Агафонов донес

консistorии, что он, по неусердию к предпринятому делу канцелярских чиновников консистории, не может далее продолжать сделанного ему поручения и этим кончила свое существование комиссия о приведении консисторского архива в порядок. По вступлении в должность секретаря, Мамин с жаром принялся за расследование этого дела и узнал, что обвинение в недеятельности канцелярских служителей при разборе консисторских дел было со стороны Агафонова уловкой для сокрытия своего поступка. Объяснения чиновников Боголюбского, Бирюкова и Докина, представленные консистория, ясно обличили Агафонова в сожжении консисторских дел, а потому члены консистории, бывшие на стороне Мамина, постановили: Агафонова, как уже удаленного от должностей по консистории, отрешить вовсе от них и предать суду. Но преосвященный оставил это определение без исполнения. 5) Что «4-го числа ноября в секретарском столе, где хранились секретные бумаги, одна доска, прибитая гвоздем, была отодрана так, что свободно можно было в запертый стол просунуть руку и взять оттуда бумаги, или положить их. Обстоятельством сим быв я поражен, тотчас призвал канцелярских чиновников консистории и отодранную от стола доску показал им, потом заявил это членам консистории и настоял записать все это в журнал, запечатав стол. После попросил освидетельствовать стол и сделать розыск. Но архиерей и этой бумаги не решил». 6) Что ему, Мамину, подкидывают на окошко подле секретарского стола дела и бумаги, о которых он не имел понятия, чтобы обвинить его в сокрытии этих дел и бумаг, и что он подозревает в этих проделках члена консистории Лепоринского и Агафонова. 7) Что протоиерей Бреев представил в присутствие консистории мещеряка Шалкумдилова, объявившего, что он не допускается к преосвященному служкою, который после многих вымогательств взял с него два целковых, но прошения его не принял, сказав, что оно написано не по форме. А прошение мещеряка состояло в просьбе просветить его св. крещением.

Если Мамин был щедр на доносы, то и враги его также не дремали. Преосвященный Иоанникий, в объяснениях своих

синоду на протесты Мамина, обвинял его во лжи, дерзости, бессовестности и т. под. Так, он в опровержение слухов о беспорядочной, будто бы, жизни своей свиты представлял, что вся свита, прибывшая с ним из Вятки, состоит из иеромонаха Виталия, которого он сделал экономом архиерейского дома, послушника Лелявского, помещенного на иеродиаконскую вакансию и иподиаконскую при соборе, и трех его племянников, *людей не секретных, а известных*. Племянники его родом из тверской епархии, дети родного брата, взяты им на воспитание по бедности матери в 1832 г., при поступлении его в вятскую епархию; из них двое старших, Иван и Федор Образцовы, поступили ныне в философский класс, а третий, Василий, в словесность, и состоят в ведомстве оренбургской семинарии, а по епархиальной части принадлежат ведомству тверской епархии. «Секретарь Мамин писал Иоанникий – в продолжении января, февраля, марта и апреля, пока сделал донос начальству, хорошо и верно б мог узнать о происхождении и занятиях их от семинарского правления, но ему нужны были ябеды на меня, а потому и сие ничтожное обстоятельство, как важное, не устыдился внести к умножению клевет в число их и выставить, как можно с черной стороны. Послушник Лелявский есть действительный послушник, а не по имени, не иеродиакон, ибо не имеет сего сана, происходит из духовного звания и при мне находится не менее пятнадцати лет. Иеромонах Виталий также духовного происхождения, из священнических детей, но служил сперва по канцелярии в светском звании, а потом, дослужившись обер-офицерского чина, поступил в монашество и находился в разных монастырях, нося главные должности. Чтоб эти лица вели непристойную жизнь, я ни сам ничего не замечал, ни от посторонних не слыхал. В покраже, случившейся в моем доме у иеродиакона Филарета, никто из них не был участником, а потому и никакого нареkania не могло на них ни от кого падать. А если были какие слухи, до ушей моих доходившие, то это были слухи: а) о самом секретаре Мамине, заключающиеся в том, что он разные изобретает нелепости относительно архиерейского дома и распускает оные по городу, как-то: похвалялся якобы в доме-ли бывшего вице-губернатора

г. Лаврова, где он коротко был принят, или в другом месте, что одного архиерея упрятал в Успенский, а другого упрятал в Соловки, и что меня во всем он преследует. Но поскольку слухам доверять не позволительно, то я старался, по возможности, удостовериться в качествах секретаря Мамина по обращению его самого и из оного ничего не усмотрел, кроме свар и дерзостей, что и настоящие изветы показывают, и нынешнее положение дел. Пока секретарь Мамин был не у должности, дотоле по консистории и по дому моему все шло чинно и в порядке, а ныне, коль скоро опять возвратился к оной, то сейчас-же появились новые предосудительные происшествия в доме моем, а в консистории разные препирательства. Особенно замечательно: секретарь Мамин вступил снова в консисторию в 15-е сентября, а у меня в тоже число, или на другой день оказалась в Крестовой церкви расхищенною братская кружка, из коей выкрадено 20 руб. серебром. Конечно, это делают неблагонамеренные люди, но поскольку разные происшествия следуют одно за другим с поступления вновь Мамина в консисторию, то не могу не подумать, что это все делается по интригам враждебных дому лиц, преданных Мамину. В консистории одни раздоры и даже бумажные состязания. Уверен, что ни в одной консистории нет подобного хаоса. Из присутствующих одни раболепствуют секретарю и поддерживают его замыслы, другие, основательнейшие из них: протоиерей Кандарицкий и ключарь Лепоринский, желали бы вовсе выйти из оной, отчего выходит одно нестроение. Я смучился, видя и слыша такое нестроение в духовной коллегии, какое не может быть терпимо и в светском правительстве. Св. синод умоляю обратить на сие прозорливое свое внимание. Ей, не лгу! б) Был также недобрый слух о служителе Федорове, что он, будучи женат, неотлучно живет у эконома иеромонаха Владимира, а эконом особенно ему доброхотствует; но прежде, нежели я что мог сделать относительно этой невыгодной молвы, служитель Федоров учинил воровство в иеродиаконской келье и предан светскому суду». Далее пр. Иоанникий рассказывает, как произошло это воровство, как эконом Владимир укрывал вора у себя в продолжение четырех суток⁶⁵ и тем изобличил себя в

неблагонамеренности, да, кроме того, не показывает ни малейшего усердия к своей должности. «Сидит, пишет Иоанникий, как бы неподвижно в покоях, не обращая никуда внимания, где что делается. Притом, покражи и прежде этого случались в архиерейском доме, от чего наконец зло это возросло до величайшей степени, а ограничения нимало не видно; кто бы должен останавливать оное, в том приметна еще защита. По сим-то обстоятельствам, я вынужденным нашелся уволить иеромонаха Владимира от экономской должности и поручить оную иеромонаху Виталию, по его способности». Потом Иоанникий, опровергая Мамина, утверждает, что розыск о воровстве начался по распоряжению его, а не вследствие доклада секретаря, даже отрицает существование этого доклада; если-же он был, то при деле его нет. Также опровергает преосвященный Иоанникий донос Мамина о безвинном изгнании из архиерейского дома Нехорошкова. «Нехорошков, писал архиерей, был из сословия казаков и имел в живых жену. Консистория ходатайствовала, вероятно, по действию Мамина, чтоб постричь его в рясофор. Но я не решился на это и отказал по означенному препятствию. Он был не иное что, как ханжа. Часто сквернословился и нередко рассказывал сны, а между тем сковал себе без позволения вериги, надевал их в одни праздничные дни для показу и распространял слух к соблазну простодушных, что они у него со святого. Узнавши об этом, я приказал эконому воспретить ношение их. Вследствие сего вериги он продал штатному служителю за пять рублей, а после, спустя месяц или более, стал просить себе билета на богомолье. Консистория положила уволить его, а я утвердила. определение консистории. Ныне, обозревая епархию, видел его Челябинской округи Усть-Уйсной крепости на месте жительства его, где он в доме проживает со своею женою. Таков-то благочестивый старец, которого секретарь Мамин превозносит похвалами и великолепно описывает его добродетели. Ему не было и нет никакого повода иметь неудовольствие на архиерейский дом и произносить хулы на оный».⁶⁶ По другим извещениям Мамина, Иоанникий оправдывается так: 1) что он не устранял Мамина от

присутствования при сдаче имущества архиерейского дома, когда была первая сдача этого имущества, по прибытии его в Уфу; что же касается до второй сдачи, последовавшей при перемене эконома архиерейского дома, то секретарь допущен не был потому, что сдача дома была недавно, а следовательно могла быть совершена и без него, имеющего так много дел по консистории, в присутствии при этом одного члена консистории и казначея архиерейского дома. 2) Извет Мамина, что он устранен от сдачи будто бы потому, что велик был расход в деньгах, истраченных на архиерейскую свиту, есть сущая ложь. Расход по архиерейскому дому вел эконом Владимир, а следовательно архиерей даже не мог знать, как велик был этот расход. На свиту свою архиерей ничего особенного не требовал, потому что племянников своих содержит собственным своим коштом, доставляя им от себя платье, белье, обувь, книги и другие потребности, а простой стол, получаемый ими от эконома, в общей массе почти не составляет никакого счета «и дать кусок хлеба им, или другим, кажется, пишет Иоанникий, я имею право». Расход по дому архиерейскому не превосходит пятисот рублей в месяц. В доказательство того, что у него нет напрасной траты денег по дому и казенный интерес соблюдается честно, Иоанникий обращал внимание синода на остаток от протекшего года, который не мало превышал остатки от прежних годов, несмотря на то что издержки были довольно значительны. 3) Писать доклад о беспорядках Мамина членам консистории не приказывал, а также не убеждал протоиереев Бреева и Несмелова к подписанию доклада на Мамина, но только, когда доклад подан был протоиереем Кандарицким без их руки, призывал их к себе и дал каждому прочитать его вполне, а потом потребовал от них отзыва письменно. Наконец, в 4-х, разрешил в служении священника Высокогорского, потому что суммы по Богоявленской Уфимской церкви находятся, по свидетельству протоиерея Субботина, в должном порядке и исправности. В заключение своих объяснений, Иоанникий написал:

«Смею уверить, едва-ли есть подобный секретарю Мамину по консисториям в целой России».⁶⁷ Доселе Иоанникий только

защищался от нападений Мамина, но теперь он выходит из этого страдательного положения и начинает со своей партией вести против него войну наступательную. Так, 1) доносил он синоду, что служащий в уфимской консистории титулярный советник Агафонов рапортом донес ему о важном подлоге, сделанном секретарем Маминым и подканцеляристом Боголюбским, именно, будто бы они доставили из канцелярии оренбургской консистории в оренбургское рекрутское присутствие фальшивую справку о новокрещене из мещеряков Дмитриии Гавриилове, показавши ему 18 лет, чего в метриках не значится, да и нет правил, чтобы годы крещенных выставлять в метрических книгах. 2) Мамин самовольно с протоиереем Бреевым произвели следствие над Агафоновым, по случаю сожжения, будто бы, им архивных дел, тогда как Агафонов, заботясь о приведении в порядок консисторского архива, при исполнении этого дела, встретил нерасположение к сему занятию в канцелярских служителях и донес о том консистории, жалуюсь особенно на столоначальника Боголюбского и копииста Бирюкова. Консистория, по рассмотрении его доклада, сделала им строгое подтверждение к послушанию, а от Боголюбского и Бирюкова потребовала объяснения. Объяснения ими представлены поздно, когда Мамин снова находился при своей должности, а потому дело это приняло совсем другой оборот. Присутствующие консистории, протоиереи Бреев и Несмелов и иеромонах Владимир, по настроению Мамина, оставя в стороне донос Агафонова на непослушание Боголюбского и Бирюкова, решились самовольно произвести следствие над самим Агафоновым в том, что он, перебирая бумаги в архиве, некоторые из них, будто бы, предал огню. Когда архиерей спросил их, какое они производят следствие и с чьего позволения, то они отвечали, что следствия никакого не производят, а между тем, вместе с этим объяснением, прислали к нему и следственное дело «о сожжении якобы бумаг Агафоновым», с мнением своим и протоиерея Несмелова и иеромонаха Владимира, чтоб «Агафонова отрешить от всех занимаемых им должностей, а приведение в устройство архива, как требующее особых средств, отложить до особого

рассмотрения». Старшие члены консистории мнения этого не утвердили и положили снова учинить розыск об этом деле, устранив от него, как прикосновенного, секретаря Мамина, старающегося всеми мерами затмить истину. 3) Секретарь Мамин в присутствии консистории 10-го декабря (1836 г.) произвел непристойный шум, чувствительно оскорбив члена её, кафедрального протоиерея Кандарицкого, о чем сей последний представил рапорт архиерею в тоже время. 12-го числа, для удостоверения в этом происшествии, архиерей лично отправился в консисторию, где протоиерей Кандарицкий опять повторил свою жалобу на Мамина при нем самом, а члены, бывшие в то время налицо, подтвердили почти во всем её справедливость, вследствие чего составлен был журнал в присутствии архиерея, за подписанием членов.

При сем случае, писал Иоанникий, за неизлишнее почел я обратить некоторый взгляд на порядок текущих дел в консистории в настоящем годе, по коему оказалось: 1) некоторые журналы со времени допущения к должности Мамина не подписаны членами консистории и даже самим Маминым; 2) настольные реестры он держит у себя, не предлагая присутствию».

При возбуждении страстей с обеих сторон, конечно, нельзя было и надеяться на успешное производство над Маминым следствия. Действительно, оно прекратилось при самом начале, частью от неопытности следователя, архимандрита Никодима, давшего ему неправильное поправление, а частью от страстного и напряженного состояния членов консистории, которые при опросах начали между собою состязаться, возражать друг против друга и говорить колкости, некоторые же приняли на себя роль адвокатов Мамина, отказавшегося наконец от дачи ответов. Таким образом, главный предмет, который нужно было обследовать – донос трех членов о беспорядках секретаря Мамина – не только остался неразъясненным для св. синода, но еще более запутался и осложнился от обстановки его разными протестами, доносами, докладами и обвинениями, которые из своей совокупности образовали самое многосложное дело. Синод, рассмотрев все

предметы, вошедшие в состав этого дела, и делопроизводство по ним, поражен был невежеством и совершенным незнанием епархиального начальства с самыми первоначальными формами судопроизводства, неправильностью и пристрастием решений, несоблюдением форм, забвением приличия и неуместным обращением к суду гражданскому. Но в тоже время из донесений самого преосвященного Иоанникия и взаимных обвинений членов и секретаря, синод не мог не усмотреть, как много допущено беспорядков по оренбургскому духовному управлению и консистории. Так, по епархиальному управлению замечено было синодом, что а) послушники архиерейского дома имеют по два места, что несообразно с церковными правилами; б) в доме преосвященного живут его племянники, принадлежащие по рождению тверской епархии; «сие допущено, пишет синод, несообразно, с указом св. синода, которым архиереям иметь при себе родственников не позволено»; в) иеромонаха Владимира, как удаленного от должности эконома архиерейского дома за неисправность и, притом, как объясняет сам преосвященный, поведения непостоянного, не следовало оставлять членом консистории; г) на донесение Мамина, будто бы за некоторое немаловажное дело протоиерей Лепоринский был удален еще в 1825 году от должности по консистории, не обращено внимания и предмет этот св. синоду не объяснен. По консистории: а) помещенное делопроизводство о положении архива и о действиях чиновника Агафонова, о которых, согласно с доносом Мамина, показали и прочие чиновники канцелярии, обнаруживает в высшей степени беспорядок в архиве, куда, как видно, дела не сдавались из столов за несколько лет и могли поступать даже нерешенные; б) из объяснений членов на запросы архимандрита Никодима, и вообще из прений их, видно, что порядок делопроизводства по консистории нисколько не соблюдался: дела в докладные реестры вносились членами, а журналы заседаний составлялись только для вида, преосвященному же представлялись черновые, что совершенно вне всякого порядка; в) в таком беспорядке могли действительно дела лежать без движения по несколько лет и

совершенно пропадать, как и пропала, будто бы, по изъяснению Мамина, часть дела о протоиерее Лепоринском; г) распри между членами довели их до забвения всякого порядка. На протоиерея Бреева падает подозрение, что он, из дружбы к Мамину, решился ввести в присутствие консистории какого-то мещеряка Шалкумдилова, объявившего, что он не допускается к преосвященному службою, который требует от него денег. Далее, такие распри членов дали повод к ссорам и канцелярским чиновникам, которых взаимные обвинения обнаруживают, что одни из них склонны к злоупотреблениям, как обвиняют Агафонова, а сей обвиняет других, а другие к нетрезвости, как показывает Агафонов о Бирюкове. «По существу всех вышеизложенных обстоятельств, говорится в синодальном указе, св. синод определяет: 1) секретаря Мамина, за дерзость против начальства, удалить от должности, оставив дальнейшее о нем суждение до окончания предназначаемого исследования по упоминаемым делам и 2) протоиерея Бреева, за дерзость также против начальства, удалить от присутствования в консистории, а на место его в консисторию предоставить епархиальному преосвященному определить другого, благонадежнейшего. О протоиерее Несмелове, которого неправильное действова­ние происходило приметно более от слабости характера и неблагонамеренных внушений, нежели от собственной неблагонамеренности, предоставить преосвященному рассмотреть, может-ли он с пользою оставлен быть присутствующим в консистории. Иеромонаха Владимира теперь-же удалить от должности члена консистории, а протоиереям Кандарицкому и Лепоринскому внушить, чтоб они впредь удерживались от всех отступлений от порядка и не допускали себя ни к каким распрям и неправильным действиям. 3) Вышеизложенные неправильные действия преосвященного Иоанникия поставить ему на вид, с тем, чтобы он употреблял бдительнейшее влияние, дабы действова­ние его по делам было в точной сообразности с законным порядком и с достоинством его звания. 4) За сим, относительно замеченных по епархиальному управлению беспорядков, преосвященному Иоанникию предписать: а) обратить строгое внимание на

положение архиерейского дома и установить в нем порядок, соответственный сему дому, удалив лиц посторонних и в поведении сколько-нибудь сомнительных; б) послушника Лелявского и всех других, занимающих по две должности, вопреки порядку, оставить при одной какой-либо и впредь подобного не допускать и в) по делам: по докладу членов консистории на секретаря Мамина от 4-го апреля о неверной справке относительно лет новокрещенного Гавриилова, о сожжении архивных дел, о сокрытии протоиереем Лепоринским доноса на священника Агрова, и вообще о всех беспорядках по консистории, все начатое производство, по несоблюдению законного порядка, как недействительное, прекратить. 5) О всем том произвести новое подробное исследование, которое и поручить московской св. синода конторы члену, ставропигиального Донского монастыря архимандриту Феофану, с предписанием ему произвести оное отдельно по каждому из вышеупомянутых дел со всею точностью, и, притом, обревизовать вообще за последние шесть лет дела консистории в отношении порядка и успешности производства оных, с обращением внимания и на состав чиновников канцелярии в отношении их способности и нравственности, и затем произведенные им следствия представить св. синоду для рассмотрения и дальнейшего поступления с виновными по законам. В помощь ему, архимандриту Феофану, назначить ректора оренбургской семинарии архимандрита Никодима, с тем, чтобы они составляли присутствие, вели журнал своих действий, и потребные к делу показания от прикосновенных лиц брали в своем присутствии, не допуская, как допускаемо было прежде, медлить и писать по домам бумаги не по существу касающихся до каждого вопросов, с примешанием обстоятельств посторонних и отзывов оскорбительных, а по части письмоводства прикомандировать того чиновника, который определен будет в консисторию секретарем».⁶⁸

Действительно, единственным исходом из того состояния, до которого дошли дела епархиальные по оренбургскому управлению, была синодальная ревизия: домашними, местными лицами и средствами нельзя было развязать того

узла, который страстями, неумеренностью и недобросовестностью был до нельзя запутан. Но, рассматривая вышеприведенный синодальный указ, нельзя не заметить, что синод отчасти облегчил для ревизора развязку этого узла, безусловно обвинив маминскую партию, отставив от должности его и протоиерея Бреева, и что таким образом указал ревизору направление, которого он должен держаться при производстве следствия. Сравнивая этот указ с другим, которым определялось произвести следствие о Мамине по доносу на него трех членов консистории, открывается резкое различие определений св. синода по одному и тому же предмету: в одном видна снисходительность к поступкам Мамина, находящая в них только забвение приличия и нескромность, которые заслуживают лишь начальнического замечания и внушения и, много-много, строгого выговора, с подтверждением впредь таковых поступков остерегаться; а в другом такая строгость, открывающая в них дерзость, за которую виновный отставляется от должности, не дожидаясь даже окончания следствия, производимого над ним. Причину различия воззрений синода на один и тот же предмет можно объяснить, но только гадательно. Рассматривая подписи синодальных членов под обоими определениями, находим, что под одним нет имен митрополитов Серафима и Филарета, а под другим эти имена стоят; значит, определение синода в пользу Мамина состоялось более под влиянием синодской канцелярии, а другое, невыгодное для него, было действием иерархического влияния; на нем отпечатлелась, может быть, мысль самих членов и, по всей вероятности, мысль московского митрополита, а следовательно оно состоялось в видах защищения и ограждения иерархических интересов и прав. Можно, впрочем, дать и другое объяснение этому противоречию: один из племянников Иоанникия, когда составлялось позднейшее определение синода, служил в то время в синоде, а следовательно, мог ходатайствовать за своего дядю всеми зависящими от него способами.

Ревизоры строго держались программы, данной им св. синодом, произвели следствие по всем взаимным доносам и

обвинениям членов и секретаря. Но прежде изложения тех открытий и результатов, которые были добыты ревизией, мы считаем нужным предварительно заметить, что она была ведена с должным беспристрастием и приличным достоинством. Мы невидим тут ни натяжек, ни потворства одной какой-либо стороне, Мамин является не так дурным, как хотели представить его архиерей и члены консистории, которые, наоборот, не так хороши, как они себя выставляли пред начальством. Если же при рассмотрении этой ревизии мы замечаем отсутствие в ней строгого внимания к действиям преосвященного, то это не вина ревизоров. Синод программю, им данною, как бы изъясил лицо преосвященного от ревизии. Впрочем, она коснулась и его, хотя глухо и робко. Касательно действий Мамина ревизия постановила заключение, что он не обличается в злоупотреблениях, а оказывается только в некоторой степени неисправным по должности, а именно: 1) в позднем иногда приходе к должности в утренние часы и редком хождении после обеда; 2) в отлучке, по его собственному признанию, из города за 40 верст в Благовещенский завод, на которую отлучку было-ли дозволение начальства, по делам консистории не видно; 3) в недостатке собственной деятельности и занятия существенною своею обязанностью, к которой относится и выписка приличных к делам узаконений, чем Мамин сам не занимался. В продолжение трех с половиною лет, в кои был он секретарем, остались нерешенными семь дел, за неучинением выписки приличных к ним узаконений. Одно дело остановилось в ходе своем с 1833 г. и лежало без всякого движения до самой ревизии, по причине не изготовления им, Маминым, отношения от лица преосвященного Михаила на имя г.-губернатора; 4) в не ведении им за все четыре года, в кои был он секретарем, общего настольного реестра; 5) в непредставлении св. синоду ведомостей о получении указов и об исполнении по ним с августа 1834 г. по ноябрь 1836 г., как видно из побуждения от исполнительских дел, найденного консисторией у Мамина и им не помеченного, и в неправильной отметке в ведомости о причинах неисполнения по указам св. синода. 6) Касательно беловых журналов: а) в не смотреии за

своевременной и исправной перепиской их, и б) в том, что большая часть их не подписана членами консистории, к чему побуждать их в свое время с должною благопристойностью и законным образом была его обязанность. 7) В скреплении им на дому, по небытию в консистории, одной исходящей бумаги, без удостоверения, состоялся-ли на неё журнал. 8) В недостатке должного смотрения за столоначальниками и законного побуждения их к скорейшему исполнению своих обязанностей и даже в прикрытии медленности их тем, что на справках, требуемых от них к делам, Мамин не делал пометы, когда справки доложены. Кроме того, что справки, экстракты, выписки из законов и протоколы предлагались чрез полгода, чрез год, полтора и более, самим делам решенным и нерешенным не было у попятчиков описей, которые были составлены уже во время ревизии и по требованию ревизора. Побуждал-ли Мамин нерадивых попятчиков к исправлению таких упущений, по делам консистории не видно. 9) В дерзости Мамина против своего начальства, замеченной и св. правительствующим синодом. «Затем, говорят ревизоры, в других пунктах доклада на него, Мамина, трех членов, как-то: в отвержении им якобы напоминаний их с презрением, назывании себя ревизором и прокурором, сам он признания не учинил и ничем по следствию не изобличен. Что касается до причиняемых якобы им, Маминым, грубых, тяжких и нестерпимых обид трем членам, доносившим на него, то две протоиереем Кандарицким, по чувству христианского долга, прощены ему, Мамину, а две, представленные протоиереем Лепоринским, из коих последняя случилась уже после поданного на Мамина доклада спустя полгода, не доказаны. Иеромонах Владимир, подписавший, вместе с двумя протоиереями доклад, ни одной учиненной ему Маминым обиды не объявил. Совершенное якобы неповиновение Мамина своему епархиальному начальству, на которое ссылается Лепоринский в своих доказательствах, и по случаю которого якобы постановлен журнал 20-го апреля 1836 г., также ничем не доказано и в самом том журнале не сказано о нем ни слова».⁶⁹ По сообщенному в рекрутское присутствие неправильному сведению о летах новокрещенного Гавриилова

Мамин оказался виновным в невнимательности к своей должности.

Но и в беспорядках по службе, замеченных ревизией, Мамин оправдывался тем, что не было возможности найти способных чиновников по малым окладам, а сам он не мог действовать с надлежащею деятельностью по враждебным отношениям к нему членов консистории. Сравнивая состояние консистории при секретарстве Мамина с положением её при его предшественниках, ревизия открывала, что во время Мамина дела пришли в лучший порядок, было более деятельности и движения, нежели прежде, так что отсюда открывается справедливость слов Мамина, что члены консистории не могли и не имели причины делать ему напоминаний об исправлении беспорядков. Да и в допущенных Маминым неисправностях по его должности, по мнению ревизоров, виноваты сами же члены, доносившие на Мамина, во-первых, потому, что не смотрели за исправностью его вообще по законам, и особенно по возложенной на них указом св. правительствующего синода ответственности за него, и еще более виновны, как члены отделений, в совершенном невнимании и даже потворстве своим нерадивым столоначальникам. «Пропадают дела (особенно у Агафонова) и находятся, если строго потребуют; не докладываются бумаги по году и по два, не доставляются требуемые к ним справки; не делается исполнения по резолюциям консистории несколько месяцев, год и два. Посылались указы из канцелярии прежде иногда вовсе без резолюций присутствующих. Беспорядки сии особенно замечены в 1831 и 1832 годах, в отсутствие Мамина. Когда они открывались присутствию, члены смотрели на них хладнокровно: требуются объяснения – их не дают; делают замечание виновному, а сами же не хотят порядком объявить его и взять расписку в слышании. Опозорившие себя пьянством столоначальники Степанов и Некрасов уволены – первый с аттестатом в поведении весьма хорошим, последний с хорошим». «В делах шести лет, пишет далее Феофан, не замечено мною ни одного примера, чтобы хотя один нерадивец или беспорядочный человек из приказных получил какое

взыскание или наказание. Даже не заведено было и книги для записывания выговоров. От сей ненаказанности беспечность в исправлении своей должности, дерзость в нарушении порядка в приказных весьма усилилась. Ни один член не хотел и знать, есть-ли описи решенным и нерешенным делам по его отделению. Наконец, какое обращали внимание члены консистории на своих столоначальников и как судили о их поступках, консистория, как бы в подтверждение истины сего моего донесения, изъяснила в последнем своем ко мне от 30-го апреля сего года отношении об Емельянове. Консистория и член отделения в продолжении десяти лет не знали, и только ныне узнали, что Емельянов, по малым своим способностям, неспособен к своей должности».

Самый донос членов консистории на Мамина ревизор считает ковом, замышленным одним из самых неисправных членов консистории, увлекшим на свою сторону и других, – ковом, задуманным с черною целью скрыть свои злоупотребления, погубивши Мамина. «Оттого они, пишет Феофан, и не раскрывали его беспорядков, что с ними были связаны их собственные, а оттого и доносы их были недоказательны и направлены на предметы посторонние, как-то: на величание Мамина себя ревизором и прокурором. Так, протоиерей Кандарицкий не доказал и не мог даже пояснить, в чем именно состояли беспорядки и упущения Мамина, а также не мог ничем подтвердить и того, что от членов были напоминания Мамину о исправлении допущенных им по консистории беспорядков, и что он отвергал эти напоминания с презрением. Другой член, Лепоринский, хотя приводил довольно доказательств на неисправность Мамина, но заимствовал их большею частью из своего только отделения и потому неисправности и беспорядки своих столоначальников приписывал Мамину несправедливо, и свое собственное несмотрение за ними слагал на Мамина еще несправедливее, потому что за два первые года, в которые собственно усилились беспорядки столоначальников, Мамина не было при консистории, а напротив того, Лепоринский постоянно был членом одного и того же отделения. Третий член, иеромонах

Владимир, никаких беспорядков и упущений Мамина по должности, ни обид от него себе не только не доказал, но и не объявил».

Что же касается членов консистории, то ревизия оставила в покое тех из них, которые уже были отставлены, как-то: иеромонаха Владимира, протоиереев Бреева и Несмелова, и главным образом обратила внимание на оставшихся еще при консистории: протоиереев Кандарицкого и Лепоринского. Кандарицкий прикосновен был к делу о беспорядках, происшедших при разборе консисторского архива в 1836 году. Кандарицкому поручено было от преосвященного Аркадия в 1831 году привести в порядок архив и при этом доносить каждую неделю об успешном ходе этого дела. Чрез два с половиною месяца Кандарицкий донес, что дела с 1800 по 1810 год им разобраны и приведены в порядок. Но это донесение было несправедливо потому, что в бывший в 1806 году пожар все дела по тот год сгорели, а следовательно и не могли быть приводимы в порядок. Когда преосвященный Аркадий переведен был в Пермь, то преемник его требовал сведения о состоянии архива. Кандарицкий скрыл о сделанном ему предместником преосвященного Михаила поручении и, таким образом, не исполнил возложенной на него обязанности и архив остался в прежнем хаотическом состоянии. Хотя, без сомнения, в этом беспорядке виновны были более или менее и другие члены консистории, но Кандарицкий по преимуществу; по вышеизложенной причине Лепоринский найден был ревизией не только неисправнейшим из всех членов оренбургской консистории, но и самым неблагонамеренным. Вот что писал о нем ревизор: ... "само собою разумеется, что первую причину в составлении доклада на секретаря Мамина был тот из членов, который сам знал за собою более других беспорядков и неисправности. По ревизии замечено, что из пяти отделений, на кои разделена оренбургская консистория, отделение протоиерея Лепоринского всех исправнее. Из двухсот дел, оставшихся нерешенными к 1837 году по всей консистории, 70 дел осталось по его только отделению, и в том числе 24 дела остановились собственно за ним. Замечено, что резолюции давал он не в

свое время, а спустя месяц, два, три и более, и по многим делам писал их не в консистории, а у себя в доме. Он показал пропавшими такие дела, которые должны быть по его отделению и не были показаны в ведомости. Он также изобличается в намеренном сокрытии у себя бумаги о священнике Агрове, обвиняемом в произнесении дерзких слов против Высочайшей фамилии. Опасаясь, чтоб неисправность и упущения его по должности не открылись сами собою, а касавшиеся до него дела не открыл Мамин, знавший их по долговременной службе в консистории, он решился предупредить его – составил на него доклад, убедил к тому и других двух членов, конечно в полной уверенности, что дело по докладу окончится одним удалением Мамина от консистории по собственному распоряжению епархиального начальства».

После заключения о секретаре и членах консистории, ревизия произнесла суд свой и над чиновниками консисторской канцелярии. Всех их виновнее и грязнее был помощник секретаря и враг его Агафонов. Вот какие злоупотребления приписала ему ревизия: а) сожжение бумаг при разборе архива; б) беспорядки по делу о новокрещенном мещеряке Гаврилове, навлекающие на него сильное подозрение в злоупотреблении; в) участие в сокрытии, вместе с протоиереем Лепоринским доноса диакона Касаткина на священника Агрова; г) расстройство архива за время бытности его архивариусом, а по дедам своего понытья был более других неисправен; д) служил орудием к взаимным по консистории несогласиям подачею несвоевременных и неправодушных доносов, и наконец е) сильно подозревается в требовании в подарок часов у священника Орской крепости Василия Косьмина. Другие канцелярские чиновники замечены в безграмотности, невежестве, в подлоге и пьянстве. Вот как, напр., ревизор отзывался о некоторых из них: 1) о чиновнике Емельянове: «Наукам нигде не обучался, почерк письма имеет очень плохой; по ревизии особенно замечен в сокрытии и удержании у себя дел, в учинении подлогов, в подчистке и поправке чисел в журналах, на поступающих и исходящих бумагах»; 2) о коллежском регистраторе Боголюбском: «Наукам нигде не

обучался; по ревизии в исправлении должности почитчика оказался неисправным»; 3) о канцеляристе Попове: «Наукам нигде не обучался, почерк письма имеет плохой, а способности ума весьма посредственные; чиновник сей весьма виновен в нерадении об архиве»; 4) «канцелярист Докин наукам нигде не обучался; на службу вступил в оренбургскую консисторию из Бугульминского духовного правления, где замечен был во многих беспорядках»; 5) о подканцеляристе Бирюкове: «Замечен в нетрезвости и рвении бумаг». Все эти лица замечены по ревизии в медленности и в неимении описи решенным и нерешенным делам за шесть лет. Уже по прибытии ревизора и по востребованию на ревизию дел, они принялись приводить их в порядок и составлять им описи.

Наконец, ревизия отчасти обратила внимание и на епархиальное начальство и произнесла свой суд о характере и образе управления его. Здесь она заметила медленность в делах, занятие не тем, чем надлежало ей заниматься; незнание обыкновенных форм судопроизводства, недостаток внимания к делу, неумение приняться за него, а оттого беспорядок в делопроизводстве. «Оренбургская епархия, пишет Феофан, имеет 316 церквей и 441 причт. Посему дела должны-бы производиться успешнее и нерешенных не должно-бы оставаться от года к другому в таком количестве. Сие побудило меня при ревизии дел обратить внимание на причины толикой неуспешности. Они суть следующие: первая: принимались прошения и чинилось производство по делам, духовному суду не принадлежащим, а чрез то не доставало времени и трудов для дел, собственно предоставленных духовному ведомству. Столоначальники, обязанные знать законы и порядок, писали многие по таким делам прошения, и на сие ни от кого никакого не было обращено внимания. Вторая причина: все дела тяжёбые, исковые и по многим неудовольствиям начинались рапортами на простой бумаге обиженных лиц благочинным, а от них преосвященным, и чрез сие открывался свободный путь ябеде. По сим рапортам наряжались и производились следствия, для благочинных в оренбургской епархии, за дальним расстоянием одного от другого селения, весьма

затруднительные; канцелярия загружалась огромной перепиской. Делопроизводство начиналось, продолжалось и оканчивалось на простой бумаге, без взыскания за гербовую денег, с потерей должного казне дохода. Третья причина: наряжались следствия по доносам и жалобам в делах маловажных, для коих довольно было бы рассмотрения благочинного, или даже местного священника, и многие неосновательные по таким мелочным делам прошения писались чиновниками канцелярии консисторской с упущением своих по должности занятий. Четвертая причина: Оренбургская консистория принимала на себя рассматривать и решать все следственные дела, вместо того чтобы предварительное рассмотрение каждого предоставить местному духовному правлению, в ведомстве которого оно производилось. От сего присутствующие в духовных правлениях протоиереи и священники были весьма свободны, а члены консистории, при других своих занятиях, были весьма много обременены. Для консистории было бы легче рассмотреть и, в чем следует, исправить и дополнить, или только утвердить готовое мнение духовного правления, нежели самой заниматься по каждому следствию составлением экстракта, выпиской из законов и сочинением протокола, а лицам, прикосновенным к делу, ближе было бы явиться для рукоприкладства, или для других причин в местное духовное правление, нежели в консисторию, от которой иные концы оренбургской епархии отстоят около 800 верст. Пятая причина: невнимание присутствующих к действиям канцелярии и даже потворство членов отделений своим столоначальникам и непомерное снисхождение епархиального начальства к благочинным, из которых одни не рапортуют на указы несколько лет, другие по многим указам не чинят исполнения, за другими стоит по пяти и более предписанных следствий. Со стороны епархиального начальства не видно никакого побуждения сим нерадивым благочинным, а по причине их медленности и небрежения естественно стоят дела и в самой консистории».⁷⁰ Ревизия этим и ограничила свои действия. Что же касается доносов секретаря на архиерея, то

она не входила в рассмотрение их, следуя верно и точно данной ей св. синодом программе.

Приговор св. синода о лицах, подвергшихся следствию, состоялся такой: «1) Бывшего секретаря оренбургской консистории Василия Мамина, как недоказанного в самых злоупотреблениях, но оказавшегося неисправным, дерзким против начальства, и неблагонадежным по беспечности и уклонению от порядка и как уже отрешенного от должности, и впредь к подобным должностям по духовному ведомству не допускать. 2) Протоиерея Лепоринского, по падающему на него сильному подозрению в сокрытии доноса диакона Касаткина на священника Агрова в продолжение двух недель и особенной против других неисправности и беспечности по должности присутствующего, отрешить от консистории, не поручая ему впредь никаких должностей, с управлением соединенных. 3) Протоиерея Кандарицкого, за невыполнение возложенного на него поручения по устройству консисторского архива, с донесением, притом ложно, что дела архива приведены им в порядок за 10 лет, с 1800 по 1810, тогда как за первые 6 лет, по сгорению их в 1806 году, приводить было нечего, хотя-бы следовало также удалить от должности по консистории, но как он в замеченных по консистории беспорядках менее виновен, чем Лепоринский, то в настоящем случае сделать ему строгий выговор за неисполнение обязанностей по архиву, со внушением впредь быть исправнее, под опасением взыскания по законам. 4) Помощника секретаря Агафонова, оказавшегося виновным: а) в жжении бумаг при разборе архива; б) в беспорядках по делу о новокрещенном мещеряке Гаврилове навлекающем на себя сильное в злоупотреблении по оному подозрение; в) в участии к сокрытию с протоиереем Лепоринским доноса диакона Касаткина; г) в расстройстве архива за время бытности его архивариусом, а по делам своего поныне более других неисправного, служащего, притом, орудием к взаимным по консистории несогласиям подачею несвоевременных и неправодушных доносов и д) по прикосновенности его, Агафонова, к делу в сильном требовании в подарок часов, во избежание соблазна и вредного влияния на

других чиновников, отрешить от службы по консистории, предписав епархиальному начальству скорейшим окончанием начатого об нем о вымогательстве часов дела. Относительно же прочих чиновников консисторской канцелярии, как-то: Емельянова, Боголюбского, Попова, Докина и Бирюкова, как рекомендуемых малоспособными и нерадивыми к службе, предоставить преосвященному, чтобы он на место их, по мере возможности, озаботился определить других, более полезных для служения». Суждение синода о преосвященном отличается мягкостью и снисходительностью. Доносы Мамина на него признаны синодом неосновательными, служащими к одному лишь оскорблению чести епархиального архиерея, а действия преосвященного не заключающими в себе ни для кого и ничего противозаконного и соблазнительного.⁷¹ Синод позволил даже архиерею, несмотря на прежнее свое строгое предписание, воспитывать в оренбургской семинарии своих племянников и держать их при себе до окончания семинарского курса.⁷² Впрочем, нельзя-же было не заметить ничего преосвященному Иоанникию, и синод касательно его сделал такого рода определение: «Из представленной по настоящему делу ревизии видно, что оренбургское епархиальное начальство не обращало должного внимания на порядок делопроизводства и на побуждение нерадивых к выполнению своих обязанностей, почему, поставя беспорядки сии епархиальному начальству на вид, во 1-х, строго подтвердить, чтобы впредь подобных допускаемо не было, под опасением подвергнуться за противное строгому суждению по законам; во 2-х, чтобы делопроизводство в консистории соответствовало во всем предписанным правилам; в 3-х, приступить немедленно к рассмотрению всех остановившихся дел, открытых при ревизии, и дать им надлежащий ход по законам. О последствии же исправления всех опущений донести св. синоду к концу будущего года. О приведении в устройство консисторского архива, оказавшегося по ревизии в совершенном беспорядке, епархиальному начальству предписать, чтобы оно устройством одного особенно озаботилось, поручив дело сие человеку опытному, знающему и благонадежному, с предоставлением

ему, по возможности, необходимых для того занятия средств и с откомандированием к нему в помощь городских диаконов и причетников, к сему способных, с тем, чтобы они сим занимались в свободное от службы и занятий по церквам время. Об успехе-же приведения в порядок архива доносить св. синоду пополугодно».⁷³ Но не успела еще кончиться ревизия, как в синоде получено было известие о том, что Иоанникий оказывает потачку и поблажку раскольникам Дуванейского приказа, запретивши православным священникам и благочинному увещевать совратившихся из православия и позволив этим совращенным совершенно исключиться из списков православных. Донос этот оказался верным. Племянники Иоанникия, несмотря на прямое и ясное предписание синода – отослать их по окончании семинарского курса в тверскую епархию, были оставлены в оренбургской и один из них даже получил здесь священническое место в кафедральном соборе (впрочем, один отправился на службу в С.-Петербург). Вообще Иоанникий, ободренный результатом ревизии, сделался смелее, свободнее и размахистее в своих действиях. Епархия была недовольна его управлением и глухо роптала, а некоторые, более смелые, открыто жаловались графу Протасову. Следствием этих жалоб на действия Иоанникия был перевод его на кавказскую кафедру, но и здесь он остался тем же, чем был, и также подпал ревизии.

Чтобы познакомиться с характером жалоб на Иоанникия, мы приводим здесь, для образца, одну из них. Несмотря на то, что в ней много желчи и преувеличений, она может служить доказательством, до какой степени сильно было в епархии недовольство на Иоанникия. Жалоба эта, в форме письма, принесена графу Протасову в 1849 году кафедральным протоиереем Субботиным и содержит в себе некоторые факты, уже известные из дела о Мамине. ... "Оренбургская епархия управлялась архипастырями, если не отличными умом, то добрыми по сердцу, соответствующими своему назначению. Спокойствие не было возмущаемо, духовенство было счастливо, в возможной для него степени. В 1836 году, после незабвенного преосвященного Михаила, из Вятки перемещен на

оренбургскую паству преосвященный Иоанникий, с удержанием первого достоинства; он прибыл, окруженный родственниками и приближенными к нему; затем последовали из Вятки и женщины. Настало время преобразования. Это преобразование открылось сменой эконома архиерейского дома. Настало время беспорядков. Первое воровство учинено в архиерейском доме, за открытие, будто бы, которого прежний эконом архиерейского дома удален от должности и от присутствования в консистории и на место его определен привезенный иеромонах Виталий, человек нрава самовластного и дурного. Вскоре затем похищена церковная сумма из Крестовой домово́й архиерейской церкви. Похищение сделано из внутренних покоев его преосвященства, как полагают с вероятностью, одним из его племянников. Дело об этом похищении производилось в уездном суде. Это дело истребовано было преосвященным из уездного суда. Оно сдано было в консисторию с предложением, чтоб быть ему прекращенным, дабы избавить архиерейский дом от поношения, но смысл этого предложения, как несоответствующего закону, по моему настоянию, был изменен. Прежние преосвященные, соблюдая предписания правительства о не производстве не получивших полного образования в священники, доставили преосвященному Иоанникию повод почти в один раз произвести, большею частью совершенно безграмотных и безнравственных, до 90 человек. Все это сделано по видам весьма неодобрительным, хотя истолкованным и в хорошую сторону. Бывший секретарь Мамин; получавший в год 300 руб., которые были достаточны только на один проезд его в консисторию, видя, что все выгоды, правда незаконные, были сосредоточены в архиерейском доме, решился восстать против несправедливостей архиерейского дома. Из этого противостояния произошло разделение членов консистории. Одни, подвергшись влиянию власти архиерейской, были на стороне архиерея, другие приняли сторону Мамина. Секретарь Мамин самовластно был удален от должностей и со всеми, державшими его сторону. Дела были приведены в ужасный хаос. В это-то время преосвященный Иоанникий убедил меня принять звание члена консистории, и так как был

присутствующим мой тесть, кафедральный протоиерей Кандарицкий, то о несовместности и нужде определенного мне назначения было представлено св. синоду, и св. правительствующим синодом нужда, несмотря на несовместность, была признана. Я трудился один за всех тех, которым должно было трудиться, трудился неусыпно, трудился тем более, что был неопытен на новом поприще, не имел ни образцов хороших, ни руководства, ни сотрудников. Пользуясь крайним моим разумением, привел я дела в возможный порядок с чиновниками канцелярии, которые, поступив на место опытных, своею неопытностью труды мои иногда делали невыносимыми. К моему несчастью, помер ключарь, протоиерей Лепоринский; к исполнению обязанностей его я был снова призван с тем пожертвованием, которого от меня требовали: я должен был отказаться от службы по семинарии и от всех её выгод. Ябеда, что мы с покойником-тестем, заслуженнейшим протоиереем, заседаая в консистории, имели, будто бы, вредное влияние на дела частных просителей, была основанием предложения преосвященному Иоанникию, чтобы он того из нас, коего находит полезнее для службы, оставил членом, а другого удалил от присутствования. Я за мою деятельность, несмотря на опытность старца, предпочтен был старцу и все продолжал служить один за всех. Мой тесть, отец и покровитель меня и моего семейства, удрученный оскорблениями тяжкими по службе, помер; я из ключаря низведен был на степень кафедрального протоиерея. Это выражение, граф, удивляет, может быть, потому, что вы не знаете самовластия Иоанникия, по которому он уважает только облеченных его доверенностью, по которому он уничтожает всякое значение подвластных ему властей; по которому он на всех имеет взгляд какой-то царственный, смотрит на белое духовенство, как на рабов, презирает его более, нежели рабов; отрекшись от мира, не щадит мира, владеет миром деспотически. Давши обет смирения пред Богом, унижает других до последней степени. Беспорядки, связанные с особою его преосвященства Иоанникия, начали развиваться: за отрешением от должности добросовестного расходчика, за увольнением сторожей

честных, приказнослужителей, знающих свою обязанность, выкрадены были суммы из кладовой консистории – это первое воровство. Я сделал постановление, с согласия других присутствующих, чтобы все суммы для хранения отсылаемы были в казначейство; об этом было представлено св. синоду, но Иоанникий по каким-то видам попечительские суммы допустил перенести для хранения в собор; я, опасаясь за безопасность перенесенных сумм, сделал доклад его преосвященству с перенесением тех ругательств, к которым он так обычен, о дурном поведении сторожа Фалезова, но на этом докладе, к моему удивлению, последовала резолюция таковая: если Фалезов не может быть сторожем, то определить его звонарем. После сего суммы, перенесенные в собор, были украдены – это второе воровство. Его любимец, покойный Лелявский, оставленный им против указа св. синода, привез мне в мое отсутствие чугунные плиты, снятые с крылец собора и найденные в архиерейской конюшне, как он после мне объяснился; – это третье воровство. По настоянию преосвященного Иоанникия, сделано было распоряжение об образовании особенного счетного стола и назначении, сверх расходчика, казначея, спасского протоиерея Несмелова; у этих двух нянек дитя осталось без глаза: оказалось недочета 4.700 руб. – это четвертое воровство. Я настоял, чтобы суммы соборные хранились в казначействе. Ключарь, нисколько не уважая меня и получая приказания непосредственно от преосвященного, хранил суммы в соборе и эти деньги были похищены – это пятое воровство. Преосвященный Иоанникий, желая совершенно уничтожить меня и управлять собором чрез ключаря непосредственно, приказал мне устроенные чугунные печи с трубами отменить и устроить другие к изменению плана на собор, Высочайше утвержденного, и от того благоустройства в день восшествия Государя Императора на престол многих из собора выносили замертво от угара. Собор совершенно оставлен всеми и по вышеписанному, и потому, что назначенный катехизатор в своих поучениях часто дозволяет себе оскорбительные выходки; оставлен потому, что племянник Иоанникия, Образцов, определенный священником к собору,

нередко служит литургию пьяный; оставлен потому, что преосвященный Иоанникий по каким-то своим видам редко служит в соборе; оставлен потому, что в нем нет главного украшения, нет преосвященного, который паству свою чему-бы-нибудь учил; оставлен потому, что я совершенно им уничтожен. Почтеннейший граф! есть-ли тело без головы? Белое духовенство, хотя худую и слабую, но должно иметь голову. Есть-ли справедливость там, где уважаются не заслуги, не порода, а форма одежды, где мантия из раба делает господина, где ряса и с достоинствами человека низводит на степень раба? Ректор Никодим был резан послушниками его воли, приготовленными в монашество, людьми безнравственными, – людьми, которые приводили к нему женщин в мужской одежде.⁷⁴ Об этом я, уважая подчиненность, доводил до сведения преосвященного Иоанникия. Подвижнику Никодиму Иоанникий исходатайствовал Анну 2-й степени и достоинство, присвоенное архимандриту второклассного монастыря. Был и другой подвижник, смотритель уфимских училищ, иеромонах Филипп: он, между прочим, занимался растлением...; я против этого сильно восставал, а мне объявили, что это в монашестве не считается грехом; впрочем, это отвратительное существо, по крайней мере, удалено из Уфы. Теперь, граф, взгляните на управление оренбургской семинарии монахами. Тут вы увидите чистое иезуитство, увидите искажение правильной методы; увидите, что они не руководствуют к той цели, к которой дети предназначены. Я не могу сообразить, почему из всех светских училищ устранены монахи и почему они остаются доселе самовластными начальниками в духовных училищах? Вы заботитесь или содействуете заботливости Царя о просвещении белого духовенства и потому предоставьте духовное юношество руководствовать не монахам, взыскующим не настоящего, а грядущего, но самому-же белому духовенству. Ум наш дается в одном только семени, но возрастает и укрепляется опытом. Сидя на берегу, нельзя управлять кораблем на море, из кельи монастыря нельзя управлять миром. Для соблюдения собственного величия аскетов нужно, чтобы они не имели власти над миром. Когда так будет, тогда благочестивее в мире

почтут отрекшихся от мира; тогда святость их, ныне сомнительная, будет очевидна; тогда они будут прямыми руководителями других к небу; тогда они громы будут бросать против мирских соблазнов, а теперь они молчат, замешавшись в суеты мирские. Граф! я по слуху уважаю в вас благородство души, и по моему мнению, истинному или ложному, полагая всех просвещенных людей, как бы они ни были судьбою разбросаны по ступеням гражданской лестницы, равными между собою, верю, что вы не оскорбитесь моею искреннею исповедью пред вами. Спросите Иоанникия, на каком основании он, оставляя диаконов в числе 25-ти человек сверх штата с двойными доходами, к обиде причтов и к междоусобным ссорам, на открывшиеся вновь диаконские вакансии производит причетников; на каком основании возвышает на степень священников неученых, производит в священники исключенных из семинарии за дурное поведение, переводит непрестанно всех с одних мест на другие. Почему ему неблагоугодно досмотреть за преподаванием в семинарии, где преподается то, чего дети понять не могут, преподается то, что уже признано неправильным в мире ученом. Граф! я, угнетенный Иоанникием, доведенный до крайности с многочисленным моим семейством, решился представить вам пока малый очерк тех злоупотреблений, которые совершаются в оренбургской епархии и которым нет подобных в другой. В городе Оренбурге нынешним летом, во время свирепствования холеры, был в собственном смысле страшный суд: одни из священников были жертвою смертоносной заразы, другие были прикованы к смертному одру. Но о сих последних без всякого основания и тайно наряжено следствие преосвященным Иоанникием, потому что следствие над мертвыми было бы уже бесполезно; следователем назначен протоиерей Челноков, в целой епархии известный своим сумасбродством, бесстыдством и наглостью. Против этого следствия вооружается весь город, понимая всю неосновательность оногo; против следователя и его безумных поступков, почти возмутительных, несколько раз доводимо было до сведения преосвященного официальным и частным образом, но преосвященный Иоанникий, по каким-то необъяснимым

видам, вышеупомянутого сумасброда, уполномочивая к угнетению заслуженных священнослужителей, представил к наперсному кресту. Вот, граф, голова представляемых: можете судить по ней о хвосте! Опытом я постиг, как вредно для службы, когда награждаются незаслуживающие того; судят уголовным судом тех, которые крадут деньги; почему же не судить тех правителей, которые заслуги одних присваивают другим? Я, граф, видя пристрастие преосвященного к людям его ордена, их гордое обращение со мною, доходящее почти до невежества; видя похищение заслуг и присвоение их тем, которые нисколько не служили; видя слезы белого духовенства, извлекаемые отшельниками от мира, желая лучше ничего не делать, нежели делать зло, начал устраняться от сближения с преосвященным, наказы которого противосовестные стесняли свободу моей совести. Преосвященный к уничтожению в лице моем всего белого духовенства и к нарушению Высочайшей воли предложил мне после сельского попа перейти в город Троицк. Я, понимая, кафедрального протоиерея, как защитника презренного и угнетенного белого духовенства, понимая по крайнему моему разумению, что такое предложение самовластно, дал ему ответ, который, вероятно, по его неприятной истинности скрыт. Еще обращусь к управлению: Благовещенский женский монастырь лишен существенного утешения, поскольку от надлежащего надзора за построением храма в этом монастыре на сумму, завещанную г-жей Степановой и хранимую с приращением в местном Приказе общественного призрения, игуменья была удалена преосвященным Иоанникием, и этот надзор поручен был безнравственному Стрелкову, моту и невоздержному. Когда игуменья Филарета отрапортовала преосвященному Иоанникию о непрочном возведении дома Божия, преосвященный по своим каким-то видам приказал оставить вышеупомянутый рапорт без всякого внимания. Купол церкви упал и церковь остается доселе в развалинах, к неизъяснимой горести монастыря. Распоряжениями Иоанникия по построению Ильинской церкви консистория приведена была в неприятное столкновение с местной строительной комиссией и поставлена во враждебное

положение с г. Балкашиным, гражданским губернатором. Первым последствием чего была остановка постройки и совершенное прекращение dobroхотных пожертвований на оную. Преосвященный Иоанникий, дав обещание покойному Талызину, бывшему оренбургскому гражданскому губернатору, о перемещении протоиерея Агрова из города Бирска и не исполнивши своего обещания, навлек на белое духовенство гонение человека, в свое время сильного, сопровождавшееся ужасными неустройствами. Когда в уезде Челябинском крестьяне восстали против местных властей, обманутые нелепыми слухами. Иоанникий оставался совершенно бездейственным, между тем по ябеде бездушного попа беглеца, подкрепленной тем, о чем я стыжусь говорить, измучил священника Шмотина⁷⁵ и довел его до смерти. Будучи недоволен приказанием св. синода, чтобы преосвященный Михаил управлял епархией оренбургской во время увольнения его, Иоанникия, от такого управления, он позволял себе многие интриги, и за восстание мое против этих интриг, он начал меня жестоко преследовать. Крестьяне г-на Бенардаки в особенности моим тщанием приведенные на некоторую степень сближения с правильным священством, им были разогорчены: он, давши им священника, ими избранного, или вернее, ими принятого по его же рекомендации, потому что у этого священника жена раскольница, – этого Бреева постоянно вызывал в Уфу и, вероятно, не вполне достигая цели своих вызовов, отстранил его самовластно от общества старообрядцев, в которое, против правил о старообрядцах и единоверцах, самовластно рукоположил во священника ничтожного диакона по своим обычным видам. Этому новорукоположенному и неприятому старообрядцами, что мог предвидеть преосвященный Иоанникий, дано хорошее место в православном приходе. Следствием таких распоряжений, о причине которых я умолчу по уважению к святительскому сану, произошли многие неустройства. Священник Бреев, как оказавшийся виновным в принятии *исправы* (перепомазания) по раскольническому обряду, подвергнут строжайшему осуждению по закону, но преосвященный Иоанникий, чем-то убежденный в его правоте,

дал ему место при православной церкви, а ныне перевел его в другое, лучшее. При обращении часовни города Уральска в церковь, преосвященный Иоанникий допустил много распоряжений стеснительных, замеченных и св. синодом. Наконец, он новообращенных ожесточил до того, что они совершенно оставили церковь; против Высочайшей воли, их духовенство подчинил уральскому единоверческому благочинному Корчагину, по своим частным видам. Разъездами своими по епархии преосвященный Иоанникий заслужил невыгодное имя даже между иноверцами – татарами и другими, – восстановил против себя все причты, довел себя до такого унижения, что некоторые из священников называли его в глаза и грабителем, и человеком безнравственным, и о подобных оскорблениях лицу своему доселе молчит. Подобные оскорбления, или сцены самые грубые происходили у него и со священником Алфеевым, ныне умершим священником Евлампиевым и другими. К сокрытию всех этих сцен преосвященный Иоанникий имел свои причины. Жена пьяного его племянника, любимая Иоанникием, позволяет себе вмешиваться в управление епархией: она, лишенная всякого образования, на площадях рассказывает, кто её дядей назначен к повышению или понижению. Левковский, священник села Березовки, родственник Иоанникию, женатый по избранию Иоанникия на дочери богатого священника, чувствуя себя отравленным, писал к родному племяннику Иоанникия, Василию Образцову, не одно письмо, с присовокуплением ходатайства о различных лицах у преосвященного Иоанникия, о доставлении ему помощи против отравы. Преосвященный Иоанникий своему племяннику об этих письмах велел умолчать по своим-же видам. Преосвященный Иоанникий ссорит членов консистории для их обессиления; входит в дружеские и доверенные совещания с приказнослужителями, каковою его фамильярностью приказнослужители доведены до дерзкого неповиновения. Им все низведено на степень какой-то вульгарности: пение дурно, соборная ризница истощена, сослужащие с ним по засаленным облачениям похожи более на блинников, чем на священников; Иоанникий сумму на заведение

соборной ризницы и на поправку старой удерживает у себя, или в своем архиерейском доме. У нас все продажно: мы продаем антиминсы по 15 рублей, что с понятиями о производстве на высшие духовные степени производит совершенный соблазн в народе. Мы со всеми ссоримся: преосвященный Иоанникий это делает по охоте, а прочие по неволе, поскольку и пишемся низжайшими послушниками его преосвященства и рекомендуем способными к послушанию, в тоне монашеского безусловного повиновения высшим. Итак, граф, чем мы виноваты, что грешим своим повиновением облеченному властью, почти неприкосновенною, грешащему так, что в этом подвиге с ним никто и сравниться не может.

Граф! примите это письмо снисходительно, как наскоро написанное. Я буду вам писать отчетливо, я объясню всю ложь, которую бесстыдно доводят до св. синода, как истину. Я вам открою, что я был поборником правды по моим силам, сжатый всегда могущественным саном архиерейским; может быть, успею доказать, что мною не управляем был Иоанникий, что все то, что сколько-нибудь согласно было с совестью и здравым смыслом и с желанием общего добра, есть собственность моя, а прочее должен принять на свою долю тот, кто, смею вам сказать, и не рожден для того, чтобы, что-нибудь понимать, кроме собственных интересов».⁷⁶

IV. Ревизия тифлисской семинарии

Хотя ревизия семинарии не составляет ревизии епархиального управления, тем не менее мы отнесли её к отделу последних, по следующим обстоятельствам, вызвавшим эту ревизию, сопровождавшим её и за нею последовавшим: 1) лицо, бывшее причиною ревизии тифлисской семинарии, состояло в особых, близких отношениях к экзарху и, злоупотребляя его к себе доверенностью и любовью, до такой степени связало свою судьбу с его судьбою, что жалоба и нападение на одного были жалобой и нападением на другого. 2) В то самое время, когда к графу Протасову поступила от учеников тифлисской семинарии жалоба на инспектора Порфирия, вследствие которой состоялась и самая ревизия семинарии, исправлявший тогда должность прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитриев донес тому же Протасову, что в поступках, в которых ученики обвиняют своего инспектора, уличается и экзарх. 3) Ревизия тифлисской семинарии имела явную целью исследование поступков её инспектора, а тайною поверку действий экзарха. 4) Результат этой ревизии был неблагоприятен сколько для Порфирия, столько же и для экзарха. Одним словом, ревизия тифлисской семинарии была вместе и ревизией местного епархиального управления. Если синод и отделял дело Порфирия от дела экзарха, то не так смотрел на это граф Протасов, как можно судить по некоторым известным данным. Вот причины, по которым ревизия тифлисской семинарии заняла место в отделе ревизий епархиальных управлений. Впрочем, самым лучшим оправданием этому послужит изложение самой ревизии.

Система управления в наших духовно-учебных заведениях никогда не отличалась мягкостью и кротостью; напротив, в ней постоянно господствовали жестокость и суровость; власть в этих заведениях, большею частью, понималась как право наказывать и карать, а не миловать, и потому внушала страх и трепет, а не любовь и доверие. Подобная же система управления имела место и в тифлисской семинарии, с тою

только разницею, что она здесь достигла крайних пределов своего развития;⁷⁷ а между тем ни в одной семинарии она не была так неуместна, как в тифлисской, и по недавнему её учреждению, и по особенному характеру её воспитанников, еще не привыкших к формам и дисциплине наших семинарий. К чести некоторых лиц, начальствовавших в тифлисской семинарии, нужно сказать, что они не одобряли этой системы, по крайней мере, не прибегали к ней при всяком случае, и вина как введения, так и особенного её развития в тифлисской семинарии, главным образом падает на её инспектора, игумена Порфирия, и на покровителя его, экзарха Грузии Евгения. В интимной связи, существовавшей между этими двумя лицами и начавшейся уже давно, есть что-то таинственное. Еще будучи ректором костромской семинарии, Евгений приблизил к себе одного мальчика семинариста и оказывал ему особенное свое расположение. В 1830 году Евгений назначен был епископом в Тамбов. Отправляясь туда, он не хотел расстаться со своим любимцем-семинаристом и вывез его из Костромы в Тамбов, где он окончил семинарский курс и получил место учителя Тамбовского уездного училища. После кратковременного управления тамбовской епархией, Евгений был переведен в Минск; любимец его переехал туда же и занял пост высший, сравнительно с прежним, постригся в монашество, произведен в иеромонахи и сделан смотрителем минских духовных училищ. В 1834 г. Евгений назначен экзархом Грузии, а в 1835 г. является Порфирий, уже в сане игумена, инспектором и учителем тифлисской семинарии. Через несколько времени по прибытии, он был также назначен членом осетинской комиссии и попечительства о бедных духовного звания тифлисской епархии. С расширением круга его деятельности, росло и его влияние на духовные дела в экзархате, и он вскоре стал играть здесь роль временщика, тем более нестерпимого, что по своему характеру был и груб, и подл. Не касаясь его влияния вообще на духовное управление в экзархате, мы ограничимся здесь изображением его влияния на дела семинарии, в которой он захватил в свои руки все должности: он был в ней и ректором, и экономом, и секретарем, и библиотекарем, и по всем этим

должностям имел самое зловредное влияние. Пользуясь неограниченной доверенностью и необыкновенною любовью экзарха, у которого он обедал почти каждый день и просиживал за полночь, Порфирий сделался главным начальником тифлисской семинарии и совершенно отстранил от управления ректора, который, больной душою и телом, бесхарактерный, кроткий, запуганный экзархом, должен был уступить ему свои права.⁷⁸ Самое пребывание ректора вне семинарии, в монастыре, находящемся в значительном от неё отдалении, как нельзя лучше содействовало усилению власти инспектора и расширению её за должные пределы. Инспектор самовластно и сам собою распоряжался в тех случаях, которые могли быть решаемы только правлением, или, по крайней мере, словесным совещанием с ректором. Резолюции и определения составлялись инспектором и всё в правлении (семинарском) делалось по его мысли и воле; если-же иногда кто-нибудь из членов правления осмеливался возражать и противоречить Порфирию, то дерзновенный получал от него обыкновенно в ответ: «Так приказано решить это дело преосвященным экзархом» и смельчак после этого прикусывал язык. Действия его, как инспектора, ознаменованы были жестокостью и бесчеловечием: он сек мальчиков почти за всякий проступок, бил их даже до крови и в запальчивости способен был заколотить до полусмерти; в тоже время был пристрастен, несправедлив, мстителен, имел любимцев и наущников. Но несмотря на это жестокое обращение с учениками, нравственное состояние тифлисской семинарии было далеко незавидное; инспектура Порфирия была близорукая и самая узкая: ученики не отличались трезвостью, и даже под носом инспектора развилось много гнусных пороков.⁷⁹ Жадный и корыстолюбивый, подозреваемый во взяточничестве,⁸⁰ одаренный особенными экономическими способностями, Порфирий совершенно завладел должностью эконома и предоставил лицу, официально носившему это звание, только подписываться под бумагами и закупать дрова, в которых, по климатическому положению, была самая ничтожная потребность. Семинарское хозяйство под его управлением

велось самым безотчетным и скарредным образом: все закупки производились без определения правления семинарии, в которое, по окончании каждого месяца, подавались записки с требованием уплаты тем лицам, у которых забраны были припасы; пища давалась ученикам не надлежащей доброты: говядина бывала тухлая, сыр с червями, масло горькое до того, что ученики страдали кровавою рвотою; некоторые из воспитанников, по недостатку кроватей, должны были спать подвое на одной. Как наставник, Порфирий был самый плохой: преподавание его ограничивалось чтением по книге и потом выслушиванием по ней ответов учеников. Негодный как начальник и наставник, он в тоже время был и самым дурным товарищем между сослуживцами: надменный любовью к себе экзарха, он гордо и дерзко обращался с ними и всегда говорил как-то повелительно; секретари семинарского правления, имевшие по своей должности более случаев к столкновениям с ним, от его дерзких выходок выходили в отставку после самого короткого срока своей службы. Экзарх знал о всех этих действиях своего любимца, но не останавливал его, а напротив как бы поощрял, обращаясь подобным же образом с подчиненным ему духовенством и преследуя тех, которые осмеливались возвышать свой голос против инспектора. Бедные воспитанники с покорностью переносили жестокое обращение с собою инспектора и, вероятно, никогда не подумали бы открыто восстать против этого, если бы не подали сигнала к восстанию некоторые из наставников семинарии и посторонних лиц. Наставники, постоянно оскорбляемые грубым и наглым обращением Порфирия, более и более вооружались против него; злоба против инспектора росла в них вместе с глубоким презрением к его невежеству. Глухая, затаенная ненависть к нему искала только случая обнаружиться явным и открытым взрывом. К наставникам присоединились, по своим особенным побуждениям: исправлявший должность прокурора тифлисской синодальной конторы Дмитриев и бывший инспектор тифлисской семинарии Дроздов. Дмитриев в нападении на Порфирия видел случай еще раз поразить экзарха, с которым несогласие у него дошло уже до бумажной

переписки и сделалось известным и синоду, и обер-прокурору.⁸¹ Дроздов ненавидел Порфирия, как своего преемника: ему приятно было подмечать и выводить наружу недостатки Порфирия и, таким образом, давать другим возможность сравнивать характер и образ инспектуры Порфирия со своею собственною. Дроздов, чтобы лучше следить за действиями Порфирия, нарочно нанял для себя квартиру близ семинарского дома, входил в разговоры с учениками семинарии об их инспекторе и от них узнавал о всех его действиях. Общая антипатия названных лиц к Порфирию скоро сблизила их друг с другом и между ними образовалось нечто в роде союза. К побуждениям личным, довольно эгоистическим, соединившим этих людей в общей ненависти к Порфирию, как кажется, превосходили побуждения и более благородные и возвышенные: сострадание к ученикам, угнетенным инспектором, и ненависть к его жестокости и самоуправству. По крайней мере, одно из этих лиц, именно преподаватель Иосселиани, видел в Порфирии тирана своих соотечественников.⁸² Как бы то ни было, только партия недовольных Порфирием ждала удобного случая, чтобы напасть на него. Отношения Дмитриева к экзарху и наставников семинарии к Порфирию становились с каждым днем все более и более напряженными. Ученики семинарии, знавшие об этих отношениях частью от самих наставников, а частью от Дроздова, с одной стороны более и более теряли терпение, с другой, подстрекаемые Дроздовым, уверенные в поддержке наставников, ненавидевших Порфирия, делались смелее и поползновеннее к жалобам на Порфирия. Экзарх и любимец его имели страсть бить своеручно и, притом жестоко; на этом-то и вздумала уловить их враждебная им партия. 18-го февраля 1840 года один из учеников тифлисской семинарии, Давид Тинников, пошел из семинарского дома в гости к своему товарищу Лонгину Борисову, жившему на наемной квартире; вечером он возвратился домой, но нетрезвый, и, пришедши в свою комнату, лег спать. Инспектор Порфирий, осматривая того же дня вечером комнаты, занятые семинаристами, вошел в ту, где спал Тинников, который был в ней старшим, и, заметив

одного ученика, по фамилии Татиева, пьяным, пришел в такой гнев, что начал бить его по щекам, таскать за волосы, волочить по полу и топтать ногами, а в заключение высек его до крови. Тинников во все время этой сцены лежал на своей кровати и спал. Но Порфирию показалось, что он притворяется только спящим и это еще более его взбесило: в азарте он бросился к Тинникову с такими, словами: «Так-то у вас все скрытно»! и начал бить его по щекам и таскать за волосы. Тинников свалился на пол с кровати; у него хлынула кровь из носу и рта и запятнала его рубашку и пол. Нападение инспектора было так быстро, что Тинников в первую минуту не мог прийти в себя; но лишь только он опаматовался, как быстро вскочил с пола и закричал в бешенстве Порфирию: «Здесь не Россия, а Грузия»! Инспектор еще продолжал стращать его отдачею в солдаты, но грозная мина Тинникова, который был юноша довольно рослый и здоровый,⁸³ испугала Порфирия, и он бросился вон из комнаты; через несколько времени он вернулся в неё уже со сторожами, чтобы связать Тинникова и посадить в карцер. Но Тинников, схватив железную кочергу, грозил разmozжить её голову первому, кто осмелится подойти к нему. Угроза подействовала на инспектора и сторожей: они оставили Тинникова в покое и удалились из его комнаты. Тинников, по удалении инспектора, выбежал на улицу и хотел куда-то идти, но был остановлен своими товарищами и возвратился в комнату. Между тем Порфирий, испуганный-ли неожиданным отпором, обнаружившимся между семинаристами в лице Тинникова, или желая соблюсти формальность, или по другим каким-либо причинам, поехал к ректору семинарии с доносом о буйстве Тинникова. Ректор приехал в семинарию в половине девятого часа вечера и хотел видеть Тинникова, но инспектор не допустил его, сказавши, что Тинников уже спит. Окровавленный пол в ту же ночь был тщательно вымыт. На другой день Тинников призван был в присутствие семинарского правления, где он, рассказав о случившемся с ним вчерашнем происшествии, в заключение прибавил, что «и змеи не жалят спящих». После этого он был посажен в карцер на три дня.⁸⁴ Событие с Тинниковым и Татиевым послужило для учеников

началом к явному восстанию против возмутительных действий инспектора, а вместе прекрасным случаем для врагов его к нападению на него. В семинарии между учениками и наставниками началось необыкновенное движение. Ученики сгруппировались в одну партию под тайным водительством Дроздова, Иосселиани и других наставников; от имени Тинникова было послано прошение к графу Протасову о жестокостях Порфирия, которое прошло чрез редакцию Дроздова; под прошением подписалось 35 учеников, частью по собственному желанию, частью по убеждению Тинникова; некоторые же были принуждены к подписи угрозами, или склонены обманом. Тинников в своем прошении, описав жестокий с ним поступок инспектора и тщательно скрыв обстоятельства, невыгодные для его репутации, как-то: нетрезвость и дерзкие слова, сказанные Порфирию, доносил Протасову, что «если бы было исследовано, в каком бедственном положении содержатся казеннокоштные воспитанники, то было бы узноано о таких жестокостях и неприличном обращении, которые можно видеть только между рабами злого владельца. Один страх удерживает учеников семинарии от жалоб на инспектора, покровительствуемого экзархом. От лица всех воспитанников смею представить вашему сиятельству, что от настоящего инспектора, если он еще надолго останется, здешняя семинария может совершенно расстроиться. Мы не привыкли до его приезда видеть, чтобы с воспитанниками где-либо в Грузии было поступаемо так бесчеловечно, жестоко и несправедливо, как с нами он поступает. Тем более поразительно для нас, что наш начальник, лицо духовное, бьет собственноручно своих питомцев до окровавления, без всякой вины.

Ваше сиятельство! я не смею докладывать о способе преподавания инспектором предмета церковной истории. Доселе мы еще не слышали ни разу, чтобы он хотя что-нибудь объяснил ученикам.

Предполагая, что месть инспектора на меня не ограничится сделанными мне побоями и полагая одну надежду и защиту у вашего сиятельства, приемлю смелость всенижайше просить

ваше сиятельство обратить благосклонное внимание на сие дело и войти в жалкое положение учеников здешней семинарии и воззреть на нас оком милости, а меня, если сей инспектор будет здесь, вовсе уволить из духовного звания с надлежащим аттестатом, потребуя от правления тифлисской семинарии и сверив его с отметками в ведомостях, с самого вступления моего в училище, выдать мне для вступления в службу по светской части, чтобы тем доставить способ к содержанию».

В заключение своего прошения Тинников прибавил: «А что все это справедливо, в том свидетельствуем собственноручным подписом, и что вся семинария находится в смятении от жестокости инспектора; льется кровь учеников по всей семинарии; часто пред портретом Государя Императора ученики семинарии беспощадно наказываются, пред образами, где для них инспектор совершает всенощную».⁸⁵ Дмитриев радовался в душе этому пробуждению недовольства в учениках против инспектора и чрез Дроздова даже ободрял их; в тоже время он не мог не воспользоваться случаем, чтобы, донося обер-прокурору св. синода, по обязанности своей, о поступке Порфирия с Тинниковым, не упомянуть о виновности в подобных же действиях и самого экзарха; таким образом, Дмитриев дело Порфирия тесно связывал с делом экзарха. Рапорт Дмитриева Протасову был следующего содержания: «Дошло в частности до моего сведения о неприличных действиях инспектора тифлисской семинарии игумена Порфирия, включительно о драке его, произведенной двум ученикам в семинарии, и что подробности об оном изложены учениками, якобы в посланном чрез почту к вашему сиятельству прошении; по видимости, для сохранения порядка, подали жалобу и к преосвященному экзарху, остающуюся и по ныне без действия. За сим мне не остается ничего более пояснить, как только то, что если по упомянутому обстоятельству будет произведено по воле высшего начальства законное следствие, и по которому, вероятно, игумен Порфирий не останется неподлежащим наказанию; то, по нахождению его под близким покровительством нынешнего преосвященного экзарха Грузии, может породиться повод к жалобам в подобных же

непозволительностях и на самого преосвященного, и кои, как мне известно, в случае обследований, едва-ли не подтверждаются, ибо они производились и с немалыми неосторожностями, т. е. при тех, кои могут свидетельствовать. Таковая непозволительность была произведена преосвященным экзархом, как до сведения моего доходило, и в конце прошедшей недели, о чем, при всей неприятности даже слышать, не смею умолчать пред вашим сиятельством, тем более что все то выходит в огласку народа и что я уже имел честь о подобном же объяснять вашему сиятельству в рапорте своем 22-го минувшего февраля за № 50».⁸⁶ Из рапорта Дмитриева видно, между прочим, что Тинников, для соблюдения формальности, подал жалобу на Порфирия и экзарху. Вслед за этим подана была им жалоба семинарскому правлению, а потом и Дмитриеву, как прокурору синодальной конторы, которая уже содержала в себе обвинения не только Порфирия, но и всего семинарского начальства. Описав притеснения, претерпеваемые им от инспектора, ябеды и клеветы, взведенные на него из угождения Порфирию экономом семинарии, и отказ в защите, сделанный ему членами правления, Тинников в конце прошения говорит: «Видя, что месть инспектора на меня с каждым днем усиливается, ибо он находится под защитою экзарха, и не видя никакого доселе удовлетворения ни от правления, ни от экзарха, на мое прошение, поданное 4-го марта о том, что инспектор прибил меня; не надеясь также от его сиятельства г. обер-прокурора св. синода скорого разрешения на мое прошение, по отдаленности края, вынужденным нахожусь искать защиты у вашего высокоблагородия, всенижайше просить вас обратить благосклонное внимание на стеснительное мое положение, оказать милость, защитить меня от угнетения и нападения начальства».⁸⁷ Пример Тинникова был заразителен; вслед за его жалобою получены были Дмитриевым жалобы на инспектора от двух еще учеников: Татиева и Мамацова, и, наконец, графом Протасовым от 27-ми, в числе коих 12 было из подписавшихся под прошением Тинникова, а 15 новых.⁸⁸ Такое движение не могло не поражать экзарха и Порфирия.

Последний, поняв теперь всю опасность своего положения, предлагал было Тинникову мировую; но когда это не удалось, тогда он прибег к другой мере; начал хлопотать об уменьшении числа восставших против него учеников и при этом употребил в дело ласки, обещания, убеждения и, кажется, подкуп. Мера эта отчасти произвела ожидаемое действие; начали посылаться от некоторых из подписавшихся учеников письма графу Протасову, в которых они просили об исключении себя из числа жаловавшихся на инспектора, так как они были склонены к подписанию этих жалоб обманом, или угрозами. Такого рода прошения явились от учеников: Протопопова, Данкиева и Утнелова. Мы приведем здесь письма двух первых. Вот что писал Протопопов к Протасову: «Ученик высшего отделения тифлисской духовной семинарии Давид Тинников, который принял смелость утруждать ваше сиятельство прошением от 29-го февраля сего года, обманом убедил меня подписаться на оном прошении свидетелем, уверив меня, что содержание оного не может послужить вредом как мне, так и никому, и что в оном не заключаются никакие противные начальству выражения, а одно только ходатайство об улучшении состояния семинарского.

Спустя несколько дней я узнал о содержании того прошения, содрогнулся и долго помышлял, как бы поправить свою опрометчивость, но не нашел другого средства, как только прибегнуть к стопам вашего сиятельства и под высокое ваше покровительство, прося всенижайше исключить меня из списка подписавшихся на вышеупомянутом прошении, по тем уважениям, что изложенные в оном обстоятельства для меня вовсе чужды и я не могу свидетельствовать об оных ни в каком случае. Ваше сиятельство! воззрите на легковверного юношу и освободите его от ответственности, какой он подвергнут обманом».⁸⁹

Данкиев писал, что он не обманом был вовлечен и склонен к подписанию прошения Тинникова, а принужден был угрозами и насилием:

«В начале великого поста сего 1840 г., когда уже велено было ученикам от начальства ходить в семинарию за

всенощную и заутреннюю, и я тоже ходил всегда в оную семинарию молиться Богу, для приготовления к св. Тайнам, нисколько не зная умысла учеников семинарии. На прежней (?) день великого поста я пришел в семинарию к утрени до начинания оной. Сперва позвал меня ученик Давид Тинников в свою комнату и сказал мне ласково подписать руку на прошении, которого содержания мне вовсе не объявлял; но как я не согласился подписать руку, то он, Тинников, оставил меня, и я вышел из комнаты и пошел к утрени; а когда отошла утрени, призвал меня другой ученик, товарищ одного ученика Давида Тинникова, Афанасий Амиранидзе, в класс богословский. В это время вошел опять и Давид Тинников, где заперли меня в комнату с обеих сторон и насильственным образом заставили меня подписать какую-то бумагу насчет отца инспектора. Хотя вовсе не желал быть с ними соучастником и даже не знал их намерения, но только по одним их угрозам был принужден подписать составленное на о. инспектора прошение, которого содержания я вовсе не знал...». ⁹⁰

В тоже самое время началось систематическое преследование как самого Тинникова, так и всех его соучастников: от Порфирия был подан на них целый ряд формальных доносов. Во всех этих доносах намеренно изображались такие поступки, которые ослабляли силу и значение жалоб их, именно: дерзость, своеволие и непокорность начальству. Как бы в помощь и в подкрепление доносов Порфирия, были поданы жалобы от других наставников семинарии, ⁹¹ обвинявших Тинникова и его товарищей в тех же проступках, о каких представлял семинарскому правлению Порфирий. Наконец, чтобы, с одной стороны, остановить дальнейшее развитие начавшегося между семинаристами движения и навести страх как на подписавшихся, так и на не подписавшихся, а с другой представить зачинщиков этого движения негодьями, которых слова не заслуживают веры, и таким образом формально осудить их, назначено было по этому случаю чрезвычайное заседание семинарского правления. Вопреки всем правилам семинарского устава, в это заседание приглашены были лица, не принадлежавшие к составу

семинарского правления, и именно те самые, которые держали сторону учеников.⁹² Можно с вероятностью объяснить причины и цель такого странного приглашения: экзарху и Порфирию хотелось показать Иосселиани, Каневскому и Соколову, что они защищают людей, которые недостойны этой защиты, как всегдашние грубияны, дерзкие и непокорные начальству. А может быть, это была со стороны экзарха и Порфирия ловушка, поставленная означенным наставникам. Они думали, что если наставники в присутствии целого правления стали бы защищать дело возмущившихся учеников, то явно показали бы что они заодно с ними, а это дало бы возможность экзарху и Порфирию представить дело учеников высшему начальству совершенно в другом виде, изобразить его заговором наставников против инспектора, делом партии и интриги, в которую были вовлечены ученики, наученные написать жалобу на инспектора и вымыслить небывалое происшествие с Тинниковым и другими учениками. Если же, паче чаяния, наставники отказались бы от защиты учеников, тогда они осудили бы формально тех самых, которые были орудием их планов; а ученики, оставленные людьми, которые подстрекали их к восстанию против инспектора, и раздраженные таким поступком с ними своих руководителей, без сомнения, отказались бы от своего дела и выдали бы своих подстрекателей. Но экзарх и Порфирий ошиблись в своих расчетах: наставники, не обинуясь, приняли сторону учеников и открыто стали защищать их. Во время трех бывших заседаний, наставники явно протестовали против мнения семинарского правления.⁹³ Первый подал протест Каневский. Когда читан был доклад, приготовленный для журнала правления, о поступках Тинникова, Татиева и других его сообщников, тогда Каневский, как секретарь семинарского правления, заявил, что доклад этот составлен инспектором без его ведома и что изложенные в нем обстоятельства никогда не существовали и, притом, представлены так, что прямо клонятся к тому, чтобы учеников сделать безответными. К таким обстоятельствам он относил слова учеников, произнесенные в присутствии правления в духе кротости и уважения к своему начальству, но некоторыми членами правления, особенно

инспектором, принятые за грубость и дерзость. Иосселиани и Соколов присоединились к Каневскому и представили вместе с ним объяснения, почему они несогласны с мнением семинарского правления исключить Тинникова из семинарии. «Тинников, писал Каневский, постоянно рекомендовавший себя с хорошей стороны, без особенной причины вдруг поведения своего изменить не мог, и если подал в правление жалобу на инспектора семинарии, то это произошло не от дерзости против начальства, но, вероятно, от того, что он без всякого исследования претерпел от инспектора незаслуженное наказание. Тинников, как ученик прилежный, может с честью продолжать курс учения и, при других обстоятельствах и отношениях своих к начальству, могущих возратить ему надежду на благодать и покровительство его, скоро может загладить те детские погрешности, которые он, увлекаемый безнадёжностью на помилование и забвение их, успел наделать в критическое для него время, и подмечен был особенною бдительностью над ним инспектора семинарии». Иосселиани подал мнение в том же смысле, прибавив, что в записке инспектора на Тинникова и Татиева написано много лишнего и преувеличенного и он, по долгу совести и внутреннего убеждения, признает Тинникова не заслуживающим исключения из семинарии. «В нем, писал Иосселиани, есть большая надежда на исправление тех слабостей, которые допущены им временною горячностью, образовавшеюся не более, как в два или три месяца и воспитавшеюся в нем записками многих лиц в этот краткий период времени (?), тогда как некоторые погрешности можно-бы было удержать начальническими, отеческими и в проекте семинарии означенными мерами. Исключение-же из семинарии, не принося пользы церкви, может иметь вредные и пагубные следствия для его жизни, еще неиспорченной по нравственности и ни мало не зараженной духом грубости и дерзости. Всякая другая мера послужит к исправлению его и обрадует тех наставников, которых он служил на экзаменах украшением. Таковым непомерным наказанием ученика первого разряда за проступки, не совсем доказанные, а может быть и допущенные в расстройстве

мыслей, в волнении чувств от того затруднительного положения, в которое он, еще неопытный в жизни, поставлен непрерывными на него жалобами и допросами, подадим опасный пример непомерной строгости начальства, ослабим в них силы физические, посеем страх рабский, могущий заглушить в них все благородные чувства к истинному, доброму и изящному и образующий всегда людей скрытных и опасных, а следовательно бесполезных церкви и правительству». Объяснение Соколова отличается большею обстоятельностью и юридическою основательностью. «Из доклада в журнале семинарского правления, писал Соколов, видно, что ученик Тинников несколько раз самовольно отлучался из семинарского дома, делал грубости инспектору семинарии и в классе учителю осетинского языка Хундукову, даже в присутствии всего правления говорил довольно грубо. С мнением семинарского правления – исключить Тинникова за означенные поступки из семинарии – я не согласен: 1) самовольные отлучки Тинникова из семинарского дома и грубости против инспектора семинарии достойны наказания (и наказаны), но не исключения из семинарии; 2) что Тинников говорил довольно грубо в присутствии правления, то это произошло от неведения и неблагоразумия Тинникова; 3) что касается до того, в каком духе и с каким намерением сделаны Тинниковым вышеозначенные поступки, об этом знает только тот, кто постоянно смотрит за поведением учеников и следовательно может знать сколько-нибудь их характер; 4) жалоба учителя Хундукова на грубости Тинникова, оказанная будто бы ему в классе, заслуживает внимания только потому, что есть жалоба учителя на ученика. Но как известно, что Хундуков прежде обходился с учениками по-дружески (что и должен был делать, так как сам он потому только не ученик, что знает осетинский язык), то оказанная строгость, конечно, не могла понравиться ученикам. А что это сделал Тинников, а не другой кто, так это, может быть, потому, что он более других сознавал свое достоинство; 5) ученик Тинников до сих пор известен был семинарскому правлению с отличной стороны и по классам, и по поведению; не более, как три месяца, он по какому-то

случаю изменил свое поведение и нельзя думать, чтобы он навсегда остался таковым». А потому мнение учителя Соколова таково: «употребить еще меры (строгие-ли то, или кроткие, а кажется, лучше последние) к исправлению Тинникова; если-же и эти последние меры останутся тщетными, тогда уже поступить с ним по всей строгости».⁹⁴ Протоиерей Кульматицкий, сначала было согласившийся с мнением семинарского правления, но потом увлеченный дружной оппозицией трех вышепоименованных нами наставников семинарии, взял свое мнение назад и дал другое, во всем согласное с объяснениями Каневского, Иосселиани и Соколова. После всего этого, ректор и инспектор поневоле должны были согласиться с мнением наставников; но последние представили новое препятствие к соглашению: они потребовали, чтобы их отзывы были прописаны в журнале, а так как ректор и инспектор не хотели допустить этого, то дело о Тинникове и его сообщниках совершенно остановилось, производя; впрочем, впечатление, невыгодное для семинарского начальства. Вслед за этим, Каневский подал прошение об увольнении его от должности секретаря, потому что, как выразился он, «при настоящих отношениях своих к правлению он не может с успехом проходить этой должности, когда правление отнимает у него последние права его».⁹⁵ Определенный на место Каневского Соколов пробыл секретарем только полторы недели и тоже вышел в отставку. Одним словом, оппозиция со стороны некоторых наставников против инспектора, бывшая до того времени тайною, теперь обнаружилась и заявила себя в формальном протесте против его действий. Не имея нужды более скрывать свои чувствования, Иосселиани, Каневский и Соколов явно стали в ряды защитников Тинникова и его сообщников и решились прямо и открыто действовать против инспектора и экзарха. Чтобы не отделять своего дела от дела Тинникова и его сообщников, они, подобно им, обратились теперь к графу Протасову с жалобою на жестокое обращение инспектора с учениками и на покровительство ему экзарха. «Говорить истину, писали они, и защищать её похвально и необходимо во всяком случае. Но говорить и защищать

справедливость там, где она теряет свою последнюю защиту у людей, от которых зависит судьба её, есть непременный долг каждого. Эта мысль была главным побуждением, которое заставило нас расторгнуть долговременное наше молчание и вместе с истиною, объявленной нами ближайшему нашему начальству, укрыться под защиту вашего сиятельства. С другой стороны, опасность, которой нередко подвергаются защитники истины от людей, от которых зависит непосредственно судьба самой истины и защитников её, послужила новым побуждением к тому, что мы осмеливаемся теперь объяснить вашему сиятельству те неблагоприятные отношения наши к ближайшему нашему начальству, в которые поставило нас наше чистосердечие и любовь к справедливости. Все это в совокупности дает нам смелость представить на благорассмотрение вашего сиятельства нижеследующие обстоятельства.

Юная тифлисская семинария, укрепляемая в силах своих отеческим вниманием и попечительностью высшего начальства, всегда отличалась повиновением к ближайшим начальникам своим, и многие ученики семинарии получали от семинарского начальства лестное одобрение за кроткое поведение. Наконец, самовластное и почти жестокое обращение с учениками отца инспектора семинарии, игумена Порфирия, который за все детские проступки учеников бьет их собственными руками и сам, без ведома семинарского правления, наказывает их розгами, вывело некоторых учеников из терпения, но отнюдь не из повиновения начальству, и один из учеников высшего отделения семинарии, Давид Тинников, принужден был подать в семинарское правление прошение, в коем приносит жалобу на инспектора семинарии за то, что он бил его собственными руками без всякой пощады. Это прошение ученика Тинникова, в коем изложены подробно все обстоятельства дела, до сего времени остается в семинарском правлении без надлежащего исследования, хотя секретарь Климент Каневский в самый день подачи прошения докладывал его правлению.

После того инспектор семинарии, по обязанности-ли своей, или же для того, чтобы оправдать действия свои пред

семинарским правлением, до которого начали доходить неблагоприятные о них слухи, в марте месяце сего года подал в правление семинарии несколько записок, коими доводил до сведения правления о некоторых неодобрительных поступках учеников семинарии.

Первой запиской инспектор семинарии доносил правлению о том, что он однажды заметил ученика высшего отделения Давида Тинникова и ученика среднего отделения Яссона Татиева в нетрезвости; вторую доносил правлению о том, что некоторые ученики пели светские песни в классе и на крыше семинарского дома; прочими-же записками инспектор доносил правлению о том, что некоторые ученики отлучались в Фомино воскресенье на народное гуляние в Тифлисе, а другие ученики замечены им в других самовольных отлучках. Вслед за инспектором жаловался правлению особенной запиской эконома семинарии, священник Басхаров, на ученика Тинникова за то, что он входил в кухню, где как о нем, Басхарове, так и о прочих своих начальниках отзывался с неуважением. Вслед за тем о. ректор семинарии, архимандрит Сергей, входил в правление с запиской, коей доводил до сведения правления, что ученик Тинников, против воли его высокопреосвященства, экзарха Грузии, являлся для сказывания проповеди не в Спасо-Преображенском монастыре, а в Сионском соборе. Напоследок, жаловался на ученика Тинникова и учитель осетинского языка Евстафий Хундуков за то, что Тинников отвечал урок нетвердо, сел на место без его приказания и подходил к столу, за которым сидел учитель, с требованием не жаловаться на него напрасно начальству. Вследствие записок инспектора все ученики, замеченные им, будто бы, в самовольных отлучках и нетрезвом виде, по определению семинарского правления, понесли разного рода наказания, равно и по запискам о. ректора и эконома семинарии ученик Тинников также понес, по определению семинарского правления, наказания, сообразные со своими проступками; да еще прежде определения правления, ученики Тинников и Татиев домашним образом, по воле инспектора семинарии, понесли телесное наказание: первый бит был в комнате, а последний не только в комнате, но

и на улице, оба собственными руками инспектора. Не довольствуясь сим, семинарское правление, по настоянию инспектора, производило в своем присутствии формальное следствие по запискам инспектора об отлучке учеников на народное гуляние, о пении светских песен в классе и на крыше, и по прошению учителя осетинского языка на ученика Тинникова касательно неуважения, оказанного им учителю в классе; для сего все ученики призываемы были в правление, где спрашивали каждого из них порознь, записывали в настольный журнал их показания и заставляли учеников подлинность оных свидетельствовать собственноручным подписом. Плодом означенного следствия было то, что ученики, показанные в записках инспектора отлучавшимися на народное гуляние, отлучались, как они сами показали, не на гуляние, а для молитвы к развалинам одной древней церкви, к которым все жители Тифлиса в Фомино воскресенье обыкновенно посещением своим свидетельствуют религиозное уважение. Следствие, произведенное правлением по записке инспектора касательно пения светских песен, показало, что ученики пели в классе более духовные, нежели светские песни; и все это было 1-го мая, в тот день, который, по воле начальства, в прежние годы ученики семинарии посвящали на отдых и гуляние, известное в семинариях под именем рекреации. Следствие же, произведенное по прошению учителя осетинского языка на ученика Тинникова, будто бы неуважение оказавшего учителю в классе, вовсе не оправдало жалобы на него учителя Хундукова. Все вышеозначенные следствия, произведенные правлением над учениками, не обнаружили в учениках таких проступков, о которых следовало бы разыскивать формальным дознанием, но, напротив того, принесли ту невыгоду, что они обнаружили в начальстве подозрение к собственным донесениям, а в учениках легко могли поселить недоверчивость к начальству, которое за обыкновенные детские шалости начало судить их строгим судом гражданским». Далее, описавши, как экзарх назначил чрезвычайное заседание семинарского правления, куда приглашены были и они, как в этом заседании подали мнение в защиту Тинникова, вопреки определению правления, и

представили каждый по этому случаю свои объяснения, как от стеснения инспектора принуждены были оставить должность секретаря Каневский и Соколов, в заключение прибавили: «Все вышепрописанное можно было бы дополнить еще новыми обстоятельствами, где инспектор семинарии, полагаясь на непосредственное покровительство экзарха Грузии, злоупотребляет доверенностью к нему его высокопреосвященства и действует к ущербу благоденствия семинарии. Но, желая сказать только то, что мы сами видели и достоверно знаем, мы осмеливаемся теперь представить благоусмотрению вашего сиятельства такие только обстоятельства, в которых мы сами принимали участие. И из вышесказанного нами изволите усмотреть, ваше сиятельство, в каком состоянии находится тифлисская семинария, которая управляется, с превышением власти, таким человеком, который или не может, или не считает нужным обращать особенного внимания на учебную и нравственную часть семинарии. Со своей стороны, мы считаем нужным еще присовокупить и то, что инспектор семинарии, действуя под защитою высшего местного духовного начальства, стесняет и прочих товарищей своих по службе, которые не всегда могут действовать ко благу семинарии так, как бы хотели и как долг повелевает. С другой стороны, инспектор, обращением своим с учениками, одних из них ожесточил до того, что многие из лучших учеников потеряли охоту к учению, а другие в характере получили дурное направление. Вообще сказать можно, что местное духовное начальство заботится более о том, чтобы дать семинарии одну только наружную форму порядка.

Теперь известны вашему сиятельству отношения наши к ближайшему нашему местному начальству и можно предвидеть, что истина, сказанная нами, не останется в последствии времени без нареканий со стороны тех людей, для которых она покажется неприятною, и, может быть, защитники её испытают на себе участь тех, которые страдали за правду. В таком случае, мы осмеливаемся искать защиты у вашего сиятельства и предоставить благоусмотрению вашему все наше будущее».⁹⁶

Между тем синод, по выслушании предложения Протасова о жалобе Тинникова на инспектора, высказал свое неудовольствие, как выражается синодский указ, «что в тифлисской семинарии, в духовно-учебном заведении, которое, по назначению своему, должно служить рассадником достойных служителей церкви Христовой, образуя их с детства в правилах строгой нравственности, кротости душевной, смирения и уважения к начальствующим властям, проявился ныне между воспитанниками небывалый пример дерзости, с которою они, в числе 35 человек, решились приносить высшему начальству жалобу свою на инспектора семинарии, игумена Порфирия. Сим случаем обнаруживаются: и несоблюдение самим семинарским начальством лежащих на нем обязанностей, чрез допущение между воспитанниками столь пагубного духа своеволия, и вредное направление нравственности воспитанников тифлисской семинарии, требующее строгих и решительных мер к искоренению оного».⁹⁷ Но, с другой стороны, св. синод поражен был и патриархальною расправою с учениками игумена Порфирия, а потому в том же указе не мог не прибавить о действиях Порфирия, что «тем более обращает на себя внимание инспектор, на котором наиболее возлежит обязанность надзора и который подал повод к настоящему случаю».⁹⁸ Потому св. синод положил: «1) О прописанных в жалобе ученика Давида Тинникова обстоятельствах произвести строгое законное исследование, на каковой конец составить на месте особую комиссию из члена грузино-имеретинской св. синода конторы архимандрита Иоанна, одного лица из почетнейшего тамошнего белого духовенства и исправляющего должность прокурора Дмитриева; 2) комиссии сей вменить в обязанность немедленно обревизовать тифлискую семинарию со всею подробностью и раскрыть действительную причину столь дурного направления нравственности в её воспитанниках; 3) по произведении комиссией исследования и по составлении об открывшихся обстоятельствах дела надлежащего заключения, возложить на преосвященного экзарха Грузии подробно рассмотреть сие дело и, вместе с заключением комиссии, представить и со своей стороны по оному мнение,

приняв меры, дабы то и другое не были рановременно оглашены; 4) на все время, в которое будет производиться дело по жалобе Тинникова, игумена Порфирия отстранить от должности инспектора семинарии, поручив исправление оной другому благонадежному из тамошних семинарских наставников; 5) ректору рязанской семинарии, архимандриту Афанасию, уволенному ныне по прошению его на Кавказ для пользования минеральными водами, если, по окончании курса лечения, состояние здоровья его не будет к тому препятствовать, поручить на обратном пути обревизовать тифлисскую семинарию, причем, обратив внимание на происшествие, возникшее по жалобам ученика Давида Тинникова, представить, вместе с донесением о ревизии, и заключение свое по сему предмету».⁹⁹ Определение синода вообще было неблагоприятно для Порфирия и самого экзарха; устранение от должности инспектора Порфирия, назначение в состав следственной комиссии Дмитриева, явного врага экзарха и Порфирия и тайного покровителя семинаристов, самое назначение ревизором тифлиской семинарии ректора рязанской семинарии Афанасия, известного своею строгостью и действиями не в видах защищения прав иерархических, – все это предвещало мало доброго для Порфирия и экзарха и сильно ободряло и воодушевляло противную партию, которая теперь не скрывала своей радости и проявляла её в разных выходках и возгласах; число её членов постоянно умножалось; даже самые робкие и трусливые, не боясь уже более экзаршеского гнева, явно переходили на сторону врагов экзарха и Порфирия. К числу таких относится ректор тифлиской семинарии Сергей, который до этого времени покорно сносил свое зависимое и уничижительное положение и только втайне одобрял восстание семинаристов.¹⁰⁰ Каждое действие, как ревизора Афанасия, так и следственной комиссии, было ударом для Порфирия: Афанасий явно сблизился с Сергием и наставниками Иосселианом, Каневским и Соколовым; мало этого, Каневский сделан был исправляющим должность инспектора семинарии, вместо Порфирия; Дмитриев зорко следил за всеми ухищрениями Порфирия, разбивал их,

обезоруживал все его усилия парализовать действия следственной комиссии и вел дело так, что каждое обстоятельство, открываемое следствием, было обвинением и осуждением Порфирия. Порфирий употреблял все зависящие от него средства отстранить Дмитриева от производства над ним следствия и остановить на время производство самого следствия. Для этого на Высочайшее имя подал он следующее прошение: «С самых молодых лет посвятив себя единственно служению Богу, я во все продолжение оного, по строгому убеждению чистой моей христианской совести, совершенно чужд был самомалейшего поползновения к чему-либо противозаконному и таким точно образом поступал во время служения моего более четырех лет инспектором тифлисской семинарии. Но, объясняя это, я не имею в виду и не думаю представлять в настоящее время какие-либо с моей стороны против жалобы Тинникова оправдания; напротив, желаю следствия строгого и беспристрастного, да оправдаюсь пред начальством и законом; ибо уверен, что только злоба людей неблагонамеренных могла внушить Тинникову и другим молодым и неопытным ученикам подать на меня подобную жалобу, доказательством чего может служить и сознание ученика Дмитрия Протопопова, в особой просьбе к г. обер-прокурору сделанное. Посему, возлагая надежду мою на следствие, я не могу не обратить внимания на лица, коим поручено производство оного. На беспристрастие о. архимандрита Иоанна и протоиерея Димитрия Алексеева я совершенно полагаюсь; но не могу того же сказать об исправляющем должность прокурора г. Дмитриеве, по следующим причинам: А) главный виновник подачи на меня учениками жалобы есть предместник мой, бывший инспектор тифлисской семинарии, коллежский асессор Дроздов, который по неудовольствиям же его с духовным начальством, или по каким другим причинам, давно, как известно, оказывал к духовному и семинарскому начальству нерасположение и вследствие того происками своими успел, наконец, склонить учеников к несправедливым жалобам, самим им сочиняемым, или, по крайней мере, исправляемым; доказательством чего

служит хранящаяся ныне у меня одна из таковых жалоб, исправленная и, по большей части, писанная рукою Дроздова, который на той же жалобе надписал подать её г. Дмитриеву, с которым Дроздов находится в самых коротких, дружественных связях, а со времени подачи учениками жалоб Дмитриев и Дроздов еще чаще и почти беспрестанно бывают один у другого, как это я сам видал по смежности квартиры моей с квартирою Дроздова. Подобные связи и дух своевольтства, оказавшийся между учениками со времени подачи ими жалоб и еще более усилившийся и час от часу возрастающий со времени поручения г. Дмитриеву производства по настоящему предмету следствия, явно показывают ожидаемое жалобщиками, или подстрекателем их Дроздовым, покровительство со стороны следователя г. Дмитриева, который, сколько мне известно, и не упустил обещать им сего. Дерзость же учеников усмотрена уже и св. правительствующим синодом из предложенных оному г. обер-прокурором помянутых выше прошений. Б) Не одно дружество с Дроздовым заставляет г. Дмитриева поддерживать сторону дерзостных учеников, или лучше сказать, стараться угождать Дроздову, но г. Дмитриев имеет к тому и другие, гораздо важнейшие побуждения, именно: со времени поручения г. Дмитриеву в конце прошлого года должности прокурора, он, сколько мне вообще от других и в особенности от самого его известно, находится, не знаю, впрочем, почему, не в хороших отношениях с преосвященным экзархом Грузии, о чем, как думаю, неизвестно и св. прав. синоду и г. обер-прокурору оного. Питая, таким образом, чувство неудовольствия к экзарху, г. Дмитриев без сомнения рад случаю, где он может излить свое мщение над одним из подчиненных экзарха и особенно над тем, который ближе к нему, нежели другие: ибо я не могу скрыть, что как в прежнее время службы моей, так и со времени перевода меня на службу в Грузию, я всегда постоянно пользовался благорасположением пр. экзарха; следственно нет ничего мудреного, если г. Дмитриев питаемое им к экзарху неудовольствие станет теперь отмщать на мне, к чему, сколько я по самому началу дела вижу, он и стремится всеми силами; ибо, вместо того, чтобы открыть в

свое время повеленную св. прав. синодом комиссию и производить следствие в её присутствии, или собирать нужные откуда следует сведения от всей комиссии, г. Дмитриев начал действовать и действует от своего лица, без всякого участия других двух членов комиссии, о. архимандрита Иоанна и протоиерея Алексеева, так что комиссия поныне еще не открыта. Видя столь неправильные и незаконные действия г. Дмитриева, могу-ли надеяться, что г. Дмитриев, при дальнейшем производстве настоящего следствия, может быть менее беспристрастен и будет стараться открыть истину? Я заключаю это еще более из того, что ученики, подписавшиеся на жалобе, не стыдятся в классах семинарии говорить, что они зависят теперь более от прокурора, нежели от духовного начальства и, читая, в классах-же, проект семинарий, толковали оный в укоризну начальству. В) Главнейшие из учеников, участвовавших в подаче жалобы: Давид Тинников, Михаил Элизбаров, Фома Элизбаров, Иван Лашауров, Афанасий Амиранидзе, Александр Мамацов, Иассон Татиев и Андрей Цицвианидзе, как знаю я, неоднократно сами упрашивали г. Дмитриева поддержать их и, наконец, просили его о том чрез своих наставников, учителей семинарии: Платона Иосселиани, Климента Каневского, Матфея Соколова и смотрителя тифлисских духовных училищ, кафедрального протоиерея Андрея Кульматицкого: ибо все сии четыре лица, будучи и прежде в коротких дружеских отношениях с Дроздовым, а чрез него и с г. Дмитриевым, присоединились ныне совершенно к Дроздову и явно поддерживают и настраивают учеников против меня одного. Все сии обстоятельства убеждают меня совершенно, что от действий г. Дмитриева ни мне, ни начальству нельзя ожидать истины и беспристрастия, столь необходимых при всяком следствии для наказания виновных и для оправдания невинных, а тем более важных в настоящем деле, от которого зависит спокойствие и участь учеников семинарии, кои в своих наставниках видят теперь руководителей или подстрекателей к несправедливым против начальства своего жалобам. И хотя следственная комиссия в полном составе её еще не открыта, однако, как я выше сказал,

начальные, столь неправильные и на пристрастии лишь основанные действия одного г. Дмитриева, дают уже мне полное право просить об устранении его от производства следствия, о чем я, по открытии комиссии, и подал в оную прошение и буду просить, дабы она, до получения от св. прав. синода разрешения, производством следствия приостановилась. Желая, таким образом, следствия справедливого и совершенно беспристрастного и полагаясь на святость законов, начертанных в 887 и 1297 статьях XV тома Свода Законов уголовных, представляющих обвиняемому все средства к его оправданию, я осмеливаюсь всеподданнейше просить, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было, сие мое прошение приняв, записать и для достижения в этом, столь важном для меня и для учеников семинарии, деле истины, устранив исправляющего должность прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы г. Дмитриева от производства следствия, поручить оное одному из состоящих при главноуправляющем в Грузии чиновников, кому он доверит, или кому-либо другому, кроме чиновников, служащих по духовной части в Тифлисе и могущих более или менее навлечь на себя с той или другой стороны невыгодное мнение. Что же касается до духовных лиц, ныне в комиссию назначенных: архимандрита Иоанна и протоиерея Дмитрия Алексеева, то к действиям их не имея теперь ни малейшего с моей стороны подозрения, я предоставляю благоусмотрению начальства, оставить-ли их в комиссии, или с назначением на место г. Дмитриева другого лица назначить и с духовной стороны других особ».¹⁰¹

Но несмотря на это самовосхваление, лицемерие и представление себя жертвою, страждущею невинно, по злобе неблагонамеренных людей, прошение это не произвело того действия, какого ожидал Порфирий. Точно также осталось без последствий и другое прошение его, поданное им в следственную комиссию о приостановлении производством следствия по делу его. Напротив, это прошение Порфирия как бы еще усилило энергию Дмитриева в преследовании Порфирия и заставило его употребить все средства

предупредить и уничтожить усилия Порфирия освободиться из его рук. Препровождая в копии прошение Порфирия к графу Протасову, Дмитриев такими черными красками описал действия и ухищрения Порфирия и экзарха, что после того оба они еще более упали в глазах Протасова. «Главная цель, писал Дмитриев Протасову, желания игумена Порфирия об остановлении действий учрежденной над ним следственной комиссии состоит в том, как им доныне замечено было, чтобы в течении времени бездействия комиссии успеть согласить большее число учеников семинарии, подписавшихся на прошении ученика Тинникова, на подачу просьбы якобы о незнании их существа подписанного ими того прошения ученика Тинникова, кои уже и стали поступать в комиссию, и предвидится сие впредь, что послужит единственно только для больших комиссии затруднений, от коих едва-ли будет какая-либо и польза для игумена Порфирия, по видимости, им ожидаемая. Другая цель есть та, чтобы больше очернить учеников семинарии; для чего со времени учиненных игуменом Порфирием побоев ученику Тинникову и другим, т. е. с 18-го февраля сего года, начали подаваться в семинарское правление записки о дурном поведении учеников, и по ныне непрекращающиеся, по поводу коих были чинимы в правлении и по ныне непрекращающиеся следствия, с видимыми неблагонамеренностями игумена Порфирия, против коих, как значится из переданного на рассмотрение комиссии пр. экзархом Грузии донесения ему об оном семинарского правления с подробной справкой, начавшеюся с 20-го февраля сего года, три наставника семинарии подали свои отзывы и, сверх сего, семинария находится близко к возмутительному состоянию, так что и ректор оной, архимандрит Сергей, страдает тягостью бремени, на нем лежащего и выводящего его из терпения, чтобы противостать действиям со стороны игумена Порфирия, не взирая ни на свое смирение и покорность к начальству, и на могущий открыться гнев его на него. За сим, для комиссии предстоят занятия не по одному исполнению поручения, возложенного по определению св. синода, но и по рассмотрению с нужными, в случае надобности,

преследованиями производимых семинарским правлением следствий, коим окончания тогда только можно ожидать, когда а) не будет видимого покровительства со стороны пр. экзарха игумену Порфирию, донесениям и мнениям коего он, пр. экзарх, пребывает доверчивым: б) когда игумен Порфирий будет удален от должности, занимаемой им по ныне, учителя семинарии по церковной истории и будет выведен из занимаемой и по ныне им инспекторской при семинарии квартиры и из того прекратится влияние его на учеников и в особенности стремящихся ему угодить, из коих составились две противоположные партии; в) когда будет жить в инспекторской квартире исправляющий инспектора должность и тем дастся ему ближайшее средство в надзоре за учениками и по исполнению всех по сей должности обязанностей: г) когда, по подаваемым в семинарское правление запискам на учеников, следствия не правление семинарии, но следственная комиссия во время существования её будет производить; тем более сие нужно, что в правлении семинарии почти некому стало и производить таковые следствия от разных в оной обстоятельств, о чем сия последняя хотя и произвела требование к первому, но пр. экзарх, узнав о сем, сего 10-го июля ему, Дмитриеву, в присутствии конторы объявил нежелание свое на то». В этом же донесении Дмитриев присовокупил, что в учрежденной комиссии, исключая его, «другие два члена туземцы, лица подчиненные пр. экзарху, а может быть и имеющие своих родственников, к сему делу прикосновенных, и, как видно, или из боязни гнева, или из желания угодить, пребывают либо в молчании при его суждениях, или же с противопоставляющими желаниями своими к отклонению нужных, строгих и скорых действий комиссии, то не ежедневным хождением в оную и маловременным присутствием в ней под видом разных надобностей и тягости от летнего жара, то медленным подписом журналов её, то отзывом незнания хорошо русского языка и требованием переводчика, который для протоиерея Алексеева необходим, ибо он читать и писать по-русски не знает, да и говорит очень мало, а желает обо всем иметь понятие, с требованием даже принятия его

мнений, не вовсе для него (Дмитриева) понятных. Члена сего легко можно было бы заменить или русским протоиереем Сионского кафедрального собора Кульматицким, умным и дельным человеком, или же другим кем из духовенства, хорошо знающим русский язык и могущим быть добрым его сотрудником, ибо старший член, отец архимандрит Иоанн, хотя и говорит не вовсе исправно по-русски, но писать может только на грузинском языке».¹⁰² В другом рапорте Протасову Дмитриев доносил, что «по случаю распространившегося в Тифлисе слуха о прибытии на кавказские воды архимандрита Афанасия, долженствующего на обратном пути ревизовать семинарию, пр. экзарх Грузии, зная строгость действий сего архимандрита, убедил ректора семинарии, архимандрита Сергия, по товариществу его с ректором Афанасием, писать к нему и просить уведомления о времени прибытии его в Тифлис, каковое от него хотя и было прислано, но по распоряжению пр. экзарха перехвачено с почты и отправлено им, или игуменом Порфирием, в С.-Петербург, с тою, как предполагаю я, целью, чтобы архимандрит Афанасий отклонен был от исполнения возложенного на него поручения».¹⁰³ По прошению Порфирия не только ничего не было сделано в пользу его, но, напротив, как бы нарочно все было сделано наперекор ему и согласно желанию Дмитриева: ему велено было синодом выехать из семинарского дома; его удалили от учительской должности и положили перевести в другую семинарию, но не прежде, как по окончании следствия, а до того он был оставлен в Тифлисе без всякого содержания, потому что синодом предоставлено было ему на содержание пользоваться доходами с монастыря, будучи игуменом номинальным. Самому экзарху сделан был от синода ясный намек на то, что он противодействует следственной комиссии и запрещено было принимать от учеников прошения, заключающие к себе отказ от подписи под прошением Тинникова.¹⁰⁴ По желанию Дмитриева, недействительный член комиссии протоиерей Алексеев был уволен и заменен священником Давидом Месхиевым. Таким образом, Дмитриев совершенно достиг своей цели и мог свободно, ничем не стесняясь, производить следствие. Он доносил Протасову, что

«из ответов учеников, спрошенных при следствии, открывается: 1) что движение, обнаруживавшееся в тифлисской семинарии, было следствием потери ими всякого терпения от производимого Порфирием своевольтва в управлении семинарией, с употреблением многих непозволительностей и что им чинилось от явного и даже мало обыкновенного покровительства ему нынешнего преосвященного экзарха Грузии, доказательством чего прежде служило невнимание экзарха ни к каким доходившим до него на игумена Порфирия жалобам и даже на самые недостатки его, Порфирия, в преподавании им в семинарии учения по церковной истории, учителем чего едва-ли он имел право и быть, как не учившийся в духовной академии; 2) что Порфирий бил учеников собственными своими руками; 3) наказывал их розгами пред портретом Государя и пред святыми иконами, находящимися в присутствии семинарского правления; 4) содержал худо учеников казеннокоштных и больных, потому что семинарская экономия находилась в руках его, а не эконома. От дурной пищи, а главное от горького постного масла, ученики страдали кровавою рвотою, а некоторые от этого, а равно и от других небрежностей игумена Порфирия, померли».

В заключение своего донесения о последствиях ревизии, Дмитриев писал Протасову: «По причине взводимых на игумена Порфирия преступлений, члены следственной комиссии хотя и полагают, что он, по смыслу правил св. отец, впредь до окончания дела подлежал бы запрещению (в священнослужении); но как в определении св. синода он был назначен только к устранению от должности инспектора, то и они не решаются сделать заключения о учинении запрещения игумену Порфирию в священнодействии и рукоблагословении».¹⁰⁵ Поражение Порфирия было совершенное. С этого времени со стороны, поддерживавшей Тинникова, посыпались на противную сторону насмешки, угрозы и явные оскорбления; ученики стали своевольничать, а наставники и даже ректор семинарии старались угождать им и заискивать их благосклонность. Так, Иосселиани открыто укорял священника Мжедлова за то, что он держит не сторону

учеников, а сторону инспектора, променял грузин на русского монаха, и угрожал ему жалобой на него обер-прокурору св. синода; а по случаю назначения Каневского исправляющим должность инспектора семинарии, бегая по базару, с восторгом сообщал торговцам, что «теперь инспектором Каневский и что вскоре сменим и эконома».¹⁰⁶ Каневский, ободряя Тинникова и его товарищей, однажды обратился к ним с такою речью: «Мирные люди! спасибо вам! Не бойтесь, господа, выйдем как-нибудь, лишь были-бы здоровы мы, нам знакомы в России».¹⁰⁷ Тот же Каневский ученикам партии Тинникова, чрезвычайно обижавшей учеников противной им стороны, давал такие советы: «Зачем вы явно обижаете учеников, противных вашей партии? обижайте их, но только так, чтобы начальство не могло заметить следов ваших обид, а то, по надлежащем расследовании оных, вы всегда останетесь виновными и должны терпеть наказание; впрочем, не теряйте надежды на нас; наше сердце всегда с вами».¹⁰⁸ Все ученики партии Тинникова были отмечены Каневским в поведении лучше не подписавшихся; Тинников сделан был старшим над тремя комнатами. Угодливость ректора Сергия пред учениками партии Тинникова дошла до самого унижительного раболепства: он позволял им шататься по городу до полуночи, приказывал эконому семинарии давать ученикам деньги на вино в каждый воскресный день и сам от себя посылал деньги на вино и фрукты.¹⁰⁹ Ученики, видя такую поблажку себе со стороны ректора, инспектора и наставников, конечно, не преминули по-своему выразить свое превосходство над противной партией: они не кланялись прежнему своему инспектору и отворачивались при встрече с ним, колотили своих неприятелей-учеников, забрасывали и портили их вещи, завели у себя свой домашний суд и расправу, где Тинников был председателем и главным судьей,¹¹⁰ принимал прошения и клал на них свои резолюции.¹¹¹ Приводим здесь описание своевольства возмущившихся учеников, сделанное врагом их – игуменом Порфирием и официально представленное в следственную комиссию: «Возмущившиеся ученики, пишет он, с надеждою на защитников, предались совершенному своеволию,

кричали повсюду, что по их прошениям, без всякого разбирательства, отрешат и епархиальное, и семинарское начальства, читали в классах, особенно в среднем отделении, семинарский проект, извращая оный в укоризну начальства, скакали безобразно, делая из сюртуков род фраков и приговаривая, что с этого времени им будут шить фраки; учеников, не соглашающихся с ними, особенно русских, поносили срамными словами и угрожали им мщением; невозможно было без сокрушения сердца смотреть на все своевольтва, которым предались ученики после подачи прошений высшему начальству, особенно после открытия следственной комиссии, с участием в оной г. Дмитриева. У бунтующих учеников самый вид человеческий от дерзости и злобы изменился как бы в зверский: ибо сердце человеческое, по словам Сираха, изменяет лицо его на добро или на зло, смотря по направлению сердца. Все дерзости учеников возмущившихся могут открыть ученики, с терпением и сокрушением сердца взиравшие на действия защитников возмущения и на своевольтва учеников и при всех нападениях устоявшие в правде и сохранившие свое сердце непорочным в сию годину искушения».¹¹²

Самая крайность тех форм, в каких выражалось торжество партии, враждебной Порфирию, было вредно для неё и весьма полезно для её врагов, которые, конечно, в это время не дремали, а действовали усиленно; они не замедлили воспользоваться всеми ошибками своих противников и довести о них, хотя косвенным путем, до сведения синода, где у них были покровители и защитники. По крайней мере, известно, что экзарх во время производства следствия вел деятельную переписку с некоторыми из синодальных и что Дмитриев принужден был жаловаться Протасову на то, что экзарх получает из Петербурга уведомления, предваряющие его о распоряжениях синода.¹¹³ Очень может статься, что обо всех промахах противной партии экзарх доносил неофициально тем из членов синода, которые своим влиянием могли дать иное направление делу Порфирия. Как бы то ни было, только в ходе дела тифлисских семинаристов произошел поворот, но не в их

пользу. Ректор Сергей был смнен; Дмитриев уволен и на его место поступил Измайлов; Дроздов выехал из Тифлиса. Первый удар партии Тинникова нанес новый ректор семинарии Флавиан, который в своем донесении киевскому академическому правлению о состоянии тифлисской семинарии, о нравственности учеников сделал отзыв, не совсем для них выгодный, именно что «ученики 1) грубы и расположены к своевольству: в них замечается какая-то азиатская гордость, соединенная с невежеством, незнанием приличия и тех благородных навыков, коими отличается благовоспитанное духовное юношество русское; 2) непочтительны к начальству; выражаются пред ним с каким-то презрением и надменностью, отнюдь несвойственную подчиненным. Если входить записками в правление за каждые их огорчительные для начальства выражения, то не достанет и бумаги, чтоб писать на них записки; 3) любят в пустяках жаловаться и крайне настойчивы в том, чтоб их непременно удовлетворяли.

Содержание ученикам производилось и производится хорошее. Пища всегда бывает хорошая и сытная, приготовляемая по русскому обычаю. Но ученики, получив привычку при прежнем начальстве к излишним требованиям, напр., вина за столом и разных фруктов, выказывают и теперь ропотливость». ¹¹⁴

За этим первым ударом последовал ряд поражений партии Тинникова. Измайлов, продолжавший после Дмитриева следствие, дал ему совершенно другое направление. Настроенный-ли в Петербурге, или руководимый своим собственным воззрением, Измайлов смотрел на обнаружившееся волнение учеников тифлисской семинарии, как на явление, произведенное частью начальствующими лицами в семинарии, а частью людьми посторонними, которые, по личностям к местному училищному начальству, воспользовавшись неважным происшествием с учеником Тинниковым, постарались образовать в семинарии партию недовольных из учащихся и учащихся. Одним словом, по мнению Измайлова, это был заговор против Порфирия и экзарха, подготовленный Дроздовым и профессорами семинарии:

Иосселианом, Каневским и Соколовым, и для осуществления коего было выдуманно происшествие с Тинниковым, которому они приказали подать Протасову жалобу на Порфирия, а некоторым из его товарищей под ней подписаться; что же касается других жалоб семинаристов, в которых они писали разные нелепые клеветы на Порфирия, никогда не обращавшегося с ними жестоко, а только строго, да и то принужденного к тому слабостью ректора, слишком потакавшего ученикам, то они также были написаны под влиянием Дроздова и упомянутых выше трех профессоров. При таком взгляде, следствие ведено было к тому, чтобы оправдать Порфирия и обвинить Тинникова. С этою целью, спрашиваемы были такие ученики, которые не были очевидцами происшествия с Тинниковым и которые, естественно, должны были сказать, что они не видали того, как Порфирий бил Тинникова, вследствие чего Измайлов заподозрил и отверг самый факт избиения Тинникова Порфирием. Напротив, преднамеренно не были опрошены те ученики, которых подсылал к Тинникову Порфирий с предложениями помириться; не обращено было также внимания на то, что ученики спали по двое на одной койке; признаны были недоказательными свидетельства и наставников, и учеников о покровительстве Порфирию экзарха Грузии. Таким образом, под пером Измайлова явилось все это дело в следующем виде: «Тинников до 18-го февраля 1840 г. не питал неудовольствия против инспектора Порфирия и питать было не за что; равно и Порфирий не имел к нему невыгодного предубеждения, постоянно выставлял его по поведению отличным. 18-го февраля Тинников, виноватый, оказал Порфирию в присутствии учеников грубость и дерзость, непростительные в ученике пред инспектором, за что, призванный в правление, в первый раз наказан, и по суду, лишением старшинства и заключением в карцер; после таковых наказаний, вредных для наказанного в последствии, Тинников, лучший ученик, питавшийся надеждами о себе, впал в уныние и стал искать средств поправить свои обстоятельства. В начале он думал оправдать себя или в правлении, или пред экзархом (это следует из того, что Тинников в тот же вечер, после

происшествия с ним, пошел куда-то из комнаты и был остановлен уже на улице своими товарищами, и из чернового его прошения с титулом к экзарху (!?), что, вероятно и сделал-бы, если бы не случилось втечения в его обстоятельства обстоятельств других. Случай этот следующий: инспектор Порфирий имел неприязненных к себе людей вне и внутри семинарии; в семинарии некоторых учеников, коих он один только и наказывал, и некоторых наставников, коим неприятно было видеть, что администрация семинарская опиралась преимущественно на инспекторе, не имеющем, притом, степени академической; вне семинарии, предместника своего, чиновника Дроздова, который почему-то недоброжелательствовал Порфирию, и диакона Урусова, человека сомнительного поведения, жившего у ректора семинарии, архимандрита Сергия. Тинников встретился с такими людьми, которые, внушив ему, что ни правление, в коем действует один инспектор, ни экзарх, который инспектору покровительствует, дела его не поправят (к таковой догадке приводить прошение наставников и тоже черновое прошение Тинникова, исправленное Дроздовым (?!)), обратили его, неопытного, с жалобой к г. обер-прокурору св. синода, и сим положено было начало возмущению учеников против семинарского начальства. Но чтобы осмелиться на жалобы к г. обер-прокурору, надобно было происшествию Тинникова с инспектором придать важность и достоверность; для этого вымышлено жестокое избиение Тинникова инспектором (невероятное, кроме бездоказательности, и потому, что а) Тинников человек рослый и мощный, а Порфирий слабый и невидный; б) Каневский, защищающий Тинникова, объяснился следственной комиссии, что Тинников 19-го февраля, при спросе его в правлении, не упоминал об окровавлении его инспектором и признаков от побоев никаких на нем заметно не было¹¹⁵ и приговорено к свидетельству много учеников, частью точно недовольных Порфирием и действовавших вместе с Тинниковым к составлению партии против него и к подкреплению замысла; таковы преимущественно: Иассон Татиев, Александр Мамацов, Андрей Цицвианидзе, Иван

Лашауров и Михаил Элизбаров, бывший у ректора Сергия келейником, первый подписавший жалобу Тинникова и участвовавший в составлении доноса, а большею частью склоненных к тому недовольными и соблазнительным покровительством им некоторых наставников, как это следует заключить из защиты возмущившихся учеников наставниками, из собственных показаний некоторых подписавшихся под жалобой и доносом, из поступка в следственной комиссии ученика Иоанна Елиозидзева и из обследования по отказной просьбе ученика Гвимрадзева). На жалобу Тинникова долго не было отзыва; Порфирий, между тем, стал строже наблюдать за учениками и о проступках их доводить до сведения правления формально; затеявшие дело могли думать, что жалоба оставлена без внимания, как поданная помимо местного начальства, или потому, что содержание её не очень важно, а с тем вместе могли опасаться мщения от инспектора, начавшего действовать строго и по форме. Как Тинников решился на жалобу к г. обер-прокурору не столько сам собою, сколько по внушению наставников и Дроздова, то, боясь с соучастниками своими последствий такового поступка, без сомнения обращался для советов к ним же, наставникам и Дроздову, а может быть и просил участия их не на одних словах, а и на деле. Чтобы дать силу и движение жалобе, придумано: а) сделать донос от учеников, хотя, главным образом, на инспектора Порфирия, но касающийся вообще управления семинарского (что не есть дело одних учеников, ибо донос этот по плану и изложению показывает сочинителя больше смышленного, нежели ученика семинарии); б) дать жалобе Тинникова правильный ход подачею от него прошений в семинарское правление и исправляющему должность прокурора синодальной конторы; в) подкрепить эту жалобу частными жалобами других учеников: это сделали Татиев и Мамацов и намеревался сделать Цицвианидзе, и наконец г) защищать жалующихся и доносчиков в правлении формально, и это приняли на себя Каневский, Иосселиани и Соколов, которые, неизвестно по какому случаю, присутствовали при разбирательстве поступков по майским запискам Порфирия и

участвовали в суждении о них. Словом, придумано вести действия против семинарского начальства открыто. Наставники, защищая учеников при разбирательстве поступков их по помянутым запискам, не могли не согласить членов правления на свое мнение об уменьшении наказания виновным, чем, конечно, были бы восстановлены порядок и спокойствие в семинарии, хотя на это время; но как цель предприятия наставников была другая, а совсем не защита учеников, то согласенное мнение они тогда же подписать отказались без причины и этим поступком, утвердив волнение в семинарии, лишили семинарское начальство силы действовать на взволновавшихся учеников совершенно. Приведя в такое состояние семинарию, они, наставники, дерзнули наконец и сами послать прошение к г. обер-прокурору св. синода, где, изложив действия семинарского правления и свои, в защиту учеников, сделали донос хотя также на инспектора Порфирия, *но касающийся уже местного архиерея, экзарха Грузии*. Таким образом, жалоба Тинникова на одного инспектора семинарии обратилась в прошение 27 учеников в донос на семинарское правление вообще, а в прошении наставников в донос на местного архиерея. Вскоре затем наряжено следствие и игумен Порфирий удален от должностей при семинарии; взволновавшиеся ученики отнесли это к успеху своего дела и стали своевољствовать явно, помимо правления поделали себя старшими, начали распоряжаться бурсачным столом, завели между собою какую-то расправу и, как известно всем членам комиссии, много обижали учеников не их партии. Наставник Каневский, сделанный исправляющим должность инспектора, был, при болезненном состоянии ректора Сергия, один действующим членом семинарского правления; но он, соучастник в деле, поблажал своевољствовавшим, ободряя их и делом, и советами, выставляя в ежемесячных записках отличающимися в поведении и прикрывая своевољные их поступки (этот вывод утверждается, между прочим, и на следующих обстоятельствах: а) на вопрос следственной комиссии, что сделано семинарским правлением по записке исправлявшего пред Каневским инспекторскую должность

Марсова о своевольном принятии на себя некоторыми учениками должности старших, правление ответствовало, что тогда же, т. е. 30-го июня, эти ученики сменены, между тем как Тинников продолжал быть старшим после и даже в начале 1841 года; б) на требование о закупке учениками провизии, правление объяснилось отзывом ректора Сергия, данным им в небытность свою в Тифлисе, где он со времени требования пробыл около двух месяцев, а присланным по выезде, с дороги; в) ученик Иассон Татиев, лишенный при Порфирии полного содержания, бывший в мае 1840 года предметом распри между членами правления и наставниками, и как по сему обстоятельству, так и по другим много прикосновенный к настоящему делу, принят в январе сего 1841 года опять на полное содержание). Когда же в следственной комиссии стало обнаруживаться, что жалоба Тинникова бездоказательна, что донос 27 учеников частью несправедлив, частью преувеличен и что цель прошения наставников совсем иная, а не любовь к истине и порядку; когда открылось, что в управлении семинарией при Порфирии были слабости и упущения, а не было злоупотреблений, как то показала ревизия, и что Порфирий, член правления, действовавший с большим пред прочими усилием, хотя вмешивался в части других членов, но не ко вреду семинарии, и хотя обращался с учениками самоуправно, но больше строго, нежели жестоко, или тирански; и когда, между тем, в управление семинарией вступил новоопределенный ректор, с отбытия ректора Сергия не стало вблизи семинарии диакона Урусова и чиновник Дроздов выехал из Тифлиса: – тогда комиссия усмотрела, что к водворению должного порядка и спокойствия в тифлисской семинарии нужны только меры обыкновенные, т. е. деятельность и присутствие власти ректора, занятие собственным делом каждого члена в правлении и усердие к своей должности, при добром примере от наставников. Каковое усмотрение оправдалось и на самом деле; ибо с удалением от семинарии посторонних лиц и по принятии показанных мер спокойствие между учениками и порядок в управлении семинарском тотчас восстановились и поныне не нарушаются».¹¹⁶

Чтобы довершить поражение партии, враждебной Порфирию, Измайлов представил Сергия, Иосселиани и Каневского неспособными к наставнической должности и отозвался самым невыгодным и образом о преподавании ими наук в семинарии. «1) Ученики богословия не только не получили образования (богословие преподавал Сергей), нужного проповедникам для обращения в христианство горских здесь народов, но даже не сообщено им понятия ни о Мессии, ни о должности и обязанностях миссионерских; 2) ученикам среднего отделения (преподавал Иосселиани) читана философия по произволу наставника, а не по предписанному какому-либо руководству, или рассмотренному предварительно конспекту, и из ответов учеников нельзя было уразуметь ни начала, ни системы, ни цели философского учения в здешней семинарии: 3) ученики низшего отделения (наставник Каневский), слушавшие курс словесности, очень слабо знают необходимые для первоначальных школ правила риторики и поэзии».¹¹⁷ Когда дело Тинникова представлено было экзарху на окончательное заключение, то экзарх, утвердив заключение следственной комиссии в главных его чертах, сделал от себя к нему прибавление, состоявшее из нескольких частных, с целью еще более усилить вину учеников и защитников их и доказать невинность Порфирия, а вместе с тем выставить Дмитриева, своего врага, главным виновником возмущения семинаристов. «Инспектор, писал он, поступал с учениками строго, но не грубо; пристрастия особенного к кому-нибудь не оказывал и власти у членов правления не предвосхищал; напротив, каждый член правления действовал согласно семинарскому уставу; экзарх особенного покровительства инспектору не оказывал, потому что он экзарху ни с какой стороны не родственник. Донос на Порфирия есть извет, составленный профессорами семинарии: Иосселиани, Каневским, Соколовым и чиновником Дроздовым; но главным деятелем в заговоре против Порфирия был Дмитриев, под влиянием которого образовалась и окрепла партия из наставников и учеников. До того времени, пока Дмитриев не исправлял должности прокурора грузино-имеретинской

синодальной конторы, как по епархии тифлисской, так и по семинарии, все было тихо и спокойно; начальники и наставники семинарии жили между собою в согласии, кроме Иосселиани, который, будучи природою грузин, несмотря на образование его в духовной академии, всегда чуждался русских и вел себя двусмысленно в отношении к начальству. В продолжение пятилетней службы инспектора Порфирия при тифлисской семинарии, ученики никогда не жаловались на него ни семинарскому правлению, ни экзарху; не жаловались также никогда на содержание их пищей и одеждой, что оказалось справедливым и по следствию, а напротив, все были довольны и спокойны. По 18-го февраля 1840 г. (а недавно пред этим временем вступил в управление должности прокурора г. Дмитриев) составила партия из учеников, подавшая жалобу на инспектора Порфирия к г. синодальному обер-прокурору, которого и титула не знали ученики, как обнаружено и следственною комиссией. Эта партия, во всю бытность г. Дмитриева в должности прокурора, усиливалась и распространялась более и расстраивала семинарию. Но с отбытием его, Дмитриева, из Тифлиса и с поступлением на место его прокурора г. Измайлова, семинария опять успокоилась. Дмитриев был и есть глава сей партии, на которого надеялись и наставники, и возмущившиеся ученики, в успехе своего заговора».¹¹⁸ В заключение своего мнения по делу Тинникова, экзарх произнес и приговор над наставниками и учениками, составившими, по его мнению, заговор против Порфирия. Вот этот суровый приговор, в котором так и слышится «да погибнут» все поднявшие руку на Порфирия! «Зная общее нерасположение грузин к русским, а равно и к тому порядку, который старается завести русское начальство, от чего всякое должное взыскание за отступление от порядка кажется для грузин стеснением; зная также общую с азиатским народом склонность грузин к составлению партий, не исключая даже духовенства и юношества духовного; зная особенную легкомысленность еще младенчествующего в Грузии народа, по которой он на все готов склониться, а если присоединится к тому подстрекательство и возбуждение других лиц, а особенно

каковы: Дмитриев, Дроздов и наставники юношества; то в неопытных воспитанниках вдруг откроется (как и на самом деле открылось) волнение и родится такой дух своеволия и непокорности к местному начальству, который впоследствии трудно будет искоренить, ежели не принять строгих и решительных мер; зная еще и то, что тифлисская семинария хотя и успокоилась с отбытием из Тифлиса ректора Сергия, Дроздова и Дмитриева, но порывы дурного направления в некоторых воспитанниках её и теперь еще выказываются, а в тех учениках, которые были первыми зачинщиками возмущения в семинарии, и теперь дух противления к местному училищному начальству остается во всей силе, что ясно доказывается: произведенным уже и при нынешнем ректоре Флавиане 14-го апреля 1841 года шумом в столовой, показанною 18-го декабря того же года учениками Тинниковым и Михаилом Элизбаровым необыкновенною дерзостью лично самому ректору Флавиану; зная и то, что такое худое и до 18-го февраля 1840 г. вовсе небывалое направление в воспитанниках тифлисской семинарии произошло наипаче от того, что они г. Дмитриевым были направлены обращаться с прошениями к высшему начальству помимо своего епархиального и семинарского начальства; удаление-же инспектора Порфирия от семинарии относя к успеху своего дела, некоторые из учеников, а особенно из бывших зачинщиков возмущения, сделались более своевольными и дерзкими; зная также и то, что остатки дурного направления в воспитанниках семинарии и теперь еще поддерживаются наставником Иосселианом, который, как грузин, всегда питая ненависть к русским, и теперь расстраивает учеников, заводя партии между учениками-грузинами и русскими и даже вредные делает подстрекательства в духовенстве, – я полагаю, со своей стороны, нужным для искоренения такового зла поступить *примерно строго* с теми, которые оказались виновными в возмущении тифлисской семинарии, а именно: 1) наставников: Платона Иосселиани и Матвея Соколова, как вредных для семинарии и которых образ жизни и поведения заметила и следственная комиссия не совсем назидательным для

учащихся, ныне же вовсе отрешить от должностей, занимаемых ими при семинарии, без аттестатов; сверх того, для спокойствия семинарии, впредь полагал бы я удалить наставника Иосселиани вовсе из Грузии; иначе же он, хотя и удаленный от семинарии, но живя в Грузии, по склонности своей к смутам и партизанству, не престанет расстраивать учеников и подстрекать духовенство; 2) диакона Урусова, как порочного и которого, притом, и следственная комиссия признала человеком сомнительного поведения, сняв с него сан диаконский, исключить вовсе из духовного звания и отослать к гражданскому начальству на его рассмотрение; 3) первых зачинщиков возмущения, учеников: Давида Тинникова, Михаила Элизбарова, Иассона Татиева, Александра Мамацова, Андрея Цицвианидзева, Ивана Лашаурова и Мелитона Фомина, исключить из семинарии и отдать в военную службу; 4) а о наставнике Каневском, перемещенном уже в псковскую семинарию, о бывшем ректоре архимандрите Сергии, переведенном в тверскую епархию, о чиновнике Дроздове, служащем по гражданскому ведомству, и о коллежском асессоре Дмитриеве, служащем при св. синоде, не входя, с моей стороны, ни в какое суждение, предоставляю рассмотрению высшего начальства. Наконец и о бывшем инспекторе семинарии, игумене Порфирии, на которого жалоба Тинникова и доносы других учеников и наставников оказались по следствию неосновательными и бездоказательными, которого, притом, преимущественную пред прочими членами правления деятельность усмотрела и следственная комиссия, а обращение его с учениками нашла строгим, но не жестоким, и который однако за всем тем оказался в некоторых поступках неправым и который уже полтора года, быв совершенно удален от тифлисской семинарии, состоит без должности, также не входя ни в какое суждение, предоставляю благорассмотрению высшего начальства».¹¹⁹

Неотрадная участь готовилась ученикам и наставникам, осмелившимся восстать против Порфирия. Слухи о приговоре экзарха достигли до подсудимых. Семинаристы, не видевшие никакого для себя исхода из своего положения, с мрачным

отчаянием ожидали окончания дела. Но не таково было действие этого приговора на наставников семинарии, и особенно на Иосселиани. В виду страшной будущности, которая грозила ему изгнанием не только из родного города, но и из отечества, разлукою с престарелым отцом, уже стоявшим одною ногой в гробу, вечным пятном для чести как его самого, так и единственного его сына, Иосселиани не мог равнодушно ждать окончания своей участи и решился испытать все находившиеся в его руках средства для своего спасения. Единственная надежда в этом случае оставалась на графа Протасова; Иосселиани обратился к нему с просьбою позволить ему приехать в Петербург для личных объяснений по делу, – и получил это позволение.

Экзарх, хорошо знавший цель этой поездки, старался всеми мерами отклонить от неё Иосселиани; он то ласкал его, то предлагал мировую через посредство его отца, престарелого тифлисского протоиерея; но все было напрасно – Иосселиани был непреклонен. «Ну, сказал ему отец его, по крайней мере простись с экзархом и получи от него благословение на дорогу». «Не хочу я видеть, отвечал Иосселиани, и прощаться с этим злодеем. Но чтобы сделать угодное вам, иду к экзарху, хотя знаю наперед, что он не даст мне своего благословения и я уеду без него». Действительно, так и случилось. «Платон, спросил Иосселиани экзарх, зачем ты едешь в Петербург? жаловаться на меня?» «Да», отвечал Иосселиани. «Нет тебе моего благословения», сказал экзарх «Я уеду и без него», отвечал с грубостью горца Иосселиани и уехал. В Москве Иосселиани был у митрополита Филарета и в разговоре с ним резко и бесцеремонно выражался об экзархе и его действиях. Мнение митрополита об экзархе как бы поколебалось от слов Иосселиани и знаменитый иерарх произнес следующие знаменательные слова: «Жаль, что преосвященный так действует, а ведь предостерегал его от таких поступков один из наших иерархов и писал к нему два письма, от которых и камни-бы растаяли».¹²⁰ Еще бесцеремоннее, еще резче Иосселиани говорил об экзархе пред графом Протасовым и совершенно убедил его в справедливости своего отзыва об экзархе и

Порфирии. Нужно заметить, что Протасов еще и прежде был нерасположен к экзарху и предубежден против Порфирия; но следствие Измайлова поколебало мнение обер-прокурора св. синода и переменяло его не в пользу семинаристов и наставников. Приезд Дмитриева, бывшего защитника семинаристов, в Петербург и личное объяснение его с Протасовым; прибытие туда же Иосселиани и раскрытие ему же со всею подробностью этого дела; наконец, отчет о ревизии тифлисской семинарии, представленный в св. синод архимандритом Афанасием, совершенно противоречивший донесениям Измайлова и заключению экзарха – все это расположило Протасова принять сторону наставников и семинаристов. Афанасий, вопреки Измайлову, донес, что факт избиения Тинникова инспектором не подлежит никакому сомнению, равно как и жестокое его обращение с учениками, скверное их содержание, вмешательство инспектора во все части семинарского управления и покровительство ему со стороны экзарха. Тогда как следственная комиссия представила наставников Иосселиани, Каневского и других дурными преподавателями, Афанасий нашел их достойными и способнейшими. «Профессор словесности Каневский, писал Афанасий, весьма способен и отлично деятелен, почему и заслуживает полную признательность начальства. Уроки словесности, читанные ученикам, сами по себе очень удовлетворительны, как по полноте, так и по порядку... Философия преподается по запискам, составленным учителем из грузин, кандидатом Платоном Иосселиани, который весьма способен и усерден и заслуживает полную благодарность начальства. Записки сами по себе очень достаточны и усердие наставника заслуживает совершенную похвалу».¹²¹ Общий взгляд на тифлисскую семинарию, сделанный Афанасием, дает о ней выгодное понятие. «Тифлисская семинария, писал он, по недавности её заведения, сделала быстрые успехи на пути к совершенству. Введенный только в 1835 году новый порядок вещей в ней прочно утвердился. Ревизор нашел в наставниках усердие к своему делу, в учениках внимание и любовь к наставникам, преданность вере, престолу и отечеству.

Некоторые воспитанники так свободно владеют русским языком, что наблюдатель, беседуя с ними, забывает, что он среди детей иноязычных. Если есть какие недостатки, то в заведении, столь юном, какова тифлисская семинария, они неизбежны... Ученики-грузины кротки и послушны, даже робки и боязливы».¹²²

Отзыв Афанасия имел большое значение в глазах Протасова, несмотря на то что экзарх употреблял все усилия заподозрить его пред синодом. «Не знаю – так писал экзарх – что он, о. Афанасий, донес св. синоду по ревизии тифлисской семинарии, а только из действий его, о. Афанасия, тогда же мною замечено, что он во всю бытность свою в Тифлисе, живя в доме архимандрита Сергия и быв постоянно окружен наставниками: Иосселиани, Каневским и Соколовым – главными возмутителями спокойствия в семинарии, – весьма пристрастно смотрел на сих наставников, а на возникшую от них партию в семинарии едва-ли обратил он какое-либо внимание».¹²³ С этого времени Протасов уже более не изменял составленного им взгляда на дело тифлиских семинаристов. Как бы на зло экзарху, все лица, враждебные ему, явились в Петербург, были обласканы и повышены Протасовым. Дмитриев уже давно служил при синоде, Иосселиани назначен сперва чиновником особых поручений при обер-прокуроре, а потом помощником прокурора тифлисской синодальной конторы (последнее было сделано с явным намерением уколоть экзарха), Афанасий был определен ректором с.-петербургской духовной академии, Каневский получил кафедру бакалавра в той же академии. Общие усилия этих лиц по делу имели следствием то, что определение синода, состоявшееся по нем, не заключало в себе той жесткости и суровости, какими было проникнуто мнение экзарха. «Из рассмотрения следственного дела, говорит синодальный указ, произведенного особо наряженной комиссией о беспорядках, оказавшихся по тифлисской семинарии, открывается, что таковые беспорядки произошли от своеволия и неповиновения нескольких учеников семинарии, от принятия некоторыми наставниками и другими лицами на себя защиты тех учеников, от того, что бывший инспектор

семинарии, игумен Порфирий, поступал с учениками жестоко и вообще выходил из пределов предоставленной ему власти и, наконец, от того, что бывший ректор семинарии, архимандрит Сергей, действовал слабо. Открывшиеся по следствию обстоятельства заключаются в следующем: 1) неодобрительные поступки учеников семинарии состояли в своеволии и неповиновении их; из числа учеников более виновными выставляются: Тинников, Татиев, Мамацов, Цицвианидзе, Лашауров и Элизбаров; 2) проступки и своеволие учеников нашли себе защиту в наставниках семинарии и бывшем инспекторе оной, чиновнике Дроздове. Наставники, поддерживавшие сторону недовольных учеников, суть: Каневский, Иосселиани и Соколов; 3) инспектор семинарии, игумен Порфирий, подал повод к беспорядкам по семинарии и жалобам нижеследующими действиями: а) самоуправством, ибо он, не доводя до сведения семинарского правления, наказывал учеников розгами, как в правлении, так и в жилых комнатах, а иных учеников бил своими руками; б) вмешательством в части ректорскую, экономическую и секретарскую, а также и в обязанности библиотекаря; в) опущением собственных его обязанностей, ибо он не доносил правлению о предосудительных поступках учеников до самого происшествия. 4) Беспорядки по семинарии не могли-бы происходить в таком виде, если бы бывший ректор семинарии, архимандрит Сергей, действовал; по своей обязанности, по своему долгу, с твердостью и благоразумием; но он, напротив того, когда открылось следствие, привлекал на свою сторону недовольных инспектором учеников средствами унижительными, как-то: посылал им вино и даже водку. 5) Прикосновенными к делу выставляются: чиновник Дроздов и диакон Урусов: на первого падает явное подозрение в том, что он давал советы ученикам жаловаться на местное начальство высшему начальству и исправлял черновое прошение учеников собственноручно. 6) Бывший диакон Урусов, живший у ректора, архимандрита Сергия, уличается по делу в том, что он виновных учеников нередко принимал к себе, особенно ученика Тинникова, чем содействовал к неповиновению их. 7) Хотя по замечаниям

экзарха Грузии выставляется прикосновенным к делу коллежский асессор Дмитриев, исправлявший должность прокурора синодальной конторы, но следствием он оправдан. По внимательном соображении обстоятельств дела сего с мнением по оному экзарха Грузии, св. синод определяет: 1) учеников, виновных в своеволье и неповиновении, как-то: Тинникова, Татиева, Мамацова, Цицвианидзева, Лашаурова и Элизбарова, хотя-бы следовало исключить из духовного ведомства, но, принимая во внимание, во-первых, что некоторые из них считались до возникшего происшествия лучшими учениками, во-вторых, молодость их и неопытность, и в-третьих, что беспорядки, произведенные ими, произошли более от подстрекательств наставников, притеснений инспектора семинарии и не обращения должного внимания на положение их ректора семинарии, – полагает, в предотвращение подобных беспорядков на будущее время, оставить их в епархиальном ведомстве, с предоставлением местному начальству дать им со временем назначение, сообразное поведению их, предоставив им, впрочем, право перейти в другую епархию, или же выйти из духовного звания, если того сами пожелают. 2) Как из числа прикосновенных к настоящему делу учеников остаются некоторые ныне в тифлисской семинарии, как-то: Алексей Колиев, Иван Бешкенов, Симеон Харбысадзев, Георгий Цицкиев, Петр Машисов, Гавриил Татиев, Ростам Иаев, Тимофей Багаев. Василий Елиасидзев и Малказ Лашауров; то вменить семинарскому начальству в обязанность иметь неослабный надзор за поведением их. 3) О бывшем инспекторе Дроздове, наставниках: Каневском, Иосселиани и Соколове в суждение не входить, так как они уже выбыли из тифлисской семинарии. 4) Бывшего диакона Урусова, с коего, по прошению его, снят уже диаконский сан по определению св. синода 1842 года, и уволен он из духовного звания, оставить без дальнейшего преследования по настоящему делу. 5) Бывшего инспектора семинарии, игумена Порфирия, подавшего повод к беспорядкам по семинарии своим неблагоприятным управлением, не определять впредь в училищную службу, а поместить его в один

из монастырей астраханской епархии, с тем, чтобы преосвященный епархиальный учредил за ним особенный надзор и об образе жизни его доносил св. синоду ежегодно. 6) Бывшего ректора семинарии, архимандрита Сергия, оставить настоятелем монастыря до усмотрения, объявив ему строгое замечание за допущение во время управления тифлисской семинарией вышеозначенных беспорядков. 7) Надворного советника Дмитриева, исправлявшего должность прокурора, как по следствию нисколько не обвиненного, оставить свободным от сего дела. 8) Бывшего эконома семинарии, священника Басхарова, оказавшегося малоспособным к таковой должности и ныне уволенного уже от оной, не определять впредь к подобным должностям. 9) Семинарскому начальству поставить в неременную обязанность, со строгим подтверждением, чтобы оно обратило особенное внимание на избрание старших из таких учеников, которые бы своим поведением подавали добрый пример нравственности, а никак не допускали бы инспектору семинарии распоряжаться самому по себе в наказаниях, без донесения семинарскому правлению своевременно о поступках учеников, и приняло бы действительные меры к водворению покорности и доброй нравственности в учениках».

До какой степени снисходительно смотрел Протасов на движение учеников тифлисской семинарии, всего лучше открывается из того, что главные зачинщики этого движения – Тинников, Мелитон Фомин и другие – приняты были в духовные академии, где и окончили академический курс и с честью теперь служат – кто в духовном, кто в гражданском ведомстве, между тем как Порфирий помещен был в число братства Николаевской Чурканской пустыни, находящейся в астраханской епархии. Впоследствии и самого экзарха постигло низведение. По случаю смерти кишиневского архиепископа Димитрия были перемещены в 1844 году некоторые архиереи, в том числе и экзарх. На место Димитрия назначен был из Вологды Иринарх, а на его место из Орла Евлампий; на место Евлампия из Астрахани переведен Смарагд, а на его место из Грузии Евгений. Смарагд, в письме своем к Протасову, не скрыл

досады по случаю низведения его с высшей епархии на низшую, а Евгений даже прямо укорял за это Протасова.¹²⁴ «Честь имею довести до сведения вашего, писал он Протасову, что я 22-го числа минувшего февраля прибыл в Астрахань и вступил в управление вверенной мне астраханской епархией. При сем считаю неизлишним присовокупить, что грузинское духовенство, привыкшее ко мне в продолжении 10-летнего моего управления грузинским экзархатом, *весьма опечалилось переводом меня из Грузии*. А когда совершал я последнее служение в тифлисском кафедральном соборе и говорил прощальное слово, тогда духовенство и народ плакали и рыдали по мне. А при выезде моем из Тифлиса грузинское духовенство сопровождало меня за заставу города и там со мною простилось со слезами и рыданием. При сем случае особенно замечательно было то, что даже армянское духовенство в день отъезда моего из Тифлиса приходило в собор проститься со мною и принять от меня благословение. И вообще от всех сословий народов Грузии 10-летним там служением моим приобрел я себе уважение и любовь».¹²⁵ Низведение Евгения сопровождалось, сверх того, следующим обстоятельством, которое еще более усиливало это наказание и еще более говорило о нерасположении к экзарху Протасова: всем перемещенным архиереям выданы были, кроме прогонов, денежные пособия на подъем и путевые издержки; только одному Евгению отказали в пособии, что было для него обидою, тем чувствительнейшею, что он был очень скуп и сребролюбив. Он не снес равнодушно этого и написал Протасову следующее письмо: «Указом св. правительствующего синода от 31-го декабря 1844 года, за № 16403, дано мне знать, что г. управляющий министерством финансов, по содержанию сообщенных ему определений св. синода от 21-го минувшего ноября, уведомил вас, что по вверенному ему министерству сделано распоряжение об отпуске перемещаемым из одной епархии в другую архиереям, поименованным в тех определениях, назначенных им денег на подъем и путевое содержание, сверх прогонов. Но я, перемещенный из грузинской в астраханскую епархию, доселе не получал на подъем и

путевое содержание ни из тифлисского, ни из астраханского уездных казначейств. Между тем, как я имел труднейший переезд чрез Кавказские горы, а не доезжая до Астрахани за 140 верст оставил изломанную свою карету на почтовой станции, да вообще подъем и проезд мой от Тифлиса до Астрахани был сопряжен со значительными издержками. Почему покорнейше прошу ваше сиятельство учинить распоряжение об отпуске, или об исходатайствовании мне денег на подъем и путевое содержание, подобно прочим архиереям, перемещенным в ноябре прошлого года из одной епархии в другую». ¹²⁶

Евгений получил отказ в довольно жестких выражениях: синод, определением своим от 20-го – 30-го июня 1845 г., заключил: «Объявить указом астраханскому архиепископу Евгению на его просьбу об удовлетворении его по случаю перемещения с экзаршеской кафедры Грузии на кафедру архиепископа астраханского, подъемными и путевыми деньгами, подобно другим, перемещаемым с одних кафедр на другие, архиереям, что такие выдачи производятся по особым соображениям св. синода, и всегда тем лицам, которые, по ограниченности личных способов содержания по прежним местам служения их, не могут иметь особенных средств к перемещению; он же, архиепископ, получавший по кафедре экзарха и званию председательствующего в грузино-имеретинской конторе св. синода одних окладов 6.200 руб. серебром, не мог быть в подобном тем затруднительном положении при своем перемещении, а следовательно и иметь нужду в равном с ними пособии. Если-же он испрашивает оного в виде награды себе, то и она по общему закону, каков постановлен в 1088 ст. 3 т. Уст. о служ. (изд. 1842 г.), зависит от усмотрения начальства, а не от собственных каждого просьб и ходатайств; что по всему этому св. синод в просьбах ему отказывает». ¹²⁷ Резче и жестче этого отказать было нельзя. Видно, в лице Протасова, судьба хотела явиться Евгению правосудною мстительницею; впрочем, она же послала ему и утешение в горе: он получил в управление ту епархию, в которую еще прежде его был послан синодом любимец его –

Порфирий; таким образом, два друга снова свиделись и опять могли жить вместе...

V. Ревизия костромского епархиального управления

Повод к этой ревизии был подан преосвященным Виталием, епископом костромским. Трудно представить себе человека с более неприятными и отталкивающими качествами, как Виталий. Толстый, угреватый, неповоротливый, надутый, презрительно обращавшийся с низшими, изгибавшийся в дугу перед высшими, упрямый, недеятельный, чрезвычайно требовательный в отношении к другим, грубый до цинизма с подчиненными – таков был этот иерарх. Изобретательность его грубости нередко удивляла даже людей, привыкших с малолетства к самому спартанскому с ними обращению, как, например, воспитанников наших духовных академий. Так, во время бытности Виталия ректором с.-петербургской духовной академии, студенты её весьма часто бывали свидетелями самых возмутительных с его стороны поступков, из числа которых приведем здесь следующий: при чтении лекций Виталий сидел, по большей части, обратившись к студентам спиною; когда же кто-нибудь из смельчаков студентов решался в это время возражать ему против его тезисов, тогда он обыкновенно делал полуоборот на профессорских креслах, и, как можно больше набрав во рту слюны, харкал в ту сторону и по тому направлению, где сидел дерзкий возражатель. Конечно, подобный способ решения возражений мог быть небезопасен для физиономии возражателей, но на это ученый о. ректор мало обращал внимания. Ректура Виталия в с.-петербургской духовной академии совпала с эпохой вступления в должность обер-прокурора св. синода графа Протасова, на которого неповоротливая и безобразно-толстая фигура ректора, при первом же его представлении, произвела очень неприятное впечатление. Такое безотчетное чувство нерасположения нашло, впрочем, себе вскоре оправдание после первого посещения Протасовым академии. Беспорядок и неряшество, в ней господствовавшие, сильно его поразили и так как главною виною всего этого был ректор, то Протасов поставил ему это на вид. С этого времени ни одно посещение обер-прокурором

академии не обходилось без так называемых сцен. Но чем прогрессивнее и откровеннее выражалось не благоволение Протасова к Виталию, тем сильнее и открытие росло расположение к нему московского митрополита Филарета. Остряки объясняли последнее тем, что «крайности сходятся» и физическим законом, по которому «два противоположные электричества взаимно притягиваются». «Тучная фигура Виталия – говорили они – должна привлекать и притягивать к себе тщедушную, сухую и подвижную фигуру Филарета». Но такое расположение московского митрополита к Виталию гораздо естественнее объясняется следующим психологическим законом: «враги моего врага мои друзья; преследуемые моим врагом имеют право на мое покровительство и защиту, и если хочешь сделать неприятное своему врагу, то люби и покровительствуй тех, коих он преследует». Как бы то ни было, только Виталий, гонимый Протасовым, сделался любимцем Филарета и из ректоров с.-петербургской духовной академии был назначен викарием в Москву, откуда, по рекомендации того же Филарета, был переведен в Кострому самостоятельным епископом. Здесь вполне обнаружилась недеятельность Виталия: отекавший от водяной, едва передвигавший ноги, оттолкнувший от себя грубым обращением и недоверчивостью членов консистории, требовавший от них какого-то непогрешительного и безошибочного суждения о делах, он совсем запутался в них и почти остановил всякое их движение. На беду Виталия, секретарь костромской консистории, Архаров, не отличался ни добросовестностью, ни уважением к архиерейскому сану. Это была одна из тех личностей, о которых говорят, что они «сорвались с цепи и бежали из каторги».

Узнавши, что Виталий мнителен и боится дел, особенно их численности, секретарь нарочно представлял ему дела огромными связками. В Костроме Виталий не кутил, а между тем слухи, имевшие основание в прежней его жизни, приписывали его недеятельность именно этому пороку; по крайней мере, Протасов был такого мнения. Вызванный тогда на чреду священнослужения в Петербург, ректор костромской семинарии Нафанаил своими рассказами о Виталии еще более

утвердил Протасова в прежнем его мнении о нем. Поэтому, при первом донесении секретаря костромской консистории, что Виталий из дел, представляемых к нему от консистории, сдает в неё только самые малосложные, и что он не передает в неё бумаг, присылаемых к нему от разных мест и лиц через почту и подаваемых ему лично, а часть клировых ведомостей и послужных списков, представленных ему некоторыми благочинными и монастырскими настоятелями в январе месяце 1843 по 1844 г., сдал в консисторию только 15-го января 1844 года,¹²⁸ Протасов подумал, что все это происходит от излишнего употребления преосвященным спиртных напитков. Подозрение Протасова находило как будто подтверждение в самых поступках Виталия. Когда по новому доносу секретаря костромской консистории, что «из числа дел, которые по роду своему требуют рассмотрения и утверждения костромского преосвященного, не сданы им в консисторию по 16-е января 1845 года 473 дела»,¹²⁹ сделано было синодом второе подтверждение Виталию «обратить на замедление хода дел по костромскому епархиальному управлению, столь несовместное с порядком службы, особенное свое внимание и принять начальственные меры к устранению сего и, между тем, в начале сего 1845 года представить св. синоду перечневую ведомость с означением, сколько именно дел остается в нерешении»,¹³⁰ то Виталий упорно молчал и бездействовал. Протасов не хотел прямо назначить формальную ревизию, а между тем ему было очень желательно иметь верные и положительные сведения о состоянии епархиальных дел в Костроме, а главное – о самом архиерее. Для этого он избрал другое средство, более действительное и более идущее к цели, именно посредством доверенного лица, частным образом, без всяких формальностей, собрать на месте и получить все нужные сведения. Выбор Протасова пал на архимандрита Софония, который в это время был переведен из ректоров каменец-подольской семинарии в ректоры ярославской и, следовательно, мог как-бы по дороге к месту нового назначения заехать в Кострому, хотя, следует заметить, Софония отправлялся в Ярославль не из Каменец-Подольска, а из

Петербурга, где он находился тогда на чреде священнослужения. Софония отправлялся в Кострому для исполнения возложенного на него поручения с крайним неудовольствием. Это неудовольствие, несмотря на всю сдержанность Софонии, высказывается и в письме его к Протасову. Приведем здесь в подлиннике это, интересное по многим отношениям, письмо. После вступления, в котором он поздравляет Протасова с наступающим праздником светлого Христова Воскресения в котором так много высказано ему лести и угодливости, Софония пишет следующее: «Поручение, которое угодно было вашему сиятельству возложить на меня касательно преосвященного костромского, исполнено мною, сколь было возможно, о чем пространнее честь имею доложить следующее: прибыв в Ярославль 4-го апреля, на другой-же день я отправился в Кострому. Там остановился у купца Солодовникова, коего расспрашивая о Костроме и сущих в ней, неприметным образом узнал очень много относящегося к цели моей поездки. Почтенный старик Солодовников известен своею честностью, умом и преданностью истине и вере. Нельзя сомневаться в его сказаниях, тем паче, что в тот день он готовился к исповеди и потом к св. причастию. Затем, дав вид делу, будто приехал для поклонения Пресвятой Богородице Феодоровской, я отправился в собор, где, слушая литургию, имел возможность и случай познакомиться с протоиереем и иереями собора, и между прочим со старцем Груздевым. Рассказы их о консистории и её действиях много дали света тому предмету, о котором нужно было мне знать. Из собора ездил к преосвященному, у коего пробыл около пяти часов. После того был в Богоявленском монастыре и семинарии; там виделся с управляющим монастырем и некоторыми профессорами, с коими, разговаривая о них самих, естественно и неприметно я наводил речь на епархиальное управление и выяснял, что было нужно. На обратном пути из Костромы заезжал я в Игрицкий Богородицкий монастырь, где после литургии (7-го числа, в субботу Лазареву) заходил к игумену Порфирию (старец при всей толстоте своей довольно тонок и умен), а потом останавливался в двух селениях, чрез кои

проезжал, и в продолжение перемены лошадей имел случай говорить наедине с двумя священниками. Сумма всех сведений, которые я таким образом успел собрать от посторонних, заключается в следующем: преосвященный Виталий с первых дней прибытия в Кострому стал слабеть в здоровье, которое более и более расстраивалось по мере того, как он усугублял свою деятельность и сидячие занятия. В нынешнюю зиму и особенно в начале проходящего поста был при смерти, но теперь чувствует себя лучше и накануне моего приезда служил в своей домово́й церкви. По консистории дела идут медленно; особенно это заметно для ставленников, по причине редкого служения преосвященного. Впрочем, никто не ставит сего ему в вину. Решительно никто не предполагает касательно его болезни ничего, что могло-бы наводить какую-либо тень подозрения на его образ жизни, а напротив, все более или менее намекают на душевные неприятности, и причину их полагают в неприязненном против преосвященного действовании консистории и особенно секретаря. Нельзя не заметить, что все до одного, не исключая и самих членов консистории, с коими говорил я, от души одобряют благоразумие, особенную доброту души, заботливость и старание владыки устроить благо епархии и весьма соболезнуют о его расстроенном здоровье, а о секретаре все отзываются с худой стороны, с тем только различием, что иные (его стороны) высказывают свои мысли неопределенно, а другие (большая часть) прямо говорят о нем, как о человеке дурном, мздоимном и коварном интригане.

О свидании с преосвященным, как о существеннейшем предмете моего поручения, имею честь доложить вашему сиятельству особо. Преосвященный действительно поправляется в здоровье, может уже ходить и говорить, хотя то и другое делает очень медленно и тихо. По его словам, подтвержденным пользующим его медиком, он страдает от завалов в печени (медик уверяет, что может скоро выздороветь). Предложение, которое я выразил ему от имени вашего сиятельства касательно временного увольнения себя от занятий по епархии, принято было им с глубоким и живым

чувством благодарности к особе вашей за такое благодетельное участие в его положении. За всем тем, нельзя было не заметить, что его преосвященству хотелось бы продолжать службу не прерывая, если бы только переменили секретаря и *дали благонамеренного ректора*; но решительное мнение о сем он хотел изложить пред вашим сиятельством в особом письме. Из дальнейших разговоров с ним, я увидел ясно то, о чем говорили другие намеками. Болезнь его подлинно произошла от напряженной деятельности, сопровождаемой постоянными душевными огорчениями. Кроме множества текущих дел, ему на третий день по приезде представлено было три воза нерешенных дел, из коих некоторые восходили своим началом к прошедшему столетию, между тем предшественником его, преосвященным Владимиром, пред самым выездом из Костромы доносимо было св. синоду о цветущем состоянии консистории, с присовокуплением ходатайства о награждении членов её и особенно секретаря, который выставлен был с превосходной стороны, тогда как о нем же за два месяца пред сим тот же преосвященный Владимир относился к вашему сиятельству, как о человеке мздоимном и неблагонадежном. Вот первое, что возмутило дух преосвященного Виталия и поставило его в положение самое затруднительное. Далее, настоятельное домогательство секретаря о повторении ходатайства пред св. синодом о награде его, оставленное преосвященным Виталием без уважения, вооружило против него сначала секретаря, а потом, за него и за себя, и всех членов консистории, оставшихся также без награды. Таким образом, в самом начале произошло странное и для управления епархиального весьма вредное разделение между консисторией и преосвященным. Секретарь перестал ходить ко владыке и доселе присылает к нему дела со служителем консисторским. Увлеченные им члены также вышли из повиновения и, действуя заодно между собою и с секретарем, составили из себя род конфедерации, действующей независимо от преосвященного, и как бы с намерением повредить ему во мнении начальства, а может быть с желанием ускорить его решимость просить увольнения от епархии. Вот вторая причина,

наиболее расстроившая здоровье преосвященного и наиболее препятствующая успешному течению дел консисторских. К сему должно присовокупить, что из членов консистории *один только понимает ход дел консисторских; за то сей единый сколько смышлен, столько-же или даже более нерасположен ко владыке;* прочие, при неменьшей нерасположенности к преосвященному, суть трости, удобопреклоняющиеся по направлению воли секретаря. Все определения и решения составляются под его влиянием столоначальниками, которые, пользуясь видимым расстройством консистории, почти все свои суждения основывают на мзде. Явная поблажка секретаря, происходящая из желания привязать их к себе, крайне усилила в них и во всем причте канцелярском своеволие и лихоимство. Те только дела идут к докладу, у коих есть двигательные металлические пружины. Само собой разумеется, что и решение их зависит от достоинства и количества сих пружин. Преосвященный показывал мне несколько таковых решений. При таком порядке, или лучше, беспорядке, ему остается или изменять большую часть решений своими резолюциями, или соглашаться на явную несправедливость. Первое требует усиленного действия и здоровья нерасстроенного; второе болезненно и невыносимо для совести. Владыка несколько раз выражал, что при нем, к крайнему его прискорбию, нет решительно человека, который бы сколько-нибудь содействовал ему в трудах. Все это докладываю вашему сиятельству, как самое верное соображение и непосредственный результат того, что я слышал из уст преосвященного. При сем долгом считаю присовокупить его отзыв о секретаре, высказанный прерывающимся от внутреннего волнения голосом и со слезами на глазах; вот собственные слова его: «Человек каторжный и отъявленный злодей более имеет совести, нежели этот секретарь». Справедлив-ли, и до какой степени справедлив этот отзыв, судить не могу. Но у преосвященного есть бумага (я её видел) за подписом членов консистории; содержание сей бумаги есть показание пред зеркалом домового письмоводителя владыки о том, что якобы секретарь сначала ласкою, а потом угрозами склонял его к разным поступкам

против преосвященного, самым коварным и низким. Если это правда, то отзыв владыки вполне справедлив. Но я доселе не упоминаю о моем свидании с секретарем; это потому, что я не виделся с ним. Как это ни странно, но случилось таким образом: возвратившись от владыки, я двукратно приглашал его к себе, по первому посланному сказали, что его нет дома, а пред вторым он отказался, отзываясь поздним временем (а это был 8-й час в начале) и обещаясь быть у меня рано утром. Угрожаемый явною опасностью скорого разлития Волги, я вовсе не располагался ночевать в Костроме, однако-же в надежде обещанного свидания остался до утра. Но и это было напрасно. Я ждал до 8-ми часов; г. секретарь не явился; между тем вода поднималась, Волга чуть держалась, и потому, боясь, чтобы не остаться в Костроме надолго, я решился отправиться домой, не видавшись с ним. Опасение мое было не напрасно. Волга тронулась в тот же самый день.

Заключая мое покорнейшее донесение вашему сиятельству, грехом считаю утаить, что преосвященный показался мне малодушным, нерешительным и робким. Есть-ли это случайное в нем явление, временной припадок, следствие расстроенного здоровья, или всегдашнее свойство – судить не могу, ибо прежде не имел чести знать его. Но если бы ваше сиятельство дозволили мне высказать мое мнение, то я полагал-бы, что во всяком случае для восстановления в консистории надлежащего порядка надобен иной владыка, с большей энергией, с лучшим здоровьем и с сильнейшей волей: сам преосвященный, как кажется, очень желал-бы переместиться в другую епархию, и если он будет просить ваше сиятельство о перемене только секретаря и некоторых членов, то это потому лишь, что не надеется, чтобы воля его о перемещении была уважена св. синодом». ¹³¹

Но так как дознание, произведенное Софонией, не было облечено в официальные формы, может быть даже не было известно и членам св. синода, и так как, основываясь на нем, нельзя было постановить формального определения о Виталии, то по получении письма Софонии к Протасову, по его предложению, было наряжено формальное следствие над

Виталием и ревизором был назначен ярославский преосвященный Евгений. В синодальном указе говорилось, что «синод слушал предложение г. обер-прокурора графа Протасова о запуске дел по костромскому епархиальному управлению и приказал: к предупреждению дальнейшей медленности и самого беспорядка в делах костромского епархиального управления, признает необходимым поручить преосвященному архиепископу ярославскому Евгению отправиться лично в Кострому и, по надлежащем объяснении с преосвященным и консисторией, вникнув в причины, останавливающие своевременное разрешение поступающих к нему, преосвященному, дел и бумаг, донести о том св. синоду в возможной скорости, с присовокуплением соображений своих к приведению всего запущенного в должный порядок и с представлением реестра остающимся без движения бумагам и делам».¹³² Евгений, всегда действовавший в видах охранения и защищения иерархических прав и открыто выражавший свое нерасположение к преобладанию в синоде светского элемента, и теперь усиливался вину Виталия разделить между им, консисторией и секретарем, и старался доказать, что число нерешенных Виталием дел гораздо менее показанного в рапорте секретаря, злонамеренно увеличившего их количество, и что нерешенные дела обязаны своею неподвижностью более консистории и секретарю, чем недейтельности архиерея. Консистория своим невежеством, незнанием законов и неправильным решением дел, а секретарь беспорядочным их ведением и безвременным внесением, по мнению Евгения, основанному на словах Виталия, останавливали их ход. Но управление Виталия епархией, видно, было до того беспорядочно, что и Евгений, в заключение своего рапорта св. синоду о результате произведенной им ревизии, должен был сознаться, что «несумнительною причиною накопившихся у преосвященного дел почитает он непрерывающиеся болезни, иногда доходящие до отчаяния, а вероятною причиною накопления, согласно его самого мнению (т. е. Виталия), полагает неупорядоченное ведение секретарем и решение консисторией дел, что его (Виталия) непрестанно огорчало по

его пастырской ревности и почти на каждой строке останавливало по его внимательности и аккуратности, и что он не видит надежды и возможности к их ускорению, если останется на костромской епархии Виталий, по его болезни и небезосновательной недоверчивости».¹³³

Из слов самого Евгения видно, что Виталий, по своей болезни и физическим немощам, не был способен ни к какой деятельности. Присутствие ревизора и побуждения, делаемые им Виталию, на время как будто пробуждали в нем энергию, но она опять вскоре засыпала, и затем начиналась снова обычная апатия. Вот что, например, пишет Евгений: «9-го июня я письменно отнесся к преосвященному, с приложением копии с указа св. синода, прося сообщить мне, сколько находится у него дел и бумаг, точно-ли столько, сколько значится в указе, и по какой причине не сданы, и приложить оным реестр, каковой должен я представить св. синоду по силе того указа.

Я просил каждодневно преосвященного поспешить реестром; но он повторял: «Пусть прежде внесет консистория». Чрез пять дней консистория представила мне при докладе два реестра. Тот и другой реестры того же числа препроводил я к преосвященному при отношении, прося поверить оные или сличить с находящимися у него подлинными делами и возвратить ко мне в возможной скорости, присовокупив выписку или реестр тем, которые бы, сверх чаяния, не оказались у его преосвященства, или не окажется-ли сверх тех реестров делам, кои внесены ранее 30-го марта сего года. А как он не доверял консисторским приказным, то я предлагал и самого себя в помощь, и моего письмоводителя с его письмоводителем. Моего содействия преосвященный не принял и, несмотря на свою болезнь, сам с ним неутомимо занимался переборкой дел. Прошло две недели в переборке, и мой письмоводитель уверял меня, что почти все дела отысканы по реестру, но преосвященный не доверял, считая реестры фальшивыми, ибо нашел три дела вдвойне написанными и два таких, кои уже сданы, и один журнал якобы внесенным к нему, которого и не бывало вовсе. А при журналах нашел более 200 рапортов, кои названы делами, дабы-де увеличить накопление дел, как и

другие рапорты при копиях с докладного реестра внесенные, не составляющие особых дел, но относящиеся к прежде внесенным протоколам. Сколько ни просил я преосвященного, чтобы показанные недоумения изложил он мне на бумаге, а также и поспешил реестрами имеющихся у него дел и бумаг, или хотя возвращением консисторского с поверкой, но не получал ни того, ни другого. А время длилось.

В следующий день (5-го июля) просил преосвященного отношением, чтобы уведомил меня, по крайней мере, о получении прежних моих отношений с приложениями, а если можно, и о причине неответствования. Вместо письменного ответа явился ко мне сам и просил с глубоким чувством потерпеть, прибавя: «Вы хотите подвергнуть меня суду в неповиновении. Неужели-же, думаете, легко ответствовать, а особливо в болезненном моем положении и тела, и духа»? Я должен был замолчать и еще ждать».¹³⁴

Секретарь костромской консистории Архаров, увидев из образа действий Евгения, что он имеет намерение сделать его и членов консистории участниками в вине Виталия, в рапорте к Протасову протестовал против действий ревизора в следующих выражениях: «Требования Евгения клонятся не к той цели, чтобы донести св. синоду о действительной причине запущения упомянутых дел и бумаг и представить надлежащее мнение св. синоду о приведении запущенного в порядок, но чтобы ввести некоторым образом в ответственность и консисторию».¹³⁵

Синод хотя не отрицал, основываясь на ревизии Евгения, что запущение в делах по костромскому епархиальному управлению отчасти произошло от неисправности членов консистории и её секретаря, но в тоже время признал, что главным виновником этого запущения был Виталий, который, по выражению синодского указа, «имея своим назначением управлять епархией и начальствовать над консисторией, требовал от консистории непогрешительного по всем делам суждения и соблюдения всех форм, не принимая никаких зависевших от него мер к надлежащему устройству консистории и не представляя св. синоду ни о своих затруднениях, ни о своей болезни, которая и есть существенная причина

накопления дел. Из отзывов медицинских видно, продолжает синод, что болезнь преосвященного Виталия принимает весьма сильный характер, а преосвященный Евгений свидетельствует, что преосвященный не может оставаться на настоящем месте. По сим обстоятельствам св. синод полагает: 1) преосвященного епископа Виталия уволить от управления костромской епархией и определить членом московской конторы св. синода; 2) по уважению к его достоинствам и понесенным им учебным и пастырским трудам, обеспечить в средствах содержания и возможности продолжать лечение, следующим образом: а) определить ему из казны в пенсию по 850 руб. сер. в год; б) местопребывание ему назначить в московском ставропигиальном Симоновом монастыре, где предоставить пользоваться лучшим помещением с отоплением, нужною прислугою и экипажем на выезд во всякое время; 3) оставить ему полную свободу совершать там по своему усмотрению и распоряжению богослужение с местными монастырскими властями и братией, которых и подчинить ему в сем отношении; 4) о мерах к законному направлению и окончанию накопившихся в костромской консистории дел иметь особое суждение». ¹³⁶

Вследствие этого особого суждения предписано было синодом преемнику Виталия рассмотреть безотлагательно задержанные последним дела и дать всем им законный ход, донеся о распоряжениях своих по сему предмету своевременно св. синоду, а также поручено было ему удостовериться ближайшим образом в том, до какой степени справедливы жалобы преосвященного Виталия на членов и секретаря костромской консистории и о первых представить мнение св. синоду, а о последнем сообщить г. обер-прокурору св. синода. ¹³⁷

Иустин, вследствие этого указа, представил свой отзыв о членах консистории, совершению противоречивший мнению о них, высказанному Виталием, Софонией и Евгением. «Рассмотрев, писал Иустин, все нерешенные дела, переданные мне преосвященным Виталием, я не нашел между ними таких, которые прямым образом указывали бы на нерачение и невнимательность членов консистории. Хотя с некоторыми

определениями консистории и я не мог согласиться, найдя их не вполне соответствующими обстоятельствам дел, но из этого нельзя еще безошибочно заключать об отсутствии должного внимания в членах консистории. И при полном внимании весьма легко не обнять иногда мыслью всех обстоятельств дела, особенно многосложного и запутанного, и чрез то дать направление оному, не вполне соответствующее его сущности. Если пр. Виталий находил решения консистории неудовлетворительными, он обязан был давать по оным свои резолюции, как предписывается уставом духовных консисторий, а не удерживать у себя. И потому жалоба преосвященного Виталия на членов консистории, по моему мнению, не имеет достаточного основания. Такого мнению я держусь тем тверже, что члены консистории, при моем управлении епархией, производят и решают дела, несмотря на их многочисленность, с удовлетворительною отчетливостью, которою я остаюсь доволен. Донося о сем св. синоду, обязанностью моею почитаю покорнейше просить не вменять в вину членам консистории жалобы, изъявленной на них покойным¹³⁸ преосвященным Виталием, и тем поддержать их усердие к службе, которая особенно для них трудна, потому что все они, исключая священника Надеждина, живут в довольно дальнем расстоянии от консистории». ¹³⁹

Отзыва Иустина о секретаре Архарове в делах синодских нет; но, вероятно, он был для него не совсем благоприятен, потому что спустя несколько времени Архарова перевели из Костромы в Пермь. ¹⁴⁰

VI. Ревизия псковского епархиального управления

Бывают люди, которые, при своей безукоризненной частной жизни, при благих, по-видимому, намерениях, при благородных стремлениях, распространяют в сфере, их окружающей, лишь одно зло, сеют беспорядки и плодят злоупотребления; над всеми их действиями как бы тяготеет злая судьба, разрушающая все их благие намерения и обращающая в ничто все их добрые действия. Конечно, если ближе и пристальное всмотреться в характер этих людей, то нельзя будет не заметить, что источник и причина безуспешности и даже положительной вредности их деятельности заключаются в них самих, в их административной неспособности, в отсутствии в них строгих и твердых самостоятельных убеждений, в их практической близорукости и, наконец, в неумении верно и прямо понимать и ценить людей, к ним близких. К числу таких личностей принадлежал и Нафанаил, архиепископ псковской. Самый строгий монах,¹⁴¹ чуждавшийся не только общества женщин, о которых он имел довольно оригинальное понятие,¹⁴² но и всякого, кроме общества крестьян, с которыми охотно разговаривал, любивший уединение и уединенные прогулки, враг всякой роскоши и излишества,¹⁴³ довольствовавшийся в пище любимой треской,¹⁴⁴ зеленью и овощами, а в питье водой и рюмкой водки, настоянной трифолью, исполненный целомудрия, друг всех бедных, готовый им отдать последнюю копейку, страдавший частыми головокружениями от солитера, недальновидный, доверчивый, слабохарактерный, способный привязываться до ослепления к лицам, как постоянно окружавшим его, так и случайно умевшим завладеть его вниманием¹⁴⁵ – вот каким был архиепископ Нафанаил. Такого рода люди обыкновенно подчиняются постороннему влиянию и находятся всегда под опекою лиц, сумевших подладиться под их характер. Так и Нафанаил в домашней жизни находился в руках своего келейника Семена, а в официальной – под опекою кафедрального протоиерея Знаменского.

Знаменский принадлежал к числу тех людей, часто встречающихся в русском духовенстве, которые под внешним благоприличием, под видимым смирением и кажущимся усердием к общественному благу, искусно умеют скрывать нравственное безобразие: ненасытную жадность, непомерное честолюбие, неприступную гордость, и вместе с тем низость раба, наглость и дерзость временщика, мстительность и жестокость деспота. Этот-то человек до того завладеть Нафанаилом, что в продолжение многих лет всемогущо распоряжался в псковской епархии и делал в ней все по своим намерениям и желаниям. Лучшие места в епархии Знаменский раздавал или своим родственникам, или лицам, им покровительствуемым, а когда вышел новый штат для псковского духовенства и Нафанаил поручил ему заняться распределением духовных по местам, то он лучшие предоставил своим родственникам, а часть продал с молотка. К сожалению, большая часть людей, получивших таким образом места, не отличалась нравственностью. Никакое преступление, ими совершенное, ни один явный их порок не находили себе ни наказания, ни судебного преследования; даже приносить на них жалобы было опасно, потому что за них стоял Знаменский со своим мщением и преследованием. Другое зло, распространившееся по псковской епархии под покровительством Знаменского, было святотатство, которое он привел, так сказать, в систему и которому придал вид какой-то законности; вся свечная операция по епархии была им буквально захвачена в свои руки. Протоиереи, священники и церковные старосты платили ему некоторого рода оброк с продажи церковных свеч, а за это получали полномочие и право распоряжаться церковным имуществом по своему усмотрению. Злоупотреблений от этого беспорядка было множество: книги церковные писались наобум, священники и старосты расхищали церковные деньги, сдирали и обращали в свою пользу жемчуг и драгоценные камни с окладов; старосты продавали с церковными свечами свои собственные, и последних всегда в большем количестве. Знаменский, как кафедральный протоиерей, служил образцом для других, и у себя в соборе, на

глазах архиерея, сделался церковным старостою, удалив действительного; для лучшего же сбыта церковных свеч, он поручил это дело нескольким женщинам, которые, сидя на улицах и в переулках, вели розничную торговлю свечами и выручку после каждого дня представляли Знаменскому, от которого получали за это по 10 коп. с рубля, в виде жалования.

Псковская консистория была послушным орудием Знаменского: в ней все, от ректора семинарии до последнего сторожа, внимали ему беспрекословно. Только однажды консистория, при всей своей безгласности и робкой покорности Знаменскому, протестовала против него (по делу диакона Рудакова) и вошла к архиерею с такого рода докладом, что «Знаменский действует в консистории противно истине, с натяжкою и обидою против польз некоторых служителей церкви и усвояет себе, к обиде прочих членов консистории, какую-то власть, по которой будто бы все члены должны наперед относиться к нему с докладами и испрашивать соизволения на решение дела так или иначе, и таким образом наносит оскорбление сослужащим с ним».¹⁴⁶ Нафанаил, под влиянием первого впечатления, произведенного на него этим протестом, как будто обнаружил чувство негодования на самовластие Знаменского в консистории и написал на протесте членов консистории такую резолюцию: «Прискорбно. Прежде этого не было. Надобно, чтобы протоиерей Знаменский объяснился против прописанного в докладе четырех членов консистории и объявление свое представил мне».¹⁴⁷ Но действие, произведенное оппозицией на Нафанаила, было непродолжительно. Знаменский представил архиерею изворотливое объяснение, исполненное негодования против нанесенной ему другими членами обиды, и все было забыто: Нафанаил совершенно склонился на сторону Знаменского по тому самому делу, по которому протестовали прочие члены консистории. Напрасно возвышали свой голос некоторые смельчаки, угнетенные и придавленные Знаменским; Нафанаил не внимал им, или находил их жалобы неосновательными и писал на их прошениях такого рода резолюции: «Вразумить неосновательного просителя».¹⁴⁸ Таким образом, беспорядки и

злоупотребления по псковской епархии росли и плодились, и она по нравственности духовенства стала на самую низкую степень, сравнительно с другими епархиями, чему лучшим доказательством может служить то обстоятельство, что нередко, вместе с архиереем, служили пьяные диаконы. Но синод и Протасов, имея выгодное мнение о Нафанаиле и оказывая особенное к нему внимание, смотрели сквозь пальцы на все эти беспорядки и даже вызвали его для присутствования в синоде, где его рекомендация составила карьеру для некоторых лиц. Но вскоре борьба, обнаружившаяся между Филаретом и Протасовым и кончившаяся удалением первого из синода и торжеством последнего, естественно должна была отдалить от Протасова также и Нафанаила, благоговевшего пред московским митрополитом и разделявшего все его взгляды и убеждения. С этого времени отношения между ними начинают меняться. Нафанаилу стали давать чувствовать, что им недовольны, и вот начинается ряд оскорблений, по-видимому, мелких, по тем не менее чувствительных. Против воли Нафанаила, берут от него консисторского секретаря и назначают нового. Новый секретарь, находившийся в близких отношениях к Сербиновичу, который главным образом и участвовал в его назначении во Псков, был лицо более полномочное, чем прежний, а потому и более опасное для архиерея, и, кроме секретарской должности, мог исполнять еще обязанность и прокурора. Нафанаил понял это, вознегодовал и стал презрительно обращаться с секретарем. Как на беду Нафанаила и Знаменского, Сварацкий-Сварик – так назывался новый секретарь – приехал во Псков в самый разгар злоупотреблений, совершавшихся Знаменским, именно в то время, когда разбиралось духовенство псковской епархии и происходило распределение его на места по вновь утвержденным штатам. Мы уже знаем, как добросовестно производилось это дело. С первого-же дня начались столкновения у Сварацкого с Нафанаилом и Знаменским, но, впрочем, не Сварацкий был зачинщиком, а Нафанаил, который при первом приеме секретаря выказал ему свое неудовольствие, а потом, под предлогом, что Сварацкому

далеко ездить к нему с докладами и что у него есть человек опытный по делам епархиальным, именно протоиерей Знаменский, приказал не принимать секретаря, когда он явится к нему с бумагами.¹⁴⁹ Отношения Нафанаила и Знаменского к Сварацкому отзывались на всех членах консистории и на её канцелярии. Члены действовали наперекор секретарю, а канцелярия, за немногими исключениями, подражала членам и от того дела в консистории шли медленно. Сварацкий, как лицо, стоявшее в особенных отношениях к Сербиновичу, обнаруживал в своих действиях смелость, уверенность и сознание своих прав и бесстрашно поднял брошенную ему перчатку. Заметим также, что эту официальную, письменную борьбу опять начал Нафанаил, а не Сварацкий, который только отражал удары, наносимые ему архиереем, и, притом, весьма ловко и с большим вредом для своего противника. Настроенный Знаменским, Нафанаил 28-го февраля 1845 года, помимо Протасова, от которого, как обер-прокурора св. синода, непосредственно зависело определение и увольнение консисторских секретарей, вошел рапортом прямо в синод об удалении Сварацкого от должности. В этом рапорте, заключающем в себе много скрытой горечи и много намеков, неприятных для Протасова, Нафанаил излагает сначала факты: превышение власти секретарем, вмешательство его в суждения членов консистории, споры его с ними, задерживание исполнения резолюций, далее обвиняет его во взяточничестве, о котором, будто бы, при трех прежде бывших секретарях псковской консистории: Черепнине, Верещагине и Маньковском, и слухов не было, а в заключение пишет: «Умоляю св. синод избавить меня от секретаря Сварацкого, толь небрежного по должности своей и явно препятствующего мне благоустроить вверенную в управление мое епархию».¹⁵⁰ За этим рапортом последовал другой, также обвинявший Сварацкого. Воспользовавшись тем поводом, что синод потребовал объяснения по делу иеромонаха Святогорского Троицкого монастыря Макария, жаловавшегося синоду на неправильное наложение на него епархиальным начальством взыскания за время исправления им казначейской должности в Никандровой

пустыни, Нафанаил написал, что медленность по этому делу произошла единственно от небрежности и невнимательности секретаря консистории, который будто бы «2½ месяца приготавливал один рапорт, тогда как этот рапорт, весь уместившийся на 6-ти листах, мог быть заготовлен в три дня, и секретарю стоило только распорядиться о переписке определения, потому что определения приготавливаются членами консистории всегда полные и секретарь помещает их в рапорты без всякого изменения».¹⁵¹ К этому Нафанаил прибавил, что и «все вообще дела при поступлении настоящего секретаря в консисторию исполняются с такою же небрежностью и медленностью; самые обыкновенные справки и отношения заготавливаются месяца по два и по три», и что, при всей утомимости и благонадежности членов консистории, он не может ручаться на будущее время за исправность дел, если нынешний секретарь не будет заменен другим, более деятельным и лучше свое дело знающим. Сварацкий, вынужденный оправдываться в взведенных на него обвинениях, раскрыл перед Протасовым характер и образ управления в псковской епархии и синод тогда в первый раз услышал о той порче, которая в ней развилась. Вот что писал Сварацкий в своих объяснениях Протасову: «1) Читая сделанный на меня донос и не сознавая себя ни в чем прописанном виновным, полагал, нет-ли здесь какой-либо вины со стороны столоначальника, заведовающего делом о иеромонахе Макарии. По сему поручил моему помощнику отобрать от него подробное объяснение о ходе дела, и отчего так долго длилось заготовление в св. синод рапорта. Но из прилагаемого при сем в подлиннике объяснения столоначальника, титулярного советника Мутовозова, поверенного прежде помощником, а потом мною с самим делом, оказалось, что в движении дела не было ни малейшей медленности ни со стороны моей, ни со стороны столоначальника; проволочка в писании рапорта зависела, как и я знаю, от случайности, именно от стечения множества занятий и торопливости чрез то писца, который должен был три раза переписывать обширный рапорт, и за всем тем прошло в этих переписках только полторы недели,

остальное же время, т. е. от последних чисел мая до половины июня, белой рапорт находился у его высокопреосвященства, или его письмоводителя, неизвестно; но достоверно, что в тот же день, когда рапорт, подписанный преосвященным, принесен письмоводителем в консисторию, записан оный в исходящую книгу и с первою почтою отправлен в св. синод.

В отношении (преосвященного) сказано, что членами консистории определения приготавливаются всегда полные и секретарь помещает их в рапорты без всякого изменения. Не упоминая о важнейших резолюциях, требующих большей внимательности и осторожности членов, приведу в пример самые простые из них и легкие резолюции. Священник, ныне протоиерей, Милевский, на прошении о выдаче метрического свидетельства о рождении дал резолюцию о выдаче свидетельства о браке. Протоиерей Пятницкий, вместо записи поступивших денег в приход и хранения их в кассе, сряду и в один день написал резолюции: «Записать деньги в приход и расход и хранить в казначежнице». Подобных резолюций весьма много и у священника, ныне протоиерея, Кудрявцева, и у всех их, по важнейшим делам. Сосчитав одних резолюций, которые гг. члены, кроме архимандрита Митрофана, всегда осторожного и основательного, и прот. Знаменского, пишущего мало и, по сорту дел его стола, резолюции форменные, полагают, спеша к другим обязанностям, вне консистории, без совещания со мною о законах и не вникая в обстоятельства дел и чрез то заставляют меня назначать их к передокладу; таковых, по замечанию моему, передоложенных и исправленных резолюций, средним числом, оказалось из 10 – 6, а это служит доказательством, что резолюции часто требуют изменений и смысл в них бывает неудобопонятный и сбивчивый.

Далее пишут, что «все вообще дела, при поступлении моем в консисторию, исполняются с такою же, как рапорт в св. синод о иеромонахе Макарии, небрежностью и медленностью; самые обыкновенные справки и отношения заготавливаются месяца по два и по три». Вообще движение дел в мое время несколько не медленнее, но быстрее против прошедших лет, ибо при меньшем числе чиновников канцелярии консистории (прежде

было до 22 и более, а ныне только 15, исключая помощника секретаря) более деятельности, а чрез то и успеха в решении и исполнении дел и бумаг, как свидетельствует представленный вашему сиятельству отчет мой о делах за 1844 г., которого точная копия, за подписом тех же членов консистории, представлена от его высокопреосвященства в св. синод. Следовательно, несправедливо приписывают мне медленность в делах, происходящую якобы от небрежности и невнимательности.

Не могу при сем случае умолчать, что, при невнимательности к делам гг. членов (кроме оо. архимандритов), многие чиновники канцелярии консистории в делопроизводстве неопытны и нерадивы, а потому первые излишне заставляют меня быть осторожным, а последние требуют усиленного надзора, что мною и исполняется, а без него я не мог бы иметь большего против прежних годов успеха в делопроизводстве.

Объяснив несправедливость сделанного на меня доноса, я обязан изложить причины оного. Причины следующие: 1) до прибытия моего во Псков, его высокопреосвященство, быв недоволен перемещением секретарей, отзывался, что, вопреки предстательства, отняли у нею приготовленного им для себя секретаря Маньковского, а на место его назначили меня, и когда я, по приезде во Псков, первый раз представлялся ему, он принял меня холодно, и потом, под предлогом дальней и невыгодной дороги, рекомендовал не ездить к нему с докладами по делам, тем более, что мне, как новому человеку, неизвестна епархия и её обстоятельства, а у него есть очень опытный по делам епархиальным член консистории, протоиерей Знаменский, о чем преосвященнейший владыка напоминал мне три раза чрез нарочито приезжавшего от имени его члена консистории, священника, ныне протоиерея, Милевского.

2) Предубежденный так заранее обо мне, преосвященный мог видеть меня пред собою с делами в продолжение всего служения моего в псковской консистории не более шести раз, потому что, неся при сем случае как бы должность простого канцеляриста или сторожа – привозить и вручать бумаги, с

оставлением их до завтрашней присылки с письмоводителем, скоро я наскучил сам себе такими поездками, сопряженными с потерю времени, и решился исполнить непреодолимое желание владыки, занялся только службою по консистории, в надежде, что усердие мое откроет мне путь к архипастырю, но в надежде ошибся. Протоиерей Знаменский, приняв к себе помощником священника, ныне протоиерея, Кудрявцева, успел вместе с ним отдалить архипастыря от меня и положить преграду милостивому ко мне вниманию начальника, который по сей, а не иной, причине, представляя в св. синод и герольдию формулярные списки о службе моей, отметил в оных, что способности и достоинства мои еще усматриваются. Я просил его высокопреосвященство лично объяснить причину такой сомнительной, во всю службу первый раз встреченной мною отметки, но он отвечал: «Худого для вас здесь ничего нет; я не порочу вас, по еще не успел усмотреть».

3) Занимаясь службою в консистории по долгу данной мною присяги, я всегда старался выказать это чувство на самом деле, судя обо всем нелицеприятно, беспристрастно, по крайнему моему разумению и не имея ни малейшего помышления кого-либо этим обидеть. Но вот случаи, подавшие некоторым гг. членам повод к негодованию на меня: а) при распределении, в начале здешней службы моей, по новым штатам духовенства, я просил гг. членов предварительно дать время канцелярии составить список всем духовным лицам в епархии, с означением их звания, лет от роду, семейства, образования и нравственности, времени служения, заслуг и подсудности, дабы общими силами все члены могли справедливее посудить, кого оставить или исключить из штата и тем избежать самим и избавить канцелярию от многих лишних хлопот на будущее время. Но они на это не согласились и, разделив между собою (кроме архимандритов) по своему выбору уезды, распределили духовенство, как им хотелось, и потом утвердили все общим своим подписом. Правда, дело обработано в месяц с небольшим, но вышло то, что недовольных распределением явилось множество: в течение года поступило более 500 просьб, и большая часть просителей распределены вновь по

причинам, более уважительным, а избранные членами исключены из штата. Это неустройство подало повод некоторым членам, в особенности Знаменскому, иметь притязание ко мне и к чиновникам канцелярии в мнимой медленности делопроизводства; между-же членами появились диспуты и несогласия во мнениях, в согласовании коих хотя я и принимал участие, но Знаменский и Кудрявцев сочли эти действия мои за грубость, вмешательство в права их и суждения, в которых будто бы по закону не смею участвовать, а должен слепо им повиноваться, исполняя в точности все их приказания.

б) Протоиерей Знаменский, состоя при кафедральном соборе старшим протоиереем, живя в соборном доме и не имея в семействе своем, кроме жены, никого, нуждающегося в его пособии, выпросил у преосвященного в феврале прошлого года разрешение пользоваться жалованием и доходами, следующими на часть третьего священника великолуцкого Богоявленского собора, всего 130 руб. сер. в год, тогда как в епархии много есть заштатных священников, достойных того места и крайне нуждающихся в пропитании своего семейства. Посему, при удобном случае, я склонял его уступить это место священнику, к которому сам он изъявлял на словах сострадание, но вместо сострадания на деле, он принял мое предложение себе в обиду.

в) Получая от светских лиц замечания, что в праздничные дни от начальства кафедрального собора дозволяется продавать церковные свечи не при соборе или дворе оного, а на отдельном и отдаленном консисторском дворе, у ворот, смежных с рынком, и что женщины, продающие свечи, стоя с лотками по обе стороны ворот в длинных рядах, кричат на проходящих и покупающих свечи неприлично, выхваляя каждая свои свечи, я счел нужным посоветовать протоиерею Знаменскому, как исправляющему старостинскую должность при соборе, отменить эту свечную продажу, но он разгневался на вмешательство мое якобы в его права и нападки на обычай, освященный древностью. Таких продавцов свеч бывает до

десятка и более, и каждый из них получает награды по 10 коп. с рубля. Присмотра за ними во время продажи нет никакого.

г) Многие жаловались мне на обиды, неприличия и шалости от праздно пребывающих в Пскове приезжих штатных и заштатных священно- и церковнослужителей, а смотрение за ними поручено протоиерею Знаменскому; я каждый раз напоминал ему и докладывал начальству, что лучше-бы эту власть передать консистории, которая, по записке в книгу явившегося, и зная его нужду, старалась бы скорее его успокоить и наблюсти, чтобы не жил нарочно ни одного часа. Тогда бы и консистория, как присутственное место и начальственное, имела более себе весу между её подчиненными. Протоиереи Знаменский и Кудрявцев сочли это предложение за обиду, грубое и наглое вмешательство в права других и в этом же виде представили его высокопреосвященству, не требующему от меня никаких объяснений. Подобных причин, бывших поводом епархиальному начальству к негодованию на меня, нельзя описать по множеству, но все они есть не что иное, как чистое, беспристрастное и некорыстное усердие мое к Государю и отечеству; но, к сожалению, это усердие люди, толкуя превратно, обращают мне во зло».¹⁵²

Новое объяснение Сварацкого по новым обвинениям Нафанаила в неправильных и замедляющих ход дел распоряжениях еще ярче раскрыло беспорядки псковского епархиального управления. В этом объяснении Сварацкий, сказав, что Знаменский пользуется неограниченным доверием архиерея и управляет им по своему произволу, продолжает так: «После сего удивительно-ли, что секретари, служившие при таких, можно сказать, временщиках Знаменских, или соглашаясь на все им предложенное, были чтимы и уважаемы, или, подобно мне, должны терпеть за свою правдивость. Так, секретарь, видя превосходство силы, стремящейся к нарушению законов, из видов частного самосохранения почитал себя в таком страдательном состоянии, что должен был согласиться навсегда замолчать о многих противозаконных действиях по делам, из коих, для примера, приведу два случая:

а) сын священника боровской Троицкой церкви Иван Петров Добряков, родившийся, как видно из метрической книги той церкви, 25-го января 1821 года, впоследствии в времени, именно 20-го июля 1839 г., был исключен из низшего отделения псковского духовного уездного училища за великовозрастие и совершенную безнадёжность к продолжению учения по весьма слабым способностям к наукам. 8-го марта 1840 года, по собственной его просьбе, он определен в псковский Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь послушником и показан по клировой (ведомости) за 1840 год 19 лет от роду; но в таковой же ведомости за следующий 1841 год написано, противно делу, несправедливо, что он исключен из училища не в 1839 году, а в 1829 (ровно десять лет прибавлено), определен в монастырь не марта 8-го, а октября, не 1840 года, а 1830, и не 20, а 30 лет от роду. Основываясь на сем неправильном показании о Добрякове в клировой ведомости, настоятель Крыпецкого монастыря, игумен Вениамин (пользующийся доверенностью преосвященного и всегда при нем живущий), представил в июле 1842 года его высокопреосвященству, а преосвященнейший ходатайствовал пред св. синодом, и указом оного от 10-го августа того же года, № 12.023, на основании духовного регламента и Высочайше утвержденных 29-го мая 1832 года правил, разрешено постричь Добрякова в монашество. Консистория предписала о сем настоятелю Вениамину 28-го числа того ж месяца. Но настоятель за два дня пред сим, т. е. 26-го числа, взошел к преосвященному с представлением, в котором, дозволив себе подтверждать неправду (называя Добрякова уже монахом Иерофеем, находящимся в его монастыре 12 лет), просил, в воздаяние оказываемых им по монастырю трудов и примерное поведение и в поощрение к тому на будущее время, рукоположить во иеродиакона. Означенный Иерофей, неизвестно когда постриженный в монашество, произведен во иеродиакона 28-го августа (в день предписания консистории о пострижении в монашество), а через день, т. е. 30-го числа того ж месяца произведен в иеромонаха и доныне находится в Крыпецком же монастыре казначеем. Таким образом Добряков, в противность правил

церкви и законам Государя, произведен без должного искуса на 21 году от роду в монашество, в один и тот же месяц приобрел высшие иноческие достоинства не по летам и заслугам своим, и этим обязан могуществу временщиков, в числе коих был и Знаменский. б) На отношение вашего сиятельства от 5-го ноября 1841 года составлен отзыв от 9-го апреля 1842 года, коим ваше сиятельство неправильно заспокоены в том, что священник Михайловского погоста Василий Смирнов за доказанные чрезвычайные притеснения крестьян супруги сенатора, тайного советника Новосильцова, достойно наказан, тогда как священник сей, по заверению многочисленных свидетелей, на коих он сам ссылался, и по выражению утвержденного преосвященным протокола консистории, имея характер немиротлюбивый, неприступный, грубый, вспыльчивый, горячий, строптивый, склонный к ссорам, неуступчивый, придирчивый и вздорный, при постоянном обращении в пьянстве, за те чрезвычайные свои поступки, после извещения вашею сиятельства, пробыл в кафедральном соборе на испытании в причетниках только два месяца (если не меньше, ибо в деле нет определения срока, а ход дела и время заставляют сомневаться, не меньше-ли пробыл на испытании) и, по рекомендации только одного Знаменского, разрешен в священнослужении.

Кроме многих примеров, известных вашему сиятельству из прежних моих рапортов и того, что опишу в настоящем донесении, поясняя дела и действия мои (sic), которых превратными толкованиями так сильно стараются некоторые гг. члены очернить непорочную мою службу, приведу в доказательство моей ревности к соблюдению присяги следующие недавние случаи: а) указом св. синода от 10-го минувшего августа переведены из рижского викариатства в псковскую епархию два рижские священника: родной сын протоиерея Знаменского Иван Знаменский и Юнаковский. Первый из сих, быв в летах и заслугах гораздо млаже против Юнаковского, по предстательству отца, тотчас определен священником в кафедральный собор, где отец его протоиереем, и другой родственник, протоиерей Александр Лебедев,

ключарем, а Юнаковский еще долго после того не имел места.
б) Протоиерей Кудрявцев неправильно доложил преосвященному дело об уплате подрядчику Архипову за исправление в его благочинии Рюжской церкви, вовлек архипастыря дать резолюцию против условий контракта для усугубления разорения жаловавшегося подрядчика. Не желая заводить на бумаге переписку и выставляя ошибку форменно, я объяснил 28-го июня преосвященному дело и, получив согласие к перемене решения, сделал на черновом докладе письменное указание для передоклада, но Кудрявцев, жестоко обидев меня в канцелярии пред подчиненными, обидел и меня и в присутствии, назвав замечание мое *курячею помаркою...*

На протоиереев Знаменского и Кудрявцева не один подрядчики жаловался на терпимые от сих членов консистории притеснения при расплате за произведенные ими постройки и исправления церквей и зданий, или при заключении на поделки контракта, о чем еще и ныне производятся по консистории дела...

Знаменский, с самого возвращения преосвященного из С.-Петербурга, пользуясь в высшей степени его расположением и доверием, всячески старался выискивать себе разные полномочия, относящиеся к частному и общему влиянию на епархию, и вскоре дошел до того, что ему стало не нравиться, когда встречает что-либо находящимся вне полной его власти. В таком состоянии ничтожества пред неограниченною властью Знаменского найдена мною консистория, а более всего в этом отношении отвечали законом данные её секретарю права, которыми обычно не секретарь владел, а вполне владел Знаменский. Эту власть свою над секретарем он надеялся поддержать и при мне, для чего принимал и меры предосторожности. Конечно, опытность в знании прав секретарских и уверенность, что чрез соблюдение оных, при защите тех же законов, могу восстановить упавший порядок в делопроизводстве и уроненное значение секретаря, обязанного сохранять правду и силу законов, хотя помогли мне установить порядок по консистории, дать направление некоторым служащим в консистории стараться сохранять мир и правду; но

так как это после расстройства первый я предпринял, то, кроме многих преград, подвергся и преследованию от властолюбия сильного епархиального временщика, протоиерея Знаменского. Он с неразлучным помощником своим, прот. Кудрявцевым, встречая от меня препятствия в исполнении их незаконных желаний, вознамерился, вопреки законного порядка, помимо ведома моего, определить сперва помощником секретаря, или, по крайней мере, журналистом, самым преосвященным признанного сомнительным в нравственности, кончившего курс семинарского учения, ныне Лемзальского священника, Меньшикова, а потом в сторожа совершенно излишнего и порочного человека, родственника Знаменского, исключенного за безуспешность и худое поведение из учебного заведения, аттестованного в монастыре сомнительным и удаленного за худую нравственность из штата Качановской церкви, где находился на отцовском месте, пономаря Якима Барсова, дабы чрез них (судя по похвалам их) завести смуты и расстройство законного порядка, заведенного мною по канцелярии и с трудом удерживаемого в присутствии консистории; они желали и желают, разрушив подчинение и порядок по канцелярии, всю свою вину заведенного ими расстройства в консистории и у преосвященного опрокинуть на меня и, вытеснив с унижением, восторжествовать с большею против прежнего силою. За действительность этого их намерения достаточно ручаются: а) внушение служащим в канцелярии не слушаться меня; б) завладение правами секретаря докладывать преосвященному дела, принимать поступающие от него в консисторию бумаги, исправление или, точнее сказать, заготовление от имени его в св. синод и вашему сиятельству исходящих бумаг; в) испрошение Знаменским и Кудрявцевым у преосвященного таких резолюций и предложений, по которым бы, как по прямым требованиям архипастыря, не могло быть в консистории суждения из боязни к неминуемым неприятностям противоречия, чем премного стесняется свобода прочих членов и секретаря в суждениях по делам.

При таких служебных обстоятельствах секретарей здешней консистории, я в необходимости должен был поступить в деле

Барсова о предоставлении ему сторожевой должности так, как поступил, а не иначе, сколько для обеспечения собственной моей чести, столько и для ускорения к сохранению мира и порядка на службе: ибо приближалось то время – январь месяц, – когда умышляющему на честь мою и служащих в канцелярии консистории протоиерею Знаменскому, по расчетам его умысла, надлежало иметь в консистории надежного для него человека Барсова, который бы, научая и подстрекая священно- и церковнослужителей, приносящих метрические и росписные книги, к клеветам, и сам бы клеветал на меня, будто я, по выражению его в докладе, виновен в притеснениях и корыстолюбивых вымогательствах. Неожиданная протоиереем Знаменским неудача в определении Барсова сторожем канцелярии консистории и открытие мною вмешательства его в канцелярский порядок, с утайкой принадлежащего консистории пакета полиции и самого арестанта Барсова, родили в нем, Знаменском, весьма явное для всех, непримиримое ко мне мщение.

Пономарь Барсов, доказанный в худом поведении – незначительное лицо, но Знаменский сделал, что на местном суде признан маловиновным и значительным лицом по заступлению за него, ради Знаменского, епархиальным архиереем; потому что не только я за него стал больше гоним, но и все те, которые более или менее прикосновенны к делам о нем, терпят такую же участь... Верно и известно, что два эти лица – Знаменский и Кудрявцев – причиною некоторых частных неустройств в епархии и появления лиц, частью право, а частью неправо жалующихся правительству на действия епархиального начальства, тогда как преосвященный готов делать добро; но эти любимцы его, запутанные в разных делах, доказывающих их сребролюбие, мешают ему, и он силится защищать их, но словам его, во чтобы ни стало».¹⁵³

Объяснения Сварацкого имели следствием то, что Нафанаил из обвинителя стал обвиненным. Напрасно писал он синоду, что у него все члены консистории люди прекрасные и самые благонамеренные, а особенно Знаменский, «на которого, по словам Нафанаила, никто из подведомственного ему

духовенства не приносил ему жалобы и который совсем не таких свойств, чтоб стал делать кому-либо притеснения и во зло употреблять доверие, каковым от меня, равно впрочем с другими членами, пользуется»;¹⁵⁴ напрасно Нафанаил умолял св. синод удалить из псковской консистории Сварацкого, служение с которым становилось, по выражению его, тягостным¹⁵⁵ – синод мало внимал и объяснениям, и просьбам Нафанаила; напротив, во всем обвинил преосвященного, тем более что он устранил секретаря, при самом поступлении его в должность, от исполнения прямых и существенных его обязанностей, и возложил это на некоторых членов консистории и в особенности на протоиерея Знаменского, вопреки установленному порядку, а от того произошли и следующие беспорядки: «1) по личному настоянию некоторых из членов консистории, замещались штатные места лицами без наблюдения правосудия и без внимания к службе и нравственности размещаемых; 2) протоиерею Знаменскому предоставлены жалование и доходы от праздного места при другой, в ином уезде, церкви, тогда как нуждающиеся, напр., диакон Рудаков, по настоянию сего же протоиерея, лишены прежних прав на жалование и доходы по службе; предоставлено-же пользоваться оными лицам, которые в поведении не одобрялись и сей милости не заслуживали, как, напр., бывшему при кафедральном соборе диакону, определенному на место Рудакова с теми самыми правами, в которых сему последнему было отказано; 3) допущена при консисторском дворе, в смежности с рынком, неуместная и весьма неприличная продажа церковных свеч в пользу кафедрального собора, без надлежащего надзора за продажей и с платою по 10 коп. с рубля продающим свечи; 4) при общем несогласии членов консистории между собою и с секретарем, нередко замедляется движение дел единственно оттого, что они позволяют себе делать неприличные для судебного места раздоры по полагаемым ими по делам резолюциями; так, напр., протоиерей Знаменский по делу Рудакова позволил себе обидные для прочих членов действия, свидетельствующие о его самонадеянности, без особых на то прав со стороны закона и с

одною уверенностью в защите преосвященного, именем которого он и другой протоиерей, Кудрявцев, распоряжаются делами консистории с явным оскорблением для секретаря, коему наблюдение за сим предоставлено законом. Сообразив все сие, заключает синод, и не усматривая никаких оснований к обвинению секретаря, св. синод определяет: поручить преосвященному Нафанаилу обозреть ближайшим образом ход дел в псковской духовной консистории, ввести в оные порядок на точном основании закона, и о последующем донести св. синоду, с присовокуплением мнения и о том, может-ли консистория оставаться при нынешнем её составе членов». ¹⁵⁶

В этом указе, несмотря на явное его старание оставить Нафанаила, так сказать, в стороне, было все-таки много довольно неприятных для него намеков. Уже необходимость писать объяснения против обвинений Сварацкого выводила Нафанаила из себя. Но его ожидало еще большее несчастье; у него явился обличитель, более беспощадный, чем Сварацкий. На что последний указывал с некоторою сдержанностью, соблюдая в описании злоупотреблений епархиального начальства умеренность тона, то под пером нового доносителя рисовалось самыми яркими и густыми красками, с необыкновенною смелостью, беспощадною правдивостью и откровенностью. Если рапорты Протасову Сварацкого вызвали архиерея на объяснения пред св. синодом, то доносы второго обличителя подвергли Нафанаила ревизии, и даже не одной. Этот новый доносчик был псковской священник Василий Лебедев. Лицо это приобрело такую громкую известность не только в псковской, рижской, тверской и владимирской епархиях, но и во всем духовном ведомстве, своими нападениями на епархиальное начальство, что мы не можем не остановиться на нем. Тогда как одни лица спокойно привыкают к той удушливой среде, в которой суждено им жить и действовать, другие, напротив, подобные Лебедеву, всячески стремятся вырваться из этой среды, и если их не выпускают из неё, то они начинают кричать и волноваться. На беду этих людей, их не только не слушают, но еще оскорбляют и уничижают. Рожденные с огромным запасом гордости и

самолюбия, а, между тем, видя, что пошлость и бездарность стоят выше их и что вопиющее беззаконие пользуется почетом, они теряют постепенно спокойствие духа и терпение и начинают борьбу с окружающими беспорядками и злоупотреблениями. Встреченные в этой борьбе препятствия не только не останавливают их, но еще более раздражают. Убежденные в чистоте и правоте своих стремлений, они становятся, наконец, мучениками своей идеи, за которую терпят всякого рода лишения и страдания. Но потому-ли, что зло бывает могущественно, а силы нападателей на него слишком слабы и разъединены, или потому, что в нападателях слишком много страстности, увлечения и промахов, конечным результатом деятельности таких людей являются горькое разочарование, малоутешительное сознание, что они слишком много сделали вреда для себя и слишком мало пользы для общественной нравственности. Вот наводящие грусть на душу каждого, слова Лебедева, сказанные им в одном из писем к обер-прокурору Карасевскому: «У меня теперь нет ни сил трудиться, ни родительских крошек и крупыц – все ушло по милости псковского епархиального начальства; едва только одна вера и надежда на Христа Спасителя осталась, любви-же к ближнему как сам не вижу ни в ком, то не знаю, что о ней сказать: любить или не любить».¹⁵⁷ А между тем, если бы имели терпение прислушаться к голосу этих людей и если бы лучше поняли и оценили их стремления, тогда общество приобрело бы в них весьма полезных деятелей.

Содержание доносов Лебедева представляет, за немногими исключениями, весьма много сходного с доносами Сварацкого. Во всех доносах и жалобах Лебедева Государю, св. синоду и обер-прокурору синода постоянно встречаются следующие предметы: притеснение епархиальным начальством единоверцев, разврат духовенства, святотатство, производимое под покровительством епархиального начальства старостами и настоятелями церквей, злоупотребления членов консистории. Но прежде, нежели Лебедев обратился со своими жалобами к Государю, в синод и к обер-прокурору, он вел войну за то же самое дома с архиереем, консисторией и духовным

правлением. Эту домашнюю борьбу Лебедев начал почти с первых годов своего служения в звании священника, и к жалобам и доносам Государю, синоду и обер-прокурору он перешел уже только тогда, когда принудила его к тому крайность: запрещение в священнослужении и предание суду уголовной палаты. Первое начало своей оппозиции местному начальству Лебедев обнаружил в 1833 году по следующему обстоятельству: бывший тогда псковским архиереем Мефодий предписал, чтобы все священно- и церковнослужители дали в консистории подписки в том, что они не будут посещать светских зрелищ, «где некоторые из них примечались в позоре, к посрамлению своего сана и народному соблазну».¹⁵⁸ Когда все священно- и церковнослужители исполнили приказание архиерея, Лебедев, не признававший за собою этого преступления, отказался от дачи подписки и просил позволения объяснить лично с архиереем по этому случаю. Консистория сочла это прошение Лебедева «бесчинным и соблазнительным поступком»,¹⁵⁹ записала его в журнал и положила взыскать с Лебедева, не выпуская его из консистории, 10 руб. асс. Лебедев денег не дал и продолжал настаивать на своем прошении. Отказ Лебедева уплатить штраф и упорство в просьбе снова сочтены за преступление и снова записаны в журнал. Личное объяснение с архиереем, наконец, было дозволено Лебедеву, и его претензия при этом объяснении не показалась преосвященному поступком бесчинным, как консистории.

В 1835 году мы уже видим Лебедева членом псковской консистории, правою рукою архиерея, действующим неутомимо и честно, преследующим мздоимство, приводящим в порядок консисторское делопроизводство и сражающимся со святотатством. Строгий к себе, трезвый, благоговейный в служении, энергический в исполнении обеих обязанностей, ревнивый к пользам и славе церкви, Лебедев был украшением псковского духовенства. Архиерей ласкал его, отличал и представлял к наградам; но он, будучи беден, сравнительно с другими своими товарищами, добивался не отличий, а материального обеспечения. Архиерей этого не хотел понять; Лебедев дал ему разуместь, но слишком оригинально: он подал

ему прошение, в котором, описав проходимые им разные должности, говорил, что при отправлении всех этих должностей, он «избегал всеми силами неправильных приобретений, дабы не потерять честного имени. Ныне, притупив зрение, ослабив нервы в голове от сильного занятия делами по возлагаемым должностям, он достиг крайней границы и, не обвиняясь, может сказать, что он беден. Прохождение им должностей показало ему, отчего можно сделаться неспособным продолжать оные. Честное и усердное прохождение оных проложило ему путь к бедности и, ослабив силы, привело к последней крайности, от которой избавиться и иметь ему с семейством своим безбедный кусок хлеба предлежит для него два пути: один заглушить глас совести и страха Божия, но он без сих не жывал и жить не может, ибо верит, что должен явиться пред сердцеведца Бога; другой путь, чтоб бедность далее не мучила его – оставить духовное звание. Сей путь хотя и незнаком для него, и странен, и в глазах его не безопасен, но от крайности и с прискорбием души он избирает последний. Надеюсь, что отец Небесный примет душу его, хотя он в здешнем странствовании и не будет носить одеяния, духовным лицам принадлежащего, лишь-бы не погас светильник души его, просит по сим причинам, на основании существующих законов, уволить его из духовного звания для поступления туда, где бы он с семейством своим мог иметь насущный хлеб без отягощения ближнего и без заглушения гласа совести».¹⁶⁰ Это прошение заключало в себе и затаенное неудовольствие Лебедева к Нафанаилу, и тонкий намек, что последний честных деятелей только ласкает, но не греет. Псковская консистория, которой Лебедев успел порядочно насолить, рада была его прошению: она увидела в нем каприз взбалмошного человека, назвала его чуть не богачом, и определила прошение отослать в синод, а самого его лишить отличия, установленного для белого духовенства, и права заседания в консистории. Но Нафанаил не вполне согласился с мнением консистории. «На решительное удаление от консистории священника Лебедева я согласиться пока не могу. Устранить его от присутствования до окончания только дела сего. А в донесении св. синоду включить, между прочим, что

священник Лебедев, сколько мог я замечать, всегда имел образ мыслей религиозный, и определен мною присутствующим (в консистории) по отличной его способности, что он совершенно оправдал сие избрание, весьма много способствовав к исправлению упущений и непорядков, происшедших от болезни и бездействия секретаря, равно как и невнимательности прежних членов консистории. Присовокупить также в донесении, что священник Лебедев и при настоящем, несколько улучшенном, его состоянии, содержание действительно имеет небогатое, как и большая часть псковских священников, но я не имею в руках способов улучшить его состояние».¹⁶¹

Лебедев остался в духовном звании, получив довольно богатое место при Благовещенской церкви в Риге. Нафанаил отпустил его из Пскова с самым лестным для него отзывом. «Я со скорбью разлучаюсь с человеком, столь умным, деятельным и общепользовательным; утешаю же себя тем, что отец Василий весьма благопотребен для рижской церкви».¹⁶² Рига, подобно Пскову и всей псковской епархии, страдала расколом и святотатством. Старосты церковные, сообщая с настоятелями церквей и благочинными, злоупотребляли церковными суммами. Лебедеву хорошо были известны эти две язвы и он начал против них борьбу. Первый удар был нанесен Лебедевым церковному старосте Благовещенской церкви, рижскому купцу Несодомову. Но этим он оскорбил, в лице Несодомова, не только все рижское купечество, но и духовенство, а особенно представителей его – духовное правление. Дело приняло оборот, неблагоприятный для Лебедева; Несодомов был опытный и, притом, богатый вор, а противник его – более горячий, чем искусный нападающий. Лебедев горячился, говорил грубости в духовном правлении, самому викарию, и этим только портил дело. Он подпал суду своего начальства за дерзости и вооружил против себя прихожан, которые, настроенные влиятельным Несодомовым, подали прошение о том, чтобы вывести от них Лебедева, за беспокойные его качества, своенравие и нестерпимую для них сварливость.¹⁶³ Хотя впоследствии открылось, что прошение прихожан рижской Благовещенской церкви было только голосом одной партии, а

не всех прихожан, тем не менее, Лебедева перевели от богатой Благовещенской церкви к бедной замковской Успенской. Тщетно потом Нафанаил, узнавши свою ошибку, хотел, чтобы Лебедев оставался на прежнем своем месте; напрасно писал он, что «заклячая из следственного, недавно сданного мною в консисторию дела о непорядках и злоупотреблениях по Благовещенской церкви, открытых священником Лебедевым, что поданная на него ко мне от некоторой части прихожан благовещенских просьба действительно, как жалуется священник, могла быть следствием исканий тамошнего причта, для которого служитель, столь исправный и непорядков не терпящий, конечно, тяжел, я рекомендую консистории, не стесняясь прежде положенной мною резолюцией, рассмотреть внимательнее прошение сие, предписав, между тем, лифляндскому духовному правлению, чтобы до особого от епархиального начальства распоряжения священник Лебедев оставался при Благовещенской церкви по-прежнему».¹⁶⁴ Но лифляндское духовное правление нашло неблагоприятным дальнейшее расследование дела по жалобе прихожан Благовещенской церкви на Лебедева по разным причинам, в числе которых была и та, что он уже перемещен к другой церкви и следовательно теперь уже поздно перевершать дело. Нафанаил, по бесхарактерности своей, не возражал против мнения духовного правления. Обиженный Лебедев бесился, выходил из себя, а недоброжелательное к нему лифляндское духовное правление пользовалось этим ненормальным его состоянием духа и беспрерывно подвергало его новым оскорблениям: то выговорам в правлении, то штрафам, то поклонам, то грозило подначалием. Нужно заметить, что Лебедев подвергся бы за свои поступки еще большему унижению, если бы его не защищал Нафанаил от нападений лифляндского духовного правления. Но натиск недоброжелателей Лебедева на Нафанаила был так силен, что и он должен был уступить им. Так, по делу о непредставлении Лебедевым прихода-расходных по рижской Замковской церкви книг Нафанаил хотя не согласился подвергнуть Лебедева месячному подначалию, как положила псковская консистория,

однако-же должен был написать, что он «выходит из пределов умеренности. Уважая его строгую жизнь, его талант и ревность по службе, я не могу однако ж долее щадить его. Сделать ему строгий выговор в духовном правлении, со внесением в послужной список и с назначением ему в церковных собраниях низшего пред всеми рижскими священниками места, исключая самых младых: Светлова и Поспелова».¹⁶⁵ Лебедев такую резолюцию приписал влиянию на Нафанаила членов консистории, а потому призванный в рижское духовное правление для выслушания её, подал свой отзыв, который наполнил выражениями, оскорбительными для чести членов консистории, называя их «покровителями святотатства и потворщиками раскола». Вслед за этим поступила от самого архиерея Иринарха жалоба на Лебедева в том, что «он порочит честь его сана и представляет его покровителем святотатства и раскола». За такую дерзость Лебедев был запрещен в священнослужении, а потом хотя оно и было ему разрешено, но его перевели из Риги в Псков к Покровской от торгова церкви. И здесь он вскоре начал борьбу с церковным старостою и с причтом. Староста, по обычаю всех псковских старост, считал церковное хозяйство своим собственным и, вместе с церковными свечами, продавал свои, а причт, состоявший из людей сомнительной нравственности, вследствие особых побуждений, смотрел на это снисходительно. Лебедев, отобрав церковные ключи от старосты, взялся сам распоряжаться церковным хозяйством, но действовал в этом случае самоуправно, с превышением власти, и дал повод подозревать себя в недобросовестности и притеснении других. Причт подал жалобу на Лебедева, что он обижает их в разделе доходов и что безотчетно распоряжается церковным хозяйством. У него велено было отобрать церковные ключи, церковные приходо-расходные книги и хлеб. К участию в этом деле призвана была даже местная полиция. В тоже время на него был сделан начет по рижской Замковской церкви, на сумму 483 р. 42¾ коп. сер., и когда потребовали у него уплаты этих денег, то он не хотел ни отдавать их, ни подписываться под указом. Псковская консистория определением своим от 1-го марта 1843 года

предала Лебедева за ослушание и упорство суду уголовной палаты, а между тем, независимо от этого, в консистории производились дела по разным на него доносам и его то и дело призывали туда для выслушания разных определений о нем. В одно из таких посещений, именно 7-го декабря 1843 года, Лебедев должен был дать ответы на вопросы по делу об упущениях и злоупотреблениях по приходе-расходным и сборным книгам Покровской церкви, и когда ему читали определение консистории по этому делу, то он, раздраженный несправедливостью определения, делал во время чтения возражения, как выражается псковская консистория, «злобные и укоризненные», а по выслушании определения, от дачи ответов отказался и, подав заранее приготовленное им объяснение, с пояснением на словах, что в объяснении его заключаются все ответы, вопросы положил в пазуху. Когда же члены и секретарь консистории начали вразумлять его, что «вопросы даны ему не для того, чтобы он прятал их в пазуху, а чтобы на них отвечал кратко и ясно, не примешивая ничего постороннего», то он, вынув оные из пазухи, с необыкновенным озлоблением и раздражением, написал на первой странице против вопросов таким образом: «Ответ дал в объяснении, поданном 7-го числа декабря 1843 года, покровский священник Василий Лебедев».¹⁶⁶ Злобу свою он выразил, как говорит консистория, «не только на словах, но и в самом почерке написанного им».¹⁶⁷ На вопрос консистории, как он мог приготовить ответы, когда вопросы ему еще не были объявлены, он отвечал «с тою же злобою и укоризнами», что он «следил и следит за действиями консистории и всегда предварительно оные знает, но чрез кого, не объяснил, присовокупив только, что он это откроет не консистории, а повыше кому знает. Наконец, придя в какое-то исступление, начал рассуждать с криком, и неоднократно называл членов и секретаря покровителями воров и святотатцев. Когда же протоиерей Знаменский, указывая ему на именной Высочайший указ 1724 года января 27-го дня, начал напоминать Лебедеву об обязанностях, как подсудимые должны обращаться в присутствиях и какой ответственности подвергаются они за нарушение порядка в таких местах за крик

и укоризну: то Лебедев в том же исступлении и с тем же озлоблением сказав, что он со всеми членами и секретарем консистории имеет личности, и сам не без заслуг и не хуже других знает законы, самовольно ушел из присутствия, *не сделав ни к кому никакого отношения*".¹⁶⁸ Мы буквально приводим этот обвинительный акт против Лебедева из журнала псковской консистории, чтобы дать верное понятие о внутреннем состоянии духа Лебедева и точнее изобразить отношения к нему членов консистории,¹⁶⁹ которые очень оскорблены были, между прочим, и тем, что он не сделал ни к кому из них «никакого отношения», т. е. ушел, не поклонившись им. После таких действий Лебедева, в псковской консистории началось суждение о поступке его. Состоявшееся по этому случаю консисторское определение, утвержденное и архиереем, гласило так: «Как дерзкий поступок упорно злого против начальства и совершенно вышедшего из повиновения законной власти священника Василия Лебедева принадлежит по силе 3-го пункта 159-й статьи Устава духовных консисторий суду светскому, то и передать дело о нем в псковскую палату уголовного суда для суждения и приговора на основании уголовных законов, с прописанием для соображения в сем деле оной палате всех справок из дел консистории о неповиновении и дерзости его, Лебедева, против начальства. А между тем, чтобы как между прихожанами, так и иноверцами, живущими в Пскове, не было соблазна от допущения к священнослужению сего самоуправного человека, вовсе не хотящего знать никакой власти, то запретить ему теперь-же священнослужение».¹⁷⁰ С этого времени Лебедев совсем перестал давать ответы консистории, прекратил все отношения к своему епархиальному архиерею и начал жаловаться на злоупотребления епархиального начальства Государю, синоду и обер-прокурору синода. Первая жалоба на Высочайшее имя послана была Лебедевым 9-го июня 1844 года. Вот её содержание: «Вследствие Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволения, кроткими мерами возрастающий во псковской епархии тайный и явный раскол склонить к единоверию, открыта в 1836 году, именно мною, в псковском Загорском яму

единоверческая церковь, и тамошние два наставника с Высочайшего Вашего Императорского Величества утверждения произведены – главный в иеромонаха, а помощник его во священника. Церковь эта, за невозможностью мне тогда, как члену псковской духовной консистории, обремененному сильно делами, поручена подручному мне священнику Иакову Кудрявцеву, и все соседственные с тою единоверческою Загорскою церковью погосты, зараженные особенно явным и тайным расколом, вверены ему же, священнику Кудрявцеву, как благочинному, с тем, чтобы он предохранял юную единоверческую церковь и наклонял в подведомственных ему погостах раскольников к единоверию. Священник Кудрявцев, по выбытии моем из консистории, а вместе и из Пскова в Ригу, занял вместо меня судейский стул в псковской духовной консистории, и вместо покровительства единоверческой церкви допустил в ней соблазны и начал теснить ту до того, что поколебались тысячами присоединившиеся к единоверию и отпали опять в раскол; вследствие этого открылись дела, – и люди доселе томятся в тюремном заточении.

По переводе меня из Риги вторично во Псков, епархиальный архиерей в деле единоверия опять обратился ко мне, первоначально рассказывая мне с сожалением и прискорбием о положении единоверцев в псковской епархии, а потом предписывая мне и форменно чрез консисторию. Предписание епархиального архиерея мною исполнено в точности, т. е. мною исходатайствована теснимым во Пскове единоверцам церковь, и епархиальный архиерей на рапорте моем о исполнении предписания предписал консистории так: «Отец Василий Лебедев поручение мое исполнил прекрасно. Изъявить ему благодарность за его бескорыстное усердие и ревность к дому Божию». Загорской единоверческой церкви иеромонах, главное лицо единоверцев в псковской епархии, и псковской единоверческой церкви попечитель, купец Агафон Дервин, подали епархиальному архиерею 2-го августа прошение, в котором просили епархиального архиерея, чтобы дело обращения раскольников и самую единоверческую церковь в Псковской губернии, вместо священника Кудрявцева,

семь лет теснившего их единоверческую церковь, поручить мне, с тем, чтобы я им способствовал в обращении к единоверию всех во псковской епархии раскольников и защищал-бы единоверцев и церковь их во всех случаях и словом, и делом явно, а не тайно уже, как это было с самого открытия церкви. Епархиальный архиерей на прошении их от 2-го числа августа предписал консистории так: «Священник Лебедев действительно полезен для единоверцев и действует бескорыстно; пусть псковская единоверческая церковь будет в заведовании его, как благочинного. Со временем для церквей единоверческих можно будет устроить особое благочиние». Слово: «бескорыстно», в обеих резолюциях епархиальным архиереем помещенное, ясно свидетельствует, что все действия священника Кудрявцева и его соучастников, теснящих единоверческую церковь, основаны на корысти, а не на пользе отечества и спасении душ человеческих. За сим вслед, чрез весь август, сентябрь и октябрь, утесняемые единоверцы неоднократно ходили к епархиальному архиерею с письменными и словесными просьбами и неотступно просили, чтобы удалить священника Кудрявцева вообще от всех дел по единоверию и от самого благочиния; ему для единоверческой церкви порученного, и поручить все это дело мне; ибо они уверены, что бескорыстное мое усердие и ревность к дому Божию и попечение о пользе единоверческой церкви сделают в один год значительные перемены в мнениях народа, расколом зараженного; но на их прошения и по сие время ничего нет. А между тем член консистории, священник Кудрявцев, видя, что должен лишиться дел о единоверии и расколе, а вместе и благочиния, а это-то для него суть аренда, а не должности, не имеющие жалования, составил против меня заговор, вследствие которого объявлена погибель не одному мне, но и всему моему семейству. Епархиальный архиерей стал как бы бессилен против заговорщиков, в консистории судейские столы занимающих, что, при всей его ко мне и единоверческой церкви расположенности, по собственному его лично мне сознанию, не в состоянии удержать противозаконные действия заговорщиков против меня и единоверческой церкви. Опасаясь обременить

Ваше Императорское Величество многосложностью моего всеподданнейшего прошения, не прилагаю собственноручных епархиального архиерея ко мне писем, свидетельствующих о том, что делом единоверия и обращения раскольников с 1836 года по настоящее время, согласно воле епархиального архиерея, занимался я и занимаюсь, и тем навлек на себя негодование от тех, для которых единоверческая церковь нетерпима, как не приносящая корысти; но раскол потаенный чрез обильные их приношения покровительствуется.

Всеавгустейший Монарх, чадолюбивейший отец отечества! Миновав св. правительствующий синод, я всеподданнейше обращаюсь и припадаю к престолу вашего Императорского Величества, потому что дело это по важности своей, возросшему уже злу и обратившемуся как бы в местный закон, требует средств к пресечению, не от св. синода зависящих, но от мощной десницы Вашего Императорского Величества: ибо раскольники, видя нестроение в православной церкви псковской епархии, слыша хуления от духовенства православной церкви на единоверческую, а вместе встречая и сами в той и другой соблазны, не идут ни в ту, ни в другую церковь, но сильно волнуются, видя все публичные их молельни в Псковской губернии уничтоженными. Единоверцы, заботящиеся о наклонении раскольников к себе, с сильным затруднением выхаживают в свою единоверческую церковь святые иконы и утварь, взятые из молелен раскольниковых; ибо заговорщики, теснящие единоверческую церковь и домогающиеся того, чтобы в Псковской губернии не единоверческая церковь, но потаенный раскол, много корысти приносящий, существовал, не дают единоверцам святых икон и утвари прямо из молелен раскольниковых, но для видов своих забирают те в собор и держат там. Соблазны-же и буйства в православной церкви умножились до того, что сам епархиальный архиерей ныне, в день Рождества Христова, во время божественной литургии, стоя перед престолом Всевышнего, плакал и жаловался вслух, что исправляющий должность протодиакона диакон не почтил столь великого дня, но явился к божественной литургии пьян; да это и весьма часто бывает в кафедральном соборе, а о

приходских церквях и не говорю. Буйство-же от пьянства диаконов, и причетников до того усилилось, что диаконы и дьячки решаются бить в церкви и даже во святом алтаре не только друг друга, но и священников до крови, и даже протоиереев. Об иных имеются дела в консистории, а о других и дел нет; и все это остается без должного, хотя для предосторожности другим, вразумления. И сам епархиальный архиерей изъяснял консистории на бумаге, что Покровской от торга церкви диакон Петр Образский оскорбил его лично, но и то оставлено. При производстве следствия помимо духовной власти чрез посланных от лица Вашего Императорского Величества, откроется больше нежели сколько я написал во всеподданнейшем моем прошении, а чрез то ясно обнаружатся причины существования раскола».¹⁷¹

Спустя 10 дней после подачи этого прошения, Лебедев подал прошение в св. синод, в котором коснулся другого зла, господствующего в псковской епархии – святотатства. «Ища погубить меня, писал он в этом прошении, безвинно, не силою закона, но, при противозаконных действиях, силою власти, за то, первое, что я, желая прекратить противозаконную, во Пскове открытую с фабрики мелочную продажу свеч восковых, делающую подрыв казне, по крайней мере, ежегодно на 10.000 руб. серебром, подал прошение о выдаче приходо-расходных книг в свечную церковную лавку, открываемую мною; второе, за то, что я пресек злоупотребления, кроющие святотатство по псковоградской Покровской от торга церкви, покровительствуемые благочинным, членами консистории и секретарем; третье, за то, что я, вопреки желанию и цели членов консистории, согласно воле его высокопреосвященства, исходатайствовал у покровских прихожан для единоверцев во Пскове церковь и в 17 дней все окончил и богослужение открыл, тогда как 17 месяцев единоверцы чрез происки членов консистории, а паче священника Иакова Кудрявцева, что ныне протоиерей, томились над Ильинской церковью и не освятили, издержав много денег на переделку ей, причем и сам преосвященный не знал, что следует делать, видя противодействие членов консистории; и наконец, четвертое, за

то, что единоверческий иеромонах Михаил и псковские единоверцы подали прошение, чтобы протоиерея Кудрявцева удалить вовсе от дел единоверия и обращения раскольников, а вместе с тем и от благочиния, как действующего во вред единоверию, но к покровительству расколу тайному и даже явному, и просили, чтобы все дело обращения раскольников к единоверию и самая их церковь с единоверцами были поручены мне, как бескорыстно и с пользою для единоверия действующему, – члены псковской духовной консистории и секретарь, несмотря на мои прошения о передаче дел в гражданское присутственное место по подсудности, не хотят передать дел и не передают, потому что, при передаче дел, откроется: первое, что злоупотребления в экономическом церковном управлении, кроющие святотатство, допущены благочинными и самими членами консистории и секретарем не в одной Покровской церкви, но и во всей епархии, а потому ими и покровительствуются, на крайний вред церкви; второе, откроется то, что благочинные и члены консистории с секретарем скрывают и явное святотатство по церквам, и преступников; третье, откроется то, что они же потворствуют и прикрывают раскол тайный и явный, противодействуют единоверию и теснят их церковь и их самих; четвертое, откроется и то, что они же попустили ужасное пьянство в духовенстве, буйство по церквам и соблазны, чинимые лицами духовными, которым и покровительствуют, и пятое, откроется также и то, что всех тех, которые решаются донести о вышеписанном, или противостанут преступным действиям, благочинные, члены консистории и секретарь теснят, порочат и наконец приближают к гибели, а вместе с тем теснят и тех, которые ведут жизнь строгую, усердную и ревностную по службе. Так точно стеснили меня и даже детей моих до того, что я потерял всякое терпение и возможность к терпению. Сын же мой, кончивший курс учения в псковской семинарии Иван Лебедев, служивший с похвалою от епархиального архиерея в консистории и исправляющий должность столоначальника, подал вон из духовного звания, а зять мой, Псковоградской

Пороменской церкви священник Иоанн Кудрявцев, видя и себя в совершенной опасности, не знает, что с собою делать».¹⁷²

За этим прошением поступило третье прошение Лебедева в св. синод, в котором он, сказав об увеличении им свечной прибыли при Покровской церкви с 70 р. до 200 р. сер., писал, что «если бы епархиальное начальство не теснило тех, которые заботятся о благе общем и церкви, и о умножении свечных доходов, тогда бы каждая церковь в епархии к 70 р. прибавила 130 р.». Но епархиальное начальство, вместо благодарности и награды, разорило его до того, что он должен просить милостыни, он «стеснен и убит в духе до отчаяния; тяжесть креста, который я несу, превышает силы терпения моего. С 1837 года, в девять этих лет, я потерпел убытков и разорения до 5109 р. сер.; сверх того, заслуженных мною еще в 1836 и 1837 гг. 498 р. сер. и 15 коп. по постройке теплой во Пскове соборной церкви епархиальное начальство исходатайствовать мне не хочет, тогда как деньги эти еще в 1838 году отпущены были из казны, но, по распоряжению комиссии построения, с утверждения епархиального архиерея, израсходованы на постройку вместо ремонтной суммы, за нахождением моим тогда в Риге. Стеснения же епархиального начальства ко мне столь тяжки, что 8-го ноября 1843 года весь хлеб ржаной и яровой, в числе 135 четвериков ржи и 135 четвериков овса, приготовленный мною, сыном моим, тогда служившим в консистории и исправлявшим должность столоначальника, и зятем, Пораменской церкви священником, на годовое семейств наших содержание, по распоряжению членов консистории, весь обобран, так, что засеки в амбаре метлою вымели и обыскали все мельницы, нет-ли где нам принадлежащего хлеба. И с того числа по настоящее время, при неурожае хлеба, я должен был и дети покупать для себя хлеб, продавая последнее движимое имущество, необходимое для домашнего обзаведения.

Не довольствуясь таковой мне делаемой теснотой, придумали члены консистории и секретарь оклеветать меня, будто бы я им в присутствии консистории наговорил или наделал, того не зная, 7-го числа декабря 1843 года, дерзостей. Извет этот от тех людей, которых я избличал в

противозаконных действиях и с которыми я с 1837 года постоянно имею судебные дела, принят за достоверный и без следствия; в противность 166 и 169 ст. Устава консисторий, запрещено мне священнодействие, а чтобы еще усилить тесноту мне, определен второй священник к Покровской церкви, которому, вопреки ст. 1494 и 1562 XV т. Св. Зак., дозволено пользоваться половиною денежных моих выгод. Дело это без производства следствия, к вящему обременению меня, передано в псковскую палату уголовного суда, с присовокуплением к нему справки мнимо касавшихся до меня дел. Конечно, бывши невинен совершенно, но еще заслуживая по делам награду и благодарность, я обвинен быть не могу, но тяжко, что разорен и оставлен ожидать решения совершенно без куска хлеба, ибо на бумаге хотя и написано, чтобы я от удержанного за мною при Покровской церкви священнического места пользовался половиною частью доходов денежных от треб и полным жалованием и поземельными вполне выгодами, но, по действиям благочинного и членов консистории, вот уже два месяца не получаю доходов ни одной копейки, а жалования – уже три месяца; о поземельных-же доходах и думать не могу, ибо все мои распоряжения отвергнуты, и пустоши вверены в управление развратным диаконам. Таков у нас издавна в епархии порядок, и он поддерживается; доброе-же, как противное целям членов консистории, опровергается и уничтожается. Следствия-же производятся намеренно не с целью открыть истину и пресечь зло, но чтобы запутать добро и увековечить зло. Против сего-то не порядка 1835 и 1836 годы я боролся, занимая судейский стул в консистории, и тем, услужив епархиальному архиерею, восстановил против себя членов, секретарей и канцелярию консистории, изменяемых в лицах, но не изменяемых в духе и качествах; дела в консистории суть свидетели того, что я пишу истину. Добродетельные и со способностями, подобно мне, ручьями проливают от обид слезы ко Всевышнему, а нередко случается, что слабый в духе, совершивши доброе и получивши за него зло, ослабевает и наконец гибнет.

Я от глубокой горести и сильного стеснения покорнейше осмеливаюсь изъяснить пред св. правительствующим синодом, что я никогда не был хуже членов консистории из белого духовенства. Они хотя и ознаменованы наградами, но не могут никаких своих заслуг поставить на виду – одно лишь время служения и количество занимаемых должностей; но ни время, ни количество должностей чести не приносят человеку, а точное исполнение одной, ознаменованное общею пользою, делает человека, отличнейшим. Пусть они скажут, что они сделали доброго, занимая судейское стулье в консистории и проходя должности? При открытых мною делах и при других фактах, имеющих прийти в явление и при имеющихся уже делах в консистории, архиве и на чердаке под крышею, сила пунктов 13 ст. XV т. Св. Зак. (sic) докажет, что они за люди. К описанному мною довольно одного Порховского уезда Пажеревицкого погоста дел о потворстве расколу и святотатству, а вместе и дурным качествам духовенства. А если присовокупить к тому приемку документов, подделку актов метрических в архиве и самый архив, тогда неосшибочно и непогрешительно могу сказать, что действия членов консистории, секретарей и канцелярии послужат позором для каждого. По клевете сих-то запрещено мне священнодействие и лишен я дневного пропитания...

Я не накопил богатства, держа руки чистыми от лихоимства и от торговли за требы, но для общей пользы прожил все то, что получил от родителей и за женою, изнуряем и разоряем быв членами консистории».¹⁷³

Все эти три прошения не имели никакого полезного результата для Лебедева. Протасов в это время был за границей; должность его исправлял Карасевский, который, по самому своему положению, не мог действовать так, как бы поступил в этом случае Протасов. Синод, воспользовавшись отсутствием своего обер-прокурора, удовольствовался отобранием объяснений от преосвященного Нафанаила по всем обвинениям, взведенным Лебедевым на псковское епархиальное начальство и совершенно успокоился этими объяснениями, в которых доказывалось, что все доносы

Лебедева клевета и ложь, что члены псковской консистории люди самые благонамеренные, что церковь единоверческая совсем не в таком положении, чтобы можно было сожалеть о ней, и что нравственность духовенства в прекрасном состоянии, хотя диакон Образский действительно лично оскорбил архиерея, за что и получил надлежащее вразумление.¹⁷⁴

Напрасно Лебедев подавал снова жалобы обер-прокурору синода и самому синоду на действия епархиального начальства – они были оставлены синодом без действия.¹⁷⁵ Но когда Лебедев узнал, что Протасов возвратился из-за границы, он начал осаждать его своими прошениями. В них в десятый раз он повторял о злоупотреблениях свечною суммою по псковской Покровской церкви и по всей псковской епархии, о распутстве духовенства и о покровительстве, оказываемом консисторией и епархиальным архиереем расколу и святотатству. Протасов взглянул на это дело более серьезно, и в синоде тотчас состоялось определение о посылке в Псков ревизора, для дознания истины описываемых Лебедевым злоупотреблений. С этою целью был командирован ректор астраханской семинарии, архимандрит Аполлинарий, которому предписано было синодом: «а) поверить при псковской Покровской от торга церкви по книгам и документам всю свечную операцию с 1843 по 1845 г., и если обстоятельства потребуют большего розыскания, в таком случае требовать, от кого будет следовать, всех нужных пояснений и самых ответов: б) обратить внимание на состояние прихода-расходных книг нынешнего года при нескольких церквях города Пскова и уезда его в том отношении, все-ли приходы и расходы записываются в оные в свое время, и нет-ли таких, которые пишутся по прошествии уже полугода, а также сами-ли причты церковные оные составляют, или же пишутся инде и благочинными, как доносит священник Лебедев, и на каких условиях».¹⁷⁶ Назначение ревизора поразило и опечалило псковское епархиальное начальство, но воодушевило Лебедева и сделало его еще смелее и красноречивее, – и вот он не замедлил отправить еще три прошения на имя Протасова, синода и даже Государя. В первом он говорит о плачевном состоянии единоверцев во Пскове от

ззорного поведення данного им епархиальним начальством священника, который постоянно пьян, курит табак и выдает, пьяный, метрические свидетельства, а также от потворства епархиального начальства расколу.¹⁷⁷ Во втором прошении Лебедев обвиняет своего архиерея во лжи, называет его клеветником и рабом членов консистории, находящимся от них в такой зависимости, что он против своей воли и своего сознания делает угодное им. «Епархиальный архиерей, пишет Лебедев в этом прошении, неоднократно плакавший пред мною и сознававшийся пред многими сторонними в невольном членами консистории увлечении себя в дело, столь противное закону, в простом, келейном разговоре выражается так: «Мне на горло становятся члены консистории и требуют».¹⁷⁸ В третьем прошении, поданном на имя Государя, уже по приезде ревизора во Псков и по произведении им следствия, Лебедев жалуется, что до сего времени, когда уже «вполне развернулись пред о. ревизором все злоупотребления и обнаружили святотатство, сопровождаемое пьянством в духовенстве и сопряженными с пьянством поступками дерзости до такой степени, что сам о. ревизор не избежал дерзостей, написанных ему на бумаге, и лично оказанного непослушания»,¹⁷⁹ он еще не разрешен в священнослужении и не получил облегчения в своих страданиях.

Обстоятельства, обнаруженные ревизией Аполлинария, были не в пользу псковского епархиального начальства и, по большей части, подтверждали доносы Лебедева. Так, открылось: 1) что из псковской Покровской от торгова церкви покупка и продажа свеч записывались в книги не по известной цене каждого сорта свеч, а по весу, прибыль от свеч показывалась произвольная, а самые книги ведены с отступлением от установленных на то форм. 2) Со времени поступления в эту церковь священника Василия Лебедева, попечением его и принятыми против злоупотреблений мерами, как-то: сделанными 3-го мая замечаниями на шнуровых книгах, составлением акта о накоплении церковных долгов и найденных по церкви беспорядков, допущенных церковным старостою, мещанином Латкиным, и отобранием от него церковного

хозяйства в непосредственное распоряжение священно- и церковнослужителей, свечные доходы значительно увеличилась. 3) Хотя упомянутый акт объявлен был состоявшему тогда в должности благочинного, священнику Александру Лебедеву, но он не принял никаких мер к учету старосты Латвина, книг не поверил и оставил их без засвидетельствования, вопреки 16 пункту старостинской инструкции, по которой он обязан был неотложно поверить их и засвидетельствовать, в каком положении найдено им хозяйство церковное. 4) Приход и расход за октябрь и 17-е ноября записаны в книгах диаконом Арсением Карцовым, без согласия и ведома священника Лебедева, как объяснил сей последний. 5) Между тем, по указу псковской духовной консистории от 17-го того же ноября, опять вверены были старосте Латкину свечи и суммы церковные без всякого их учета, а священник Василий Лебедев, по донесению нынешнего псковского благочинного, протоиерея Пятницкого, о сделанных им на шпуровых книгах замечаниях, предан 20-го мая 1844 года суждению палаты уголовного суда. 6) Причт Покровской церкви со старостою, по показанию священника Лебедева, хотели утаить 30 фунт. огарков, оставшихся к 1-му января 1844 года, и записали оные в приход не прежде, как по обличении их в том Лебедевым. 7) В книгах за 1844 год приходы и расходы писаны несвоевременно, а выручка в январе, феврале и марте того года свечной суммы свидетельствует, что свечная продажа в Покровской церкви была не без злоупотреблений, ибо в январе, феврале и марте 1844 года выручено на свечах 151 руб. 95½ коп. сер., тогда как в те же месяцы предшествовавших лет было только от 27 до 35 руб. 53 коп. сер., да и в 1845 году, как полагает следователь, записано по примеру прежних лет только 27 руб. 62 коп., а с удалением священника Василия Лебедева от должности, с 1-го июня 1844 года, свечные доходы видимо начали упадать и приближаться к доходам предшествовавших лет; в шнуровых-же книгах, коих благочинный, протоиерей Пятницкий, не поверял и оставил без засвидетельствования, замечены разные неверности. 8) При свидетельстве прихода-расходных книг за 1845 год, как по Покровской, так и по другим церквам города

Пскова и уезда его, найдено, что приходы и расходы в них записываются несвоевременно и неверно, а именно: а) по Покровской церкви, кроме вышеупомянутых беспорядков и упущений, открылось, что купленные поступившим вместо Латкина старостою Федотовым в марте месяце 1845 года 2½ пуда свеч ни в приход, ни в расход по книгам не записаны; когда же Федотов узнал, что об этом обстоятельстве сделалось известно следователю, то 1-го июня внес в церковь такое же количество свеч и записал оные по книге; б) по Покровской с пролома церкви книги не были писаны с 1-го января до конца мая; в) по Новоуспенской церкви тоже, в чем можно было удостовериться свежестью письма; г) по Успенской Бутырской тоже; д) по Варлаамовской приходы и расходы записаны неверно и также не в свое время; е) по Богоявленской книги пишутся несвоевременно; ж) по Иоанно-Богословской тоже, и, притом, в расходе значится 314 руб. на покупку колокола, по словесному, будто бы, разрешению преосвященного, но благочинный Пятницкий отозвался о том неведением; з) по Космо-Дамианской – книги, выданные в 1822 году, от давности избились и шнур перетерся, что, однако же, по распоряжению консистории, исправлено, но о сем распоряжении в книгах не отмечено, и огарочного воска ни за один месяц не показано; и) по Дмитриевской кладбищенской церкви книги пишет не причт, а диакон Старовознесенского монастыря Утрецкий, получая за то от старосты церковного по 3 руб. сер. в год; i) по церквам Псковского уезда: 1) по Матвеевской, Негожского погоста, 2) Ильинской, Полонского погоста, и 3) Георгиевской, Рюшского погоста, прихода-расходные книги пишет помощник благочинного Кудрявцева, священник Лебятовского погоста Полипин, с ведома благочинного, по просьбе, будто бы, священнослужителей тех церквей, получая за труды доброхотное их даяние не свыше 3 руб. сер. в год; кроме того, он же, Полипин, пишет книги в погосты: Прудский, Прощанский и Окладнецкий за такую же плату; 4) по Михайло-Архангельской, Рожицкого погоста, книги пишет тамошний дьячок, по приказанию, будто бы, благочинного Кудрявцева, который однако ж сего не подтвердил, и тот же дьячок ведет книги по

Успенской церкви, Савиновского погоста, несмотря на то, что при этой церкви три священника, из коих один окончивший курс наук в семинарии; 5) по Георгиевской церкви, погоста Косина; 6) Георгиевской, погоста Сенина; 7) Ильинской, Вибутского погоста и 8) Христорождественской, Чирского погоста, книги пишутся благочинным псковского кафедрального собора священником Васильевым, по просьбе, будто бы, причтов и старост тех церквей, с получением за труды от старост по их усердию; 9) по Петропавловской церкви, Сиретинского погоста, книги пишутся несвоевременно и по многим статьям расхода нет расписок получателей и самого благочинного Раевского; 10) по Николаевской, Устиновского погоста, также нет расписок получателей на 123 руб. сер., в том числе и самого благочинного Раевского в получении им 64 руб. 60 коп. сер.; 11) по Миновской церкви, Кусовского погоста, продажа свеч во всех месяцах 1844 г. по июнь месяц 1845 года записана в каждой по равной части, чего действительно быть не может и потому падает подозрение на злоупотребления церковного причта и старосты; благочинный же сей церкви Раевский ведет жизнь нетрезвую и даже по вызову следователя являлся к нему несвоевременно и, притом, не совсем в исправном виде; 12) по Николаевской церкви, Таиловского погоста, книги пишет местный священник Малиновский; но при освидетельствовании оных 2-го июня 1845 года оказалось, что приходы и расходы писаны в них недавно, начиная с 1-го января того года и, притом, наугад, по соображению с прежними годами, ибо за июнь месяц, только что тогда наступивший, приходы и расходы были уже написаны и засвидетельствованы всем причтом и церковным старостою; в расходной книге нет расписок получателей за все время с 1-го января 1845 года и при сличении книг с наличностью найдено свеч и денег более, чем по книгам значится.¹⁸⁰ Синод, по рассмотрении ревизия Аполлинария, вменил псковскому епархиальному начальству: 1) чтобы оно строго и непременно приказало всем причтам и старостам церковным вести отчетность по свечной операции и вообще по церковному хозяйству на точном основании старостинской инструкции и особо установленных для сего

правил и форм, а высылку денег за проданные свечи, равно и поверку самых свеч и сумм производить неотложно в свое время и с точностью записывать все в приходо-расходные книги; консистории же иметь за сим неослабное наблюдение. 2) Благочинным воспретить заниматься письмоводством по церквам, вверенным их надзору с подтверждением, дабы они сколь возможно чаще производили ревизию книг о свечном сборе, поверяя в тоже время при священно- и церковнослужителях и при старостах со всею точностью счет денег и воска и о последствиях такой поверки каждый раз собственноручно делали надписи на книгах, со строгою в противном случае за неисполнение сего ответственностью. 3) Обязать благочинных после каждой такой поверки доносить консистории о том, что найдено ими будет при осмотре вверенных им церквей, дабы в случае открытия неисправностей или злоупотреблений, могли быть в тоже время приняты нужные меры к прекращению оных. 4) Как обнаружено, что выдаваемые церквам свечные шпуровые книги в свое время не поверялись, а некоторые и вовсе не свидетельствовались, то возложить на обязанность консистории строго и неослабно наблюдать, дабы как поверка, так и свидетельство сих книг производимы были неопустительно и о последствиях того и другого составлялись надлежащие акты. 5) Обстоятельства об усмотренных неверностях в шпуровых свечных книгах предоставить хозяйственному управлению при св. синоде принять в соображение при ревизии свечных отчетов. Притом св. синод предписал сделать учет бывшему старосте псковской Покровской церкви, мещанину Латкину, за время его службы, для обнаружения изъясненного в акте священника Василия Лебедева злоупотребления, а также преемнику Латкина, купцу Федотову. Действия причта и старосты Николаевской Таиловской церкви, по которой приходы и расходы писались вперед наугад, по соображению с свечными книгами прежних лет, синод подвергнул особому рассмотрению консистории, с тем чтобы о последствиях этого рассмотрения было донесено св. синоду. С причта и старосты Богословской церкви, употребивших без дозволения начальства из свечной суммы

314 руб. сер. на покупку колокола, а равно с благочинного Пятницкого, допустившего такое самоуправство в распоряжении церковным достоянием, по слабости надзора за вверенными ему церквами, синод полагал взыскать эту сумму. Поступок благочинного Александра Лебедева, который, зная о делах и непорядках по церкви Покровской, обнаруженных священником Василием Лебедевым, из акта 3-го мая 1843 года об освидетельствовании сумм и свеч церковных, никакого учета старосте Латкину не делал и даже по окончании первой половины того года книг прихода-расходных не поверял и оставил их без засвидетельствования, св. синод поручил рассмотрению псковского епархиального начальства, с тем, чтобы о последующем донесено было ему. Благочинный Пятницкий был удален св. синодом от благочиннической должности, как изобличенный по следствию в слабом смотреии за ведением отчетности о свечных деньгах по вверенному ему благочинию, в явном и предосудительном упущении лежащих на нем обязанностей, и как неблагонадежный. Мало того: Пятницкого велено было устранить даже от присутствия в консистории в продолжение всего того времени, как псковская консистория будет рассматривать и обсуждать поступки церковных старост и причтов по замеченным по благочинию Пятницкого беспорядкам и упущениям. Благочинный Раевский, оказавшийся по следствию неисправным в отправлении лежащих на нем обязанностей и замеченный лично производившим ревизию, архимандритом Аполлинарием, нетрезвым, был также удален синодом от должности благочинного. Псковской консистории было поставлено на вид слабое смотрение её вообще за благочинными, а в особенности неразборчивость её при назначении неблагонадежных лиц в эти должности, а за то, что она в своих определениях неправильно обвиняла священника Лебедева, сделан строгий выговор. Что же касается самого Лебедева, то хотя он был объявлен невинным по настоящему делу, но ему было сделано замечание за надпись на шнуровых книгах. Просьба-же его о разрешении ему священнослужения

оставлена без удовлетворения до окончания о нем в гражданском ведомстве дел.¹⁸¹

Хотя в синодском указе не заключалось прямого выговора архиерею и синод, по-видимому, не затрагивал его, но у Нафанаила было на столько догадливости, чтобы понять, как много этот указ содержал в себе намеков, прямо относившихся к нему, и каким обличением служило ему это молчание. Нафанаил был не в состоянии сдержать своего гнева и поторопился излить его, по-видимому, на ревизоре, а в сущности на синоде, назначившем такого ревизора. «Я не могу думать, писал Нафанаил синоду, по получении им упомянутого указа, чтобы следователь сам от себя решился вымышлять и писать ложь, столь очевидную; здесь должна быть шутка над лежковерием его, может быть, тем же кляузником Лебедевым сыгранная... Неприятнее всего то, что следователь обнес пред св. синодом доброго и почтенного священнослужителя, бывшего благочинным, Раевского, написав в донесении своем, что Раевский явился к нему в нетрезвом виде. Следователь сделал такое заключение о священнике Раевском, как сам он в тот же день изъяснился протоиерею кафедральному, потому единственно, что Раевский при явке к нему трясся и насилу говорил (это подлинные слова следвателя), впрочем винного запаху от него не слышал. Надобно знать, что священник Раевский, при отлично хороших качествах и способностях, человек чрезвычайно робкий и притом косноязычен. Он каждый раз, как является и ко мне, трясется и, по косноязычию, с трудом объясняется. Но отец следователь, видно, еще не научился отличать природных недостатков от нравственных слабостей.

Ревизия более строгая и более умная, без сомнения, была бы гораздо полезнее и раскрыла бы дело в лучшем виде, нежели ревизия столь поверхностная, сопровождающаяся одними лишь огорчениями людей честных и заслуженных, которых честь теперь должна страдать невинно».¹⁸²

Ревизия Аполлинария не только не исправила зла, но еще более ожесточила Нафанаила и псковскую консисторию. Синодский указ как бы намеренно не исполняли. Псковское

епархиальное начальство ничего не предпринимало для пресечения тех злоупотреблений, о которых было доведено до сведения синода, и не стыдилось даже делать явный подлог. Так, напр., благочинный Пятницкий, который долженствовал быть удален от должности по синодальному указу, псковским епархиальным начальством был уволен по его прошению, в то самое время, когда уже получен был синодский указ об его удалении; в консисторию на место Пятницкого назначили соборного священника Иоанна Васильева, изобличенного по ревизии архимандрита Аполлинария в беспорядках по церковному хозяйству. Церковное воровство продолжалось по-прежнему. Так, Лебедев доносил, что «протоиерей Кудрявцев под предлогом обветшания и изменения многих церковных вещей, выпросив позволение переменить описи, украл много серебра, камней и жемчугу и даже самых икон. Жемчуг протоиерей Кудрявцев показал проданным за 10 руб. серебром, тогда как того невозможно было продать и за 800 руб. серебром. Иконы Кудрявцев показал отданными в псковскую единоверческую церковь, но туда ни одна икона не поступала».¹⁸³ Кроме того, Лебедев никак не соглашался допустить кого-либо из членов псковской консистории произвести учет мещанину Латкину, «потому что все занимающие судейские стулья в псковской консистории суть те лица, которые, ясно видев виновность Латкина, его оправдали, а Лебедева обвинили; начет на Латкина, им оглашенный, оставили не приведенным в ясность и намеренно своевременного учета не произвели».¹⁸⁴ Синод поражен был тою наглостью, с которою псковское епархиальное начальство обращалось с его указом, а потому он перестал церемониться с Нафанаилом: назначен был новый ревизор для нового исследования справедливости жалоб Лебедева, «доказывающего очевидными фактами разные неправильные действия членов псковской консистории, а также для дознания справедливости возражений преосвященного псковского против произведенного архимандритом Аполлинарием следствия, требующих, впрочем, точнейшего и ближайшего удостоверения в справедливости оных». Новый ревизор был ректор

черниговской семинарии Симеон, которому синод приказал обратить строгое внимание на порядок производства и на решение по консистории дел о беспорядке по свечной продаже, а также касающихся священника Лебедева.¹⁸⁵ Синод, извещая Нафанаила о назначении новой ревизии, в тоже время сделал ему замечание за то, что он определил членом консистории на место протоиерея Пятницкого священника Иоанна Васильева, прикосновенного к делу о беспорядках по свечной продаже, и предписал ему устранить последнего от присутствования в консистории. Далее, в этом же указе синод писал, что «он не может оставить без внимания оскорбительные для архимандрита Аполлинария объяснения преосвященного псковского в рапорте от 24-го октября за № 38, а потому, заметив и сие преосвященному, предписать ему, чтобы он на будущее время в донесениях своих высшему начальству соблюдал должное приличие».¹⁸⁶ Ревизия архимандрита Симеона вполне подтвердила донос Лебедева. Пятницкий действительно был уволен, по прошению, уже по получении синодального указа об удалении его от должности. «При рассмотрении дела об увольнении Пятницкого от должности благочинного, усмотрено было мною, писал ревизор, что Пятницкий уволен 22-го сентября, в самое число, коим помечен указ св. синода об удалении его от должности».¹⁸⁷ Злоупотребления по свечной продаже существовали по-прежнему и, при рассмотрении 20-ти прихода-расходных книг, найдено ревизором, что: 1) запись восковых свеч производится не однообразно, вопреки синодскому указу от 12-го сентября 1847 года. 2) Благочинные не производят ревизии церковных книг, а потому в них найдено много неисправностей, опущений и даже злоупотреблений; священники даже не имели копии с синодального указа от 12-го сентября 1847 года. 3) Священники и старосты, объясняя малозначительность свечной выручки, жаловались на продажу свеч в раздробь, производимую во Пскове псковским мещанином Федором Барзовым. 4) Сам кафедральный протоиерей самовольно взял на себя должность соборного церковного старосты, выдавал крестьянам и звонарям жалование за свечную продажу и кошелевый сбор и

дозволял женщинам продажу в часовнях свеч с выдачею им за это десятого процента с рубля. 5) Псковская консистория, имея в делах своих донесение Знаменского от 4-го октября 1839 года о злоупотреблениях соборного старосты купца Смоленского и получив в начале 1841 года донесение того же Знаменского об усердном и ревностном прохождении означенным Смоленским в течении 9-ти лет сряду старостинской должности с ощутительною пользою для церкви, вошла в синод с представлением об исходатайствовании Смоленскому награды. 6) Та же консистория делала распоряжение о собрании денег со всех церквей псковской епархии на доставку св. мира. 7) При рассмотрении рапортов причта и старосты Космо-Дамианской церкви о перемене в 1837 и 1844 годах описей церковного имущества, консистория не произвела надлежащей проверки новых описей и несправедливо заключила, что из старой описи и реестра прибылого имущества внесены в новую опись все вещи, а против тех, которые не внесены по ветхости, сделаны надлежащие отметки, между тем как таковых отметок, особенно на описи 1837 года, совершенно нет, и из старых описей не внесено в новые много вещей с богатыми украшениями, хранящихся в кладовой. 8) По делу о неблагонадежных поступках пономаря Кудрявцева, консистория оставила без внимания, что последний изобличал сторожа Степанова с женою в продаже церковных свеч и в высыпке свечных денег из ящиков, что подтвердили священник и староста. 9) Протоиерей Знаменский изобличается в недобросовестности, как дозволивший себе сделать епархиальному начальству о бывшем церковном старосте два донесения, совершенно противоречащие одно другому. 10) Протоиерей Кудрявцев, находясь при Космо-Дамианской церкви, допустил, при перемене в ней описей церковного имущества, совершенные беспорядки, не внося в новую опись много вещей с драгоценными украшениями, позволял себе продажу церковного серебра и переделку оного на разные вещи без разрешения епархиального начальства и тем обнаружил самоуправство в распоряжении церковною собственностью,

навлекая на себя по разным допущенным при сем случае действиям даже подозрение в расхищении.¹⁸⁸

Еще архимандрит Симеон не кончил своей ревизии, как новое обстоятельство, случившееся с Лебедевым, возбудило в Протасове и синоде особенное участие к его судьбе и нерасположение к действиям псковского епархиального начальства: получено было официальное извещение в синоде, что Лебедев 7-го февраля 1847 года заключен, по определению палаты уголовного суда, в псковской тюремный замок. Обстоятельство это поразило синод и раздражило Протасова. Псковская палата уголовного суда нашла Лебедева виновным в дерзостях и грубостях против епархиального начальства, в неповиновении законной власти и в произнесении ругательств в присутствии консистории на членов её, за что, на основании 156, 292, 298, 309, 310, 312, 365 и 424 ст. Уложения о наказаниях, определила, лишив всех прав состояния, сослать его в Сибирь на поселение. Начальник Псковской губернии, представляя дело о Лебедеве на ревизию сената, в рапорте своем смягчил жестокость приговора палаты таким образом: «лишив Лебедева всех особенных, личных и по состоянию присвоенных ему прав, сослать на житие в Томскую или Тобольскую губернию».¹⁸⁹ Таким образом Лебедев, как уголовный преступник, попал в тюрьму. Синод, подвигнутый состраданием к нему, признал распоряжение псковской консистории о предании его уголовному суду неправильным и недействительным, во-первых, потому что все взводимые на него преступления, если бы они даже были и доказаны, не подходят ни к одному из случаев, подвергающих лиц духовного звания светскому суду; во-вторых, потому что главнейший факт, на котором основаны взводимые на Лебедева обвинения, есть журнальное постановление псковской консистории 7-го декабря 1843 года, в коем описаны противозаконные поступки Лебедева, оказанные им в присутствии консистории, в чем он, впрочем, не сознался и достаточным образом законно не уличен, а напротив, наводя со своей стороны, сомнение на своевременное и правильное составление означенной журнальной статьи консистории, указывает в ней разные

упущения, лишаящие, по мнению его, документ сей законной силы. Протасов заключение синода, довел до сведения сената и просил его распоряжения, чтобы дело о Лебедеве, производившееся в гражданском ведомстве, как возникшее от неправильного распоряжения консистории, было предоставлено по принадлежности дальнейшему рассмотрению св. синода, сам же Лебедев был передан по-прежнему в епархиальное ведомство.¹⁹⁰ За этим последовали запросы от синода псковской консистории, по каким уважениям она, вопреки 158 ст. Уст. консист., подвергла Лебедева суду гражданского ведомства. Нафанаил на эти запросы взялся сам отвечать синоду за консисторию. В рапорте своем синоду от 29-го ноября 1848 года он объяснял, что священник Лебедев предан светскому суду на основании 3-го пункта 159 ст. Устава духовных консисторий, где сказано, что лица духовного звания подлежат светскому суду в тяжких уголовных преступлениях. Поступок Лебедева, который в присутствии консистории, отказываясь от дачи ответов, с крайнею наглостью и криком неоднократно называл членов и секретаря консистории покровителями воров и святотатцев, консистория могла счесть, так как и он сам, по крайнему своему разумению закона, счел, принадлежащим к тяжким уголовным преступлениям, сообразуясь особенно с мерою наказания, за поступки такого рода законом определяемую. Ибо в 309 ст. Улож. о наказ. уголовн., изд. 1845 года, между прочим, изображено: «Если кто до такой дерзости дойдет, что в присутственном месте дозволит себе ругательства на присутствие или составляющих оное членов, таковой подвергается ссылке в Сибирь на поселение, с лишением всех прав состояния, а буде по закону не изъят от телесного наказания, и наказанию плетьюми чрез палачей».¹⁹¹

Синод, не обращая внимания на отзыв Нафанаила, снова предписал уже ему самому представить подробное объяснение: по каким уважениям псковская консистория, вопреки 158 ст. Устава духовных консисторий, подвергла священника Лебедева суду гражданского ведомства; были-ли предварительно со стороны епархиального начальства приняты надлежащие меры для обращения его к долгу подчиненности, и по какому поводу

преосвященный в своем донесении, в основание распоряжения епархиального начальства о предании Лебедева уголовному суду, ссылается на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, тогда как это уложение издано уже после означенного распоряжения, учиненного еще в июне месяце 1845 года.¹⁹² Это предписание до того обидело Нафанаила, что он в рапорте своем синоду на предложенные ему вопросы отвечал, что «как о ругательствах Лебедева в присутствии консистории, так и о предании его по сему случаю уголовному суду в свое время было им доносимо св. синоду и донесение сие принято св. синодом без всякого замечания».¹⁹³ В этих словах преосвященного псковского слышится не только упрек синоду, но и ирония над его опрометчивостью, несамостоятельностью и шаткостью мнений и убеждений. Такие объяснения естественно должны были еще более раздражить Протасова, вследствие настояний которого синод опять потребовал у Нафанаила и псковской консистории, чтобы они, независимо от прежних объяснений, доставили новое: по каким уважениям, вопреки 158 ст. Устава духовных консисторий, подвергли Лебедева суду гражданского ведомства?¹⁹⁴ После того как вопрос уже был поставлен так категорически, ответ на него сделался невозможным. Нафанаил и консистория замолчали. Тогда последовал из синода грозный указ, в котором высказано много горького и колкого для Нафанаила. «Святейший синод, говорится в этом указе, рассмотрев в подробности дело, совокупно с истребованными от псковской консистории объяснениями о причинах и основаниях, по коим священник Лебедев подвергнут был уголовному суду, находит: 1) что, на основании примеч. к 888 ст. Св. Зак. и 158 ст. Устава духовных консисторий, все лица духовного звания за проступки и преступления против должности, благочиния и благоповедения подлежать суду епархиального начальства, и потому псковская консистория, для обращения священника Лебедева к своему долгу, обязана была употребить меры исправления и взыскания, указанные в 187 ст. того же устава; но в отношении к Лебедеву правило сие не исполнено, ибо он подвергнут был лишь выговору и потом запрещению в священнослужении, а за сим

предан уголовному суду, тогда как епархиальное начальство имело возможность принять для вразумления Лебедева более строгие меры, в вышеприведенной статье Устава духовных консисторий поименованные; 2) что если консистория приписываемые Лебедеву противозаконные действия признавала подлежащими уголовному суду, то и в таком случае, на основании 160 ст. Устава, первоначальное исследование должно было произвести в духовном ведомстве порядком, установленным в законах; но и сие правило не исполнено, и Лебедев предан уголовному суду без производства в духовном ведомстве означенного исследования; 3) что по существу самого дела о священнике Лебедеве, главнейшим фактом к обвинению его представляется выставленный консисторией 7-го декабря 1843 года журнал, в котором описаны дерзкие выражения, произнесенные Лебедевым в присутствии консистории; но акт сей не может быть принят за неопровержимое доказательство к совершенному обвинению подсудимого в приписываемых ему поступках; ибо Лебедев, не сознаваясь в таковых поступках, в объяснениях своих наводит сомнение на своевременное и правильное составление означенной журнальной статьи консистории и указывает в ней разные упущения, лишаящие, по мнению его, документ сей законной силы; сторонних же свидетелей к изобличению Лебедева по делу никого не указано, а на членов и секретаря консистории, участвовавших в составлении помянутого журнала, Лебедев объявляет подозрение, изъясняя, что они извели на него обвинения из личного к нему неудовольствия за открываемые им злоупотребления по продаже в псковской епархии церковных свеч, о чем по доносам его, Лебедева, производится в св. синоде особое дело; 4) что взводимые на Лебедева обвинения в упущениях по церковным приходо-расходным книгам восходили уже на рассмотрение св. синода и, по определению оногo, последовавшему в июле месяце 1847 года, он от суда по сему предмету освобожден. Из всего вышеизложенного открывается, что псковская консистория, как уже признано и правительствующим сенатом, неправильно предала Лебедева уголовному суду за такие поступки, которые

подлежали суждению духовного начальства, и чрез то подвергла его крайнему стеснению; но, с другой стороны, и сам Лебедев, в раздражении своем считая себя утесняемым за ревность его к открытию злоупотреблений, вышел из границ должного приличия и послушания местному своему начальству и в данных им уголовной палате на бумаге объяснениях дозволил себе употребить дерзкие выражения, оскорбляющие начальствующих над ним лиц и строго воспрещаемые законами. Св. синод, сообразив все сии обстоятельства и имея в виду, что Лебедев постоянно остается недоволен всеми распоряжениями об нем епархиального начальства и, почитая себя утесненным, отказывается от выполнения требований оногo, а потому дальнейшее оставление Лебедева в псковской епархии представляется неудобным, определяет: 1) членам псковской консистории, подписавшим неправильное и несогласное с законами определение о предании священника Василия Лебедева уголовному суду, имевшее последствием для него стеснение и заключение в тюремном замке, сделать строжайший выговор со внушением, чтобы на будущее время в действиях своих были осмотрительнее и соблюдали в точности преподанные в руководство правила; 2) по оглашению Лебедева, в неуважительном обращении в присутствии консистории и произнесении оскорбительных слов к членам её, за неимением в виду твердых доказательств к обвинению его в таковых действиях, оставить по сему предмету в подозрении, а за помещение им в данных уголовной палате объяснениях дерзких выражений на счет начальствующих над ним лиц, вменить ему в наказание бытность его под запрещением священнослужения, под судом и содержание в течении 9 месяцев в тюремном заключении, внушив, притом, ему, чтобы впредь не выходил из повиновения установленной власти и не позволял себе поступков, запрещаемых законами, под опасением строжайшей ответственности; и 3) как дальнейшее пребывание Лебедева в псковской епархии при настоящих обстоятельствах оказывается несовместным, то перевести его в тверскую епархию, предоставив тамошнему преосвященному дать ему священническое место по своему усмотрению».¹⁹⁵

Но Лебедев, на зло Нафанаилу, не думал ехать в тверскую епархию; он послал прошение к Протасову, в котором умолял его ходатайствовать пред св. синодом, чтобы ему было позволено, по болезненному его состоянию, остаться в Пскове заштатным священником, с правом отправлять богослужение, когда позволит ему его здоровье. «Не состоя в кругу действительной службы, писал он Протасову, я не буду видеть того, о чем я прежде писал вашему сиятельству; не буду иметь обязанности и видею ответственность за молчание, но буду иметь насущный кусок хлеба. В случае же совершенного лишения зрения, которым угрожает мне постоянная болезнь головы моей и частые припадки, нередко отнимающие всю возможность к зрению и даже при посредстве стекол, – угол, на часть мою доставшийся в доме родителя моего, будет мне приютом, а кусок хлеба и чаша студеной воды, поданные мне и жене моей детьми моими, будут мне наградой тех праведных трудов моих, бескорыстной ревности и усердия моего, с которыми я, при строгой моей и безукоризненной жизни, в продолжении 33 лет трудился для пользы церкви, епархии и ближнего, и в трудах тех потерял здоровье, зрение и самую честь, едва удержав сан, 30 лет носимый и честно охраняемый мною».¹⁹⁶ Синод, по предложению Протасова, согласился на просьбу Лебедева. Это обстоятельство не только раздражило Нафанаила, но и сделало его больным, а слухи, дошедшие до него из Петербурга, что результат и второй ревизии будет так же неблагоприятен ему, как и первой, окончательно сложили его в постель. Оставалось, впрочем, еще средство успокоить себя и помириться с Протасовым, именно: выдать головою своих любимцев, особенно Знаменского. На этот единственно возможный способ примирения делаемы были намеки из Петербурга; прибегнуть к этому средству советовали Нафанаилу и ректор псковской семинарии архимандрит Антоний, и секретарь псковской консистории Алякринский, но преосвященный, считая предательством оставить своих любимцев в самую критическую для них минуту, отвечал на предложение вышеозначенных лиц, что он уже слишком далеко зашел, что ему трудно вернуться и что он решился до конца вытерпеть мучения. Между тем,

Нафанаил стал страдать бессонницею, у него начали появляться частые приливы крови к голове, и хотя в августе 1849 года пустили ему кровь из руки, но это ни мало не облегчило его страданий; напротив, через несколько дней после кровопускания он почувствовал сильную лихорадку и давление под ложечкой. В последних числах августа, ведомый под руки, он вышел в свой сад; во время этой прогулки был очень разговорчив с окружающими его, но в словах больного архипастыря уже слышалось предчувствие близкой смерти и другой жизни. Любуясь зрелостью и красотой плодов, он сказал: «Все это хорошо только на время, и ничто в здешнем мире не стоит постоянной привязанности, и самая настоящая жизнь не стоит того, чтобы жить для неё одной», и потом, взглянув на солнце, прибавил: «и я скоро приближусь к тебе». Через два дня после этого, в 10 часов утра, страшная агония овладела им и после получасового борения с жизнью он скончался.¹⁹⁷

Результаты второй ревизии узнал не Нафанаил, но его преемник, которому пришлось быть свидетелем кары, постигшей любимцев Нафанаила, и слышать, что доносы Лебедева на клевета, а правда. Вследствие этой ревизии, синод определил: 1) предписать преосвященному Платону, управлявшему тогда псковской епархией, о подтверждении всем причтам и старостам церквей, чтобы отчетность по свечной операции и вообще по церковному хозяйству ведена была на точном основании старостинской инструкции и особо установленных для сего правил и форм, а выписка денег за проданные свечи, равно как и поверка самых свеч и сумм производилась непременно в свое время и с точностью записывалось все в приходо-расходные книги, за чем консистории иметь неослабное наблюдение; 2) подтвердить благочинным, чтобы они ни под каким предлогом не занимались письмоводством по церквам, вверенным их надзору, но сколь возможно чаще производили ревизии книг о свечном сборе, поверяя в тоже время при священно- и церковнослужителях и при старостах со всею точностью счет денег и воска и о последствиях таковой поверки каждый раз собственноручно делали надписи на книгах; о том же, что ими будет найдено при

осмотре вверенных им церквей, доносили без малейшего отлагательства консистории, дабы, в случае открытия каких-либо неисправностей или злоупотреблений, можно было своевременно принять нужные меры к отвращению оных. При сем предварить благочинных, что в случае несоблюдения с их стороны вышепрописанного порядка, все могущие произойти упущения останутся на непосредственной их ответственности;¹⁹⁸ 3) протоиереев: Знаменского и Кудрявцева, употреблявших во зло доверие к ним епархиального начальства и дозволивших себе действия, превышающие права предоставленной им власти, с обнаружением, притом, своей неблагонадежности, от присутствия в консистории удалить, предоставив преосвященному Платону на место их избрать других, благонадежных членов и об утверждении их представить св. синоду; а между тем, обратить бдительное внимание на порядок производства дел в псковской консистории и принять зависящие от него законные меры к приведению оной в надлежащее устройство; 4) поручить консистории в новом составе войти в рассмотрение обстоятельства относительно увольнения протоиерея Пятницкого от благочиннической должности, по прошению, в то время, как уже получен был указ св. синода об удалении его от означенной должности и, постановив по сему предмету определение на законном основании, представить св. синоду.¹⁹⁹ Действие этого указа на псковское епархиальное начальство и на все духовенство было подобно действию пронесшегося урагана. Духовенство, более или менее причастное к тем же злоупотреблениям, в каких были обвинены некоторые из членов консистории и из священников, начало действовать законнее, из боязни, чтобы и его не постигло достойное наказание. Для него в это время и смерть Нафанаила казалась каким-то многознаменательным явлением, хотя, в сущности, она служила примирительною жертвою. С преемником его, Платоном, у Протасова не было угловатых отношений; напротив, он имел особенные побуждения ласкать его и ему угождать, потому что Платон, находившийся в весьма хороших отношениях к князю Суворову и рекомендованный им с отличной стороны Государю, был удостоен аудиенции и

произвел на Императора Николая I самое выгодное впечатление. Теперь Протасову уже более не был нужен тот человек, который послужил для него таким прекрасным орудием к раскрытию беспорядков псковского епархиального начальства и к его наказанию; Лебедеву следовало бы молчать, но он опять заговорил. Впрочем, к своим новым доносам он был подвигнут поступками Платона. Преемнику Нафанаила было неприятно иметь вблизи себя такого неугомонного и страшного цензора епархиального начальства, каков был Лебедев, и он, воспользовавшись тем обстоятельством, что Лебедев посредством Протасова домогался получить штатное священническое место при псковской Никитской церкви, донес синоду, что «самое это домогательство Лебедева ясно показывает, что болезнь, по которой Лебедев получил дозволение остаться в псковской епархии за штатом, была временною, от которой он теперь выздоровел, или послужила ему только предлогом испросить дозволение остаться в псковской епархии, вопреки определению св. синода о перемещении его в тверскую. Но, оставаясь в псковской епархии и вне штата, он, Лебедев, вреден для сей епархии, ибо наущением и составлением несправедливых просьб производит расстройство в епархии, возбуждает непокорность епархиальному начальству и вместе подает повод к напрасному производству таких дел, которые отнимают только время от других полезнейших занятий, навлекают нареkanie на духовенство и унижают начальство».²⁰⁰ В доказательство того, что Лебедев действительно занимается составлением бумаг для других, Платон приложил при своем рапорте черновые просьбы, писанные рукою Лебедева, от имени торопецкого священника Воздвиженского, столоначальника консистории Протопопова и бывшего славковского диакона Косьмы Семенова, а также привел отзыв о Лебедеве благочинного Кунинского,²⁰¹ который, несмотря на близкое родство с Лебедевым, отзывался о нем в клировых ведомостях за 1852 год следующим образом: «Трезв, но неблагодарен бывает к ближним, и не только имеет страсть судить и осуждать других, но и способствовать другим к сутяжничеству».²⁰² Кроме явного

покровительства Платона протоиереям Знаменскому, Кудрявцеву и Пятницкому, открытым врагам Лебедева, его особенно оскорбило еще то обстоятельство, что преосвященный, неизвестно по какому побуждению и для какой цели, начал производить полуофициальное дознание о том, действительно-ли отец Лебедева, бывший священник Гавриил Бурижский, был священником и имел истинное рукоположение.²⁰³ Представление преосвященного Платона, к довершению несчастья Лебедева, было уважено синодом, который велел переместить его в тверскую епархию, а вместе с тем предписал тверскому архиепископу послать его, немедленно по прибытии в Тверь, в монастырь на месяц, для обращения его к долгу подчиненности, а затем дать ему священническое место, по своему усмотрению, с учреждением за ним особого надзора чрез благочинного.²⁰⁴ Когда Лебедеву было объявлено это определение синода, то он, по-видимому, принял его равнодушно и даже говорил, что ему очень приятно быть перемещенным в тверскую епархию, потому что три рубля в месяц он везде получить может, но тут же, впрочем, объявил, что ранее первых чисел ноября (синодальный указ о перемещении Лебедева в Тверь послан был 16-го сентября 1853 года) он из Пскова выехать не может, как потому, что имеет обзаведение, которое должен продать, так и потому, что нужно заняться изготовлением теплой одежды для себя и жены. Когда же наступил срок выезда, то Лебедев, несмотря на то, что уже получил паспорт, не поехал в Тверь и на понуждения консистории, являсь в неё, подал объяснение, что не может отправиться из Пскова, во 1-х, потому, что паспорт и указ, полученные им 6-го ноября, он, при особом прошении, препроводил к обер-прокурору св. синода, а во 2-х, потому, что перевод свой в тверскую епархию, сделанный по одному голословному домогательству архиерея, признает для себя весьма стеснительным и за несостоявшуюся продажей дома невозможным к исполнению, и что обо всем этом он послал 10-го ноября всеподданнейшее на четырех листах Его Императорскому Величеству прошение.²⁰⁵ Чтобы выслать Лебедева из Пскова, Платон даже готов был прибегнуть к

полицейским мерам и испрашивал на то позволение у синода, который, в ответ, прислал указ, извещавший архиерея, что, по случаю порученного св. синодом архимандриту Софонии исследования по новым доносам Лебедева о разных беспорядках и злоупотреблениях в псковской епархии, священник Лебедев должен оставаться в городе Пскове впредь до окончания сего дела и дальнейшего о нем распоряжения.²⁰⁶ Лебедев в своих доносах Государю и Протасову писал, между прочим, следующее: 1) «С самого вступления Платона в управление псковской епархией, употреблены и употребляются все усилия к тому, чтобы проект его о свечной продаже не возымел действия и, чтобы доходы свечные не могли с 10.000 возвыситься на 135.000 руб. сер.; 2) Платон ходатайствует о восстановлении чести протоиереев Знаменского и Кудрявцева, обвиненных синодом в важных преступлениях, и облагодетельствовал всех виновных в расхищении сумм из духовной консистории; 3) попустил в церквах епархии церковным старостам открыто злоупотреблять должностью и расхищать церковные и свечные доходы, ни малейшего не обращая внимания не только на дела, возникающие о сем, но даже жестоко стесняя и преследуя открывающих такие дела священно- и церковнослужителей; а потому дела такого рода в псковской духовной консистории решительно все лежат без решения и указы св. синода без исполнения. 5) Торжественно попустил пьянство в духовенстве псковской епархии, усилившееся до того, что во время проездов его по епархии свита его небоязненно и безнаказанно производит буйства и драки. Настоятели двух монастырей: великолукского Небина и опочецкого Святогорского, записали в монастырские экономические книги на расход, первый 30 р. сер., а второй 49 р., употребленных на вина, при угощении его преосвященства во время обзора епархии и монастырей. После таких проездов по епархии, сильно зараженной расколом, остаются впечатления, крайне плачевные для церкви. Раскольники при беседах со мною обливаются слезами о том, что не причащаются св. Христовых Таин, но не идут ни в православную, ни в единоверческую церковь, потому что не

видят к себе любви апостольской и трезвости в духовенстве. – Для обращения раскола необходимы не строгость и крутые меры, но любовь и бескорыстие... 6) Духовенство псковской епархии, сколько от испорченной нравственности, а более из отчаяния, предалось пьянству до такой степени, что священник, совершенно пьяный, решается служить даже божественную литургию, и горе тому, кто осмелится о сем донести; ибо пьянство, состоя под покровительством, признается болезнью. Словом, духовенство псковской епархии, не говоря о младшем, но даже и старшее злоупотреблением власти псковского епархиального начальства доведено до такого положения, что один из членов консистории, священник Цвинев, 31-го числа декабря 1851 года, в объяснении его преосвященству написал, что если и член консистории не хочет прослыть ябедником и клеветником и подвергнуться за то ответственности, лишиться чести присутствовать в консистории, лишиться даже честного имени, то чтобы ни видел противное закону, о всем должен, скрепя сердце, молчать. 7) Стесняются священники честные и прикрываются развратные; так, например, священник, чрез распутную жизнь впавший в венерическую болезнь, обезображенный ею, в нетрезвом виде совершавший божественную литургию, падавший при совершении божественной литургии и оставивший её без окончания, при пристрастном донесении епархиального начальства, вышел оправдан в св. синоде, а донесший о таковом пьянстве священник подвергся четырехмесячному подначалию. Это обстоятельство тем замечательнее, что оба священника: Орлов и Щекин, находясь в пригороде Изборске, по частому проезду его преосвященства чрез Изборск, известны лично его преосвященству, известна и самая нетрезвость Орлова... Священник Раевский, удаленный св. синодом от должности благочинного за пьянство и беспорядки по церквам, его смотрению вверенным, а сверх того уличаемый кучером архиерейского дома Никитою Алексеевым в держании зазорного поведения девиц в архиерейском доме и его собственном, его преосвященством утвержден депутатом в псковскую палату гражданского суда и определен к церкви Никитской во Пскове, а

потом перемещен в город Опочку к Покровской церкви. 8) Ныне, в день Богоявления Господня, диакон, исправляющий должность иподиакона и живущий в доме архиерейском, Павел Троицкий, до того был пьян, что, облачая его преосвященство к божественной литургии в соборе кафедральном, едва не сбил с ног самого архиерея, и к чтению Евангелия до того расслаб, что начал видимо падать, и архиерей приказал вывести его из церкви... Из подобных Троицкому составляется свита, сопровождающая архиерея в поездках по епархии. Эта свита и поездки оставляют по себе в епархии заразу, а не образец доброй нравственности в духовенстве, на торжество расколу. Ныне, в день Пятидесятницы, Порховского уезда, Ясенского погоста священник Тимофей Дружинин, в деревне праздновавший день Пятидесятницы, сгорел вместе с домом, сгоревшим в числе 8-ми домов. Ни престарелый, ни дети и никто, еще не склонившуся дню к вечеру, не спал и не сгорел, но священник спал столь крепким сном, что не мог спасти жизнь свою от огня. В псковской епархии в разных видах, но обычай один, чтобы в гостях или при гостях, при отправлении треб в приходе или молебствий, непременно быть пьяным всему причту наповал, или, если еще в силах, то завести ссору и драку. В 1853 году послан в отдаленные губернии дьячок Псковского уезда Горыистинского погоста за то, что священник, дьячок и пономарь в праздновавшей деревне, ходя с животворящим крестом и со святыми иконами, до того напились пьяны, что в доме церковного старосты той же деревни завели между собою ужасную драку и на шум их сбежалась вся деревня. От таких пастырей в погостах и от такого духовенства, что могут заимствовать прихожане православные и что услышит раскол? Много нужно удивляться тому, на что во время поездок, столь частых по епархии псковской, а паче по уездам Псковскому, Порховскому, Новоржевскому и Островскому, бывает обращено внимание архиерея! Его преосвященство не обращает внимания на то, что у священников молодых лет трясутся руки при богослужении до того, что с немалой опасностью держат потир в руках. И эти-то незамечаемые священники с трясущимися руками награждаются

набедренниками, получают должность благочинных и даже членов псковской консистории!... В псковском кафедральном соборе служащих и живущих есть довольно пьянствующих, и те в немалом уважении и доверии. Архиерей жившего в кафедральном соборе, в должности иподиакона, диакона Павла Троицкого взял на жительство в архиерейский дом, и за то, что он в столь высокостепенный день к архиерейскому служению явился пьяный, не подверг его суду, но перевел просто без всякого суда и вразумления в Никандрову пустынь. И это, конечно, потому, что архиерей опасается завести судное дело с человеком, жившим с его преосвященством в одном доме и видевшим все то, о чем, слышав и видев, плачут многие из православных псковской епархии, а раскольники радуются и укоряют православных. Другой, исправляющий должность иподиакона, соборный же диакон, Сырковский, еще при покойном архиерее, идя с архиерейским посохом от богослужения в Богоявленской церкви и в пьяном виде произнося ругательства, к лицу архиерея относящиеся, на колене сломал посох на части и бросил с ругательством среди улицы, ругая архиерея и любимцев его. Сырковский и ныне точно так же пьянствует и буйствует, ездя по епархии с архиереем, за то получает в соборе за должности диакона и иподиакона в сложности едва-ли не более протоиерейского жалования и бывает членом комиссий. Вот причина, почему пьянство в псковской епархии усиливается и почему его преосвященство Платон, архиепископ рижский и митавский, управляющий псковскою епархией, поощряет пьянству и другим порокам, гонит людей трезвых, строгой жизни и ревностных по службе, т. е. имеющих чрезмерную ревность к точному исполнению всего святого и законного в мире, ладит с церковными старостами и подбирает в должности благочинных и членов консистории людей, подобных протоиерею Кунинскому, помнящих пословицы: «всего мира на свой лад не переделаешь» и «плетью обуха не перебьешь», а потому уступчивых обстоятельствам, т. е. не обращая даже внимания на то, святы-ли и законны-ли те обстоятельства, или противны законам Божиим и государственному.

Нравственность духовенства до того испорчена, что испорченность её видна и в семейной жизни и общественной. Два брата, священники Алексей и Димитрий Орловы, первый постоянно в Изборске совершал богослужение и даже божественную литургию в совершенном опьянении, падал и не доканчивал божественной литургии, а другой держал под жертвенником во святом алтаре пенное вино, от чего также не мог доканчивать божественной литургии, и оба ведут жизнь супружескую весьма тяжелую, подавая и тем, и другим недобрый пример прихожанам. Ныне по лету из псаломщиков кафедрального собора, тоже окончивший курс учения в семинарии, Демяницкий, произведен во диакона за 12 верст от Пскова в погост Рюха. Жизнь его супружеская столь тяжела, что никто из духовных не осмеливается дать ему квартиру, – живет в доме у крестьянина, – постоянно между женою и мужем отчаянные бои и ссоры. Демяницкий жил немалое время с женою своею в квартире соборного дома при глазах главного начальства, но на такую его жизнь внимания не обращено...

Священник Метлинский пьян в церкви, пьян вне дома своего и в доме, а сверх того буен в семейной жизни, а между тем Платон наградил его набедренником. Торопецкий игумен Варлаам оговаривается и уличается в развратной жизни, а преосвященный Платон из беднейшего Торопецкого монастыря перевел его в богатейший Святогорский. Тогда вся псковская епархия удивилась и захохотала; порок восторжествовал, а любящие все святое и законное в мире от печали опустили свои головы и закрыли себе глаза. Пусть хотя ныне его преосвященство пояснит, за какие услуги и за какое терпение священник Метлинский получил набедренник, а игумен Варлаам – богатейший Святогорский монастырь в управление?»²⁰⁷

В своих доносах Лебедев, кроме нападений на безнравственность духовенства, поместил известия и о том, что злоупотребления по свечной продаже продолжают еще существовать по церквам: Покровской, Алексеевской, Пороменской, Богоявленской, Мишаринской, Успенской и другим; что имеющиеся в производстве дела о злоупотреблениях и расхищениях церковных доходов не только

не получают окончания, но даже не принимается никаких мер к пресечению злоупотреблений; что обнаруживаются поборка и покровительство злоупотребителям и явное стеснение людям честным, и что учета старостам Латкину и Федотову, несмотря на указы св. синода, до сих пор еще не сделано консисторией, хотя со времени получения синодального указа протекло шесть с половиною лет.²⁰⁸

Прежде изложения результатов ревизии Софония, следует заметить, что он находился в самых близких отношениях к Платону и был весьма предубежден против Лебедева. Но, несмотря на все это, Софония принужден был сказать, что донос Лебедева вполне справедлив относительно беспорядков по Алексеевской церкви, нетрезвости священников Орловых и Метлинского и неподвижности некоторых дел в продолжение шести лет, но преувеличен касательно ссоры певчих в дороге и ненамеренного повреждения посоха иподиаконом Сырковским, и извращен весьма во многом относительно времени и обстоятельств приводимых происшествий. *Относительно времени:* о священнике Раевском сказано, что он определен преосвященным Платоном к Никитской церкви во Пскове, тогда как определение его к сей церкви последовало еще при покойном Нафанаиле. Гористинский дьячок Назаретский, учинивший в деревне буйство и драку со священником и пономарем, приведен в подкрепление доноса об усилении в епархии пьянства при преосвященном Платоне, но этот буйственный поступок был совершен Назаретским до вступления в управление епархией преосвященного Платона. *Относительно обстоятельств:* преосвященный Платон не дал студенту Утрехтскому отцовского диаконского места в погосте, потому что имел в виду сделать его учителем и потом священником, а Лебедев указывает на отказ Утрехтскому, как на продолжение негодования преосвященного к отцу его за донос.²⁰⁹ Затем все прочее, составляющее донос Лебедева, голословно и даже вовсе ложно(?).

В заключение отчета о своей ревизии, Софония помещает несколько замечаний о жизни и качествах Лебедева. «Жизнь священника Лебедева, пишет Софония, как общественная, так и

семейная, неукоризненна. Он не имеет никаких открытых и грубых слабостей и пороков: умерен, трезв и исполнительен в своих обязанностях служебных и домашних. Он живет в доме, оставшемся после отца и принадлежащем ему, двум братьям его и сестре. Семейство его состоит из трех душ: он сам, жена его и сын, служащий по гражданскому ведомству в самом Пскове. Но с ним же живет и зять его, священник Кудрявцев, с женою и шестилетним сыном. Лебедев живет скромно, но не скудно; приятельских связей почти ни с кем не имеет, а ограничивается, большею частью, кругом семейным. Будучи крепкого духа, смышлен от природы и начитан, обладая довольно твердым и выразительным словом и не утомляясь трудами, Лебедев мог бы, при вышесказанных качествах, проходить должность пастыря церкви с ощутительною пользою, если бы не слишком увлекался духом самомечтательности, усиливаемой пылким и раздражительным характером.

Самомечтательность Лебедева, исходя из сознания, что он не имеет таких слабостей, как другие, что он лучше многих понимает сущность всякого дела, что он действует усерднее, живее и беспристрастнее, и следственно с большею, чем другие, пользою мог бы занимать высшие должности, породила в нем дух излишнего доверия к себе, ослабила должное уважение к другим и силою обстоятельств развила прирожденную склонность пререкать и противляться власти.

Доверие Лебедева к себе так велико, что он едва-ли считает себя погрешимым. Однажды, в разговоре со мною, взгляд свой на действия консистории назвал он святым. Из таковой самоуверенности естественно образовались в нем настойчивость и упрямство, с коими он обыкновенно защищает свои мнения, хотя-бы несправедливость их была доказана фактически. Что протоиерей Кудрявцев был в Риге благочинным, в этом Лебедев убежден доныне, по крайней мере, не хочет сознаться, что он ошибся. Пререкать ему в подобных случаях небезопасно: он скоро выходит из себя и становится груб и обидчив.

Неуважение Лебедева к другим, равным себе, выражается в его смелых суждениях, в его отзывах и заключениях, сколько

неосновательных иногда, столько же и оскорбительных. Простая, быть может, по началу склонность судить и осуждать, со временем перешла в страсть к злословию и развилась до такой степени, что Лебедев в настоящее время не щадит ни родственников, ни умерших. Кафедральный протоиерей Кунинский родной шурином Лебедеву, священник Дружинин покойник уже; но Лебедев никого столько не поносит, как Кунинского, а несчастный Дружинин послужил для него примером усилившегося в псковской епархии пьянства. Злословие сделалось как бы любимым занятием Лебедева и пищей духа его. Он не довольствуется сказать о ком-либо худое однажды, по повторяет одно и то же несколько раз. Протоиерей Знаменский и священник Орлов выводятся им на среду позора, первый три, а другой четыре раза.

Дух пререкания и противления власти был всегда в Лебедеве; но в первые годы его священства в Пскове он проявлялся реже и не в таком объеме. По перемещении же в Ригу, неповиновение начальству под разными предлогами стало повторяться чаще и сопровождаться уже дерзостью и оскорблениями. Преосвященный Иринарх (1841 года) формально жаловался преосвященному Нафанаилу, что Лебедев порочит честь его сана. Но в последнее десятилетие, со времени заключения его в тюремном замке, непокорливость Лебедева получила новый вид; Лебедев вступил в открытую судебную прю с епархиальным начальством и с сего времени открылась в нем страсть к доносам на местное управление и от доносов перешла к кляузам.

Кляузнический дух обнаруживается в Лебедеве тем, что он не истинен в слове и явно фальшив в совести; почти ни одного факта не излагает с определеною точностью и всему дает вид не настоящий. И в слове, и в деле всюду видны чрезмерные преувеличения или уменьшения; обстоятельства, разделенные значительным временем, сближает намеренно и соединяет так, что они представляются современными и ведут совсем к другому заключению, нежели какое бы следовало; явную ложь, а иногда и клевету, смешивает с истиною, и наконец, частыми повторениями одного и того же и отступлениями от сущности

дела до того затемняет истину и запутывает ход речи, что трудно понять, что он хочет сказать.

Страсть к доносам и кляузам сделалась в Лебедеве господствующею. Лебедев пишет не только за себя, но и за других. Зять его, священник Кудрявцев, неспособен писать ничего, и все, что известно под его именем, пишется пером Лебедева. Священники Дориомедов и Херасков, Синский диакон Лебедев и Корельский [?] дьячок Кудрявцев принадлежат к школе священника Лебедева и пишут, как слышно, по его возбуждению и наставлению. Угрожая-ли только, или выражая истинное положение духа своего, Лебедев лично говорил предо мною, что одна могила может удержать его от доносов при виде зла; это же частью выражает он и в прошении, говоря: «Я должен оставаться во Пскове на страх злым».

Впрочем, при определении свойств Лебедева в настоящее время, не должно упускать из виду нынешнего его положения, которое не есть нормальное, но более или менее случайное. Нынешнее положение Лебедева есть положение человека, сильно раздраженного, оскорбленного и униженного, по его понятию, несправедливо. Многие из того, что предпринимается им ныне, предпринимается, быть может, не совсем по расположению и по сознанию, – предпринимается, быть может, как усиленная и последняя мера поддержать честь и жизнь. Он на это намекал неоднократно, давая знать, что если бы начальство, оставив все дела, поддержало его нравственно и, указав новое поприще деятельности, обеспечило его средствами жизни и не раздражало слишком крутыми мерами, то он с готовностью и всецело посвятил бы себя служению церкви и стал бы всеми силами подвизаться во благо её, чтобы оправдать снисхождение и милость, если бы они были ему оказаны.

Взяв при сем во внимание, с одной стороны, что Лебедев действительно служил некогда с ощутительною пользою (особенно по делам раскольническим), как это видно из своеручной рекомендации о нем преосвященного Нафанаила в послужном списке за 1836 год, а с другой, что он еще бодр

духом и довольно крепок силами, можно надеяться, что он был бы не бесполезен, особенно там, где наиболее нужен пример правильной, трезвой и даже строгой жизни. Но, во всяком случае, нельзя надеяться, чтобы Лебедев, оставшись в псковской епархии, мог совершенно успокоиться и успокоить других. В псковской епархии он имеет множество знакомых и даже агентов, чрез коих действует так искусно, что знает более или менее верно почти все, что делается в епархиальном управлении, начиная от консистории до последнего благочинного, знает качества, образ жизни и взаимное отношение большей части духовенства и самое положение многих церквей градских и сельских. Посему трудно предположить, чтобы он, оставаясь в прежнем месте, удержался от искушения писать доносы, если не за себя, то за других. Кроме сего, непокойный дух Лебедева распространился между многими и образовал в духовенстве как бы особую партию, во всяком отношении вредную для общественного спокойствия. Зло сие не перестанет существовать в епархии дотоле, пока будет оставаться в пределах её Лебедев».²¹⁰

Вследствие этой ревизии, Лебедеву сделан строгий выговор за неуважение к епархиальному начальству и приказано ехать в тверскую епархию; псковская консистория, за медленное производство дел и за допущение беспорядков по Алексеевской церкви, получила также выговор, а преосвященному Платону предписано: а) иметь строгий надзор за его певчими, не допуская с их стороны таких поступков, которые оглашали бы их в епархии с невыгодной стороны; б) донести св. синоду, исполнен-ли указ св. синода от 31-го декабря 1853 года по делу об отрешении протоиерея Пятницкого от должности благочинного, так как, по донесению архимандрита Софония, дела сего в псковской консистории не находится.²¹¹

По Лебедев не ехал в Тверь под разными предлогами: то по случаю болезни, то по неимению способов к путешествию, то по причине накопившихся и неуплаченных им долгов. Между тем, псковское епархиальное начальство всячески старалось скорее избавиться от него и выпроводить его из Пскова. Так, оно просило псковскую врачебную управу освидетельствовать

Лебедева, которая нашла его действительно страдающим от ревматизма в голове. Так, псковское епархиальное начальство даже предлагало Лебедеву от себя деньги на поездку, но он отказался от них, остался во Пскове и послал новые жалобы на Платона и просил чрез исправляющего должность обер-прокурора св. синода Карасевского о переследовании своего дела. Синод оставил без последствий как жалобы Лебедева, так и прошение его, а ассигновал ему 120 р. сер. на переезд из Пскова в Тверь. Лебедев отвечал, что этой суммы ему недостаточно на его путешествие и для уплаты его долгов, и вслед за тем послал на высочайшее имя жалобу, в которой в сотый раз повторял свои обвинения епархиального начальства и в заключение которой писал, что на уплату его долгов, на одежду, подводы, на содержание в пути и на обзаведение на новом месте ему нужно 1.500 руб. сер. и что если закон не дозволяет из казны выдавать такого количества, то тот же закон воспрещает делать стеснительные и затейливые переводы людей из места в место. «Перевод меня в тверскую епархию, равно и зятя моего, священника Кудрявцева, есть только одна противозаконная прихоть псковского епархиального начальства, и прихоть, направленная ко вреду псковской епархии и церкви. Посему не казна, но епархиальное начальство пусть выдаст мне деньги 1.535 рублей серебром».²¹² Помимо резких выходов и желчных выражений, помещенных в этих доносах Лебедева, встречается в них много таких мест, которые невольно наводят какую-то грусть на душу и рождают самое тягостное чувство, как, например, следующие: «я нищ до наготы... я не имею подрясника и должен рясу надевать на рубашку... шесть лет я питался во Пскове милостынею²¹³... Священник если станет защищаться и доказывать свою невинность на бумаге, то не найдет ни правосудия, ни защиты. Священника никто не хочет защищать, а когда сам станет защищаться, говорят: сутяга, беспокойный человек, убирайся из епархии, дай покой епархиальному начальству».²¹⁴

Вследствие этих доносов последовала трагическая развязка: Лебедеву запрещено было священнослужение, ношение рясы и рукоблагословение, и он отослан в суздальский

Спасо-Евфимиев монастырь, настоятелю которого велено было иметь строжайший за ним надзор, не позволять ему писать доносов и, по истечении года, донести об образе жизни его св. синоду. Причиной такой меры синод выставил в указе своем неуважение Лебедева к начальству, дерзость и ослушание отправиться в тверскую епархию.²¹⁵

После годичного пребывания в суздальском монастыре, Лебедев, как рапортовал архимандрит этого монастыря, «не оказал ни малейшего раскаяния в прежних своих дерзких против епархиального начальства поступках», а потому синод оставил его впредь до усмотрения в монастыре, преосвященному же Владимирскому Иустину предписал продолжать, чрез настоятеля монастыря, неослабный надзор за Лебедевым и, в случае его исправления, донести о том синоду.²¹⁶ Монастырское заключение сломило, наконец, эту гордую натуру: 14-го ноября 1857 года Владимирский архиерей донес св. синоду, что «Лебедев, чистосердечно раскаиваясь во всех его неуместных доносах и судебных жалобах, обязуется и клятвою и священством утверждает: 1) что переписок или жалоб в псковской епархии, где он жительствовавал и на службе состоял, впредь не только возобновлять на бумаге ни чрез себя, ни чрез родных его не будет, но и на словах нигде в частных разговорах не упомянет; посему с сего времени с сыновнею покорностью умоляет благомилостивое начальство виновность его, в тех словах и в дерзких выражениях им сделанную, простить, от жительства в арестантском отделении и в монастыре освободить и дать ему приличное и соответственное бедности его место при приходской церкви; 2) на будущее время, когда получит место, без архипастырского благословения не только не откроет никакой переписки, но ниже словесно кому объявлять будет и даже благочинному о том, если бы что он и встретил в кругу его обязанностей по службе противное законам в причте-ли, в храме-ли Божиим, или между прихожанами, но прежде объявит словесно своему архипастырю, и как благословлено будет, так и поступит. Буде же в чем нарушена будет им сия подписка, то осуждает себя за нарушение своего обязательства клятвенного и священству

сделанного в здешней жизни строжайшей ответственности и в будущей суду Божию».²¹⁷

Синод, получив это донесение об обращении на путь истины заблудшей овцы, приказал освободить Лебедева от заключения в арестантском отделении Спасо-Евфимиева монастыря и поместить его временно для окончательного испытания нравственности между монастырской братией, а преосвященному владимирскому предписал о последствиях такого испытания войти с надлежащим представлением в св. синод в конце будущего 1858 года, или ранее, если дальнейшее поведение Лебедева окажется безукоризненным и раскаяние искренним. Но если бы в течение сего времени Лебедев снова обнаружил прежнюю свою наклонность к ложным доносам и непокорность начальству, то в таком случае синод уполномочивал преосвященного немедленно распорядиться о заключении его опять в арестантское отделение.²¹⁸

Несчастливая жена Лебедева, переселившаяся из Пскова в Суздаль, чтобы ближе быть к своему мужу и, по возможности, облегчать тяжесть его заключения, выразила участие свое к его судьбе более деятельным образом и подала прошение на имя Государыни Императрицы Марии Александровны о помиловании её мужа; но прошение это, переданное в синод, осталось без всяких последствий. Только 3-го ноября 1858 года, вследствие рапорта владимирского преосвященного о безукоризненном поведении Лебедева, св. синод освободил его от дальнейшего пребывания в суздальском монастыре, разрешил ему священнослужение, рукоблагословение и ношение рясы, а также дозволил отправиться во Псков. Псковскому же преосвященному предписано было сделать Лебедеву, по прибытии его на место, приличное пастырское наставление о том, как он должен вести себя на будущее время, и затем поместить его на священническое место по собственному своему усмотрению.²¹⁹

VII. Ревизия пензенского епархиального управления

Распоряжение вверенным ведомством, как поместьем, в котором можно хозяйничать по своему произволу и раздавать значительные должности и хлебные места своим родственникам, знакомым и клиентам, к сожалению, явление довольно обыкновенное в нашей общественной жизни. Этого порока не чужды и архиереи, которые, несмотря на отречение свое от мира и родных по плоти, страдают, как и миряне, nepотизмом и любостыжанием. Одни из таких духовных администраторов соблюдают при этом некоторого рода приличие и как бы сдерживают себя, другие же, напротив, смотрят на эти злоупотребления как на право, соединенное со званием, узаконяют и доводят их до самой наивной патриархальности. К числу последних лиц принадлежал и пензенский преосвященный Амвросий. У него до такой степени было развито чувство любви к родным, что он готов был вызвать во вверенную ему епархию и поместить на лучшие места не только самых близких родных, но и всех троюродных и четвероюродных и даже тех, которых сам не признавал родственниками, но которые утверждали, что они ему приходится в родстве; готов был для них отнимать без всякой вины места у других, даже быть жестоким, не будучи таким по природе. Амвросий считал себя счастливым только в кругу своих родных и потому его архиерейское жилище более походило на дом семьянина, чем на келью монаха. Впрочем, он обнаружил такие стремления не на первых порах своего архиерействования. Во время управления волынской епархией, Амвросий ничем не проявил своего nepотизма, впрочем не потому, чтобы он тогда был чужд этого порока, а потому, что его родные не хотели переселиться в епархию, столь отдаленную и, притом, по своему народонаселению столь непохожую на наши великорусские; но лишь только его перевели из Житомира в Нижний Новгород, он тотчас вызвал туда своего родного брата со всем его семейством, бывшего священником при бежецком соборе. Преимущественно же и во всей полноте nepотические

стремления Амвросия обнаружились в Пензе. Здесь прибыла к нему целая колония его племянников и мужей его племянниц, которые все заняли самые выгодные места и должности, а один из его племянников, пользовавшийся особенным доверием дяди и влиянием на епархиальные дела, Морев, даже получил два места: должность письмоводителя при архиерее и должность помощника секретаря в консистории.

Известно, что непосредственным результатом nepотизма бывает страсть к приобретению для обеспечения своих родных и система поборов и подарков, из чего естественно вытекает еще новое зло – несправедливый и пристрастный взгляд на людей, которых достоинства оцениваются родственниками начальника по количеству подарков, получаемых ими от них, и по степени оказываемого им подбодстрастия. Следствием всего этого является система угнетения и преследования людей честных и достойных, но бедных и благородных душою, возвышение людей ничтожных и безнравственных, но вороватых и щедрых на подарки, наконец патриархальность в канцелярском делопроизводстве, пренебрежение к законности и форме при ведении дел и владычество произвола. Все эти недостатки совместило в себе и nepотическое управление Амвросия пензенской епархией и, притом, в самых отвратительных формах, потому что родственники его были люди в высшей степени невежественные, алчные и завистливые, которых вся деятельность ограничивалась тем, что они оспаривали друг у друга любовь и расположение Амвросия, постоянно плакали перед ним о своей бедности и недостатках, сплетничали ему, ссорились между собою и перебивали друг у друга приходивших к архиерею просителей, чтобы сорвать с них взятку. Совершенно опутанный своими родными, Амвросий сделался правителем несправедливым, корыстолюбивым и жестоким. Так, чисто из корыстных видов, он отдал в аренду частным лицам продажу церковных свеч и выдумал награждать священников черными скуфьями, которые позволял им употреблять даже во время богослужения. Так, все поездки преосвященного по епархии сопровождались постоянно огромными поборами. Протоиереи уездных соборов и сельские

благочинные старались в этом случае превзойти друг друга в усердии к интересам архипастыря, за что получали от него особые льготы и права злоупотреблять своею властью и делать поборы собственно для себя. Нередко по наговору племянников, без всякого суда и следствия, люди достойные лишались мест и потом без куска хлеба бродили по епархии. На их должности определялись люди недостойные и безнравственные, но богатые или состоявшие в родстве с родными Амвросия. Случалось даже, что лица, замешанные в уголовных преступлениях, например в краже с почты казенных денег, были тщательно отстаиваемы архиереем и получали увольнение с чистым аттестатом. Взятничество из архиерейского дома перешло в консисторию, в духовные правления, к протоиереям уездных соборов и к благочинным. Между последними особенно отличался протоиерей саранского собора Смирновский. Много лет пензенская епархия находилась под этим незаконным и бесправным управлением и еще долго пришлось бы ей терпеть это зло, если бы особенные обстоятельства не произвели необыкновенного движения и воодушевления во всех недовольных Амвросием. Эти особенные обстоятельства были следующие: до Пензы донесся слух о назначении на петербургскую метрополию варшавского архиепископа Антония. С этим слухом достигли и вести о некоторых частностях из его жизни в белом духовенстве, которые тем более интересовали пензенских духовных, что они касались прежних отношений к нему их архипастыря. Быстро распространилась в пензенской епархии молва, что Амвросий был врагом и гонителем Антония и его зятя, а вместе с этим разошлись и анекдоты о том, как однажды Амвросий бил Антония палкой и как в другой раз наплевал ему в глаза. Сам преосвященный был или так неосторожен, или так напуган назначением Антония на петербургскую метрополию, что не скрывал своих опасений за свое благосостояние и наивно рассказывал в кругу родных о прежних своих неприязненных отношениях к новому петербургскому митрополиту; родные Амвросия сообщили все это по секрету своим друзьям, а эти своим, и таким образом об этой вражде вскоре узнала вся

пензенская епархия, где было очень много недовольных и обиженных Амвросием. Немедленно против него образовалась оппозиция, которой, как можно предполагать, был дан сигнал из Петербурга, что уже наступило время обнаружить ей свое недовольство.

В синодской канцелярии стали поговаривать о беспорядках, господствующих в пензенском епархиальном управлении. Эти разговоры дошли до сведения и секретаря пензенской консистории, который понял, что он сделает не только приятное некоторым влиятельным лицам в синоде, но даже и одолжит их, если пришлет донос на Амвросия и доставить им повод к нему привязаться и начать формальное исследование; и вот, на основании этих побуждений, секретарь, до сего времени находившийся в хороших отношениях к архиерею, вдруг совершенно переменяет тон своего обращения с ним. Перемена эта поразила Амвросия; но, вместо того, чтобы быть более осторожным и благоразумным в своих действиях и в своих сношениях с Ошаниным – так прозывался секретарь – он стал горячиться, привязываться к нему и, дождавшись формального на себя доноса секретаря, сам первый подал на него Протасову жалобу в том, что «Ошанин бывает нетрезв и по сей причине, равно и от недостатка способностей, уклоняется от составления срочных ведомостей, задерживает бумаги, замедляет ход дел, возбуждает посему многие жалобы просителей, на требования членов консистории в сем случае не обращает внимания, делопроизводством во все почти время занимались и занимаются член консистории, протоиерей Островидов, и помощник секретаря Морев, а сам Ошанин до того неопытен, что, вместо экстракта, приказывает переписывать дело от слова до слова, законов к делам не подводит, выписок из них и справок из дел не подписывает; копии с журналов вносит к нему никем не засвидетельствованные в верности с подлинными, а протоколы представляет без означения на них времени подписания и причины не подписания другими членами, с приписками, никем неговоренными; многократным замечаниям его, что подобные упущения дадут повод к злонамеренным разным злоупотреблениям, не внимал, так что, заметив из

принесенных затем к нему девяти дел и других бумаг те же самые упущения, он должен был объявить Ошанину, что станет требовать от него объяснения на бумаге; но Ошанин с явным неуважением от него ушел и прислал вслед затем прошение об исходатайствовании ему перемещения на службу в канцелярию св. синода».²²⁰

Тогда Ошанин, как бы защищаясь от нападений Амвросия, повел на него уже явную и сильную атаку. В рапорте своем обер-прокурору, секретарь доносил, что Амвросий переменялся в своих отношениях к нему после доклада им преосвященному двух дел большой важности: «1) о пострижении в малый образ монашества из военного ведомства, из нижних чинов, не выслужившего лет, без разрешения военного ведомства, Михаила, и 2) о самовольном распространении церкви в г. Саранске без разрешения св. синода, и с сим докладом затмилась все его заслуги».²²¹ Против обвинений в пьянстве, лени и неспособности к службе, Ошанин отозвался следующим образом: «1) настоящему невыгодному мнению о нем преосвященного нельзя дать веры, потому что до сего времени он рекомендовал его высшему начальству как отличного чиновника; 2) постоянно быть нетрезвым, как преосвященный позволил себе назвать его, неестественно, и он давно бы, по освидетельствовании врачебною управою, отправлен был в дом умалишенных; 3) беспорядки в отношении к секретарской обязанности происходят не от него, а от помощника его, Морева, который, как самовольный молодой человек, с дерзостью схватывает с его стола бумаги и уносит их к преосвященному, а преосвященный делает ему, Ошанину, замечания и велит отбирать объяснения; а вообще, если бывает остановка в делах консистории, то это по одному столу того же Морева, который, как родной племянник преосвященного, ссылается во всем на волю дяди; 4) что здоровье его, Ошанина, расстроилось от ежедневных оскорблений преосвященного и грубых насмешек и дерзостей членов консистории, а особенно протоиерея Островидова, любимца преосвященного, и помощника секретаря Морева, которые, при громком смехе, в присутствии консистории, употребляют оскорбительные для его

чести выражения; 5) от своевременного составления срочных ведомостей он, Ошанин, самовольно не уклонялся, как можно усмотреть из дел канцелярии обер-прокурора».²²² Дело разгорелось. По заведенному порядку, синод потребовал от Амвросия в подлиннике дела о пострижении в малый образ монашества солдата Михаила Кутырева, не выслужившего срочных лет в военном ведомстве, и о самовольном распространении в г. Саранске Успенской церкви. Амвросий, в свой черед, в письме к Протасову жаловался на Ошанина, как на чиновника неблагонадежного и неисправного и приложил при этом выписку из 17-ти дел, по которым он требовал у секретаря официального объяснения о том: а) почему некоторые журналы им не скреплены, одни выписки вовсе не подписаны, другие подписаны поздно, а на иных не обозначено времени подписания? почему на делах нет нумерации и копии в верности их с подлинниками не засвидетельствованы? б) почему секретарь задерживает у себя такие бумаги, которые должны сдаваться тотчас по скрепе его? в) почему Ошанин ушел из консистории и, таким образом, ослушался преосвященного, который приказал ему очистить в один день все бумаги, по которым дожидаются просители? г) на каком основании секретарь вошел канцелярской запиской к преосвященному о том, следует-ли исполнить его резолюцию по делу об определении к семейству умершего дьячка опекуном священника Трофимова, и где секретарь нашел закон, который позволял бы ему делать возражения преосвященному? Вслед за этим Ошанин донес, что при проверке решенных дел с описями, он нашел дело об удержании архиерейским письмоводителем, титулярным советником Вознесенским, казенных денег 1.490 руб. 50 коп. сер. и о подложном составлении им бумаги. В этом доносе Ошанин обнаружил, что пензенская консистория освободила Вознесенского от суда за утайку казенных денег и выдала ему при увольнении его от службы надлежащий аттестат. Наконец, взаимное озлобление архиерея и секретаря консистории выразилось в следующем: Ошанин не только отказался от денежной награды, назначенной ему пензенской консисторией из суммы, определенной синодом

чиновникам, занимавшимся делами по свечной операции, но и внес доклад преосвященному такого рода: «С кого следует взыскать неправильно выданные консисторией ему и помощнику его Мореву деньги из числа определенных св. синодом занимавшимся по свечной сумме чиновникам, так как ни Морев, ни сам Ошанин этою частью за прошедший (1843 год) не занимались». Амвросий же, взбешенный всеми этими выходками Ошанина, предал его суду уголовной палаты за непредъявление консистории полученного им рапорта от столоначальника саранского духовного правления о самовольном устройстве при Успенской церкви придела.

Когда, таким образом, взаимные обвинения Амвросия и Ошанина представили факты, обратившие на себя внимание синода и даже потребовавшие принятия со стороны его мер к прекращению беспорядков, тогда положено было назначить ревизию пензенского епархиального управления. В синодском протоколе, составленном по этому случаю, явно видно стремление заранее оправдать Ошанина и обвинить Амвросия, и потому все действия последнего по отношению к секретарю подвергнуты синодом осуждению. «Из всего вышеизложенного (т. е. из взаимных обвинений Амвросия и Ошанина), говорится в протоколе, видно, что настоящее дело, в котором пензенский преосвященный Амвросий и члены тамошней духовной консистории обвиняют секретаря Ошанина в беспорядках, нерадении по службе и даже неспособности к оной, а секретарь жалуется на стеснения, присовокупляя донесения о беспорядках по епархиальному управлению, не имело в самом начале своем достаточных оснований и получило ход вне порядка, законами определенного. Так, 1) со времени определения Ошанина секретарем до марта текущего года как сам преосвященный, так и члены консистории, одобряя службу Ошанина, не поставляли ему в вину донесений его о невозможности явиться к должности по болезненным припадкам. В марте месяце преосвященный, по собственному предположению о поведении Ошанина и посторонним слухам о нерадении и беспорядках, производимых якобы им, поручил членам консистории о всех действиях секретаря записать в

журнал и, собравшись вместе, сделать, сообразно обстоятельствам на законном основании постановление; 2) консистория, рассмотрев пять рапортов, в которых Ошанин разновременно доносил о болезненных своих припадках и после подачи которых он вскоре являлся к должности, объяснилась об Ошанине следующим образом: «он нередко одержим болезнью, и болезнь сия приходит к нему более в то время, когда со стороны его бывает нужна особенная деятельность по делам срочных отчетностей. Так, сделался больным и при составлении отчетов о свечных и церковных доходах. Подававши доклады о болезни своей, он или на другой же день, или чрез несколько суток являлся в консисторию в таком состоянии, что никакой болезни в нем не замечалось, а приметны были только раздражительность и азарт; между тем, он ничем не занимался и на предложения членов заниматься отвечал одно и то же, что он болен. И как все это ведет к прямому заключению, что секретарь подаваемыми докладами о болезни своей и тем, якобы он ныне болен от оскорблений, старается прикрыть явную уклончивость от обязанностей, которая, в случае продолжения, может повести к самой остановке дела, то консистория просила его преосвященство такие действия Ошанина сообщить г. обер-прокурору св. синода. Не касаясь уже того, что на подобное обвинение секретаря, исполненное как бы насмешек, консистория не имела права, самая форма, данная сему действию, противна узаконенному порядку. Журнал есть дневная записка того, что происходило в тот именно день в присутствии. Следственно изъяснение в журнале одного дня всего того, что замечалось будто бы прежде, без всяких на это доказательств, или предшествовавших журналов, отъемлет от сего акта свойственную ему силу и обращает оный в акт обвинительный, без спроса и объяснений обвиняемого; 3) при сообщении сего журнала его сиятельству, преосвященный Амвросий присовокупил к оному: а) такие обвинения, которые падают не столько на служебные отношения, сколько на частную жизнь Ошанина, и которые могли составиться не иначе, как от частных слухов, ничем не подтвержденных, и б)

официальные оглашения о поведении Ошанина, которые несовместны с порядком и достоинством службы, тем более, что они, с другой стороны, обнаруживают как бы преследование, подтверждающееся собственным отзывом преосвященного, угрожавшего Ошанину за каждую неисправность отдавать его под суд; 4) наконец, когда все это дело, со всеми обвинениями на Ошанина, доведено было до святейшего синода, епархиальное начальство предало его суду уголовной палаты за непредъявление консистории полученного им, Ошаниным, рапорта от столоначальника саранского духовного правления на счет самовольного устройства при церкви придела, тогда как надлежало истребовать предварительно объяснение, из которого открылось бы, что рапорт был на имя секретаря, а им представлен его сиятельству г. обер-прокурору». ²²³ Ревизором был первоначально назначен московской Троицкой на Арбате церкви протоиерей Платонов, а в помощники ему дан один из чиновников синодальной канцелярии. Но как Платонов, по болезни, отказался от этого поручения, то вместо него назначили киевского викария Варлаама, человека правдивого, но с фанатическими стремлениями. Ревизору было приказано: а) обревизовать за последние шесть лет все движение дел по времени, производству и исполнению их, сообразно-ли оно с теми правилами, какие постановлены в уставе духовных консисторий и в общих законах Империи; нет-ли в чем-либо медленности или отступления от предписанного порядка, форм и обрядов, и от чего они произошли; б) освидетельствовать консисторские денежные суммы по книгам и другим документам как за настоящее время, так и за то, когда обнаружилось удержание Вознесенским 1.490 руб. 50 коп. сер., и, пересмотрев все дело о сей сумме, действительно-ли оно так произведено и окончено, как показал секретарь Ошанин, раскрыть, если это справедливо, почему так поступлено? взысканы-ли удержанные деньги? почему не было донесено о том св. синоду и кто причиною всего такого беспорядка и упущения? в) особо, без огласки, рассмотреть дело по обвинению секретаря и оправдания его, и заключение свое по этому предмету

представить отдельно от ревизии; г) исполнив, таким образом, поручение, представить в св. синод свои разыскания с верными соображениями и заключениями.

Ревизия начиналась при самых грозных предзнаменованиях для Амвросия: племянника его, Морева, велено было удалить от должности помощника секретаря; членам пензенской консистории сделано замечание; предание Амвросием Ошанина суду уголовной палаты найдено неправильным. В синоде все было против него; самая личность и внутренние качества ревизора мало предвещали хорошего для Амвросия. Но к чести Варлаама нужно сказать, что он показал себя вполне беспристрастным в этом деле: он не скрыл недостатков Ошанина, не пощадил членов консистории и сказал всю правду об Амвросии. Вот какие беспорядки замечены им были по консисторской канцелярии: 1) журналы присутствия консистории ведены не в узаконенном порядке; так, напр., в 1837 году, более нежели за полгода, совсем не оказалось беловых журналов, а журналов по освидетельствованию сумм консистории составлено в том году только пять, тогда как их должно было составлять ежемесячно. Журналы представлялись на утверждение преосвященного только по 8-е марта 1839 года, далее-же не видно, чтобы они были вносимы к нему, потому что на них нет никаких его отметок и резолюций. В следующих за тем годах, хотя не обнаружено таких беспорядков, какие выше показаны, но однако-же найдено, что журналы ведены были ненадлежащим образом, потому что их составлялось в год от 150 до 175, т. е. не более, как на две трети присутственных дней в году. В графе журналов об исполнении решений редко были выставляемы, где нужно, надлежащие отметки. Требующиеся же формою журнальные примечания под дневным журналом о числе выслушанных утвердительных резолюций преосвященного и о дне подписания протоколов и журналов прежних заседаний не всегда писались как должно, а во многих журналах их вовсе нет. В докладных реестрах открыто еще более беспорядков, нежели в беловых журналах: все они оказались не перенумерованными по листам, со множеством вложенных листов, полулистов и даже четвертушек

разнородной бумаги с помарками, перепутанными до крайности. Содержание дел вносилось в докладные реестры несоответственно существу их, весьма сбивчиво и без нужных справок. Вообще, во всех графах докладных реестров или вовсе нет надлежащих отметок, или же они не в должном порядке и с ненадлежащею ясностью изложены.

О деятельности членов консистории и их способностях Варлаам отзывался так: «Не все члены консистории достаточно приготовлены к несению возложенных на них обязанностей, и некоторых из них можно было бы заменить другими, более способными и имеющими академические степени. При таковой неспособности членов консистории, при ревизии дел обнаружено весьма много суждений и решений неосновательных, неполных, нетвердых, и иногда даже противоречащих законам. Сие в особенности замечено по делам бракоразводным, раскольническим, об определении по разным случаям епитимьи, о выдаче метрических свидетельств, о свечном сборе и вообще по делам следственным. Большая часть дел по сим предметам производилась без соблюдения узаконенного порядка и получала более или менее неправильное окончание. Вообще, в производстве дел и исполнении состоявшихся по оным решений обнаружена непростительная медленность, простиравшаяся до того, что некоторые из них оставались по два и по три года без всякого движения, а также и то, что консистория, рассматривая иные дела, судит пристрастно и решает неправильно собственно потому, чтобы исполнить желание епархиального преосвященного, как сие обнаружено по делу о выдаче метрического свидетельства о рождении полковницы Винтербергер от чиновника Руссова. Дело сие производилось и рассматривалось два года, наконец в полном присутствии консистории решено тем, что означенная Винтербергер не признана законной дочерью Руссова, потому что на это не было достаточных доказательств. Составленный по сему делу протокол утвержден был подписом всех членов консистории, исключая одного. Преосвященный, рассмотрев таковой протокол, в резолюции своей выразился так: «Представить мне

дело с новым мнением». Консистория, не имев в виду никаких других сведений, кроме собранных ею прежде по сему делу, чрез три дня отменяет прежнее свое мнение и составляет журнал, излагая в оном новое мнение, по которому полковница Винтербергер признается законною дочерью чиновника Руссова».²²⁴

Далее ревизор описывает небрежность членов в ведении дел. «Консистория, пишет он, с представлений, сообщений и отношений своих к разным местам и лицам, оставляла при делах червовые отпуски по немногим только делам, по всем же прочим не оставляла таковых при делах, а отмечалось только: «Предписано духовному правлению, благочинному» или: «сообщено туда-то». От сего важного упущения произошло то, что невозможно было ревизовавшим поверить, какие именно даны были консисторией ответы разным местам и лицам по различным делам; что консистория не могла и сама себя поверить в прежних своих действиях, не могла определительно отвечать разным местам и лицам, когда возникли впоследствии требования о доставлении копий с того или другого отпуска консистории, а сие самое нередко порождало напрасную переписку, возбуждало сомнение на действия консистории и вообще замедляло ход дел. Срочные сведения, получаемые консисторией от духовных правлений о получаемых из консистории указах, о решенных и нерешенных делах и о доставлении разных сведений от монастырей и архиерейского дома, почти всегда оставались без проверки с документами и с данными на то предписаниями, в противность 309 ст. Устава духовных консисторий; от такового беспорядка произошло то, что некоторые духовные правления не доставляли своевременно разных отчетов в денежных суммах и в казенные палаты, и в самую консисторию. Из монастырей отчетность представляется не в одинаковом виде, не по одинаковой форме и несогласно последовавшим на то предписаниям высшего начальства. Дела всякого рода, иногда даже подряды на значительную сумму, в совершенную противность 320, 321 и 322 ст. Устава духовных консисторий, решались по одним докладным реестрам, так что дел решенных по докладным

реестрам в год найдено 4 части, а иногда и более против одной части таковых решенных по журналам и протоколам. От сего весьма естественно происходили разные упущения в делопроизводстве, по неимению полных справок и не приведению приличных законов к решаемым делам, а главное от того, что решения, писанные в докладном реестре одним членом, не всегда подвергались общему суждению, а после уже усмотрению и утверждению епархиального архиерея, за невнесением к нему всех таковых дел и за не наблюдением ни со стороны преосвященного, ни со стороны самой консистории правил о том, чтобы таковые дела подвергаемы были проверке и срочной периодической отчетности. В консистории не имеется правильной описи делам, а общих описей делам вовсе не составлялось, да и те описи, какие имеются в консистории, составлены весьма неисправно, с ошибками, перемарками, без должных отметок, а потому многие дела остаются на несколько лет без всякого движения и как бы в неизвестности».²²⁵

Но самая главная доля обвинений в епархиальных беспорядках пала на Амвросия. Так как консистория, по своему положению и отношению к архиерею, всегда бывает слепою исполнительницею его воли, потому что никакой протест со стороны её против распоряжений епархиального архиерея невозможен, то Варлаам был совершенно прав, назвав в отчете о своей ревизии синоду главным виновником беспорядков по пензенскому духовному управлению Амвросия, о котором он писал следующее: «1) Преосвященный в делах епархиального управления весьма часто не только начинал, но и продолжал и оканчивал разного рода дела даваемыми по оным резолюциями. От сего произошло, что почти четыре части дел в каждом из обревизованных шести годов заканчивались по одним докладным реестрам. При таковом образе действия преосвященного Амвросия, во всех обнаруженных упущениях и беспорядках по делам консистория нередко в оправдание свое ссылаясь на личные распоряжения преосвященного, которые она только приводила в исполнение. Действуя таким образом по всем делам консистории, преосвященный не озабочивался о дальнейшем течении их собственно по консистории, не

требовал для поверки и своих соображений формальной и определительной отчетности в дальнейшем ходе или исполнении оных. От сего произошло то, что беловые журналы не на все присутственные дни писались, и внесение дел в докладные реестры расширено было более надлежащего, ибо весьма многие из таковых дел, по силе 321 и 322 ст. Устава духовных консисторий, должны были быть вносимы в беловые журналы, а другие и в самые протоколы. Из этого-же начала произошло и то, что он, преосвященный, после своих первоначальных действий по делам ограничивался рассмотрением и утверждением только того, что консистория сама сочтет за нужное взнести к нему. Следствием сего было то, что в 1839 г. журналы помечены и утверждены преосвященным только по 8-е марта, все же прочие, сколько их было тогда, не были вносимы к нему, да и в самой консистории их не было за полгода и целые месяцы. Несмотря на таковые весьма важные беспорядки, со стороны преосвященного не было обращено на сие ни малейшего внимания. Сосредоточивая, таким образом, течение дел в своем лице и решая их нередко по первому доносу и взгляду, он естественно действовал иногда скоро и взгляды не всегда были верны и полны. Консистория же, получив дела с определительными резолюциями преосвященного, не пересматривала их вновь, не пополняла нужными справками или узаконенными для делопроизводства формами, а приводила только их в исполнение. 2) По делам следственным следователи назначались самим преосвященным, и нередко те самые, кои первоначально доносили о тех делах. Часто не было требуется депутатов с гражданской стороны, а таковые заменялись сельскими старшинами, большею частью людьми неграмотными. Подсудимые и прикосновенные к делам лица не всегда допускались к прочтению следствия и рукоприкладству. От сего самого все следственные дела производились с нарушением многих форм и законов, для подобных дел существующих, а сие самое подавало повод к непрерывным и справедливым жалобам и к тому, что весьма многие дела по несколько раз были переследываемы и дополняемы. 3) При

ревизии обнаружено, что во многих делах и случаях преосвященный Амвросий расширял права иерархические далее пределов, законами постановленных. Это в особенности замечено: а) в наградах священников скуфьями черного бархата, для употребления оных и в церкви, и во время всех священнослужений, во всем подобно с скуфьями фиолетовыми, всемилостивейше жалуемыми по удостоению св. синода; б) в даваемых священникам разрешениях снимать с мест святыя престолы, по случаю перемостки церковных полов и после опять поставлять оные на свои места без установленного чиноположения церкви; в) в перемене с престолов срачиц также без чиноположения; г) в положении одной девке, блудившей два года с родным своим отцом, епитимьи, тогда как для таковой грешницы нет даже и закона в канонических правилах христианской церкви, почему ему и следовало о деле сем представить на разрешение высшему начальству; д) в напечатании в типографии пензенского губернского правления правил для руководства благочинных и всех священно- и церковнослужителей без пропуска оных узаконенною цензурою и без испрошения на то разрешения высшего начальства и с употреблением на отпечатание тех правил церковной кошельковой суммы. 4) Кроме того, обнаружены многие действия преосвященного, несогласные с узаконенными формами управления, как-то: в удалении священнослужителей от приходов без следствия и суда, по одной его, преосвященного, резолюции; в частом перемещении с места на место священно- и церковнослужителей, иногда даже вдруг целых причтов без судебного приговора консистории; в предоставлении диаконских мест дьячкам, пономарям и послушникам, совсем не учившимся в семинарии; в увольнении из духовного ведомства канцелярских служителей прежде окончания следственных о них дел. Сверх того, по делу об удержании бывшим при епископе Амвросии письмоводителем, титулярным советником Вознесенским, казенных денег, оказалось: 1) что деньги, быв получаемы разновременно, и начиная с 1836 года, действительно были удерживаемы упомянутым Вознесенским (умершим в 1844 году) до 1839 года,

но в конце сего года некоторые из тех лиц, коим часть из оных следовала в выдачу, явились к преосвященному Амвросию, желая узнать о назначении им денежного пособия; по поводу сему были отысканы им, преосвященным, при члене консистории, протоиерее Островидове, и бывшем секретаре Миловском, в занимаемой Вознесенским квартире в доме же его, преосвященного, и частью представлены самим Вознесенским; после сего, по записке их на приход в книги, розданы в 1839 и 1840 годах по принадлежности с расписками в книгах. 2) Вслед за сим, по предложению преосвященного, Вознесенский уволен от должности письмоводителя на службе в консистории, и во исполнение резолюций преосвященного, состоявшихся на отысканных у Вознесенского отношениях г. обер-прокурора, разновременно взяты от Вознесенского объяснения, в коих он показал, что таковое удержание денег сделано им без всякого намерения, а собственно по одной забывчивости, происходившей от болезненных припадков, нередко с ним случавшихся. Консистория, при решении по сему предмету дела, хотя и не приняла сих объяснений в оправдание, опровергая оные тем, что ежели Вознесенский чувствовал себя часто больным, то мог бы и не брать на себя обязанности получать с почты деньги; но как удержанные им деньги были все сполна отысканы, то, не подозревая (Вознесенского) в намеренном злоупотреблении, нашла его виновным и подлежащим суждению по законам только за беспечность по должности, а потому, за силою всемилостивейшего манифеста 16-го апреля 1841 года, с утверждения преосвященного Амвросия, определением 6-го июня 1841 года, от всякого дальнейшего суда его освободила и, по увольнении от службы по духовному ведомству, выдала ему надлежащий аттестат без прописания производившегося о нем, Вознесенском, дела. 3) Св. синоду не было о сем донесено, как объясняет преосвященный Амвросий, потому, что не сочтено сие за нужное, ибо деньги и даже самые бумаги, при которых оные были присланы, найдены все в целости, и весь беспорядок в несвоевременной сдаче денег произошел собственно от болезни письмоводителя Вознесенского и

составлял одно только упущение по должности его, а не преступление особой важности». ²²⁶

Когда ревизия Варлаама была рассмотрена в синоде, тогда состоялся следующий указ: «По производившемуся в святейшем синоде делу (так начинается указ) о беспорядках, открывшихся по производству дел в пензенской духовной консистории и вообще по управлению пензенской епархией, как со стороны тамошней консистории, так и со стороны самого епархиального архиерея, святейший синод приказали: из дел святейшего синода видно, что со времени управления пензенской епархией епископом Амвросием беспрестанно доходили до синода жалобы на необыкновенную медленность в течении дел епархиального управления, на разные более или менее важные беспорядки и даже злоупотребления лиц, входящих в состав управления. Для исправления всего сего принимаемы были со стороны святейшего синода нужные меры, но как все допущенные по управлению пензенской епархией беспорядки, при невнимательности к оным епархиального архиерея, не могли быть исправлены предписываемыми святейшим синодом мерами, то оный в необходимости нашелся поручить бывшему викарию киевской метрополии, епископу Варлааму, обревизовать в подробности все дела по управлению пензенской епархией за последние шесть лет, т. е. начиная с 1839 по 1845 год, и об оказавшемся представить синоду». Потом, исчислив все те беспорядки, которые были замечены Варлаамом и которые приведены выше в извлечении из его ревизии, и приказав епархиальному пензенскому начальству исправить их, синод произносит свой суд над Амвросием и его консисторией. «1) Преосвященный Амвросий (так выражается синодский указ), имея назначением своим управлять пензенской епархией и начальствовать над консисторией, не только не принимал зависящих от него мер к надлежащему благоустройству консистории и вообще вверенного ему управления епархии, но, большею частью, сам расстраивал таковое управление присвоением себе ненадлежащей власти. Поставив все вышеизложенные беспорядки, упущения и противозаконные действия на вид пензенскому епархиальному

начальству, предписать ему наблюдать, чтобы на будущее время приняты были надлежащие меры к отвращению замеченной в производстве дел по консистории непростительной медленности, и чтобы оные решаемы были правильно и беспристрастно. Что же касается до действий епископа Амвросия, открывшихся при ревизии и обращающих на себя особенное внимание начальства, то об оном святейший синод будет иметь суждение особо. 2) Так как при обревизовании дел пензенской консистории и при личном посещении епископа Варлаама присутствия оной, замечено, что не все настоящие члены консистории достаточно приготовлены к несению возложенных на них обязанностей, что подтверждают вполне вышеизложенные беспорядки по производству дел в консистории, то святейший синод, принимая, с одной стороны, в соображение, что беспорядки эти, при настоящем составе консистории, не могут быть исправлены, а с другой, что нельзя ожидать правильного и успешного производства дел и на будущее время, признает необходимым и полезным уволить от должности членов пензенской духовной консистории протоиереев: Феодора Островидова, Маркелла Бурлуцкого, Феодора Мошкова, и священников: Козьму Романова и Симеона Эмпедоклова, а на место их назначить членами консистории протоиереев: Андрея Овсова, Феодора Пантелеевского, Иоанна Почелмовского, Иоанна Студейского и Михаила Мидова. Затем вменить консистории в обязанность, чтобы в делопроизводстве соблюдаемы были в точности узаконенные в Уставе духовных консисторий правила, изложенные в главе III, отделении 1, 2, 3, 4 и 5; чтобы журналы присутствия консистории ведены были в надлежащем порядке и непременно каждому присутствию, с надлежащими отметками в оных, и представляемы были, по точной силе 328 ст. Устава духовных консисторий, на утверждение епархиального преосвященного; чтобы докладные реестры по консистории составляемы были установленным порядком, с надлежащею ясностью и отчетностью и с сообразными с существом дел отметками»²²⁷ и т. д., что уже известно нам из ревизии Варлаама.

Увольнение членов пензенской консистории, бывших только исполнителями воли своего архиерея, выговор, сделанный синодом Амвросию в весьма жестких выражениях, наконец угроза, высказанная в конце синодского указа, – все это предвещало для него мало утешительного и как бы давало знать, что ему следует отказаться от управления епархией и просить покоя. Притом же, партия недовольных управлением Амвросия, ободренная исходом дела с Ошаниным, явно теперь восстала против архиерея и чаще начала обращаться со своими доносами на него в синод. Во главе этой партии стоял архимандрит саранского Петропавловского монастыря Феофил, а влиятельными членами её были священники города Саранска: Охотин, Малинин, Соколов и Колпиков. У Феофила начались личности с любимцем Амвросия, саранским протоиереем Дмитрием Смирновским. Смирновский довел до сведения архиерея о разных беспорядках по саранскому Петропавловскому монастырю и о беспутной жизни настоятеля этого монастыря, архимандрита Феофила. Феофил, со своей стороны, жаловался Амвросию на Смирновского, как на человека дерзкого, корыстолюбивого и клеветника. Амвросий донес на Феофила синоду, а Феофил, в свою очередь, донес синоду о беспорядках по епархиальному управлению. В тоже время некто Баредников, принадлежавший к партии Феофила, жаловался св. синоду на протоиерея Смирновского и, между прочим, обвинял его в том, что он собирал с духовенства деньги для угощения Амвросия, во время посещения им Саранска. Синод потребовал по жалобе Баредникова объяснения от Амвросия, который не замедлил его представить, но оно послужило обвинительным против него актом. Амвросий сознавался, что «духовные города Саранска два раза подносили ему хлеб-соль; в первый раз он принял, но на будущее время предварил, дабы этого не было. Архимандрит Антоний, сопровождающий всегда его по епархии и заведующий в пути свитою, объяснял ему, что духовенство саранское выпрашивало у него всегда свиту преосвященного на свое содержание, считая за унижение уступить эту честь дворянству и купечеству, всегда готовому с особенным

удовольствием принять и накормить всех бывших с ним. Таковое радушие и хлебосольство, не воспрещаемое законами, ни божескими, ни гражданскими, составляет искони лучшую черту характера русского народа; поэтому, может быть, если на сей предмет и сделало духовенство какие-либо складки, то эти складки были чисто добровольные, без всякого принуждения, и могли проистекать из общего желания угостить гостей, доставивших им столько приятных часов своим стройным пением во время служения его, но ни в каком случае не могли иметь вида налога или побора, хотя некоторые священники: Соколов, Малинин и Охотин в показаниях своих приписывают такой сбор личной корысти протоиерея Смирновского». В заключение объяснения своего, Амвросий просит св. синод разрешить ему «принять меры к искоренению зловерных плевел, насеянных возмутителем архимандритом Феофилом, и оградить пастырей стада от дальнейших покушений людей, зараженных вредными правилами – священников: Соколова, Колпикова, Охотина и Малинина». ²²⁸ Но синод не думал ограждать пастырей стада от покушений таких «зловерных людей», каковы были Охотин, Соколов и подобные им, но сделал Амвросию выговор «за допущение Смирновскому производить противозаконные сборы, дабы впредь подобных сборов отнюдь терпимо не было, под опасением строжайшего взыскания по законам». ²²⁹

Между тем, по делу Феофила прислан был от св. синода в Саранск ревизор, архимандрит арзамасского Спасского монастыря Амфилохий. Его ревизия была неблагоприятна и для Смирновского, и для самого Амвросия. Феофил найден правым, а Смирновский признан интриганом и выслан из города Саранска в село. Сверх того, ревизия Амфилохия сопровождалась такими обстоятельствами, которые еще более уронили Амвросия в глазах синода. Преосвященному, по некоторым причинам, не хотелось, чтобы при производимом следствии находился Охотин, исправлявший должность официального депутата духовенства города Саранска, а потому он еще заранее назначил вместо него другого депутата. На беду этот депутат по требованию ревизора не явился, и Амфилохий,

побуждаемый необходимостью, должен был пригласить Охотина, который и принял участие в следствии. Амвросий признал этот поступок Охотина своеволием и пензенская консистория удалила его за это от депутатской должности и сделала ему строгий выговор; но преосвященный не удовольствовался этим: он отрешил Охотина и от должности увещателя, со внесением всего этого в послужной список. Охотин подал на архиерея жалобу в св. синод, прося в ней избавить его от притеснений своего архипастыря. Синод потребовал от Амвросия, объяснений и по этому делу.²³⁰ Представленные преосвященным объяснения были неловки и обидны для следователя, а потому синод снова послал выговор Амвросию в таком виде: «Пензенское епархиальное начальство не имело никакого основания к обвинению священника Охотина за исполнение вышеизъясненного требования Амфилохия, облеченного от св. синода особым доверием, который сам бы и подлежал ответственности в таком случае, если бы распоряжение его признано было неправильным, а не священник Охотин. Сверх того, епархиальное начальство вошло в суждение о действиях Охотина по такому делу, которое принадлежало рассмотрению святейшего синода, а не епархиального начальства. Посему святейший синод определяет: отменив решение пензенского епархиального начальства об удалении священника Охотина от депутатской и увещательской должностей и об учинении ему строгого выговора, и исключив сие из послужного его списка, оставить его при прежних должностях, а епархиальному начальству за неуместное и неправильное его распоряжение сделать строгое замечание».²³¹

Между тем и Ошанин, даже по окончании ревизии, не переставал жаловаться синоду на Амвросия, который, еще не вразумленный данными ему уроками, неправильно удержал у него жалование за все время его болезни и предал его суду уголовной палаты по делу Штерна. Дело Штерна состояло в том, что его в один прекрасный день напоили пьяным до беспамятства и, когда он проснулся, объявили ему, что он повенчан на дочери коллежского асессора Александре

Зайцевой. Нужно заметить, что Штерн был больной, дряхлый и почти дошедший до идиотизма старик, который скончался через месяц после свадьбы, именно 16-го июня 1845 года, в поместье Зайцевых, передав жене все свое имение. Родственники Штерна, негодуя на такое его распоряжение, стали опровергать действительность его брака с Зайцевой и успели доказать, что при совершении этого брака не было ни обысков, ни поручителей, одним словом, что его следует считать мнимым.²³² По протесту родственников Штерна, в пензенской консистории производились справки о браке его с Зайцевой. Но пусть сам Ошанин говорит об этом: «Я, писал он Протасову, являсь по получении некоторого облегчения от болезни в консисторию, обратил первое мое внимание на дело жены писца 1 разряда Штерн, по которому, вопреки закона, принял на себя власть отдачи меня в уголовную палату его преосвященство, и это дело я нашел в следующем порядке: из оного уже выписка составлена и законы подведены исправляющим должность мою, столоначальником Карпинским, который, желая вовлечь меня в невинную ответственность, сделал по сей выписке опущения, зная, что на основании ст. 2461 ст. X т. Св. Зак. лежит все сие на ответственности секретаря, и по этому случаю в необходимости я был подать доклад в пензенскую духовную консисторию, с которого копию имею честь представить вашему сиятельству и просить покорнейше избавить консисторию от столоначальника Карпинского, как от чиновника неблагонамеренного и небрежного к своей обязанности».²³³ Протасов предложил прошение Ошанина синоду, который нашел действия Амвросия неосновательными и предписал ему «немедленно отнестись к кому следует, чтобы переданное им на рассмотрение уголовной палаты дело о медленности, допущенной по делу вдовы Штерн, было возвращено, и затем, по внимательном и подробном рассмотрении и определении степени вины прикосновенных к делу тому лиц, представить оное с заключением св. синоду».²³⁴ Распоряжение Амвросия об удержании жалования у Ошанина за все время его болезни также признано синодом неправильным.²³⁵ Одним словом, что ни делал Амвросий – на него жалоба в синод, что ни жалоба –

ему замечание, выговор, или угроза от синода. А между тем из Петербурга ему явно давали знать, что для него наступила пора отказаться от своей должности. Но это грозило Амвросию разлукою с родными и потому представлялось ему таким бедствием, что для избежания его он решился лучше прибегнуть к великодушию своего врага. Племянник Амвросия, Морев, отправился с письмом от него к митрополиту Антонию и, как нам уже известно из биографии последнего,²³⁶ Амвросий не ошибся в своих предположениях. Гордость и месть Антония при виде своего врага, умоляющего о пощаде, были достаточно удовлетворены и потому петербургский митрополит начал разыгрывать роль великодушного защитника Амвросия: один только его голос раздавался в синоде в защиту пензенского архипастыря и только ему одному он обязан своим спасением. С этого времени синод перестал преследовать Амвросия; его оставил в покое и Ошанин, вышедший в отставку, о которой еще во время варлаамовской ревизии он подавал прошение Протасову. «Страдания мои, писал он обер-прокурору, по должности секретаря пензенской духовной консистории превосходят все терпение человека; преосвященнейший Амвросий с полным присутствием консистории продолжает оскорблять меня и на бумаге, и на словах, и эти тяжкие оскорбления не дают поправляться расстроенному здоровью, а с другой стороны мое небогатое имение почти полтора года без моего личного хозяйственного надзора приходит в упадок; специальное размежевание земли, за неприбытием моим, остановилось; я просил об увольнении меня в отпуск или в отставку, но не удостоился получить начальственного разрешения».²³⁷ Но ему было отказано в его просьбе по той причине, что его присутствие в Пензе считалось необходимым по случаю назначенного св. синодом исследования о беспорядках по пензенскому епархиальному управлению и консистории.²³⁸ Ошанин, несмотря на этот отказ, послал другое прошение к Протасову об увольнении его от службы и писал: «При определении моем в секретари, я имел счастье слышать начальственные ваши наставления, как должен вести себя в назначенной вашим сиятельством должности, и вы изволили

обещать, сиятельнейший граф, если я сделаюсь достойным вашей высокой начальственной милости, наградить меня чинами, орденами и деньгами. Я употребил, со своей стороны, все возможные усилия уничтожить зло и прекратить беззаконие по пензенской духовной консистории и уже год исполнился таковым моим действиям, за которые я ежеминутно был преследуем мщением членов пензенской духовной консистории и преосвященным Амвросием с его родным племянником Моревым. Это преследование совершенно лишило меня сил и здоровья к продолжению службы моей, и четыре месяца ревизующие консисторию с меня брали вопросные пункты, не выпуская из присутствия, как будто бы государственного преступника. Сиятельнейший граф, когда же настанет минута избавления моего? Вы одни, ваше сиятельство, изволите избавить несчастного страдальца от руки гонителей. Неужели мне избрать Пензу могилою своею? Умоляю у ног вашего сиятельства дозволить мне приехать в С.-Петербург для поправления расстроенного моего здоровья; тем более я имею право просить об этом, что ревизующие лица приступают к рассмотрению последнего шестого года и отчетность, следующая до должности моей за 1844 год, вся отправлена. Я надеюсь, что просьба страдальца, гонимого за истину, будет ходатайствовать у вашего сиятельства».²³⁹ После этих двух прошений, Ошанин подавал еще два, 27-го июля 1845 года и 24-го октября того же года. Наконец, 14-го января 1846 года, по милости Протасова, принимавшего живое участие в судьбе Ошанина, он был признан совершенно невинным и получил увольнение. Замечателен синодский указ, данный по этому случаю. «Святейший синод, сказано в указе, рассмотрев во всей подробности обстоятельства настоящего дела и сообразив объяснения той и другой стороны (т. е. Амвросия и Ошанина), истребованные при ревизии с подходящими к нему законами, находит, что донесения секретаря Ошанина во многом подтвердились, и в особенности о беспорядках по консистории и по следующим делам: о Вознесенском, кантонисте Кутыреве, о распространении в г. Саранске Успенской церкви. Что же касается до обвинений, взводимых пензенским епархиальным

начальством на секретаря Ошанина, то оные совершенно теряют свою силу, если принять во внимание во-первых, что некоторые из них по следствию вовсе не подтвердились, по другим оказалось, что они основаны только на одних показаниях, без всяких ясных и законных доказательств; во-вторых, что епископ Амвросий начал взводить разные обвинения на секретаря Ошанина после того, как он донес о распространении в г. Саранске Успенской церкви без разрешения св. синода и о пострижении Михаила Кутырева из военных чинов в малый монашеский чин без соизволения на то высшего начальства; в-третьих, что до начатия сих дел епископ Амвросий не делал Ошанину ни выговоров, ни замечаний, и в консистории никаких бумаг относительно неисправностей его, Ошанина, и образа жизни его нет, а сие и доказывает, что взводимые на Ошанина обвинения суть следствия личных неудовольствий к нему епархиального архиерея и членов консистории; в-четвертых, что, сверх вышепоказанных обвинений секретаря Ошанина, ревизовавшие дела пензенской консистории не представили никаких других дел до него относящихся (?), и наконец, в-пятых, что Ошанин сам и давно уже настоятельно просит об увольнении его от должности секретаря пензенской консистории по болезненному его состоянию, почему святейший синод, основываясь на сем, определяет: по вышеизложенным обстоятельствам не признавая Ошанина виновным в каких-либо влекущих за собою ответственность делах по пензенской консистории, просьбу его об увольнении от настоящей должности представить предварительному рассмотрению г. обер-прокурора св. синода и дело считать поконченным».²⁴⁰

VIII. Ревизия пермского епархиального управления

Борьба между Аркадием, архиепископом пермским, и секретарем пермской консистории Архаровым – лицами уже нам знакомыми – послужила поводом к ревизии местного епархиального управления. Начало их взаимной ненависти восходит ко времени назначения Архарова секретарем пермской консистории, и можно сказать, что эти два лица, еще не издавши друг друга, стали питать самую полную и искреннюю ненависть одно к другому. Архаров, отличавшийся постоянным нерасположением ко всем архиереям вообще и бывший в открытой вражде с теми из них, с которыми приходилось ему служить, в особенности терпеть не мог Аркадия, которого считал самым деспотическим и двоедушным из архиереев, самым пристрастным и несправедливым правителем, наконец самым незаконным непотистом. Сверх того, Архаров был убежден, что его перевели из Костромы в Пермь за то, что он не поладил с костромским епископом Виталием, а потому его прежняя вражда к архиереям еще более усилилась. Аркадий, с своей стороны, ненавидел Архарова за то, что он явился ему помехою к осуществлению его планов и намерений и что от него надлежало охранять иерархические права, так как новому пермскому секретарю, занявшему место, которое предназначал Аркадий своему любимцу, помощнику секретаря пермской консистории Топоркову, предшествовала молва, что он погубил и довел до смерти преосвященного Виталия, и что он, будучи покровительствуем Протасовым, послан от него в Пермь в виде соглядатая за Аркадием. Не совсем чистому в своих действиях пермскому архиерею тотчас представилось, что Архаров легко может вынести сор за домашний порог, а этого сору, благодаря таинственности и самовластью, господствовавшим в патриархальном управлении Аркадия, было слишком много. Итак, еще до встречи этих двух лиц уже существовало у них достаточно причин к взаимной ненависти. Непосредственные, личные отношения еще более усилили это нерасположение: Архаров не думал насилловать

своих чувств, а Аркадий – сдерживать своей злобы. С первого приема секретаря, преосвященный начал ряд тех выходов, на изобретение которых он был так способен. Каждое слово, сказанное Аркадием Архарову, было оскорблением последнего; каждое движение руки владыки были выражением самого уничижительного презрения к секретарю; наконец, в каждом поступке Аркадия было видно желание уязвить самолюбие Архарова. Душа пермского архипастыря так была переполнена злобою и ненавистью к Архарову, что он при выражении их не стеснялся никакими внешними приличиями и даже отступил от обычного своего правила – замаскировывать свои чувствования и прикрывать внутреннее движение страстей личиною внешней благопристойности. Так, благословляя всех правою рукою, Аркадий одного Архарова благословлял левою и, притом, не с глазу на глаз, а в присутствии посторонних лиц;²⁴¹ приказав ему приходить к себе три раза в день с консисторскими бумагами, сам от него их не принимал, а высылал всегда за ними в переднюю келейника.²⁴² Если-же иногда случалось Архарову лично видеть Аркадия, то последний намеками давал знать первому, что совершенно в нем не нуждается. Ко всему этому следует прибавить еще и то, что за частною и семейною жизнью Архарова строго следили люди, преданные преосвященному, и этого обстоятельства он не только не считал нужным скрывать от него, но, напротив, при каждом удобном случае доводил до его сведения. Неприязненные отношения архипастыря к Архарову естественно отразились и на его служебной деятельности в консистории, где самое законное его требование не исполнялось потому только, что это было требование лица, ненавистного архиерею; самая неотлагательная бумага оставалась без всякого движения, если только архиерей и его агенты замечали, что секретарь торопится исполнить её. Члены пермской консистории, как послушные орудия воли Аркадия, старались превзойти друг друга в грубостях Архарову и тем деятельнее стремились делать все наперекор ему, чем более были уверены в приобретении за то особенного расположения архиерея. Злоба Аркадия на секретаря была так сильна, что простиралась на все, что только имело к нему какое-нибудь

отношение.²⁴³ Всякий другой на месте Архарова или пал бы под тяжестью этого положения, или отказался бы от места, или стал бы сносить все оскорбления от архиерея, чтобы безусловною своею покорностью приобрести его милость. Так и было с предшественниками Архарова: Тархов, раболепно исполнявший волю Аркадия, пользовался за то его расположением, а Лазарев, более самостоятельный, принужден был бежать от нападений Аркадия в другое ведомство. Но Архарова такое положение, напротив, только еще более озлобляло и раздражало, и он за презрительное с собою обращение стал платить Аркадию грубостями и дерзостями: во 1-х, перестал сам ходить к нему с докладами, а стал посылать дела с консисторскими чиновниками и, притом, с самыми худшими; во 2-х, открыто начал смеяться над незаконными действиями Аркадия, смело разоблачая это виды; в 3-х, показывал полное презрение к фаворитам архиерея и к его родственникам, а особенно к архимандриту Павлу, любимцу преосвященного и лицу самому доверенному у него, одним словом его фактотуму. При таком напряженном состоянии взаимных отношений Аркадия и Архарова, нельзя было ожидать, чтобы они не выразились в доносах и жалобах друг на друга высшему начальству, тем более, что у каждого из них, вследствие систематического подсматривания друг за другом, накопилось довольно материалов для того, чтобы выставить своего противника с дурной стороны. Первый послал донос Архаров, вынужденный, впрочем, к тому обидными выражениями, написанными о нем Аркадием на месячном консисторском реестре и его распоряжением об убавке жалования у некоторых чиновников пермской консистории. Дело было так: за июнь месяц 1848 года пермской консисторией представлен был преосвященному реестр с расписанием жалования служащим в ней чиновникам. Аркадий, вместо того, чтобы утвердить это расписание, убавил у некоторых чиновников часть их жалования, что в общей сложности, составило до 6 р. сер., и на том же реестре выразил свое мнение о деятельности консисторской канцелярии вообще и, главным образом, о деятельности её секретаря. Мнение это было весьма нелестно

для служебной репутации Архарова. «Секретарь, написал Аркадий, не исполняет резолюций моих касательно нехождения и позднего хождения консисторских чиновников к должности, относительно ослабления деятельности консисторской канцелярии, да и сам не ходит после обеда к должности, и я опасаясь большего расстройтва по канцелярии и обязываюсь принять решительные меры к отвращению сего, если не увижу должного внимания по всем своим напоминаниям и замечаниям; прежние гг. секретари сами получали от меня и сами представляли ко мне дела, а нынешний г. секретарь не следует примеру сему: дела представляются ко мне различными лицами, иногда даже Державиным, а в иные почтовые дни бывает даже некому и бумаг сдать, следующих в правительствующий синод, от того бумаги останавливаются до следующей почты. То, что, по сим обстоятельствам, прежние гг. секретари, постоянно ходившие и после обеда к должности и тем подававшие прочим пример к деятельности и исправности по должности и поведению, исполняли сами лично, (то я принужден был) поручить г. помощнику секретаря, который, как всегда видимый на должности, уже и исправляет многое по сему».²⁴⁴ Архаров тотчас донес рапортом Протасову о распоряжении Аркадия касательно вычета жалования у некоторых чиновников пермской консистории и испрашивал его разрешения: как ему поступить с оставшимися от вычета 6 р. серебром. Вместе с этим, он, в том же рапорте, оправдываясь во взведенных на него Аркадием обвинениях, раскрывал перед Протасовым все неблаговидные действия пермского архиерея: «Выставленные, пишет Архаров, его преосвященством в вышепрописанной резолюции опасения насчет расстройтва по канцелярии, есть одно только притязание ко мне за то, что начальству не угодно было уважить представлений его об определении секретарем консистории особенно покровительствуемого им помощника секретаря Топоркова, за что он и предместника моего, г. Лазарева, довел до самой крайности и заставил переместиться в гражданское ведомство, и за то еще, что я, по перемещении в пермскую консисторию, завожу здесь законный порядок в делопроизводстве и открыл

важные злоупотребления, о чем с будущею почтою имеет поступить от меня к вашему сиятельству подробный рапорт, вследствие предписания вашего от 21-го прошлого мая за № 3383. Его преосвященство собственно чрез себя и чрез приверженцев своих разные разглашает обо мне слухи и угрожает, что меня, как неблагонадежного чиновника, в Перми не будет, что они меня голодом отсюда прогонят, что сделают безумным, что лишат меня пряжки, и проч., и проч. В надежде на Господа, защищающего правду, и уповая на покровительство вашего сиятельства, как начальника, желающего, чтоб подчиненные ваши действовали в должности по законам совести и присяги, я не боюсь несправедливых угроз его преосвященства и надеюсь, что начальство мое меня не обидит напрасно. Канцелярия консистории не расстраивается, а направляется, сколько возможно к совершенству. Одно следующее обстоятельство есть сему доказательством: в пермской консистории в трех только годах – в 1845, 1846 и 1847 – опущено запиской в докладные реестры входящих дел и бумаг 11, 896, а с секретными одного 1847 года 12,677; теперь-же все вообще бумаги вносятся во все консисторские документы и ни одно дело, ни одна бумага из виду консистории не теряется. Я к должности являюсь ежедневно, приходя к оной в 7, 8 и никогда не позже 9-го часа, так что иногда ни одного приказного не бывает в канцелярии. Выхожу от должности после членов консистории и по исполнении всех приготовленных для меня бумаг. Хожу к должности, когда нужно, и после обеда. По субботам хотя и не бывает присутствия, но я хожу постоянно. Когда его преосвященство присылает в свое время ко мне в консисторию следующие от него бумаги, я всегда их принимаю и расписываюсь в его реестре. Сам носил к нему после присутствия дела, которые представляются к нему от консистории, но когда преосвященный приказывал принимать их от меня в передней своему лакею; когда лакей объявлял мне, что преосвященный или в саду, или кушает, или почивает; когда сам он, принимая от меня дела в сонме всяких лиц и благословляя меня левою рукою, не говорил со мною ни слова, и когда я, вникнув в положение действий пермского

епархиального начальства, возымел сомнение, как бы не впасть мне невольно в искушение, – я начал поручать дела, для представления к его преосвященству, регистратору, как это водилось и во всех консисториях, где я служил прежде. Регистраторы все таковые дела вносили в особый реестр и отдавали их под расписку письмоводителя архиерейского, а также принимали от них с распиской и сдаваемые от епископов бумаги, чем самым я и спасся во время управления костромской епархией покойного преосвященного Виталия. Пермский же преосвященный письмоводителя при себе не имеет, говоря, что никому не верит и что будто бы знает о сем и св. синод, а ведет входящий свой реестр сам. Но как он владыка, то я и не смею доложить, сколь неприличен тот реестр. Если бы занимался им письмоводитель, то он был бы и чист, и аккуратен, и удоборазборчив. Я принимаю бумаги по реестру его преосвященства только по нумерам, а самой сущности никак не могу разобрать, да и во всей канцелярии не более двух или трех человек могут, и то с трудом, разбирать резолюции его преосвященства, хотя он другое что отлично пишет, а они большею частью слишком велики и их очень нередко бывает в деле половина и более против листов, в оном находящихся. Канцелярские чиновники и служители также ходят к должности неопустительно и занимаются делом каждый по способностям, как следует. Впрочем, есть и нерадивые, но их образумить мне, находящемуся одному в кругу исполняющих мановение воли его преосвященства, нет возможности. Его преосвященство указывает в означенной резолюции своей на прежних секретарей. Из них прежде бывший Тархов был заодно с епархиальным начальством и делали они такие дела, за которые всякий другой, кажется, на самом краю света не нашел бы места; а предместник мой, г. Лазарев, был, смею выразиться, как он и сам объяснял мне, загнан епархиальным начальством. Желание преосвященного есть такое, чтобы я утром, после присутствия, и вечером был у него вместо дежурного, и чтобы находился безвыходно в консистории, но я человек, имею дом, имею семейство».²⁴⁵ Верный своему обещанию – подробно писать с следующею почтою о

беспорядках по пермскому епархиальному управлению – Архаров, вслед за первым рапортом, послал Протасову второй, состоящий из 16-ти листов убористого письма, где он уже не оправдывается, а беспощадно обвиняет в беспорядках пермское епархиальное начальство. Беспорядки эти, по доносу Архарова, состояли в следующем: 1) Дела в консистории разделены по четырем столам не согласно с Уставом духовных консисторий, а по прихоти Аркадия. 2) Дела и бумаги, поступающие в консисторию, записывались в докладные реестры и докладывались не все, а по выбору, так что в течение только трех лет 11,896 дел и бумаг частью утрачено, частью исполнено без всякого участия консистории, частью же получило незаконное окончание; даже указы св. синода скрываются пермским епархиальным начальством. 3) Дела о единоверцах и раскольниках производятся тайно от консистории и известны только преосвященному, его родственнику архимандриту Павлу и покровительствуемому ими помощнику секретаря Топоркову. 4) Поступавшие в консисторию бумаги записывались во входящие и докладные реестры несвоевременно и не по порядку вступления, а по произволу и чрез долгое время. 5) Исполнения по делам и бумагам производятся так: которые бумаги следует исполнять по журналам, те исполняются по докладным реестрам; которые следует исполнять, вследствие важности их содержания, по протоколам, те исполняются почти все по журналам; по протоколам же или определениям исполняется самая малая часть; даже следственные дела, по которым решается участь подсудимых лиц, и дела о построении новых церквей получают окончание по кратким журналам. 6) Резолюции членов консистории, по которым производились исполнения по докладному реестру, подписаны большею частью только одним членом и редко двумя или тремя. 7) Указы св. синода за несколько лет не переплетены и хранятся не у регистратора, а у Топоркова, без всякого порядка, что доказывается уже и тем, что многие указы подшиты подлинниками к делам. 8) С давнего времени ни с одного из протоколов и определений не снято копий и все они не сданы в регистратуру для переплета и

подлежащего затем хранения, и остаются подлинниками под делами. 9) В архиве нет ни хронологического реестра делам и актам, ни алфавитного указателя, ни книги для вписывания выдаваемых из архива дел столоначальникам для справок. В архивных комнатах помещаются не все дела и акты, по огромное их число лежит в беспорядке в неприличной комнате под кафедральною колокольнею. В архиве пермской консистории находится множество нерешенных дел, к обнаружению которых никто не решается приступить из боязни епархиального архиерея, который готов употребить самые несправедливые и нехристианские меры, чтобы погубить и уничтожить того, кто не захочет заодно действовать с ним и с рассеянною по всей епархии кучею родных его и переходцев из владимирской епархии и кто решится вывести наружу их деяния. 10) Медленное производство дел по пермскому епархиальному управлению непростительно: напр., а) дело о выдаче канцелярскому служителю главной конторы Богословских заводов Эриксу метрического свидетельства началось в пермской консистории 13-го ноября 1846 года, а кончено 24-го марта 1848 года; б) несовершеннолетняя круглая сирота, дочь чертежника Беляева, Анастасия, прислала в консисторию из Москвы прошение о метрическом свидетельстве 28-го октября 1846 года, а определение по сему прошению состоялось 7-го июля 1847 года. Пермской архиепископ позволяет себе не приводить в исполнение даже Высочайшие повеления, как, напр.: чтобы благочинные не стесняли внутреннего богослужения единоверческих церквей, чтобы в отношении к заведению сих церквей преосвященные сообразовались в точности с Высочайше утвержденными в 1800 году правилами митрополита Платона о единоверцах, чтобы раскольники венчаны были в православных или единоверческих церквях без требования присоединения к православию, и чтобы священники, повенчав раскольников, не считали их своими прихожанами и не простирали к ним в отношении исправления треб никаких требований... «Раскольники, зная указ св. синода, пишет Архаров, и изображенное в нем Высочайшее повеление, как должны венчать их приходские священники, но не видя со

стороны приходских священников исполнения по означенному Высочайшему повелению, по необходимости должны были допустить и допустили между себя сводные браки в чувствительном множестве, и зло сие доселе усиливается, так как духовенство и раскольники и теперь формально не знают оной Высочайшей воли. Действия преосвященного, чрез неисполнение воли правительства, не сокращают, но умножают раскол в пермской епархии и приводят раскольников в совершенное ожесточение против православия. Самые увещания, производимые при мне в присутствии пермской консистории лицам по сводному браку, согласны (иначе и быть не может) с действиями самого преосвященного; им говорено было: «Повенчайтесь в церкви и после того исполняйте все её требования», но они решительно не согласились на сие. Хотя донесения преосвященного пермского св. синоду о присоединяющихся из раскола к православию и о самых действиях его и учрежденных здесь миссий и миссионеров и очень громки, но на самом деле они есть один только вид, или предлог выказать себя пред правительством в похвальном виде, быть у него на хорошем счету и получают одобрения и награды. Преосвященный доносит, что столько-то в таком-то году обратилось раскольников к православию и единоверию, но документы церковные говорят совсем не то, например: Оханского уезда в селе Сепычевском по духовной росписи за 1847 год значится из обращенных православных прихожан обоюбого пола 2225 человек, но из них в том году было у исповеди 34, а у святого причастия только 8 человек, и то, вероятно, те только были, которые в том году или около того, судя по летам, повенчаны браком... Осмеливаюсь к сему пункту присовокупить еще два обстоятельства, по моему разумению, заключающие в себе великий грех пред Богом и правительством: а) Указом св. синода от 21-го августа 1846 года велено преосвященному пермскому, между прочим, рассмотреть: не следует-ли удалить священника Каменского завода Ивана Яковкина в другое место и о сем донести св. синоду. Его преосвященство, вследствие сего указа, рапортом от 1-го ноября того 1846 года за № 9458, донес св. синоду, что

священник Яковкин переведен в Мехонскую слободу. Рапорт этот утвержден указом св. синода от 31-го декабря 1846 же года, за № 18.387. Между тем, Яковкин резолюцией его преосвященства, данною еще 21-го октября того 1846 года на прошение его, определен (и ныне находится) Камышловского уезда в Ертарский винокуренный завод к одноклирной Троицкой церкви, где приходских дворов 276 и прихожан обоих полов 2.829 душ и где сверх того, производится священнику жалования 300 руб. асс., назначена казенная квартира и есть довольное количество земли; а в Мехонской слободе он, Яковкин, совершенно не был; следовательно означенный рапорт преосвященного св. синоду за № 9458 был несправедливый. б) По делу о постройке каменного корпуса для помещения пермской консистории, его преосвященство, рапортом от 23-го января 1845 года за № 515, испрашивал у св. синода разрешения о назначении в жалование архитектору Мейснеру 2.000 руб. асс.; но указом св. синода от 2-го августа 1845 года, за № 9880, объяснено пермскому епархиальному начальству, что за оптовою отдачею постройки здания для помещения консистории на подряд, св. синод не имеет основания назначать особого жалования архитектору, приглашенному для наблюдения за постройкой, и что при всех подобных случаях прочность, правильность и все условия по постройке ограждаются силою контракта с подрядчиками, также и самую плату получают по учинении надлежащего удостоверения в прочности и правильности здания. Между тем, из отношения строительной комиссии в пермскую консисторию от 20-го октября 1844 года, за № 140, видно, что архитектору Мейснеру в сентябре еще месяце 1844 года выдано денег 500 р. асс., которые у него и остались. 11) Великое множество дел по разным предметам, которые по роду своему должны производиться на гербовой бумаге, начинаются по резолюциям преосвященного и производятся в консистории на бумаге простой. 12) Дела ставленнические вообще почти производятся без всякого участия присутствия консистории, даже так, что требуется из консистории и составляется в ней справка, а проситель произведен уже во священника или диакона. 13)

Дела о перемещении духовных лиц с одного места на другое, большею частью, дела *слезные*: если кто его преосвященству и члену консистории (уроженцу владимирскому, родственнику преосвященного, с самого послушнического звания при нем пребывающему и, как говорят в Перми, бывшему у него прежде кучером и переездившему с ним все до одного места, где преосвященный находился – и в училищных должностях, и в епископском сане), настоятелю Верхотурского монастыря, проживающему постоянно в пермском архиерейском доме, архимандриту *Павлу*,²⁴⁶ по известным только им причинам, не поправится, то таковых приказывается благочинным или рекомендовать невыгодно, или заводить о них дела, или же резолюциями преосвященного назначаются они за штат, или перемещаются верст за 100, 200, 300, за 400 и более, и в этом случае ни просьбы перемещаемого, ни плач семейства, ни разорение, ничто не умилоствует его преосвященства, и многие от того переходят в другие епархии или увольняются сами за штат. Он кучами перемещает и оставляет за штатом без всяких прошений и не имеющих к почислению за штат узаконенных лет... В пермской епархии только почти и пользуются благами жизни и спокойствием священнослужители, поступившие из владимирской епархии, из коих, кажется, большая часть родственники его преосвященства и архимандрита Павла, и те из пермских уроженцев и из других епархий, которые сроднились с владимирскими. Его преосвященство и архимандрит Павел отправляли некоторых (одного с архиерейским даже келейником) из Перми кончивших курс учения в семинарии во владимирскую епархию жениться на своих родственницах – на внучках и на племянницах, и они, женившись там, получили и занимают теперь самые отличнейшие места, а привезенные с женами их сестры, выйдя в Перми замуж, тоже предоставили мужьям своим, своим братьям и другим родственникам самые лучшие места. В пермской епархии Шадринский и Ирбитский уезды считаются, по продовольствиям жизни, самые лучшие и богатые, и в сих-то одних двух уездах более 30 человек владимирских, а нет сомнения, что гораздо и более, так как многие, подобно двум

родным братьям благочинным, молодым еще священникам Димитрию и Ивану Спасским, в клировых ведомостях не показывают, что они из владимирской епархии. Владимирские вообще занимают и лучшие священнические и протоиерейские места, и благочиннические, и другие почетные должности, и получают их в столь короткое время, что не владимирские и не родственники не смели-бы и подумать о том, исключая самой малой части как-нибудь попавших в милость. Например, означенные Спасские занимают и отличные приходы, и благочиннические должности и им – двум родным братьям – вверен по благочинию надзор вообще за всем Оханским уездом, между тем как они оба люди нетрезвые. Родной брат архимандрита Павла, Иван Смирнов, протоиереем в отличном приходе – в селе Пещанском. Благочинный Стефан Груздев, из одного села с архимандритом Павлом и свойственник его – протоиереем в г. Кунгуре. Ирбитской Сретенской церкви протоиерей Александр Диомидовский, будучи священником, перемещен из владимирской в пермскую епархию 2-го марта 1839 года и в тоже самое время определен в ирбитское духовное правление присутствующим, 29-го июня того же года учителем крестьянских детей, 26-го августа того же года награжден набедренником, 2-го октября того же года определен духовником, 24-го декабря 1840 года, по закрытии ирбитского духовного правления, определен по 2-му округу, а 27-го ноября 1841 года и по 1-му округу благочинным, сотрудником попечительства и членом оспенного комитета, 20-го января 1843 года цензором проповедей, 25-го октября 1844 года цензором катехизических поучений, 14-го января 1845 года произведен в протоиерея, и сверх того, два раза объявлена ему благодарность епархиального начальства. И теперь сей Диомидовский над всем Ирбитским уездом – над 28 или 30 церквами – один благочинный! Верхотурского уезда, слободы Тагильской священник Василий Ястребов – владимирский же. На сего священника судьба излила также щедроты свои вполне: он, по окончании в семинарии курса, произведен 18-го января 1839 года во священника, 22-го октября определен благочинным и сотрудником попечительства, 29-го августа того же года

награжден набедренником, 4-го апреля 1840 года определен присутствующим верхотурского духовного правления, отстоящего от слободы Тагильской, где он, Ястребов, и теперь проживает, в 70-ти верстах. Сверх сего, к прежним церквам его благочиния причислены и градские верхотурские церкви и возложены на него должности в городе постоянного присутствующего при испытаниях в Законе Божиим в верхотурских училищах и в алапаевских заводских училищах и члена верхотурского комитета попечительного общества о тюрьмах. Камышловского уезда, Пышминской слободы священник Иван Скворцов перемещен из владимирской епархии и определен на настоящее место 25-го июля 1839 года, 7-го июля 1840 года определен благочинным, 17-го декабря 1842 года награжден набедренником, 13-го апреля пожалован скуфьей, 14-го марта 1847 года определен присутствующим в камышловское духовное правление, отстоящее от слободы Пышминской – от местожительства его, Скворцова – в 35-ти верстах; 7-го мая того же года перемещен к камышловскому Покровскому собору, на протоиерейское место, 12-го декабря того же года паки перемещен в Пышминскую слободу, 14-го ноября того же года, назначен цензором проповедей. Сей отличенный священник тем замечателен, что несколько уже лет совершенно глухой. Впрочем, этот священник уволен от присутствия в духовном правлении и на его место определен также владимирец, села Галкинского священник Яков Миртов, живущий от города в 8-ми верстах, и это свое распоряжение преосвященный основывает на том, что по собору начинаются дела и их рассматривают в духовном правлении сами члены соборного причта, присутствующие духовного правления, – соборные священники. Но, кажется, для одного собора, который в отношении дел можно удобно подчинить самой консистории, определять сельских священников присутствующими духовного правления не следует, особенно из родных своих и владимирцев, которых туземцы пермские за их деяния, за предоставляемые им во всех отношениях преимущества и за то, что всякий из них хвалится родством с преосвященным и с архимандритом Павлом (архимандрит Павел лично говорил

мне, что угодник Божий Митрофан, епископ воронежский, есть предок преосвященного пермского Аркадия, в чем я готов принять самую страшную присягу), ненавидят не просто только ненавистью, а ненавистью самых злейших врагов. Господь милостив, что у них таковая ненависть скрывается еще доселе в сердцах. Впрочем, докладываю вашему сиятельству, по совести христианина, что многие туземцы пермские детям своим, обучающимся в семинарии, запрещают иметь всякое соотношение с владимирцами, а особливо заводить с ними родство по бракам, под обещанием за противное объявления родительского проклятия, и сии юные воспитанники, кроме того, объявляют, что отцы их, причетники, когда упоминается в церкви во время богослужения на ектеньях имя пермского преосвященного, не поют: Господи помилуй! Я все это слышал от самих наставников семинарии... Законны-ли таковые действия пермского архиепископа, об этом в Перми из духовных никто говорить не смеет, а только светские все удивляются, сколько решителен и пристрастен к своим его преосвященство». Далее Архаров приводит несколько случаев в доказательство того, как Аркадий жестоко преследовал тех, которые осмеливались доносить ему о проступках его родственников, земляков и вообще покровительствуемых им, и прибавляет, что «если преосвященный имеет на кого особые виды и ему покровительствует, то требует, чтобы никто уже его, каков бы он ни был, не трогал и к защите такового и оправданию сам употребляет разные извороты. 14) Кроме предоставления Аркадием своим родным и землякам почетнейших по всей епархии должностей и отличных мест, он, по известным только ему и архимандриту Павлу причинам, допустил при многих церквях и приходах между священно- и церковнослужителями значительное, противное закону родство. В самом даже архиерейском доме между первенствующими лицами есть родство: преосвященный Аркадий архимандриту Павлу, который постоянно проживает в архиерейском доме и управляет им, консисторией и всею епархией, родственник, хотя они и скрывают это, а эконоом архиерейского дома, иеромонах Мисаил, владимирский уроженец, был женат на сестре родной

или двоюродной – неизвестно – архимандрита Павла. 15) Канцелярия пермской консистории самая плохая и едва-ли есть хуже её в другой какой-либо консистории. В ней не более двух человек, довольно опытных, и не более двух же человек имеют самую слабую опытность, а прочие из исключенных учеников и до того плохи, что я не могу и изъяснить вашему сиятельству. Перепиской набело бумаг в св. синод и к вашему сиятельству могут заниматься только двое или почти один, и потому бумаги от его преосвященства переписываются у него учениками семинарии. Здесь не могут быть терпимы такие люди, которые понимают дело, которые опыты в том и, следовательно, могут иметь за себя хоть какой-нибудь голос. Говорят и видно из дел, что в пермской консистории были очень опытные чиновники, но они все вытеснены и даже с обидою для них. Здесь секретарю консистории ни от кого из канцелярских чиновников нельзя иметь помощи. Помощник секретаря Топорков, обязанный, по 345 статье Устава духовных консисторий, исполнять поручения секретаря, занят другими разными должностями, именно: он есть столоначальник консистории, секретарь Попечительства о бедных духовного звания и письмоводитель Комитета по секретным делам. Я покорнейше просил его преосвященство или снять с помощника секретаря Топоркова упомянутые должности, или дать мне право избрать другого помощника, по он приказал мне молчать. Этот Топорков есть явный пример для всех в запущении и беспорядках и по управляемому им столу в канцелярии, и в особенности по секретным делам; но за то, что он безусловно уже исполняет всякую волю властей пермского епархиального управления и действует, как они ему приказывают, состоит под сильною их защитою и покровительством и получает разные поощрения и награды, и несколько раз преосвященный ходатайствовал об определении его секретарем консистории. А как ему не удалось до сего достигнуть, то он, кажется, решился до конца преследовать секретарей, определяемых сверх его воли. Что же касается до членов консистории, то они по разным случаям состоят в совершенной зависимости от преосвященного и потому не могут и не приучены так действовать по делам епархиального

управления, как закон повелевает, а действуют они во всяком деле по приказаниям преосвященного или лично им самим объявляемым, или, большею частью, чрез архимандрита Павла, который для того только и проживает в Перми, чтобы раздавать по епархии приказания преосвященного об исполнении угодного ему, передавать консистории таковые же и доносить его преосвященству благовременно и безвременно, кто именно что говорит и что даже думает. Если-же кто из членов решится действовать по делам по своему разумению, то его преосвященство сначала различно задевает их и пишет на счет их, как и в отношении секретарей, различные оскорбительные резолюции и, наконец, приказывает подать прошение об увольнении по каким-либо причинам от должности членов консистории. Упоминаемый архимандрит Павел, управляющий первым столом и заведующий по оному всеми вообще секретными делами, так недальновиден, что иногда стыдно и участвовать в писанных им резолюциях, а он не терпит, чтобы исправлять их. Решительную недальновидность его можете усмотреть, ваше сиятельство, из следующего случая: в апреле месяце сего 1848 года священник Андрей Прощекальников, в присланном в пермскую консисторию на Высочайшее имя прошении изъяснив, что архимандрит Павел доставлял ему, Прощекальникову, несколько лет чай фунтами, получал с него за то пудами мед, просил сделать между ними в том расчет, так как архимандрит переслал Прощекальникову чаю 30 фунтов, а Прощекальников передал ему меду 25 пудов. Пермская консистория постановила (иначе и быть не могло) отказать Прощекальникову в просьбе, как бездоказательной, и возвратить её ему с надписью. По сему постановлению заготовлено было определение и представлено к подписанию. Скрепив это определение, я доложил его для подписи членам консистории; по получении же оно для представления к преосвященному, я увидел, что оно и самим ответчиком, архимандритом Павлом, подписано. Я обязанностью после сего поставил доложить ему, архимандриту, что ему не следовало подписывать о самом себе определения, и он на это отвечал мне именно сими словами: «Ведь я дурак, нигде не учился, от

того-то это и случилось»... Здесь уверяют, что архимандрит Павел, закупая в большом количестве чай, рассылает оный по всей епархии к известным ему духовным лицам и получает за него выручку разными вещами, что самое и подтверждается означенною просьбою Прощекальников».

Далее Архаров пишет, что Аркадий вмешивается во внутреннее управление консисторской канцелярии, к ослаблению власти её секретаря, сам определяет канцелярских служителей, даже сторожей, не обращая внимания на их способности и на их нравственные качества, вследствие чего поступили в консисторскую канцелярию Чечулин, Бирюков и Попов, уличенные в воровстве и даже грабительстве. В заключение доноса, Архаров говорит, что метрические, обыскные, исповедные и приходо-расходные книги по пермской епархии пишутся фальшиво и небрежно, а особенно о присоединившихся к православию, и что эти книги никогда не свидетельствуются консисторией, несмотря на все усилия секретарей, потому, что такие свидетельствования были бы неприятны преосвященному, который всеми мерами восстает против них.

Донос Архарова, при сильном развитии шпионства в пермском духовенстве, при известной услужливости губернских почтмейстеров провинциальным властям и при существовании у всех архиереев корреспондентов в синодской и обер-прокурорской канцеляриях, не мог остаться тайною для Аркадия. Он счел неуместным теперь молчать об Архарове и поэтому написал к Протасову письмо, в котором, по изложению всех неблагонамеренных действий секретаря, просил об его смене. Письмо это само говорит за себя, а потому и не нуждается в каких-либо комментариях. Вот оно: «Ваше сиятельство, милостивый государь! переведенный из костромской в нашу пермскую консисторию Иван Архаров более и более выказывает себя неблагонамеренным и опасным. Первым делом его, по приезде в Пермь, было пустить молву, что он приехал ревизором: он де уже трех архиереев упек. Затем начал в присутствии консистории дивиться, что члены сидят подолгу, начал соглашать их сократить часы заседаний, и,

как он стал выходить из присутствия раньше членов, ныне уже и члены сидят не до двух часов пополудни, а до первого только. Предместники его постоянно занимались делами в консистории и после обеда: г. Архаров после обеда совсем не является в консисторию. Ни за делами, ни с делами, по примеру своих предместников, ко мне ни поутру, ни пополудни не приходит; в охранение целости дел и канцелярской тайны, принужден я был дать предложение консистории, чтобы за делами и с делами приходил ко мне помощник секретаря. По необходимости давал я предложения, что не в полной форме составляются для доклада записки (308 ст. Уст. дух. конс.), не просматриваются приготовленные бумаги (339 ст. Уст. дух. кон.), не поверяется еженедельно настольный докладной реестр (345 ст.), редкую бумагу, даже в св. правительствующий синод, не переписывают в другой раз, вследствие замеченных мною ошибок, неверностей.

Начал дивиться, что члены консистории ничем не пользуются от консистории и поодиночке их соглашать пытался, чтобы действовали с ним *заодно*, обещая доход по 3.000 руб. в год каждому. Члены консистории лично объясняли мне таковые неблагонамеренные действия г. Архарова и хотели было даже составить журнал об оных, считая его весьма опасным для них и для епархии. Возбуждает являющихся к нему жаловаться на начальство; в числе обольщенных им и тот священник Андрей Прощекальников, по прошению которого сегодня за № 853 представляются от меня в св. правительствующий синод сведения. Этот молодой священник даже явно хвалится покровительством г. Архарова. Самое прошение, думаю, сочинено под руководством Архарова и с пособием земляка его, столь много зла наделавшего у нас и по консистории, и по попечительству, бывшего столоначальника и секретаря Флавиева. Дух у того и другого один. Прощение переписано служителем графа Строганова, живущим в Перми, – очевидно, что и сочинено в Перми. Рассуждая в присутствии консистории о прошении, г. Архаров спросил: ужели можно венчать раскольников без присоединения? Когда миссионер, протоиерей Протасов, сказал, что есть на это особое разрешение, г.

Архаров сказал: «А я не знал». Ему и другу его Флавиеву не был известен секретный указ ко мне за № 5, от 31-го декабря 1839 года, а священник Прощекальников или не читая подписал прошение, или был совершенно отуманен обольщениями. Громки слова г. Архарова: «Пиши, – я напишу г. обер-прокурору; все будет по-нашему».

Сам не занимаясь делами, других отвлекая от занятий, вовлекая других в противление начальству, между тем имея столько случаев и способов вредить епархиальному управлению, не может не быть признаваем за чиновника самого неблагонамеренного и опасного. Покорнейше прошу ваше сиятельство, *для ограждения нашего спокойствия служебного*, перевести г. Архарова из Перми куда-либо: служить с ним, как вредным человеком, *не могу*.

Члены консистории доселе были с чистыми руками, со взаимным друг к другу уважением; не увлекаются еще ни обольщениями, ни угрозами врага мира и порядка. Когда он успеет перелить свой дух в других, тогда трудно будет исправлять испорченное. Когда медленным производством дел, или еще притязаниями оттолкнем от себя православных, которые просят, например, о построении церквей или о поправлении их, можем расстроить и их доверенность к епархиальному начальству, охладить их к церкви. Покорнейше прошу ваше сиятельство перевести от нас г. Архарова: *он для нас вреден*".²⁴⁷

Но как ни усиливался Аркадий своим письмом произвести впечатление на Протасова, он ошибся в своих надеждах – Протасов ему не поверил. А потому синод – конечно, под влиянием обер-прокурора – удалил из Перми архимандрита Павла,²⁴⁸ а также приказал Аркадию уволить от присутствия в консистории временно им назначенных её членами: иеромонаха Мисаила, ключаря Луппова и игумена Соликамского монастыря Алексея, поставив на вид преосвященному таковое отступление от законного порядка и запретив показывать в послужных списках этих трех лиц, что они присутствовали в консистории. Хотя Архарову синодским указом дано было разуметь, что он неправ, и было строго предписано, чтобы он отнюдь не

отваживался уклоняться от точного исполнения своих обязанностей, т. е. от своевременного хождения в консисторию, представления дел лично преосвященному и строгого исполнения всех установленных для делопроизводства правил; но, тем не менее, из того же указа было видно, что доносу Архарова дают в синоде значение; от Аркадия этим же самым указом требовали представления подробного и обстоятельного объяснения по всем обвинительным пунктам, изложенным в рапортах Архарова.

Объяснения Аркадия в высшей степени обнаружили нравственный характер этого человека. В них вполне высказались его умение обходить те вопросы, ответы на которые были трудны и опасны, его изворотливость, ловкость, лживость, злость и мстительность. Так, например, у него не дрогнула рука написать в этих объяснениях, что родственников его и земляков в пермской епархии немного (всего только 77 человек!), что земляки его, владимирцы, занимают, большею частью, худшие сравнительно с другими места и что он не имеет пристрастия ни к кому из своих подчиненных. Вот образчик увертки Аркадия: «Где более, пишет он в своих объяснениях, почетные места и должности, как не в епархиальном губернском городе? Но собственно в городе Перми нет ни протоиереев, ни священников, ни диакона, ни даже причетника и сторожа из владимирцев». Чтобы понять все бесстыдство этих слов, нужно припомнить, что ими Аркадий защищается против взведенного на него Архаровым обвинения в том, что он раздает богатые места в епархии своим родственникам и землякам и преимущественно помещает их в уездах Ирбитском и Шадринском, считающихся самыми богатыми. Как ловко Аркадий отводит от себя этот удар Архарова, утверждая, что в самой Перми нет владимирцев! Или еще: Аркадий отвечает синоду, что в пермской консистории нет членов из владимирцев, тогда как архимандрит Павел, игравший главную роль в консистории, был уроженец Владимирской губернии. Или вот еще уловка: Архаров пишет, что Аркадий принимал у него бумаги через лакея, а Аркадий на это отвечает, что при нем нет лакеев, а есть только один штатный служитель, занимающий

должность келейника. Потом продолжает: «Был только один случай, времени которому, впрочем, не припомню, был случай, когда был у меня кто-то из светских чиновников, по должности (имени его не помню – не думал я замечать имена посетителей, дни и случаи, не предполагая столь злостных действий секретаря); в это время приходил ко мне секретарь Архаров и, не дождавшись моего к нему выхода, втер дела служителю келейнику, который о приходе секретаря мне совсем не докладывал, почитая неприличным, может быть, войти в ту комнату, в которой был у меня тогда тот чиновник... Раз, или много два приносил мне дела секретарь Архаров и при других, т. е. при просителях, но в такое время приходиться зависело от воли самого секретаря. При просителях говорить с ним о пустяках неприлично, а о делах незаконно. Молчания моего при сем случае не считал я и никто не почтет за оскорбление секретарю Архарову, с которым в свиданиях и наедине говорить должно очень, очень осторожно: люди, к начальству или должности являющиеся с *духами* (sic) и с лицом красным, иногда позволяют себе дерзости. Раза два или три приходил он ко мне при кафедральном протоиерее Михаиле Протасове, члене консистории. Один такой случай объяснен мною в представлении св. синоду за № 1022, от 5-го октября минувшего года, во 2 пункте. Благословение левою рукою не только не противозаконно, а в некотором отношении бывает даже полезно и нужно. Архиереи, имея право благословлять обеими руками, могут благословлять и левою рукою: сего благословения никто из православных не охуждал и не охуждает».²⁴⁹

Но зато щедрою рукою рассыпал Аркадий в своих объяснениях всякого рода наговоры Архарову, называя его то «клеветником, усиливающимся полагать преграды до крайней возможности беспристрастным действиям епархиального архиерея и производить расстройство между мирно живущими туземцами и переселенцами», то «лживым доносчиком и неимоверно зложелательным к пермскому епархиальному управлению, которое под Божиим покровительством неуклонно идет к цели, указуемой оному высшим правительством», то «защитником раскольников, опасным и вредным для пермской

миссии, для пермской епархии, по полугоду удерживающим выдачу указов ставленникам», то «ябедником», то «человеком, стремящимся поколебать верность подчиненных по службе и покорить себе умы их».

Пока Аркадий писал такого рода объяснения, Архаров представил на него Протасову несколько новых доносов, в которых выставил злоупотребления преосвященного по епархиальному управлению, его мстительность и жестокость, пристрастие и бесчеловечие; так, напр., он диакона Ушакова в продолжение 11-ти лет 7 раз перевел с места на место. Аркадий не обращал внимания на то, что в консисторском доме во время морозов в трех углах присутственной комнаты выступает лед и держится там по несколько дней, а в комнатах канцелярии, кроме такого же холода, бывает жесточайший угар, так что чиновники занимаются в шубах, шинелях и теплых сапогах, а от угара дневальные и сторожа доходят иногда до безумия.

В хаосе взаимных обвинений и доносов синод не мог ничего разобрать и определить: кто прав и кто виноват? Ему оставалось одно средство для узнания истины и степени виновности взаимно обвиняющих лиц – назначить ревизию пермского епархиального управления, и он решился на эту меру. «Как действия секретаря Архарова, писал по этому случаю синод, выставляются преосвященным пермским в таком виде, что они не могут быть оставлены без строгого законного преследования, а между тем без формального дознания на месте нельзя положить решительного заключения о степени вины его в приписываемых ему опущениях по должности и неблагонамеренном действовании по оной; с другой стороны, и содержащиеся в донесениях секретаря Архарова указания на беспорядки по епархиальному управлению также обращают на себя особенное внимание, то св. синод определяет: все выставляемые в донесениях преосвященного Аркадия обвинения на секретаря Архарова, а равно и объясняемые секретарем Архаровым беспорядки по епархиальному управлению подвергнуть местной поверке и обследованию, возложив таковую на ректора казанской академии архимандрита Григория, протоиерея Верхо-Спасского

придворного собора в Москве Покровского и чиновника особых поручений при обер-прокуроре св. синода, надворного советника Пашковского, с тем, чтобы обо всем, что ими будет обнаружено, представили они в св. синод свои соображения». ²⁵⁰ Но протоиерей Покровский, по болезни и за старостью лет, отказался от возложенного на него поручения, и на место его, по указанию московского митрополита Филарета, назначен был серпуховской протоиерей Левицкий, «как человек, дозванный в способности к правильному, разборчивому и беспристрастному исследованию и производству дел, и как такой священнослужитель, который не один при церкви, а следовательно от назначения его ревизором не может произойти затруднения в местном исполнении должностей». ²⁵¹ Если, по этому отзыву Филарета, был так способен для производства ревизии протоиерей Левицкий, то не уступал ему в аккуратности, трудолюбию и в знании юридических приемов ректор Григорий, хотя, может быть, не имел его разборчивости. Даже Пашковский был бесполезен, потому что обладал в некоторой степени способностями, необходимыми для ревизора. Вообще нужно сказать, что ревизионная комиссия была составлена удачно. Следствие, произведенное ею, за весьма немногими исключениями, было правильно и верно. Вот её мнение о степени виновности лиц, подвергшихся её исследованию: 1) касательно секретаря Архарова: «а) Обвинение секретаря Архарова, доносила комиссия синоду, не во всегдашнем хождении в консисторию на должность хотя и доказывается членами оной, но настоящее удовлетворительное течение дел консисторских *довольно оправдывает его в этом*, б) Обвинение Архарова в соглашении членов на сокращение часов заседания *не доказано*, а те ранние выходы, в коих сознается Архаров, *оправдываются указанными им причинами*. в) В нехождении к преосвященному с делами, даже после внушения от св. синода, Архаров не оправдывается представленными им причинами, тем более что и внушение св. синода толкует по-своему. г) Обвинение, будто Архаров склонял членов консистории действовать с ним заодно и обещал доход, *бездоказательно*. д) Доказательства по предмету возбуждения

Архаровым духовенства к жалобам на епархиальное начальство недостаточны, как по несовершенной определительности оных, так и потому, что жалобы на пермское епархиальное начальство высшему бывали и гораздо прежде, а во время пребывания комиссии в Перми никто не обнаруживал такого возбуждения. е) В умышленной проволочке дел Архаров *не изобличается*. ж) Расстройства в канцелярии консистории в настоящее время *не видно, равно и признаков прежнего расстройства, которое-бы произошло от Архарова*. з) В замедлении свидетельствования казны консисторской в августе минувшего 1849 года Архаров оправдывается обстоятельствами, а в замедлении таковом в сентябре месяце оказывается неправым. и) Вину несвоевременного составления списков формулярных за 1848 г. Архаров слагает частью на преосвященного, у которого прошлогодные черновые списки находились до 21-го сентября, а частью на консисторию, которая представлением новых списков преосвященному без скрепы и ведома секретаря обличает себя в несогласном действовании с последним; но обстоятельства эти не вполне оправдывают Архарова в незаботливости его по сему предмету. *и) Хотя 1) секретарь Архаров не без основания представляет членов пермской консистории неблагоприятными к себе, как состоящему в приказной ссоре с епархиальным начальством, и 2) хотя журнал консистории 28-го сентября 1849 года о шумном его в тот день споре с членами относительно единоверцев не был предъявлен ему, Архарову, надлежащим образом, но поскольку 1) журнал этот подписан пятью членами и двумя чиновниками, исправлявшими должность столоначальников, и 2) есть единственный в своем роде, ибо нет никакого другого журнала, составленного членами пермской консистории на секретаря Архарова, то нельзя не признать за действительное события, поставленного причиною к составлению вышеупомянутого журнала, а потому следует дать оному полную веру, тем более, что мысли, приписываемые Архарову означенным журналом, хотя не с такою силою, выражены в разных его объяснениях по сему делу; поэтому Архаров почитается виновным в шумном споре с членами, воспрещаемом ст. 60 т. II. Св. Зак. Что же*

касается до шума, крика и оскорблений, приписываемых членами консистории Архарову в другие времена, то обвинение в оных, как неопределительное и бездоказательное и, притом, делаемое несвоевременно, не признается заслуживающим уважения».

2) Касательно преосвященного:

1) Хотя Архаров не без основания пишет, что действия преосвященного Аркадия в отношении к протоиереям Инсарскому и Ганимедову, к священникам Прощекальникову и Пономареву (подвергшиеся рассмотрению св. синода, – впрочем, лишь некоторые) были стеснительны для означенных лиц, равно как и небезобидны безвинные перемещения некоторых священно- и церковнослужителей с одних мест на другие; не без основания также почитает он, Архаров, обидными и вредными для себя действия преосвященного и членов консистории, состоящие в непредставлении его, Архарова, к знаку отличия беспорочной службы, в оставлении без аттестации в послужном списке, в некоторых укоризненных для него резолюциях, в наименовании его ложным и злобным доносчиком, противником, врагом зависимости, и в некоторых недоказательных доносах; однако-же Архаров признается виновным: а) в употреблении выражений, слишком дерзких и оскорбительных для преосвященного, которых излишество и сам он (Архаров) признает, б) в бездоказательном извете, будто бы преосвященный вооружил против него духовенство и канцелярию консистории, а также будто преосвященный давал приказания рекомендовать невыгодно не нравившихся ему духовных лиц, или заводить об них дела.

II) Донос Архарова относительно пристрастия преосвященного Аркадия к духовным, переселившимся из владимирской епархии, и особенно к родственникам его, в большей части обстоятельств справедлив, именно в том, что а) из владимирской епархии переместилась (в Пермь) значительная часть – 77 священно- и церковнослужителей; что б) в числе их были и родственники преосвященного, впрочем *не большая часть*,²⁵² а 13 человек, кроме 5-ти племянниц; что в) упомянутые владимирские переселенцы помещены

преимущественно в уездах Шадринском и Камышловском, кои, по общему отзыву местных жителей, превосходят другие уезды жизненными благами; что г) в сих только уездах родственников преосвященного ныне состоит 22 человека, в числе коих заключаются некоторые и из вышеупомянутых; что д) владимирские переселенцы живут спокойнее других, не подвергаясь частым произвольным перемещениям, и е) что представленные Архаровым лица действительно скорее других получили почетные должности и отличия. Что же касается до вражды между духовенством, переместившимся из владимирской епархии и природным пермским, то обстоятельство сие, судя по отзывам наставников пермской семинарии, можно почитать вероятным только, особенно в отношении к прошедшему; а посему выражение Архарова о сем предмете слишком преувеличено.

III) Допущение родства между причтами при некоторых церквях подтверждается доказательствами.

IV) Донос Архарова о том, будто бы преосвященный Аркадий несовершенно выполнил Высочайшее повеление относительно венчания сводных раскольнических браков и будто бы от сего сводные браки не уменьшаются, а умножаются, оказывается вовсе несправедлив; относительно же того, что протоиерей Протасов исправлял миссионерскую должность по Оханскому уезду вопреки указу св. синода, подтверждается самим преосвященным и делом о сем; верно также и то, что преосвященный Аркадий не согласился на распоряжение консистории касательно содействия Архарову по предмету предписания г-на обер-прокурора св. синода на счет донесения ему о происшествиях по духовенству. Задержание указов от 22-го апреля 1839 года с Высочайшим повелением бездоказательно относит Архаров к влиянию преосвященного; но то, что не донесено о сем обстоятельстве св. синоду, почитается опущением со стороны епархиального начальства.

V) Донесение преосвященного Аркадия св. синоду: 1) относительно присоединяющихся из раскола к православию и, в частности, относительно сепычевских прихожан, Архаров ложно представил не соответствующими действительности; но что

жители Сепычей и некоторых других православных селений не усердны к св. церкви и мало расположены к исполнению христианского долга – исповеди и приобщения св. Таин и к исправлению треб, – это весьма ясно доказывается собранными сведениями и признается самим преосвященным, в ответе коего высказано и защищение означенного недостатка в сепычевских прихожанах. Тоже видно из дела и относительно единоверцев пермской епархии, присоединение коих консистория подтверждает подписками о сем, и сама признает, что требуются еще особенные и долговременные занятия с ними. 2) Донесение относительно священника Яковкина не соответствовало современному положению дела о сем священнике, а 3) донесения относительно 500 руб. асс., взятых из Петропавловского собора, вовсе не было, посему извет Архарова о сем неоснователен.

VI) Донос Архарова относительно перемещений кучами и касательно увольнений за штат священно- и церковнослужителей, без прошений и со стеснением для перемещаемых и не по требованию обстоятельств, хотя неточен в отношении к числу лиц, показанных в июле 1848 года, но в отношении к содержанию своему подтверждается и объяснением самого преосвященного, и полученными из консистории копиями с предложений последнего по сему предмету, и сведениями о диаконах Ушакове и Максимове; сверх сего, видно из обстоятельств, что преосвященный Аркадий не принимал в соображение наставления, изложенного в указе св. синода от 1-го ноября 1846 года, за № 14.515.

VII) Сдача преосвященным Аркадием секретных бумаг в консисторию во множестве, по исполнении оных, оправдывается предоставленным ему от св. синода правом; оставление-же многих из таковых бумага без доклада консистории составляет неизвинительную неисправность канцелярии консистории и бывших секретарей оной. А то, что преосвященный Аркадий допускал произвол в производстве некоторых ставленнических дел, даже с устранением консистории в некоторых случаях, подтверждается достаточно представленными примерами.

VIII) Донос секретаря Архарова, что преосвященный убавил 6 руб. сер. из жалования канцелярских чиновников пермской консистории за июнь 1848 года в запас для лиц, предполагавшихся к увеличению канцелярии, основан на резолюции преосвященного; но убавка эта не составляет действия противозаконного; высказанные же Архаровым, по поводу оной, мысли обнаруживают в нем, Архарове: 1) неприязненное расположение к своему начальству, по которому он меру временной предосторожности представил противодействием себе и каким-то противозаконным намерением; 2) недовольство законным способом к содержанию и склонность к способам особым, представляемым под именем дозволенных, а между тем не основанным ни на каком законе, и 3) важную клевету, взведенную на архимандрита Павла, имевшего, будто бы, в руках своих все способы, именуемые позволенными, которых между тем сам же Архарова, не находит в Перми и после упомянутого архимандрита.

3) Касательно консистории:

1) Донос Архарова о несоблюдении пермской консисторией казенного интереса при производстве дел, доказан вполне, и члены оной мало извиняют себя ссылкой на молчание о том секретарей. 2) Размещение консисторских дел по четырем столам хотя и не соответствует порядку Устава духовных консисторий, но причины, изложенные в ответе преосвященного по сему предмету, оправдывают оное. 3) В отступлении от установленного законами порядка в производстве дел члены пермской консистории частью сами сознаются, говоря, что иные дела бывают отслушиваемы и тремя членами, без отвращения других от их занятий, а еще более обличаются в этом выставленными примерами, которые подтверждают донос Архарова касательно сего предмета и заставляют предполагать в членах недостаток должного внимания даже к указам св. синода. Действование консистории по предмету переплета документов оной явно противозаконно. 4) Недостатки, указанные Архаровым по настольным реестрам, по журналам, по протоколам консистории и относительно исполнения резолюций, подтверждаются частью сознанием самих

столоначальников консистории, частью примерами тех недостатков, которые остаются и доныне, и частью делами о переплете документов и по доносам Флавиева. 5) Недостатки относительно хранения указов св. синода и протоколов консистории хотя и исправлены многие, но и теперь остаются еще таковые в немалом количестве. 6) Оставление церковных документов почти всех без должного свидетельства подтверждается самими документами, как не имеющими надписей о свидетельстве, так и предложениями преосвященного, данными в ноябре 1847 года по сему предмету, которые и доныне не приведены в исполнение; этими-то предложениями опровергается и извет Архарова, будто преосвященный препятствовал свидетельствованию церковных документов. 7) Замедление по делам о выдаче первых трех метрических свидетельств оправдывается достаточно; прочие-же примеры замедления не оправдываются представленными причинами; общие причины медленности по производству дел, указанные Архаровым, справедливы, кроме той, которую поставляет он в неисполнении некоторых журналов, во время отбытия преосвященного в епархию; ибо это было непродолжительно и не без исключений. Должность миссионера по уездам Пермскому и Осинскому с должностями благочинного и члена консистории в лице кафедрального протоиерея Михаила Протасова почитается неудобосовместимую, как требующая немаловременных занятий и для сего нередких отлучек из города. 8) В недостатках по архиву консистории сознается и пермское епархиальное начальство. 9) Существование в архиве пермской консистории нерешенных дел доказано Архаровым и не подлежит сомнению. 10) Не внесение многих бумаг во входящие реестры доказано примерами, а не внесение в докладные настольные реестры многих-же бумаг и записанных во входящие подтверждено самой консисторией, с таковым только несправедливым объяснением, будто все те бумаги не требовали никакого рассуждения и распоряжения.

11) Относительно распубликования Высочайшего повеления, изображенного в указе св. синода от 19-го декабря

1838 года, и 12) о пятистах рублях, взятых в 1837 году из пермского Петропавловского собора на выписки церковных планов, – очевидны сами по себе. Но они были до Всемилоштивейшего манифеста 16-го апреля 1841 г. 13) По соображению как значащихся в деле (?), так и некоторых местных обстоятельств, есть основание думать, что члены пермской консистории выполняли иногда волю преосвященного Аркадия с отступлением от порядка, требуемого законами; сказанное-же Архаровым, будто бы они и не могут действовать, как закон повелевает, есть чрезмерное преувеличение, ничем не доказанное. Особенное снисхождение преосвященного Аркадия к протоиерею Иакову Пономареву обнаруживается тем, что, при известности об его запое, оставлен он членом консистории и доставлены ему отличия, по обличении его в самой консистории в нетрезвости, не удален от присутствия в консистории, а также отзывом преосвященного, что он был терпим по уважению к его опытности и неутомимости в делах. 14) Неверность в счете службы Шастина показывает недостаток внимания производивших это дело, оказавшееся несогласным с действительностью. Донесение членов консистории о том, будто бы свидетельствованы были церковные документы, как несогласное с действительностью, подает повод заключать о намеренном желании их закрыть неисправность свою несправедливостью».²⁵³

Синод, вследствие этого донесения ревизионной комиссии и взгляда её на действия Архарова и епархиального пермского управления, составил такого рода определение по этому делу: «1) Секретарю Архарову, за несоблюдение долга подчиненности, за уклонение от представления преосвященному дел и бумаг, за нередкое не хождение к должности, за замедление ревизии консисторских сумм в сентябре 1849 года, за неприличность и преувеличение доноса в тех пунктах, в которых оный по следствию не оправдан, сделать строгое замечание со внушением, что впредь за подобные поступки подвергнется суждению по законам. 2) Членам пермской консистории за все вышеизложенные упущения и беспорядки по делопроизводству, в которых они

оказываются виновными, сделать строгий выговор, со внушением, что за подобные дела подвергнутся строжайшей ответственности по законам; допущенные же беспорядки по делопроизводству и по архиву немедленно исправить, за чем особенное наблюдение поручить преосвященному Аркадию, с тем, чтобы о введении порядка по замеченным частям доносил св. синоду чрез каждые полгода, доколе все замеченное в беспорядке не исправится, и 3) преосвященному Аркадию объяснить, что св. синод с крайним прискорбием обозревал распоряжения его, которые оказываются выходящими из порядка, а по своему примеру и последствиям вредны службе и нравственному благу порученной ему епархии. Произвольное и стеснительное, без законной причины, перемещение духовенства с одних мест на другие составляет собою действие, крайне стеснительное для подчиненных и вредное для паствы. Вызов из одной владимирской епархии столь значительного числа духовенства и в особенности родственников, с предоставлением сим последним выгодных мест и незаслуженных повышений и отличий, составляя несправедливость и стеснение для местного духовенства, обнаруживает такое в лице его пристрастие, которое противно законам и, притом, крайне неприлично для его сана. Показание же значительного числа раскольников присоединившимися к церкви, тогда как они продолжают чуждаться её, как противное истине и представляющее столь важное дело в превратном виде, может вредить самому делу и вводить высшее начальство, основывающееся на таких донесениях, в неправильное заключение и даже могло-бы послужить основанием к неправильным донесениям Государю Императору, а потому, сделав за все сие строгий выговор ему, преосвященному, предписать: 1) от неправильного передвижения духовенства воздержаться; 2) впредь из владимирской епархии в пермскую лиц духовных и воспитанников не переводить; 3) о присоединившихся раскольниках к церкви доносить по одной истине, не считая их присоединенными дотол, доколе сие не оправдается исполнением с их стороны устава церкви; 4) принять все меры,

чтобы о происшествиях в духовном ведомстве и среди духовенства доставлялись г. обер-прокурору сведения своевременно и верно для доклада Государю Императору; 5) не допускать никаких неправильных распоряжений, подобных вышеизложенным, и для прекращения сего на будущее время в случаях несогласия его, преосвященного, с консисторией, не приводя своих заключений в исполнение, представлять дела на разрешение св. синода, и 6) поставить себя строго в пределы закона и порядка, так, чтобы св. синод не был вынуждаем принять какие-либо решительные меры в отношении к нему, преосвященному».²⁵⁴

В 1851 году Аркадий был перемещен из Перми в Петрозаводск и с этого времени до того изменились неприязненные к нему отношения св. синода, что его даже вызвали в Петербурга для присутствования в нем, а друга его, архимандрита Павла, перевели в Олонецкую епархию. Сам Протасов, враждовавший прежде против Аркадия, впоследствии оказывал внимание к нему и охотно исполнял его просьбы. Так, когда владимирский епископ Иустин не согласился определить в село Черкутино – родину покойного графа Михаила Михайловича Сперанского – на место протоиерея Михаила Федоровича Третьякова, женатого на сестре покойного Сперанского, внука его, окончившего курс наук во владимирской семинарии, Павла Киржачского, на том основании, что Киржачский был второго разряда, а черкутинский приход, по средствам, представляемым им к содержанию священнослужителей, мог быть занят перворазрядным воспитанником семинарии, тогда Аркадий, как родной брат протоиерея Третьякова, обратился с просительным письмом к Протасову об определении в Черкутино означенного Киржачского.²⁵⁵ Протасов с жаром взялся за это дело и, отозвавшись с чувством негодования о поступке Иустина при предложении письма Аркадия св. синоду, успел склонить его членов удовлетворить просьбу Аркадия.²⁵⁶ Может быть, на перемену отношений синода и Протасова к Аркадию имело большое влияние обаятельное имя его родственника – Михаила Михайловича Сперанского, а может быть этому много помогло и

присущее Аркадию искусство очаровывать людей и располагать их в свою пользу. Некоторые же объясняют изменение отношений к Аркадию тем, что Протасов, чувствуя в последние годы своей жизни утомление от постоянной борьбы с архиереями, стал примиряться с теми из них, которых ему приходилось прежде учить порядку и сдержанности.

IX. Ревизия олонецкого епархиального управления

Ревизия олонецкого епархиального управления была вызвана действиями архиепископа олонецкого Венедикта, человека больного физически и нравственно, оригинала до странностей, мизантропа, мало веровавшего в благородство побуждений и чувств и сухого формалиста. Подозрительный и мрачный взгляд Венедикта на людей образовался в нем, вследствие некоторых особенных обстоятельств в его жизни, еще прежде, чем он был назначен петербургским викарием. Столичная жизнь и её обстановка не только не изменили, но еще более усилили мрачное настроение души Венедикта. В Петербурге он увидел лицом к лицу многие неурядицы нашей высшей духовной администрации, которые вдали от правительственного центра были им вовсе не замечаемы. В Петербурге же он был поражен разладом между словами и действиями, который представляется тем отвратительнее, чем более люди, подверженные этому пороку, предъявляют прав на общественное к себе уважение. Он порывался срывать маску с таких людей, пытался, во время самостоятельного, за слабостью митрополита Серафима, управления петербургской метрополией, выводить на позор этих общественных лицедеёв и преследовать их формальным судом; но они, оградив себя, как каменную стеною, протекцией и будучи защищаемы секретарем Серафима Сусловым, не потерявшим и в то время своего значения, были всегда оправдываемы. Самая продолжительность времени пребывания его в должности петербургского викария, выходявшая далеко за обычные пределы (Венедикт был петербургским викарием почти 10 лет, с 1-го мая 1833 г. по 16-е ноября 1842 г.), частые столкновения его с препятствиями в исполнении своих намерений, постоянная борьба против вторжения светской власти в дела петербургского епархиального управления, – все это более и более раздражало его и развивало в нем мизантропию. От людей бежал он к делам консисторским и хотел забыться в них, но и здесь встречал он снова людей в самых

непривлекательных образах. Единственным местом успокоения его, где он отдыхал душою и телом, где среди задушевных разговоров успокаивалась у него желчь и исчезала хандра, были семейства родных его братьев: протоиерея И. Григоровича и чиновника Константиновского дворца И. Григоровича. Из писем Венедикта к братьям из Петрозаводска видно, как горячо он любил их и как близко принимал к сердцу все касавшееся до них. Приведем здесь несколько отрывков из этих писем. Вот, напр., что он писал, между прочим, к о. протоиерею Григоровичу от 29-го октября 1849 года: «Почтеннейший, любезный братец, отец протоиерей Иоанн Иоаннович, письма ваше от 28-го сентября, и братцево от 29-го, получил я исправно. Читая и перечитывая их, вижу их даже во сне и благодарю за извещение от всего сердца. Но, за всем тем, не могу ясно постигнуть, что это за беды собираются на мою голову; что я сделал худого им? в чем я виноват пред их милостями»? А вот другое его письмо к нему же, от 20-го апреля 1850 года:

«Почтеннейший, любезный братец, отец протоиерей Иоанн Иоаннович!

Воистину воскрес Христос! Душевно благодарю вас со всею домашнею церковью вашею и за благожелания с светлым днем Господа и Искупителя, и за праздничную посылку. Их получил я своеручно в самый день.

К Александру Ивановичу (старший сын о. Григоровича, поступивший в военную службу) в Ямбург написал я в первый раз только ныне, 25-го числа, или лучше сказать, со вторичною почтою на Светлой неделе; приложил по настоящей своей возможности и на красное яичко или, лучше сказать, на солдатские зубы, 25 р. Дай Бог, чтоб был хорошим солдатом, тогда будет и хорошим капралом. Кланяйтесь братцу Николаю Ивановичу. Да утешит его сам Господь. Постараюсь написать к нему со следующею почтою и сам, что Бог пошлет. Нынешние суеты одолевают у меня (sic).

Прощайте покамест. Да благопоспешит вам Господь во всем. Вам душевно преданный брат и слуга А. В—т».

Но посещения Венедиктом семейств своих братьев не могли надолго поддерживать в нем хорошего настроения духа,

потому что, во-первых, при многочисленности епархиальных дел ему нельзя было часто посещать их, а во-вторых, хандра и мизантропия слишком далеко пустили корни в его душе.

После почти десятилетнего викариатствования в Петербурге, за два месяца до смерти митрополита Серафима, Венедикт был назначен олонецким архиепископом и присутствующим в св. синоде. Новое назначение, как и всякая новость, на первых порах если не произвело перемены в характере Венедикта, то, по крайней мере, как бы оживило его, тем более, что при этом возбуждены были в нем надежды на повышение и на перевод в высшую и более выгодную для него епархию, и ему было прямо сказано, что на настоящее свое назначение он должен смотреть как на временное и переходное. Но время, между тем, шло, а нового назначения Венедикту не давали, хотя держали его в Петербурге и не отпускали в свою епархию. Так прошло около пяти лет. Надежды Венедикта постепенно испарялись и он с каждым днем более и более удостоверился в том, что его обманывают, и в синоде держат потому только, что в нем чувствуют нужду, как в опытном юристе; и действительно, как скоро эта нужда в нем миновалась, ему предписали указом отправиться в Петрозаводск, а предшественника его по управлению олонецкой епархией, донского архиепископа Игнатия, вызвали на его место в синод. Венедикт приехал в свою епархию с чувствами, проникнутыми желчью, а встреча с тамошними лицами и делами настроили его на самый грустный лад. Весь отдавшись мрачным впечатлениям, лишенный утешения своих братьев, с тупою ненавистью и злобою к своему предшественнику, Венедикт в его учреждениях хотел преследовать его самого, уничтожал все полезное, устроенное им, и возобновлял все, уничтоженное им. Мало обращая внимания на общественное мнение, брюзгливый, неблагообразный в служении, не строгий к себе, не слишком мягкий к другим, больной, без любви к своей пастве, он произвел на неё неблагоприятное впечатление, которое было тем сильнее, чем живее и яснее носился перед нею образ прежнего её деятельного пастыря, благоговейного в служении, доступного для всех, внимательного ко всем. Чтобы судить о

внутреннем состоянии души Венедикта, мы приведем здесь письмо его к о. протоиерею Григоровичу от 15-го ноября 1847 года: «Душевно благодарен вам, писал он, за письмо от 1-го ноября. Взаимно написал-бы и о здешних духовных особенностях, но они, по начально положенным на них клеймам, так тягостны мне, что ни сам не могу смотреть на них равнодушно, ни людям похвалиться нелепостями. Лучше, рассуждаю, помолчать». Другое письмо, от 29-го октября, еще лучше характеризует внутреннее состояние его. «Если позволят вам обстоятельства, писал он к тому же своему брату, и ваша служба, Бога ради приезжайте ко мне, хотя дня на три или четыре. Мне очень-бы желательно разделить с вами свои мысли и чувствования. Их никто другой не может принять от меня». Потом он постоянно просил своих братьев чаще писать к нему и обращался к ним с такого рода мольбою: «Бога ради, радуйте меня при досугах своими письмами; они для меня утешение, какого бы ни были содержания» (письмо от 8-го апреля 1850 года). Недовольство своим состоянием выражалось и в его епархиальных делах, которые хотя двигались, но медленно, носили печать апатии и были более разрушительного свойства, чем устрояющего. Он чувствовал всю безысходность своего положения и с безотрадным отчаянием покори́лся своей судьбе. Братья хорошо понимали состояние души его, а потому хлопотали в Петербурге о переводе его в другую епархию и ни мало не верили его фразе следующего содержания: «Возьмите себе за и на нотабене, что я не думаю и решительно не хочу никуда отсюда, хотя-бы то было на самое лучшее место. Здесь я пришелся ко двору. При случае поговорите об этой моей новости и с Василием Борисовичем (Бажановым), прося от меня же, чтобы в надлежащих случаях благоволил он закинуть по этому за меня свое словечко. Я не ищу ничего на свете и ни о чем не думаю, кроме того, на что единожды поставлен. Дал бы Бог и это сделать, как должно и как хочется». В постскрипте этого письма он прибавляет: «Мартовская и апрельская погода здесь такая отличная, какой в Петербурге не выдавано и не слыхано. Благость и премудрость Господа на севере для человека такова-же, как и на благодатном юге. Дивны дела

Твоя, Господи, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!» (письмо от 8-го апреля 1850 года). Примирившись, по-видимому, со средою, Венедикт с полным невниманием к синоду, открытым невниманием к его предписаниям и указам и явную оппозицией его распоряжениям. Вынеся из Петербурга полное и глубокое к нему нерасположение, он в Петрозаводске не исполнял его предписаний. Так, остались неисполненными Венедиктом следующие синодальные указы: 1) по жалобе на него синоду священника олонецкого собора Александра Прилежаева на неправильное удаление его из города Олонца в г. Вытегру; 2) о рассмотрении поступков священника Повенецкого уезда, Паданского погоста Ильи Егорова, учиненных в православной часовне, в противность узаконениям об образе поведения в отношении к раскольникам; 3) по делу о сравнении содержания причта в селе Рубеже с причтами других церквей; 4) о построении церкви в Верховском приходе; 5) по прошению воспитанника олонецкой семинарии Федора Ладвинского на проволочку с 1844 года дела о производстве его в духовный сан; 6) о недоставлении срочных донесений за целый год об училищах при монастырях и приходских церквях, о бывших и не бывших на исповеди и у св. причастия, о родившихся, браком сочетавшихся и умерших, и 7) о недоставлении ответа министру финансов о возвращении в капитал Александроневской церкви, состоящей в ведении Олонецких заводов, билета Сохранной казны в 1250 руб. асс., а равно и других принадлежащих ей сумм.²⁵⁷ Но большой беды еще не было бы, если бы Венедикт не исполнил только этих указов; сам синод, чувствуя свое неловкое положение по отношению к нему, боялся раздражать его настоятельными напоминаниями о неисполненных указах. К несчастью Венедикта, в числе неисполненных им синодальных указов находилось одно высочайшее повеление. В 1846 году Император Николай повелел министру юстиции графу Панину удалить от службы по вверенному ему министерству чиновников, не только явно неблагонадежных, но и тех, которые навлекают на себя сильное подозрение в неблагонамеренности действий; вместе с этим, повелено было Панину представить и

проект о мерах к приведению в надлежащее устройство состава гражданских чиновников и по другим ведомствам, кроме министерства юстиции. Так как беспорядки и упущения замечены были Государем преимущественно по губернским учреждениям, то поэтому проект Панина направлен был, главным образом, к улучшению состава губернских чиновников. По проекту Панина предполагалось отправить в разные губернии членов консультации, снабдив их особым наставлением, по силе которого они должны будут ревизовать губернские и уездные судебные места, для узнания степени благонадежности губернских чиновников и для удаления от должности тех из них, которые не далее пяти лет тому назад заслужили явное порицание своим поведением или сильное подозрение, а также и для приведения в ясность и отстранения, по мере возможности, на месте тех главных беспорядков, которые обнаружены произведенными доныне ревизиями, и в особенности медленности или бездействия в производстве дел и следствий. Вместе с тем, по проекту Панина, предоставлялось этим ревизорам право увольнять от должности тех неблагонадежных чиновников по ведомству министерства юстиции, которые определены на службу не по указам Государя или сената. Удаленных таким образом чиновников Панин полагал не определять ни в какую должность без разрешения главного начальства. Наконец, для достижения, по его выражению, во всей полноте воли Государя, он предлагал пересмотреть весь устав о гражданской службе, со всеми его приложениями и дополнениями. Пересмотром устава, по предположению его, должен был заняться особый комитет, составленный из товарищей министров и начальника штаба, и из директоров департаментов тех главных управлений, в коих нет лиц первых двух званий. Государь одобрил проект Панина, но с некоторыми ограничениями, выраженными в следующей резолюции: «Согласен; но неблагонадежных чиновников не определять вновь на службу по другому ведомству без Моего распоряжения; комитет составить из товарищей министров под председательством А. С. Танеева».²⁵⁸ Новое распоряжение касалось и гражданских чиновников, служащих по духовному

ведомству. Синод, по выражению его, «соображаясь с существующим по духовному ведомству порядком заведования всех епархиальных и присутственных мест и учебных заведений, соединенных с иерархическою властью епархиальных архиереев, которым подчинены гражданские чиновники оных, положил: взамен мер, принятых по министерству юстиции, исполнить сие высочайшее повеление по духовному ведомству следующим образом: для ближайшего узнания степени благонадежности служащих в епархиях гражданских чиновников, для удаления от должности тех, кои прежнюю подсудимостью в недавнее еще время, т. е. не далее пяти лет тому назад, или дурным поведением заслужили явное порицание, или навлекли на себя сильное подозрение, в последнем звании не ослабившееся, поручить епархиальным архиереям, также обер-священникам гвардейского и гренадерского корпусов и армии и флотов обратить ныне же, неукоснительно, строжайшее внимание на службу и поведение всех чиновников их ведомства, кроме секретарей духовных консисторий, и о том, кого они признают неблагонадежным к оставлению при настоящей должности, представить к увольнению, с изъяснением побудительных к тому причин, на разрешение св. синода, а по духовно-учебному ведомству установленным для сего порядком. За сим предписать к повсеместному наблюдению по духовному ведомству, чтобы чиновники, уволенные от должностей, как неблагонадежные, также бывшие под судом и приговором суда не оправданные, даже и в тех случаях, хотя-бы лица сии не имели еще классного чина или права на оный, не были определяемы ни к каким должностям, без представления о том предварительно на усмотрение св. синода».²⁵⁹ Вследствие этого, архиереи должны были рапортовать св. синоду о неблагонадежных чиновниках, служащих по духовному ведомству. Одни из архиереев донесли, что у них нет таких чиновников, другие представили к увольнению некоторых, но третьи в продолжение целого года не присылали никаких исполнительных донесений,²⁶⁰ а потому снова циркулярным указом св. синода подтверждено было последним о скорейшем исполнении указа касательно

неблагонадежных чиновников. Наконец, все архиереи доставили донесения по этому предмету, как умели, кроме Венедикта. Протасов сам писал к нему, чтобы он позаботился об исполнении высочайшего повеления, но Венедикт не удостоил ответом обер-прокурора. Тогда Протасов в ведомости о неисполненных высочайших повелениях за 1848 год через Танеева доложил Государю, что Венедикт уже более года не исполняет высочайшего повеления о неблагонадежных чиновниках. Государь на этой ведомости написал: «Спросить». Синод спросил Венедикта, но он ему не ответил. Тогда синоду ничего более не оставалось делать, как послать от себя доверенное лицо в Петрозаводск для истребования от Венедикта отчета не только в этом поступке, но и в других, и для обозрения образа его управления. В указе синода по случаю назначения над Венедиктом ревизии, многозначительно сначала перечислялись все те случаи, в которых он не исполнил его предписаний, а потом говорилось, что «он с сожалением усматривает крайний недостаток деятельности архиепископа Венедикта в исполнении лежащих на нем обязанностей и заботливости не только указов св. синода, но и высочайших повелений, так что ни побуждения начальства, ни обращение на его медленность по первому показанному здесь делу внимания Государя Императора, не возбудили его доныне к исполнению долга, а потому, считая себя в неперменной обязанности употребить все крайние меры, как к наискорейшему исполнению высочайшей Его Императорского Величества воли о мерах к устранению от службы неблагонадежных чиновников по духовному ведомству, так и окончанию прочих вышепрописанных дел, определяет: 1) командировать в г. Петрозаводск одного из находящихся в С.-Петербурге архимандритов, поручив ему, по приезде туда, отнестись лично к архиепископу Венедикту, чтобы он благоволил поспешить в присутствии его окончанием всех помянутых дел, а особенно о чиновниках, и вручил ему требуемые от него сведения для представления в св. синод. 2) Если бы при сем преосвященный и затруднился в некоторых такими обстоятельствами, которые легко могут быть устранены,

то предложить ему, нимало не медля, принять к тому нужные меры и с такою же поспешностью положив конец тем делам, передать ему, что нужно св. синоду, для представления в оный. 3) Если-же напротив, в окончании каких-либо из тех дел примечено будет со стороны преосвященного одно безосновательное уклонение, в таком случае просить у него самых дел тех для просмотра, приняв те из них, кои не получили еще окончания по консистории, или и получили, но имеют в составе своем какие-либо недостатки, предложить ей окончить в самоскорейшем времени, и получив оные от неё обратно, представить в св. синод подлинниками. 4) В случае каких-либо препятствий и затруднений доносить об оных св. синоду. Вместе с сим, предписать самому архиепископу Венедикту непременно и без малейшего замедления выполнить все требования командированного по изложенным делам и с ним же донести о том св. синоду».²⁶¹

В этом указе заключались и программа действий для ревизора, и выговор и угроза для Венедикта, и боязнь синода, чтобы Венедикт не сделал какой-либо отчаянной выходки. Ревизором назначен был Антоний, ректор киевской семинарии, человек тонкий, хитрый, самостоятельный и твердый. Венедикт принял Антония не очень мягко и любезно; но он повел дело так ловко, что преосвященный исполнил почти все предписания синода, за исключением только двух, именно: 1) касательно вновь строящейся каменной церкви Олонецкого уезда в Верховском погосте и 2) возвращения в капитал Александровской церкви билета Сохранной казны в 1250 руб. асс., несмотря на то, что он в это время был очень нездоров, так что с ним делались припадки даже во время отправления богослужений. Так, 22-го июля, как рапортовал секретарь олонецкой консистории, случилось следующее происшествие с Венедиктом во время отправления им богослужения в кафедральном соборе: по освящении св. Даров, он упал на руки сослужащих с ним и потом спущен был на пол в полном архиерейском облачении и оставался в беспамятстве до прибытия медиков около 25-ти минут. Священнодействие dokonчил и положенный на этот день царский молебен

совершил уже Антоний – ревизор.²⁶² Что же касается исполнения высочайшего повеления о неблагонадежных чиновниках, то Венедикт рапортовал и об этом синоду, но объяснил причину своей медленности поэтому делу чрезвычайно темно и уклончиво; впрочем, из этого рапорта можно было видеть, что он недоволен своей консисторией. «Возвратясь на епархию, писал он, в мае месяце 1847 г. и озабочиваясь тем, что около пяти минувших не имел я к служащим в консистории чиновникам личных по службе отношений, ниже непосредственных с ними занятий делами, поручал я для безошибочности своей рассмотреть это присутствием епархиальной консистории и дать мне отзыв свой. На это консистория, протоколом 8-го июня 1848 года, представила: 1) что на службе в оной состоят четыре чиновника: коллежские секретари – столоначальник и казначей Стефан Моминский и столоначальник Александр Троицкий, архивариус губернский секретарь Иван Намочский и коллежский регистратор Игнатий Соколин. Из них архивариус Намочский 19-го мая 1848 года подал в консисторию на высочайшее имя об увольнении от службы по расстроенному здоровью; прошение то не разрешено еще в консистории; и 2) что чиновники, служащие в консистории олонекской, признаются ею способными к прохождению своих должностей и причин к увольнению их не предвидится. По содержанию этого отзыва рассуждая, что о качествах присяжного чиновника надлежало бы судить по опытам проведенного уже на службе времени, и посему не позволяя себе ожидать причин к такому удостоверению в будущем времени, между тем замечая, что есть в консистории денежные делопроизводства, как-то: о сумме около 34.000 руб. асс., отпущенной в 1831 году в пособие церквям и причтам Повенецкого уезда, о сумме антиминсной с открытия епархии, о сумме венчиковой, о заимообразных в долг отпусках, каковые делопроизводства должны-бы и очищаться повременно, – давал я многократно предложения и побуждения об ускорении представлением дел такового рода, имея в виду как то вообще, что чем далее будет длиться, тем более окончательная отчетность по сим может затрудняться, а при самом

рассматривании и соображении таковых отчетных дел могли-бы быть виднее как должностная заботливость каждого чиновника о порядке и правильности в состоящем на руках его дел, так и подготовительные меры к безостановочной, когда требуется, отчетности, следовательно и суждения о нравственных качествах лица безопаснее. Из предложений и побуждений последнее было касательно антиминсной суммы 8-го апреля 1849 года по случаю, что предстоит нужда в новом запасе антиминсов, с назначением в оном, как в седьмом уже касательно этой суммы побуждении, непременно срока на изготовление отчета в две недели; но, не получая ни сего, ни дел о других суммах из консистории, равно не получая сведений от г. секретаря оной, хотя-бы то подручных (?), какие были бы причины этому запущению; к тому же, видя, что и архив консистории не приведен в назначенный уставом порядок, а иные из членов, при настоятельных, непосредственных разведаниях моих, поставляли не раз в виду, что промедления долговременные происходят с их стороны то за недоставлением справок канцелярских, либо архивных, то за невозможностью отыскать потребные к решению известного денежного обстоятельства бумаги, по нахождению их при делах другого рода, но не делавшимся в свое время отметкам о том, по не снятию принадлежащих копий, по бывшим иногда назначениям расхода или прихода не на бумаге, а словесно, по неимению в свое время достаточного числа писцов, по опасениям ныне ошибки в присутственных суждениях от неполноты и неточности в делопроизводствах своего времени, допущенной по неопытности канцелярии на службе нового рода и необычной с другими местами губернскими.

В какой бы степени все то ни было, но я, многократно рассуждая, что тем, кои позволяли себе в минувшем высказанные по настоянию моему (?) упущения в важнейших предметах должности, надлежало бы и возместить их впоследствии, на что довольно было и времени, а не оставлять без заботы, как бы не относящиеся уже к ним, – не могу я, с одной стороны, не опасаться того, чтоб подтверждения прописанному отзыву консистории касательно

непредусматривания в будущем причин за чиновниками её к увольнению, с другой – не могу пропустить без внимания того, что, в случае увольнения, совершенно нельзя будет заместить здесь кого-либо другими лицами, и напоследок, на случай оставления как виновных (?) для изготовления всех, какие следуют, отчетностей, и как долженствующих знать бывшее за их время более и удобнее, чем всякой другой, осмеливаюсь смиреннейше доложить тоже, что докладывал я в 1843 году рапортом 13-го декабря за № 2714, с добавлением в особенности с штатов 1844 года денежным делам людей и окладов на два еще стола (?), применяясь в чем приличествует и необходимо к учреждению 2-го января 1845 года для губернских правлений, либо дозволить войти особым представлением».²⁶³

Синод рад был, что получил хоть какое-нибудь объяснение от Венедикта, а потому более и не тревожил его своими требованиями и выговорами; но, при всем том, отказал ему в увеличении штата олонецкой консистории. Венедикт также был рад, что так легко отделался от ревизии. В делах синодских нет никаких сведений о результате этой ревизии, вероятно, потому, что синоду было известно болезненное состояние Венедикта, а последовавшая вскоре потом его смерть приостановила синод в произнесении приговора об его администрации.

После ревизии Венедикт жил недолго. Еще со второго года пребывания своего в Петрозаводске он начал жаловаться на состояние своего здоровья; сначала писал, что у него худо стали служить глаза и руки²⁶⁴ и что всякое напряжение приводит его в изнеможение; потом, что у него болят и ноги, и руки, и грудь.²⁶⁵ Болезнь – как видно, водяная – все более, и более усиливалась и с 1849 года, после описанного выше припадка, здоровье его более не поправлялось, как видно из письма его от 30-го сентября 1850 года к своему брату, протоиерею Григоровичу, в котором он писал следующее: «Опишу вам, братец, о себе очень невеселое: с половины прошлого 1849 года стал я очень слабеть в силах своих; глаза тупеют, ноги часто подкашиваются, одышка одолевает часто. От последней, которая особенно беспокоила меня до половины

минувшего августа, стал я отпиваться, как теленок, сливками парными и чувствую себя посвежее, в дышании посвободнее. Что Бог даст далее, да будет Его святая воля! Местных болей в теле нигде и никаких не ощущаю, благодарение Господу, но часто находящее ослабление, изнеможение в общих силах беспокоивает тем не менее. Значит, век изжит уже, пора и честь знать. Остается отечески взывать: Господи Боже, Творче и Искупителю мой, помилуй меня, грешного». Еще 3-го ноября того же 1850 года написал он весьма короткое письмо к протоиерею Григоровичу, в котором выражал досаду свою на секретаря олонецкой консистории Гиляровского за то, что тот в письме своем к одному из петербургских приятелей сообщил известия о его болезни и слабости; в заключение своего письма, Венедикт сказал: «Пою Богу моему, дóндеже есмь». Но это было, если можно так выразиться, хвастовство тем, чего уже не было; смерть была близка к нему. Спустя месяц после этого письма, Венедикта уже не существовало. Олонецкий гражданский губернатор уведомил графа Протасова о кончине преосвященного Венедикта следующим донесением: «Долгом поставляю почтеннейше донести вашему сиятельству, что сего числа (7-го декабря 1850 года), в первом часу пополудни скончался олонецкий архиепископ Венедикт от водяной болезни. Только несколько дней тому назад показались признаки этой болезни, но его преосвященство чувствовал себя в силах, так что думал еще служить вчерашнего числа. Прошедшею ночью болезнь усилилась, сегодня утром архиепископ исповедался, причастился, особорован маслом и, затем, простясь со всеми у него бывшими, тихо окончил жизнь».²⁶⁶

Х. Ревизия кавказского епархиального управления

Преосвященный Иоанникий, оказавшийся, как мы уже видели,²⁶⁷ неспособным и вредным на оренбургской кафедре, был наказан перемещением из Уфы в Ставрополь. Но с переменою места не изменился нравственный характер Иоанникия, который и на новой кафедре сохранил все свои старые, не весьма нравственные, привычки. Из Уфы он вывез своего родственника Альбанова, который в Ставрополе получил место помощника секретаря консистории и сделался поверенным во всех делах архиерея; с Альбановым близко сошелся кафедральный ставропольский протоиерей Крастилевский, начавший вскоре играть роль посредника между просителями и архиереем. Опираясь на этих двух лиц, Иоанникий управлял вверенною ему епархией, а они, сильные доверием к себе преосвященного, а может быть, связанные с ним тайными и темными отношениями, определяли на места, наказывали и награждали, брали и продавали все, что только можно было взять и продать. Духовенство кавказское, убедившись на опыте, что посредством денег можно приобретать места и награды и избегать наказаний, предалось корыстолюбию, пьянству и недеятельности, и вообще начало отличаться буйством, развратом и цинизмом. Обличителем управления Иоанникия явился секретарь кавказской консистории Васильев – личность замечательная во многих отношениях. Это был один из тех нередких во времена Протасовские выкидышей из новосозданной обер-прокурорской канцелярии, которые, надменные какими-то связями с директорами синодальных управлений, оснащенные их протекцией, снабженные от них тайными словесными инструкциями, невежды почти во всем, а преимущественно в юриспруденции, являлись на секретарские должности в провинциальные консистории с огромными претензиями и корчили из себя обер-прокуроров. Васильев был самонадеян и дерзок, но неосторожен и неблагоразумен, зол и властолюбив, но неопытен и непрактичен, мстителен, по неоснователен, и

если он не мог ужиться в Одессе, Пензе и Костроме, то тем менее мог остаться спокойным в Ставрополе. Характер епархиального кавказского управления, особенно то влияние, какое имели на дела епархиальные Альбанов и Крастилевский, сильно волновали Васильева, который хотел играть в консистории роль начальника над её членами, позволял себе обращаться с ними как с лакеями²⁶⁸ и не хотел ни в чем подчиняться своему архиерею. Но годы, проведенные Васильевым в разных перемещениях с одного места на другое и формальное следствие, которому он подвергся за свое властолюбие, жестокость и самоуправство в костромской консистории,²⁶⁹ прошли для него не даром и обогатили его некоторою опытностью. В эти годы Васильев узнал, что действовать можно только тогда, когда имеешь сообщников, а потому, начиная борьбу с Иоанникием, он старался образовать себе партию из некоторых членов кавказской консистории. Эти члены были: ректор кавказской семинарии Иоанникий и протоиерей ставропольского Троицкого собора Макарий Знаменский, которых оппозиция епархиальному архиерею проявлялась, впрочем, самым робким образом и не шла далее не соглашения с каким-нибудь консисторским определением или пересуда какого-либо слишком резкого поступка преосвященного. Оградив себя этою партией, Васильев начал доносить на Иоанникия. В своих рапортах, разновременно посланных им графу Протасову и Карасевскому, он описывал следующие злоупотребления по кавказскому епархиальному управлению: 1) Оно допускает намеренную медленность в решении некоторых дел и, в доказательство этого, Васильев приводит следующий факт: бывший казачьего войска в станице Убежинской священником Григорий Ливанов в 1840 году был предан новочеркасским епархиальным начальством суду за служение в феврале месяце в пьяном виде литургии и за буйство, а в августе того же года за воровство из церкви денег; в 1843 году, по учреждении кавказской епархии, Ливанов перешел в ведение кавказского епархиального начальства, а 2-го июля того же года преосвященным Иеремиею, бывшим епископом кавказским, уволен за штат. Между тем, по решению

новочеркасской консистории, 11-го января 1843 года Ливанов за благословение казачьих детей Ермолаева, Кряхина и Куркина жить с невестами блудно, был присужден к отсылке на смирение в Черноморскую пустынь, впредь до окончания о нем других дел, куда, впрочем, был выслан не ранее 20-го марта, а до того времени спокойно проживал в Убежинской станице, предавался всевозможным порокам и, несмотря на то, что запрещен был в священнослужении, исправлял требы. В январе 1845 года Ливанов бежал из Черноморской пустыни. По отчислении церквей и духовенства линейного казачьего войска из кавказской епархии в ведение обер-священника отдельного кавказского корпуса, все дела о священнике Ливанове были переданы обер-священнику Михайловскому, который, после продолжительной переписки, отказался от него и все дела о нем прислал обратно в кавказскую консисторию. Таким образом, священник Ливанов, шатаясь по станицам линейного казачьего войска, пристал к раскольникам ветковского толка, которые, исправив его по своим правилам, взяли к себе в попы, и он совершал у них все требы. Наконец, 23-го сентября, по распоряжению наказного атамана князя Эристова, прислан был Ливанов в консисторию под караулом, как бродяга. 2) Кафедральный протоиерей Крастилевский, пользуясь особенным доверием Иоанникия, позволяет себе противозаконные и стеснительные действия не только для духовенства, но и для самого присутствия консистории; так, напр., останавливает решения многих дел и дает им направление, согласное со своими корыстолюбивыми видами.²⁷⁰ 3) Епархиальное начальство злоупотребляет денежными суммами – свечною и отпускаемою на наем помещении для епархиального управления. 4) Священнослужительские места раздаются не по заслугам, а большею частью из видов корысти; в подтверждение этого, Васильев приводит Попова, который из казаков, нигде не учившихся, был назначен священником в хороший приход. 5) Перемещенный из оренбургской консистории в кавказскую коллежский регистратор Альбанов, сопутствуя преосвященному во время разъездов его по епархии, делает поборы с

духовенства. 6) Духовенство кавказской епархии ведет жизнь зазорную, а преосвященный Иоанникий оказывает ему послабление; в доказательство этого Васильев указывает на дело о священнике села Петровского Василии Алексееве, который за дурные поступки приговорен был к низведению в причетники, но преосвященный, взяв с него 600 или 700 руб. сер., отменил решение консистории и назначил его только на месяц в архиерейский дом. 7) Духовенство кавказское, не видя строгого преследования преступлений, дошло до такого нерадения о своих обязанностях, что заставляет привозить больных для исповеди и св. причастия в церковные ограды, и это делается не только в селах, но даже в губернском городе, на глазах епархиального начальства, а умерших хоронит без отпевания, которое совершается на могилах уже по прошествии нескольких недель.²⁷¹

По всем этим доносам св. синод потребовал от Иоанникия объяснений. В доставленных объяснениях преосвященный утверждал, что все, доведенное секретарем до сведения синода, ложь и клевета, и доказывал что сам Васильев, напротив, допускает следующие противозаконные действия: а) замедляет и ослабляет действия консистории, являясь на службу поздно, иногда даже по окончании присутствия, а между тем запрещает чиновникам давать членам дела до его прихода, забирает дела к себе на дом и удерживает их по полугоду и более; б) произвольно составляет определения от имени консистории, делает в подлинных протоколах подчистки и скрывает данные резолюции; в) распоряжается своевольно; так, между прочим, в 1851 г. велел взять под арест двух иеромонахов и продержал их в консистории два дня, составив предварительно определение, будто бы по доносу на них эконома архиерейского дома, и убедив трех членов подписать оное; г) отговаривается во взятии с содержавшего под надзором священника Образцова 40 руб. сер. за освобождение из под ареста и отпуск к раскольникам. В заключение всех своих объяснений, Иоанникий просил синод удалить от него секретаря Васильева, для восстановления надлежащего порядка и спокойствия в его епархии».²⁷²

Так как сущность доносов Иоанникия и Васильева не могла быть иначе поверена, как посредством ревизии, то синод и прибегнул к этой мере; он назначил одного из своих членов, астраханского архиепископа Евгения, произвести на месте дознание обо всем, что доносили Иоанникий и Васильев друг на друга св. синоду и его обер-прокурорам. В указе, данном по этому случаю, между прочим, находилось одно, достойное примечания, наставление Евгению: «Производить следствие самым тщательным образом и, притом, по возможности, без излишних формальностей, во избежание вредной огласки».²⁷³

Прежде изложения результатов произведенной преосвященным Евгением ревизии, следует сказать несколько слов о тех обстоятельствах, при которых она была исполнена, и о том лице, которое уполномочено было синодом для её производства. Обстоятельства эти были вообще неблагоприятны для Васильева. Он писал свои доносы на Иоанникия при графе Протасове, Карасевском и Сербиновиче, а ревизия по этим доносам была произведена уже при графе Толстом; между тем, в течение этого времени в синоде многое изменилось: и лица, и порядок дел, и воззрения на лица и дела, вследствие чего на иерархические права архиереев стали уже смотреть там совершенно иначе, чем при графе Протасове. Сверх того, личность самого ревизора не обещала ничего хорошего для Васильева: это было лицо, до крайности недовольное Протасовым и в высшей степени проникнутое понятиями о неприкосновенности иерархических прав. И действительно, надо сознаться, что ревизия произведена до такой степени пристрастно, что преосвященный Евгений даже не почел нужным спросить тех, на кого ссылался Васильев, как на свидетелей, и явно и намеренно не обратил внимания на самые поразительные явления, говорившие не в пользу преосвященного Иоанникия. Так, не спрошены были ревизором ректор кавказской семинарии Иоанникий и протоиерей ставропольского Троицкого собора Макарий Знаменский, на том основании, как доносил синоду ревизор, что «они не принадлежат к архиерейской партии и могут показать не в пользу его». Так точно не обращено было внимания ревизором

на следующее происшествие: когда он вместе с Иоанникием пошел осматривать место, будто бы приобретенное последним для построения консисторского здания, и когда они стали измерять его саженьями, то владетельница этого места, пораженная тем, что два архиерея его меряют и, вообразивши, что хотят отнять её достояние, выбежала на улицу и, подошедши к преосвященному Евгению, при всех сказала ему, что это место принадлежит ей, а не кому-нибудь другому. При таком образе производства ревизии, неудивительно, что Васильев оказался безусловно и во всем виноватым, а Иоанникий почти во всем правым. Ревизия или, лучше, отчет о ревизии, у Евгения состоит из суждения 1) о лицах и 2) о делах. Лица, над которыми он произносит свой приговор – Васильев, члены кавказской консистории и преосвященный Иоанникий. Вот что доносил он синоду о Васильеве:

а) Секретарь Васильев считает себя лицом самостоятельным и никому по епархиальному ведомству не подчиненным. К своему епархиальному преосвященному он вовсе не является с делами, а отсылает их к нему чрез консисторского сторожа. Также не является он к преосвященному в высокотожественные и великие праздничные дни для должного почтения. Да и вообще к православному духовенству не имеет он не только никакого уважения, но и питает к нему какую-то непонятную ненависть и злословит его всегда, и к обесславию его изыскивает даже злонамеренные выдумки и огласки.

б) Характера он немиротлюбивого и весьма беспокойного, а потому и вся деятельность его по службе преимущественно направлена к составлению протестов и доносов начальству, нежели к благонамеренному сотрудничеству с епархиальным начальством. Да и по другим епархиям, где он прежде служил, везде, кажется, заводил он беспокойства по своему беспокойному характеру.

в) К тому же, он чрезвычайно раздражителен и вспыльчив и весьма дерзок не только на словах, но и в официальных бумагах против членов консистории и даже против особы самого епархиального преосвященного. Также он, Васильев,

необыкновенно упрям и при слушании дел в присутствии консистории, в случае несогласия членов с его мнением, он, увлекаясь духом запальчивости, часто выходит из границ благопристойности. А к двум старшим членам консистории: кафедральному протоиерею Крастилевскому и протоиерею Гремяченскому, питает сильную и непримиримую вражду за то, что они, как более опытные в делах, противодействуют деспотическому преобладанию его, Васильева, в решении дел.

г) Секретаря Васильева ненавидят все чиновники и канцелярские служители кавказской духовной консистории, по худому обращению его с ними. Ненавидит его и духовенство кавказской епархии за беспокойный его характер.

д) Секретарь Васильев ведет жизнь разгульную: каждый день или он в гостях, или у него гости, с которыми просиживает целые ночи. Просыпается он не ранее 11-го часа утра, а оттого и в консисторию приходит он всегда поздно. Нет сомнения, что и от такой разгульной жизни секретаря Васильева дела по кавказской консистории идут неуспешно.

е) Секретарь Васильев, и в костромской консистории служивши, как видно из дела, производившегося там о нем, также поздно ходил в духовную консисторию и множество забирал к себе дел на квартиру и удерживал у себя на долгое время и чрез то останавливал течение дел консисторских. От этой худой и вредной для службы привычки он, Васильев, и теперь не отстал.

ж) С другой стороны, обращая внимание на подлинные объяснения секретаря Васильева, представленные мне по истребованным мною из кавказской духовной консистории разным делам, я нахожу в этих объяснениях совершенное отсутствие здравой логики, несвязность, бессмыслицу, пустословие и примесь всякой всячины, к делу не принадлежащей, и хотя я неоднократно и словесно напоминал ему, Васильеву, и письменно подтверждал, чтобы он на все запросы, от меня ему предлагаемые, отвечал ясно, кратко и без всяких околичностей, но он продолжал наполнять свои объяснения разными разностями несвязными, голословными, околесными и посторонними; а потому невольно прихожу к той

мысли и к такому заключению, что он, Васильев, неспособен даже к порядочному составлению деловых бумаг, тем менее к прохождению секретарской должности». ²⁷⁴

О членах консистории, за исключением тех, которые не принадлежали к партии Иоанникия, Евгений отзывается совершенно иначе. «Все члены кавказской духовной консистории, пишет он далее в своем рапорте синоду, кроме ректора семинарии, в судейских делах сведущи, а особенно отличается опытностью в делах кафедральный протоиерей Константин Крастилевский; но, к сожалению, между членами консистории нет единодушия. Некоторые из них, а именно: ректор семинарии архимандрит Иоанникий, и протоиерей Макарий Знаменский, пристали к партии секретаря Васильева. Из них первый, по-видимому, держится стороны епархиального преосвященного, но тайно потворствует враждебным видам секретаря Васильева против епархиального начальства; а второй, т. е. Знаменский, восстал явно против своего архипастыря, будучи оскорблен тем, что преосвященный подверг его следствию и суду за утайку кружечных братских доходов. Ректор же пристал к партии секретаря Васильева из опасения, чтобы Васильев, как привязчивый ко всему и всегда готовый к доносам, не очернил и его пред высшим начальством и не повредил службе его. И сия-то неблагонамеренная партия, которой главным коноводом есть секретарь Васильев, делала мне немало затруднений, при производстве порученного мне следствия». ²⁷⁵

Что касается Иоанникия, то ревизор написал ему просто панегирик. «Кавказский преосвященный Иоанникий, имея от роду 65 лет, неусыпно занимается делами епархиального управления. По всем делам, к нему представляемым, не только дает он своевременные резолюции, но и весьма часто делает по оным напоминания, настояния и подтверждения консистории и секретарю. Он знает хорошо законный порядок и опытен в делах; он твердого ума и воли и сам подробно вникает во всякое дело и не позволяет никому из своих подчиненных владеть собою в рассмотрении и решении дел, и если бы секретарь Васильев благонамеренно содействовал

епархиальному начальству, то дела епархиального управления текли бы безостановочно и успешно. Преосвященный Иоанникий ведет жизнь благочестивую и строгую. У всех он в большом уважении и любим своею паствою».²⁷⁶

В заключение этого рапорта, ревизор предлагает следующие меры к восстановлению законного порядка в кавказском епархиальном управлении: «1) Назначить в кавказскую духовную консисторию другого секретаря, благонамеренного и деятельного; 2) секретаря Васильева, по неспособности и ненадежности к прохождению секретарской должности, вовсе уволить от службы по духовному ведомству; 3) члена консистории, протоиерея Макария Знаменского, как имеющего постоянную и непримиримую вражду к членам-же консистории: кафедральному протоиерею Крастилевскому и протоиерею Гремяченскому, и составляющего с секретарем Васильевым одну враждебную партию против епархиального начальства и по качествам не одобряемого епархиальным преосвященным, вовсе отрешить от присутствия и звания члена консистории. И нет никакого сомнения, заключает преосвященный Евгений, что с удалением этих двух лиц – Васильева и Знаменского – восстановится законный порядок и совершенное спокойствие в кавказской епархии и дела епархиального управления пойдут успешно».²⁷⁷

Суждение ревизора о делах, или точнее, о беспорядках по кавказскому епархиальному управлению совершенно соответствует отзыву его о вышепоказанных лицах. Все то, что Васильев называл беспорядком, под пером Евгения является или чистою клеветой или преувеличением. Таким образом, в рапорте своем синоду Евгений назвал клеветой оговор Васильева во взятии Иоанникием со священника Алексеева 600 или 700 р. сер. «Вследствие такого оговора, доносил он синоду, чрез состоящего при мне члена астраханской духовной консистории, протоиерея Василия Мартинова, под строжайшим секретом спрошены были 18-го ноября 1855 года порознь члены консистории, протоиереи: Крастилевский, Граников, Сухарев и Гремяченский, а села Петровского священник Василий Алексеев – 28-го ноября. Первый из них, протоиерей Крастилевский, по

сану священства объяснил, что священник Алексеев состоял под судом и дело о нем решено консисторией сообразно обстоятельствам, которое и представлялось на утверждение, но говорил-ли протоиерей Гремяченский, что по сему делу были даваемы кому-либо деньги, и сколько, он того не слышал и не знал, и сам в этом обстоятельстве действующим лицом не был. Второй, протоиерей Граников, что он никогда ни от кого не слышал, будто бы взято преосвященным Иоанникием за милостивое решение со священника Василия Алексеева 600 или 700 руб. Третий, Сухарев, что протоиерей Димитрий Гремяченский действительно проговаривался о 600 руб. по делу священника Алексеева, но он не сказал ему, что эти деньги получил архипастырь или протоиерей Крастилевский, а выражался, что это дело ему, Алексееву, обошлось до 600 р. сер. в консистории, что, будто бы, в селе Петровском высказывал сам Алексеев, а кому, тоже не сказал ему Гремяченский; а разговор их об этом был не в консистории, а на улице. Четвертый, протоиерей Гремяченский, что он не только торжественно, но и тайно не говорил, что преосвященный Иоанникий взял от священника Василия Алексеева 600 или 700 руб. сер. за отмену решения консистории о нем, Алексееве, и что действователем в сем деле был, будто бы, протоиерей Крастилевский; но признается, что протоиерей Макарий Знаменский неоднократно говорил ему о сем. Зная его сильную неприязнь к особе его преосвященства Иоанникия, он всякий раз при навете Знаменского устранился от него с презрением, равно и в присутствии консистории, когда тот же протоиерей Знаменский начал оглагольствовать преосвященного (это было при секретаре Васильеве и более никого тогда в присутствии не было), он ответил ему презрительными улыбками и внутренне посмеивался бессильной его клевете. Сам священник Василий Алексеев, с коего, будто бы, взято было 600 или 700 рублей сер., по священству объяснил так, что он, за отмену определения консистории, его преосвященству Иоанникию ни одной копейки не давал, а воспользовался его милостью собственно для своих детей, коих у него в то время было восьмеро. Ректор же

семинарии, архимандрит Иоанникий, и член консистории протоиерей Знаменский не были спрошены, – первый потому, что находится в неприязненном отношении к преосвященному Иоанникию, в которое он поставил себя при споре о поведении инспектора семинарии, архимандрита Алипия, а второй, протоиерей Знаменский, как единомышленник секретаря Васильева и также питающий неудовольствие к преосвященному за то, что подверг его следствию и суду за утайку братских кружечных доходов.

По соображению вышеизложенных объяснений, пишет Евгений, членов консистории и самого священника Василия Алексеева, оговор секретаря Васильева есть не что иное, как злонамеренная выдумка его, Васильева, с единомышленником своим протоиереем Знаменским, на преосвященного Иоанникия, дабы чем-нибудь повредить чести своего архипастыря. Ибо сам священник Алексеев по священству объяснил, что он преосвященному не давал за это дело ни одной копейки, а воспользовался милостью его собственно для восьмерых детей; протоиерей же Гремяченский ссылку на него секретаря совершенно отверг, а эту злостную огласку на преосвященного Иоанникия относит прямо к протоиерею Знаменскому, который и говорил это в присутствии консистории при секретаре Васильеве. Хотя же протоиерей Сухарев и объяснил, что протоиерей Гремяченский, будто бы, проговаривался ему, что дело священнику Алексееву обошлось до 600 или 700 руб. сер., но определенно ничего не сказал, а более вопреки оговору секретаря: а) что протоиерей Гремяченский говорил ему о сем не в присутствии, а на улице, и б) что не архипастырь взял деньги и не протоиерей Крастилевский, а обошлось ему во столько в консистории; в) что в селе Петровском, будто бы, высказывал об этом сам священник Алексеев, а кому именно, не сказал. А напротив, священник Алексеев лично и по священству объяснил, что он преосвященному не давал ни одной копейки. Следовательно такое неопределенное объяснение протоиерея Сухарева и не может быть принято за справедливое, тем более что

протоиерей Гремяченский объяснился так, что он не только торжественно, но и тайно об этом не говорил».²⁷⁸

С такой же точки зрения смотрел Евгений и на прочие доносы Васильева, которые все нашел неосновательными. «1) Донос Васильева, продолжает он, что коллежский регистратор Альбанов, сопутствуя преосвященному в разъездах по епархии, взимает поборы с духовенства, равномерно ничем не доказывается, не имеет никакого основания и произошел от личной неприязни Васильева к Альбанову. 2) По свечной и отпускаемой на наем помещений для консистории суммам не открыто никаких злоупотреблений за время управления преосвященным Иоанникием вверенной ему епархией; неправильный о сем донос секретаря Васильева обнаруживает одну только злонамеренность его очернить епархиальное начальство пред высшим начальством и последовал уже после возникших между Васильевым и членами консистории взаимных несогласий. 3) Причиной медленного производства дел по консистории есть недостаток опытных чиновников, но и при всем том оно шло бы гораздо успешнее, если бы сам секретарь Васильев не полагал к тому препятствий. Незаконного направления дел консисторией и беспечности в решении оных, кроме того, что относится к личным действиям самого Васильева, не оказалось. 4) Между членами консистории протоиерей Крастилевский не только трудился по вверенному ему столу, но и писал резолюции и по другим столам, а некоторые бумаги собственноручно записывал и в докладной реестр; извет же Васильева, что он останавливает решения большей части дел и дает им согласное со своими видами направление, не имеет никакого основания. 5) По собранным сведениям о духовенстве открылось, что действительно и в селах, и в самом городе Ставрополе иногда привозят больных к церквям, но эти случаи весьма редки. Причиной этого не нерадение священников, а закоренелые обычаи местных жителей, или отчасти это бывает и случайно, когда приезжают сторонние люди на ярмарки, или проезжают мимо и заболевают; делают же это в той надежде, что, обратившись к церкви, они удобнее и скорее могут отыскать священника и

исполнить долг христианский. Есть также обычай хоронить без священников, а после поют погребение; но этот обычай более существует в Черномории и на отдаленных хуторах и при одноштатных церквях. Если-же встречались некоторые случаи, что священники, как, напр., Гиренко, из корыстных видов не отпевали умерших, или по нерадению, то таковые были судимы и подвергаемы законному взысканию. 6) Секретарь Васильев в 1852 году доносил бывшему обер-прокурору св. синода, что в кавказской епархии много подсудимых за дурное поведение лиц духовного звания; что они, оставаясь долгое время ненаказанными, вдаются в еще большие пороки, позорят носимый ими сан и унижают духовное состояние не только в глазах православных прихожан, но и иноверных азиатцев, которые с презрением указывают на них на базарах и ярмарках, и, в доказательство справедливости сего, указывал на количество дел, в течение трех лет решенных, о преступлениях духовенства, и на количество дел, производящихся о безнравственности и пьянстве, так что в одном 1852 году более 60 человек подвергнуто взысканию в кавказской епархии, имеющей только 160 церквей. По рассмотрении мною ведомостей о лицах, подвергшихся взысканию в 1852 году и состоявших под следствием и судом по 15-е сентября 1855 года, оказалось, что секретарь Васильев в первую ведомость включил 87 священно- и церковнослужителей, подвергнутых взысканию в 1852 году за разные проступки, но эти проступки были учинены не в один год, а в течение 10 лет; по второй ведомости (о состоявших под следствием и судом по 15-е сентября 1855 года) показано секретарем Васильевым 117 человек, но в числе их заключаются военного ведомства 5 человек, исключенных из духовного звания 3, умерших 5 и лишенных духовного сана 2; двое показаны вдвойне, несколько лиц показаны состоящими под судом за такие проступки, как, напр., отлучка от прихода без дозволения благочинного, а один благочинный показан состоящим под судом потому, что в его благочинии живет священник, повенчавший бродяг; за вымогательства по требам от прихожан 13, за повенчание незаконных браков 17, в том числе священники, диаконы и

причетники; затем, собственно за проступки против благоповедения, 48 лиц священно- и церковнослужительского звания. Всех же священно- и церковнослужителей, монашествующих и послушников, исключая заштатных, в кавказской епархии считается 795 человек. Число лиц, состоящих под следствием за проступки против благоповедения, в сравнении с означенною общею цифрою, хотя не так велико, если принять во внимание, что дела эти возникли в разное время, начиная с 1843 года по 15-е сентября 1855 года, однако и довольно значительно. Предосудительные проявляются более в духовенстве Черноморского войска, потому что тамошнее духовенство, образовавшееся из казацкого сословия, находится на низкой степени просвещения; впрочем, ныне вакантные места и в Черномории замещаются окончившими курс семинарского учения воспитанниками. Нет сомнения, что подсудимые, оставаясь долгое время ненаказанными, могут вдаваться еще в большие пороки, но причиною медленности в решении дел судных и происходящего от неё зла служит не дурная организация присутствия консистории и не греховность равнодушия епархиального архиерея (как секретарь Васильев выразился в объяснении от 30-го ноября 1855 года), но сам же Васильев, который не только не печется о своевременном докладе дел с полными сведениями, но как бы намеренно задерживает их у себя, и из показанных в ведомости дел 34 давно-бы были кончены, если бы секретарь не запрещал столоначальникам подавать в присутствие бумаг без предварительного своего просмотра».²⁷⁹

После такой ревизии нечего было ожидать Васильеву и его сторонникам. Указ синода, состоявшийся по этому случаю, дышал против них угрозою и карою. «Секретарь Васильев, говорит он, доносивший о разных беспорядках и злоупотреблениях по делам кавказской консистории и епархиальному управлению и важностью своих доносов вынудивший к проверке оных особым порядком, чрез личное на месте исследование и обозрение дел синодальным членом, преосвященным архиепископом Евгением, бывшим астраханским, оказывается главным виновником всех

беспорядков, допущенных по производству дел в консистории; что от его собственно действий происходят и медленность, и неправильное направление дел; он вышел из всякого подчинения местному епархиальному архиерею, не оказывает ему должного уважения и составил против него враждебную партию, склонив на свою сторону двух членов консистории; что, вместо исполнения существенных своих обязанностей, он вдался в составление доносов, большею частью вовсе несправедливых, вопреки долгу службы, во вред и беспокойство в епархии и к напрасному обременению высшего начальства; что он даже дозволил себе дерзкую клевету на епархиального своего архиерея, приписав ему без всякого основания, неправильные распоряжения, по влиянию на него, будто бы, некоторых подчиненных лиц, потворство порочному духовенству и самое даже лихоимство; что Васильев не удержался от беспорядков, своеволия и злословия и после перемещения его из костромской консистории в кавказскую, вследствие оглашения его в разных неблагоприятных действиях и поступках, и что из членов кавказской консистории архимандрит Иоанникий и протоиерей Знаменский, постыдно присоединясь на сторону Васильева во враждебных его замыслах, потеряли чрез то доверие к ним начальства и подлежат осуждению за восстание против иерархической власти. По таковым основаниям и уважениям, св. синод определяет: 1) секретаря кавказской духовной консистории, коллежского секретаря Александра Васильева, как неблагонадежного к дальнейшему прохождению занимаемой им должности, на основании 3-го примеч. к 1203 ст. Уст. о служ., в XV продолж. III т. Св. Зак., изд. 1842 г., от службы по духовному ведомству уволить с аттестатом; предоставить г-ну обер-прокурору св. синода, графу Александру Петровичу Толстому, сообщить о сем установленным порядком инспекторскому департаменту гражданского ведомства. II) Ректора кавказской духовной семинарии, архимандрита Иоанникия, уволить как от присутствования в консистории, так и от лежащих на нем по семинарии должностей и назначить настоятелем третьеклассного Щацкого Чернеева Николаевского монастыря

тамбовской епархии, предоставив распоряжение о снятии с него училищных должностей духовно-учебному управлению при св. синоде. III) Настоятеля ставропольского Троицкого собора, протоиерея Макария Знаменского, устранив от должности члена консистории, перевести из города Ставрополя на другое место, по усмотрению преосвященного». ²⁸⁰

Но так как было бы совершенно неприлично, если бы синод вовсе оставил без внимания беспорядки по кавказскому епархиальному управлению, то поэтому он сделал легкие замечания членам консистории и предложил некоторые наставления преосвященному Иоанникию. «При сем – продолжает указ – св. синод не может оставить без внимания, что беспорядки в делопроизводстве кавказской консистории происходят не от одного секретаря Васильева, по виновниками таковых оказываются и члены консистории, коими не соблюдается даже узаконенный порядок присутствования: так, одни из них приходят в консисторию ранее, а другие позже узаконенного времени, и уходят из оной несвоевременно, по собственному произволу; вследствие сего поручить преосвященному кавказскому, чтобы он обратил особенное внимание на делопроизводство консистории, как на важнейшее основание епархиального управления, и наблюдал бы, чтобы присутствие консистории начиналось в 9 или 10 часов утра, согласно существующему на сей предмет закону, и продолжалось бы смотря по течению дел, с тем, чтобы все члены консистории являлись в присутствие и выходили из оногo в одно время и отнюдь не дозволяли бы себе удаляться из присутствия, когда кому вздумается.

По поводу замеченного недостатка нравственных качеств во многих из духовных лиц кавказской епархии, поставить в обязанность преосвященному Иоанникию: 1) войти в ближайшее соображение, не представится-ли возможным нынешние обширные округа благочиний, для удобнейшего надзора за поведением приходского духовенства, разделить на меньшие пространства, или же определить к благочинным, где окажется нужным, особых помощников; 2) рассмотреть непосредственно и с должным вниманием, все-ли благочинные способны и

благонадежны к прохождению своих должностей, с тем, что ежели окажутся между ними такие, которые сами, по нетвердым нравственным правилам, служат дурным примером и соблазном подчиненному им духовенству, то таковых неотложно удалять от должностей, и 3) при обозрении епархии обращать тщательное внимание на нравственную сторону и образ жизни приходского духовенства, собирая нужные для того сведения о каждом лице *секретным образом под рукою* и свои личные наблюдения и местные дознания поверять впоследствии с аттестацией благочинных; в случае же, когда дойдут до него, преосвященного, неблагоприятные слухи о поведении кого-либо из духовных лиц, не оставлять оные без внимания, а поручать в то же время ближайшему из надежных священнослужителей поверить эти слухи на месте и донести об оказавшемся по сущей справедливости, или же вызывать таковых в архиерейский дом для личного усмотрения в поведении».²⁸¹

Наконец, указ обращается и к приходскому духовенству со словом внушения такого рода: «Подтвердить всему приходскому духовенству с подписками, чтобы они, во-первых, без крайней нужды и без ведома местных благочинных от своих приходов отнюдь не отлучались, а получив на то дозволение благочинных, поручали исправление по своим приходам треб ближайшим священникам и о том оповещали в то же время и своих прихожан; во-вторых, тела умерших погребали по церковному чиноположению и своевременно, под страхом строжайшей ответственности за противное, и в-третьих, существующий в некоторых местах обычай привозить больных к церкви для напутствования св. Тайнами и погребать без священников старались исправлять исподволь благоразумными пастырскими внушениями».²⁸²

В заключение, синод предписывал Иоанникию: 1) производящимся по консистории делам о неблаговидных поступках духовенства дать успешное и правильное течение; 2) иметь строгое наблюдение, чтобы, при проверке приходо-расходных книг и при свидетельствовании сумм, непременно находились все члены консистории и ректор семинарии, назначив для этого предварительно известные часы, и чтобы

как в хранении сумм, так и в освидетельствовании их, поступаемо было во всем согласно с существующими на сей предмет правилами и постановлениями.²⁸³

XI. Следствие над архангельским епископом Варлаамом

Следствие над преосвященным Варлаамом было вызвано не церковно-административною его деятельностью, но личными его отношениями к архангельскому военному губернатору Бойлю, и на этом основании оно помещается непосредственно за ревизиями епархиальных управлений. Своеобразная личность Варлаама и обстоятельство, подавшее повод к производству над ним следствия, представляют много любопытного. Грубый, своенравный, религиозный фанатик, готовый положить на костры и плахи всех, не разделяющих его убеждений,²⁸⁴ суевер,²⁸⁵ верящий снам, враг всякой новизны, как бы она ни была полезна, видящий в каждом отступлении от рутины вольнодумство и ересь,²⁸⁶ а между тем сам обличенный синодом в некоторых неправославных мнениях, смотрящий на просвещение, как на заразу и порчу нравственности, советуемый прибегать к насилию и полицейским мерам для распространения и утверждения православия, запальчивый, любящий вмешиваться не в свои дела, упрямый до смешного,²⁸⁷ готовый идти на нож из-за своих убеждений, хотя-бы они были ошибочны – вот портрет Варлаама.

С таким характером Варлаам нигде не мог снискать себе расположения. Покойный киевский митрополит Филарет, у которого он в сане викария начал свое архиерейское служение, был чрезвычайно рад, когда наконец его назначили в Архангельск: так надоел он ему своими выходками и упрямством. Приобретя самостоятельность, Варлаам сделался свободнее в своих действиях. Резкие выражения в годовых отчетах о состоянии вверенной ему епархии, грубая правдивость, а более всего нелепые и сумасбродные требования вывели из терпения синод, который сделал ему выговор в самых жестких выражениях. «Св. синод, говорится в указе, посланном к Варлааму, рассмотрев все его требования и предположения, определяет: 1) Уведомить преосвященного, что он может, если признает нужным по местным обстоятельствам

управляемой им епархии, войти по узаконенному порядку с особыми представлениями о постройке зданий для духовных правлений, об открытии уездного училища и об увеличении числа причтов, с ясным доказанием представляющейся необходимости и приложением всех нужных для подробнейшего обозрения каждого предмета справок; а по предположению о требовании раскольнических детей в училища отнюдь не приступать ни к каким действиям, строго исполняя правила, предписанные в отношении раскольников в секретном циркулярном указе св. синода от 5-го апреля 1845 года. 2) По предположению его, преосвященного, касательно пересмотра и исправления богослужебных церковных книг, изъяснить ему, что св. синод с крайним прискорбием усматривает, что он, преосвященный, коснувшись предмета исправления книг, обнаружил в себе уклонение от истории, невнимание к иерархическому порядку, неуважение к соборам, признанным нашею церковью, и нерассудительность о печальных последствиях, какие испытала наша церковь чрез раскол суемудрых и несмыслящих людей. Он, преосвященный, должен был представить себе, с какою тщательностью и благонамеренностью преступлено было к исправлению книг при царе Алексее Михайловиче; положено было собрать все древние книги и рукописи, и это сделано было с особенным тщанием; положено было достать в самой Греции древнейшие книги и для сего послано было туда лицо опытное, облеченное доверием. Преосвященному должно быть вполне известно, сколько было прислано рукописей из Афонских монастырей, сколько доставлено книг из Болгарии, верных и несомненных. Такой приступ к делу, столь важному, был самый благоразумный и благополезный. Затем, самая поверка и исправление книг происходили со всею рассудительностью и благонамеренностью, ибо производились под неусыпным смотрением целого сонма святителей и других опытных мужей, руководимых одними благонамеренными видами и страхом Божиим; а пред сею предусмотрительною точностью должна исчезнуть та мнимая здравая критика, которой решился желать преосвященный. После всего этого, как могла прийти

преосвященному греховная мысль, что исправители были люди несведущие, или управляемые западным духом? Известно, что к делу сему взяты были из Киева два сведущие человека, как основательно знавшие языки греческий и славянский. Но разве они заражены были латинским духом? Да и кто бы им дозволил внести в книги латинское учение и как бы они могли сделать это, когда все смотрели с величайшею осторожностью, дабы чего-либо не было привнесено неправого, а тем более латинского? Имея все это в виду, преосвященный однако ж увлекся рассуждением до того, что будто Греция, потерявши политическое свое бытие, потеряла и знание догматов богословских, как будто книги церкви греческой исчезли в то время с лицами, как будто и теперь нет древнейших писаний святых отцов церкви, и как будто церковь греческая лишилась всех своих пастырей, тогда как, напротив, они постоянно были и, приезжая в Россию, приносили свои знания и укрепляли союз церкви российской с греческою. Что касается до примеров, представленных преосвященным в подтверждение разногласия новоисправленных книг со старыми и с самими собою, то примеры сии ничего более не доказывают, как то, что преосвященный, заметивши несогласие в словах, не умел сделать примирения в сущности. Преосвященному надобно было обратиться к здравому рассуждению, к благоразумию, к опытной заботливости о чадах церкви, дабы обращать их в недра церкви кроткими советами, добрым учением, мирным действованием, а не предлагать средства, которыми можно разодрать одежду церкви. Где же после сего та вера, то повиновение, которые каждый православный христианин, а особенно пастырь, должен оказывать соборным постановлениям? Где та заботливость, та святительская ревность и любовь, которыми должно врачевать, а не растравлять раны, должно предотвращать печальные раздоры в членах церкви, а не возобновлять их? Все сие поставить на вид преосвященному, с присовокуплением, что св. синод надеется не встретить ничего подобного в дальнейших мнениях и действиях его, преосвященного, и что он будет поступать впредь как пастырь рассудительный и благоразумный».²⁸⁸

К несчастью Варлаама, война 1853–1856 г.г. застала его в Архангельске. На такого фанатика и энтузиаста, каков был он, военные события произвели бы сильное впечатление даже и тогда, когда театр их находился бы вдали от него, а тут неприятельские корабли начали крейсировать на Белом море, в пределах епархии Варлаама; монастырь Соловецкий подвергся бомбардированию англо-французов, около Колы явились английские пароходы, неприятели делали промеры в реках, выходили на берег, в двух местах входили в храмы Божии, снимали колокола, похищали из церквей деньги. Все эти происшествия в совокупности сильно подействовали на живое воображение Варлаама; он закидал вопросами местное гражданское начальство, завалил приказаниями подчиненное ему духовенство и возмечтал, будто только он один и может спасти Архангельский край. Но в то время, когда Варлаам был весь движение и беспокойство, в военном и гражданском местных начальствах царствовали, по его понятию, совершенная апатия, преступная и подозрительная недеятельность. От чего же происходить это? спрашивал он себя, и отвечал на этот вопрос так: «Бойль по происхождению англичанин, а по вере не православный, следовательно он естественно должен сочувствовать своим соотечественникам и единоверцам – англичанам, а не русским, желать успеха нашим врагам и ясно, что Бойль изменяет: вот он оставляет без защиты монастыри, не извещает его о своих распоряжениях, не приказывает крестьянам защищать церкви и спасти церковное имущество, а оттого крестьяне, при первом появлении неприятельских кораблей, бегут, забравши свое имущество, в лес, а не хотят ни защищать храмов Божиих, ни спасти церковного достояния». Мысль об измене Бойля сделалась господствующею в уме Варлаама, превратилась в кошмар, который не давал ему покоя ни днем, ни ночью. В таких критических обстоятельствах, думал Варлаам, медлить нечего, каждая минута дорога, и на этом основании он послал донос военному министру на Бойля в том, что со стороны его не принято никаких мер к обороне монастырей: Соловецкого, Онежского, Крестного и Никольского Корельского, и что ружья у

архангельских гарнизонных батальонов и инвалидных команд прибрежных пунктов никуда не годятся.²⁸⁹ Катенин, управлявший в то время военным министерством за Чернышева, просил Бойля сделать нужные распоряжения к удовлетворению ходатайства преосвященного Варлаама и, вместе с тем, приказать освидетельствовать ружья, как архангелогородских гарнизонных батальонов, так и инвалидных команд прибрежных пунктов Архангельской губернии и, в случае негодности оных, заменить их из числа доставленных в Архангельск для вооружения прибрежных жителей 3669 ружей.²⁹⁰ Донос Варлаама задел за живое Бойля. Отвечая или, лучше, оправдываясь пред военным министром, он не счел за нужное щадить Варлаама и писал, что преосвященный, «расстраивает себя тем, что, предаваясь напрасной и непомерной боязни неприятельского нападения, верит происходящим от этого страха тревожным снам и вступает в откровенную беседу о настоящих политических делах с людьми, до такой же степени боязливymi и так же мало понимающими военное и морское дело, как сам преосвященный. В этих беседах епископ Варлаам и со своей стороны высказывает свои, ни на чем не основанные, опасения, и даже в произносимых в церквях проповедях, увлекаясь своими ошибочными убеждениями, бывает так неосторожен, что словами своими не ободряет слушателей, как бы следовало пастырю, но, напротив приводит в уныние и внушает недоверие к начальству, как передано мне об этом некоторыми почетнейшими лицами Архангельска, заслуживающими полное доверие.

Я всеми мерами стараюсь урезонить и успокоить преосвященного, прошу его чаще видаться со мною и сам бываю у него, причем объясняю ему, какие меры приняты к защите края от неприятеля и как эти меры надежны. Но все это для него недостаточно, и главная причина его сокрушения заключается в том, что находящийся при одном из устьев р. Двины Никольский монастырь, которого он настоятелем, не защищен гарнизоном и орудиями, между тем, как этот монастырь защищен самою природою, да и по бедности своей,

можно быть уверенным, не привлечет неприятеля, и вообще укреплять находящиеся на берегах Белого моря монастыри было бы совершенно бесполезно.

Вашему сиятельству известно, что все высочайше одобренные меры к обороне здешнего края, а также и Соловецкого монастыря своевременно приняты. Между тем, преосвященному и монашествующим из статистических описаний известно, что в 1801 году в Соловецком монастыре находилось 1500 солдат с полевой артиллерией под начальством генерала Дохтурова, да и в Архангельске войска было гораздо более, нежели ныне, а потому в настоящее время чтобы ни было сделано для монастыря и для монашествующих, будет казаться, по сравнению с 1801 годом, недостаточным».²⁹¹

Отношение Бойля доложено было военным министром Императору Николаю и он приказал графу Протасову принять меры к устранению того вредного влияния, которое опасения Варлаама могут иметь на умы жителей.²⁹² Протасов, 23-го августа 1854 года, предложил отношение военного министра с изложением высочайшего повеления св. синоду, который, после совещаний о том, что нужно делать и как поступить с Варлаамом, положил немедленно командировать в Архангельск присутствовавшего тогда в синоде архиепископа олонцкого Аркадия. Государь утвердил эту меру. В синодском указе, данном Аркадию по этому случаю, предписывалось, чтобы он, «вникнув на месте в причины недоразумения между архангельским преосвященным и тамошним военным губернатором, поставил преосвященного Варлаама наставлениями своими в надлежащие миролюбивые отношения к военному губернатору, что и во всяком случае, особенно же в настоящем времени, необходимо, и с тем вместе, если усмотрит надобность, дал бы образу мыслей и действий преосвященного направление, сообразное требованиям нынешних обстоятельств. О сем дать преосвященному архиепископу Аркадию секретный указ, с приложением в копиях происходившей переписки, предписав о том же по надлежащему и преосвященному Варлааму. За сим, если бы по каким-либо непредвиденным причинам оказалось, что все

таковые принятые преосвященным архиепископом Аркадием меры не вполне могут достигнуть цели, в таком случае он должен немедленно вступить в управление епархией и о том предъявить и вручить преосвященному Варлааму особый, прилагаемый при сем, на таковой случай приготовленный указ о сдаче епархии и немедленном прибытии в С.-Петербург. Но если в сей последней мере не будет предстоять надобности, то указ сей представить обратно св. синоду, по возвращении в С.-Петербург. По содержанию сего 2-го пункта дать преосвященному архиепископу Аркадию особый секретный указ. Так как всё сие поручение дается преосвященному Аркадию секретно, под видом командирования его к обозрению некоторых уездов вверенной ему олонецкой епархии, то по сему последнему предмету дать ему, преосвященному Аркадию, еще особый указ, с изъяснением цели отправления его в оную, с выдачею ему на подъем 1.000 руб. сер. на счет 20.000, на экстраординарные расходы по духовному ведомству отпускаемых. По возлагаемым на преосвященного архиепископа Аркадия поручениям вменить ему в обязанность представить св. синоду донесения сообразно с имеющими открыться обстоятельствами».²⁹³

Так как св. синоду был хорошо известен характер Варлаама и он предвидел, что последний не откажется от мысли, в истине которой убедился, то Аркадию был дан указ, в случае, если Варлаам не согласится примириться с Бойлем, вступить самому в управление архангельской епархией, а Варлаама выслать в Петербург. В первом из своих рапортов синоду Аркадий писал, что он с 10-го по 17-е сентября имел ежедневно неоднократные келейные собеседования с преосвященным Варлаамом; в продолжение этого-же времени также виделся четыре раза с военным губернатором Бойлем, два раза с гражданским губернатором Фрибесом и управляющим палатою государственных имуществ Зубовым, по разу с вице-губернатором, с комендантом Соловьевым и другими служащими в Архангельске чиновниками. «После таковых свиданий и особенно из келейных собеседований с преосвященным, заключаю, что причинами недоразумений

между преосвященным Варлаамом и г. военным губернатором послужили следующие три обстоятельства: а) г. Бойль не все свои, по нынешним обстоятельствам, сведения и распоряжения открывал преосвященному, как бы желал сего преосвященный; б) преосвященный по некоторым своим требованиям в защиту некоторых мест епархиального управления от нападения неприятелей не получал от г. военного губернатора желаемого удовлетворения; в) военный губернатор Бойль по происхождению англичанин и по вере принадлежит к англиканской церкви. Имея в виду сии, преосвященным открытые мне причины, старался я поставить преосвященного Варлаама в надлежащие, миролюбивые отношения к военному губернатору, и преосвященный, оставаясь при прежнем недоверии к военному губернатору, уверял меня, что он, преосвященный, миролюбивых отношений к военному губернатору не нарушал и не будет нарушать. Преосвященный верит снам, которым, как он сам объяснял мне, издавна ведет запись, и имел несколько замечательных для него снов и в настоящее время; о некоторых из них говорил и с другими. Убеждаясь важностью настоящих военных обстоятельств, он, преосвященный, говорил проповеди и такие, на сочинение которых, как он сам же объяснял мне, употреблял не более часов двух пред самой литургией, которую совершать готовился. В таковых, столь поспешно сочиняемых, проповедях могли вкрадываться мысли и выражения, дававшие людям предубежденным повод недоразумевать о некоторых лицах и должностных распоряжениях их. Преосвященный давал мне обещание: а) о снах своих не говорить более с другими; б) проповеди сочинять осмотрительнее, и в) вообще в разговорах быть осторожнее, но обещание только словесное, которого, при остающемся в нем недоверии к г. военному губернатору Бойлю, признать за неизменное, вполне успокоительное, нельзя».²⁹⁴ А потому, вслед за этим рапортом и в тот же самый день, Аркадий послал в синод другой, в котором писал, что «Варлаам, при твердой своей воле, крепко уверен в своей правоте по настоящему об нем делу; жалуясь, что якобы и военный, и гражданский губернаторы не оказывают ему, преосвященному,

должного уважения (на что в доказательство приводил мне и некоторые, даже недавно бывшие случаи) и не отлагая своего к ним недоверия, ничем не обеспечивает того, что он, преосвященный, мое ему наставление относительно должного действованиа, при нынешних военных обстоятельствах края, соблюдет вполне. По сим причинам нельзя с основательностью предполагать, чтобы принятые мною меры наставления преосвященному Варлааму, епископу архангельскому, о которых доношу я св. синоду от сего же 17-го числа за № 262, относительно должного действованиа при нынешних военных обстоятельствах края, вполне могли достигнуть цели, вследствие чего, на основании помянутого за № 8598 секретного указа, решился я вступить в управление архангельской епархией впредь до повеления и, вместе с сим, сдал в архангельскую духовную консисторию указ св. синода за № 8599, от 28-го минувшего августа, для надлежащего по оному распоряжения, и о том предъявил и вручил преосвященному Варлааму особый на его имя за № 8600 из св. синода указ о сдаче епархии и немедленном прибытии в С.-Петербург».²⁹⁵

17-го сентября объявлен был Варлааму указ о сдаче епархии Аркадию, а на другой день Варлаам доносил синоду, что «указ сей его высокопреосвященством вручен мне лично 17-го сентября, в 3 часа пополудни, после уже недельного проживания его высокопреосвященства в моем доме и после постоянных бесед об исполнении другого указа св. синода, врученного 10-го сентября его высокопреосвященством. Нижайше рапортуя св. синоду о получении сего второго указа, честь имею присовокупить, что как скоро духовная консистория, с распоряжения его высокопреосвященства, сделает свое постановление касательно сдачи архангельской епархии в управление ему, а также и о пересмотре всего имущества архиерейского дома и о сдаче оного кому следует, и коль скоро всеблагий Господь поддержит мое здоровье при истинно тревожных для меня обстоятельствах, то я, в исполнение указа, поспешу явиться в С.-Петербург к усмотрению моего благопопечительнейшего начальства».²⁹⁶

Вследствие двух означенных рапортов Аркадия, синод приказал ему остаться в Архангельске, управлять тамошней епархией впредь до особого распоряжения, озаботиться устранением возникших недоразумений в сношениях местных епархиального и гражданского начальств и установить их на будущее время соответственно нынешним обстоятельствам. О том же, что до сего времени открылось и что еще будет открыто, донести св. синоду с должною подробностью и со своими соображениями. А Варлааму тут же снова подтверждалось, чтобы он, на основании переданного ему преосвященным Аркадием указа св. синода, вытребовав себе откуда следует подорожную и получив прогонные деньги из имеющихся в ведении епархиального начальства сумм, отправился неотложно в С.-Петербург и, по прибытии сюда, занял на Ярославском подворье отведенное ему помещение и донес о том св. синоду.²⁹⁷

Варлаам, еще ранее этого указа, выехал из Архангельска; дорогу в Петербург совершил на свой счет; по прибытии в столицу, остановился на Ярославском подворье и только спустя 3 недели после своего пребывания в Петербурге он осмелился «всепокорнейше просить св. синод о том, не благоугодно-ли будет сделать отеческое и милостивое распоряжение о возврате ему прогонов здесь в Петербурге, по нахождению его в столице уже более трех недель и на своем совершенно отчете и с двумя еще людьми при нем, взятыми для дороги и для прислуги из Архангельска – одним священником и одним штатным служителем архангельского архиерейского дома».²⁹⁸ Неудивительно, что Варлаам так присмирел в Петербурге. С первого же приема, сделанного ему здесь, он увидел, что приговор ему уже произнесен и что ему грозит увольнение на покой. Вообще нужно сказать, что все члены синода и важнейшие синодальные чиновники обошлись с ним более, нежели холодно и при первом же визите или делали ему резкие выговоры за неблагоразумные его действия, или давали вид, что лучше-бы он не приезжал к ним, или принимали его с какою-то необыкновенною важностью и даже с оскорбительным участием. Варлаам, видимо, смущенный этими приемами,

ожидал трагической развязки. Если ему еще не было объявлено об увольнении его на покой, то единственно потому, что хотели соблюсти формальность и ждали результатов следствия, производимого оставшимся в Архангельске Аркадием. Но вот, наконец, получен и отчет Аркадия о произведенном им следствии, которое было совершенно не в пользу Варлаама. Выводы или соображения, представленные Аркадием синоду по делу Варлаама, заключались в следующем: 1) Варлаам в сношениях своих с Бойлем не соблюдал порядка, определенного синодальным указом; 2) был неоткровенен в рапортах и донесениях синоду о своих распоряжениях: так, он скрыл от синода, что требовал от военного губернатора на предмет перевозки драгоценностей из Крестного монастыря в Архангельск: а) *конвоя*, б) *обороны* этому монастырю такой же, какая назначалась для Соловецкого монастыря, и в) *обязания* городских и сельских правлений оказывать церквям и причтам в местах приморских содействие к сохранению церковного имущества; 3) был неумерен в своих требованиях, именно: просил Бойля, чтобы тот уведомлял его о всех случаях и обстоятельствах, какие могут развиваться по Архангельской губернии иногда и неожиданно, и непредвиденно, при состоянии её на военном положении. От неуместности требований преосвященного Варлаама произошло то, что Бойль отвечал не на все его требования, а ограничился только выяснением того, что и как из церковного имущества перевозить следует, и присовокупил, что военные действия не могут быть без жертв и что допустить гласную перевозку церковного имущества, не составляющего большой ценности, значило-бы заставить и всех жителей, как городских, так и сельских, прибегнуть к сбережению своего имущества, что непременно повлекло бы за собою большие беспорядки, страх между жителями и упадок общественного духа в пользу неприятеля; 4) намеренно увеличивал опасность; 5) явно обнаруживал недоверие к главному начальнику края и в самом себе показал тревожные опасения; 6) без основания опорочил пред св. синодом действия управляющего архангельскою палатою государственных имуществ; 7) Варлаам только и показывал

свою ревность относительно сохранения церковного имущества, которая и ввела его в обширную переписку с главным начальником края, но не внушал духовенству и пастве повиновения местному гражданскому начальству, как требовалось синодальным указом. Вследствие того, что в распоряжениях епархиального начальства была как бы забыта нравственная сторона духовенства и паствы, произошло то, что настоятель Онежского Крестного монастыря архимандрит Нил не дал жителям Онеги пушек и допустил неприятеля увезти из оных две... «Не от того-ли, что епархиальное начальство в самом начале не обратило внимания на нравственную сторону духовенства и паствы, не сделало особенных духовенству внушений, которые бы его и паству воодушевляли против врага – писал Аркадий – никто из духовенства не оказал засвидетельствованных кем следует подвигов к защите края – ободрением-ли народа или другою распорядительностью, а с противной стороны оказываются некоторые. Никак нельзя думать, чтобы в духовенстве не было достойных пастырей, способных и годных на всякий подвиг в пользу отечества при настоящих обстоятельствах, но оно было лишено необходимых наставлений, возбуждений, будучи занято одною заботою о сохранении церковного имущества, перепиской, ожиданиями разрешений на представления о мерах к сохранению оно́го».²⁹⁹

Но когда дело Варлаама казалось совершенно потерянным, когда он ждал от синода только кары, вдруг и неожиданно пришла к нему помощь оттуда, откуда, может быть, он вовсе и не ожидал её. Спасителем Варлаама явился архимандрит Соловецкого монастыря Александр. После мужественной обороны этого монастыря от англичан, архимандрит Александр стал львом и героем, о котором везде говорили, которого подвиги везде превозносили, которого портреты раскупались сотнями. Его вызвали в Петербург и представили ко двору, где с жадностью внимали, как непреложной истине, каждому его слову, касающемуся военных действий неприятелей в Белом море. К нему обратились с расспросами и по делу Варлаама. Александр, говоря о мерах, принятых архангельским губернатором для защиты Соловецкого монастыря, прямо

отозвался, что Бойль оставил его вовсе без защиты и показал в этом случае мало участия и много равнодушия. К тому же, сам Варлаам не оставался безмолвным и к написанному им прежде передавал устно такие обстоятельства, которые оправдывали его и усиливали подозрения против Бойля; так, напр., он рассказывал, что английский консул и по объявлении нам войны англичанами жил в доме военного губернатора, который оказывал ему гостеприимство, оскорблявшее патриотическое чувство русских. Сверх того, и Император Николай, был теперь более расположен в пользу Варлаама, чем Бойля. Наконец, скоропостижная смерть последнего в С.-Петербурге, воспрепятствовавшая получить от него обстоятельные объяснения по взводимым на него обвинениям, набрасывала какую-то тень на него и как бы очищала бывшего архангельского преосвященного. И вот Варлаам, вместо увольнения на покой, по высочайшему повелению был переведен в Пензу, на место умершего епископа Амвросия, а архимандрит Александр, посвященный в епископа, послан занять архангельскую кафедру.³⁰⁰

6) Выговоры архиереям

Если административные распоряжения епархиального архиерея были неправильны и уклонялись от законного порядка и начал нравственных, или если его действия влекли за собою расстройство в епархиальном управлении, то над виновным в таких преступлениях обыкновенно назначались от синода ревизия или следствие. Но когда архиерей совершал только один какой-либо неприличный или неблагоразумный поступок, или когда учиненное им незаконное и не нравственное действие было явлением случайным и не вытекало из общего направления его административной деятельности, тогда дело, по большей части, кончалось только выговором или замечанием виновному.

При изложении выговоров, полученных архиереями, как высочайших, так и синодальных, мы будем следовать хронологическому порядку; для избежания же повторений, мы в настоящем отделе опустим все те выговоры и замечания архиереям, которые были обыкновенным результатом произведенных над ними ревизий и следствий и которые нами приведены выше, в своих местах.

I. Выговор Антонию, епископу воронежскому

Первый из архиереев, получивший выговор от Императора Николая, был преосвященный воронежский Антоний. Поводом к тому послужил следующий неосторожный поступок с его стороны: 23-го декабря 1827 года Антоний, пригласив к себе начальника 6 отделения 11 округа корпуса жандармов подполковника Волкова, объявил ему, что в домовый архиерейской церкви найден конверт со вложением письма к нему и запечатанного пакета на высочайшее имя. Волков, полагая, что в этом пакете заключается пасквиль, и желая без потери времени приступить к отысканию виновного, решился, с согласия преосвященного Антония, вскрыть пакет и прочитать вместе с ним находившуюся в нем бумагу. Бумага эта, как видно из донесения Волкова своему окружному начальнику, заключала в себе необдуманные предположения касательно преобразования некоторых частей управления и уверения, что в случае неисполнения предлагаемых мер вскоре последует всеобщий бунт.

Окружный жандармский начальник препроводил бумагу к Бенкендорфу, а Бенкендорф к воронежскому губернатору для открытия её автора. Губернатор через несколько времени донес шефу жандармов, что сочинитель помянутой бумаги найден и есть ученик воронежской семинарии 2-го низшего отделения Евфим Тарахов, который признался ему, что он составил и переписал эту бумагу без ведома кого-либо и подбросил её в церковь преосвященного Антония накануне праздника Рождества Христова. Бенкендорф представил об этом деле Государю докладную записку, на которой Император Николай положил следующую резолюцию: «Сделать строжайший выговор подполковнику Волкову и преосвященному Антонию за то, что смели распечатать бумагу, писанную на Мое имя».³⁰¹ Бенкендорф, по принадлежности, сообщил об этом князю Мещерскому, тогдашнему синодальному обер-прокурору, а сей последний синоду, который, в свою очередь, передал выговор Антонию.

II. Выговор Аарону, епископу архангельскому

В 1828 году сделан был выговор архангельскому епископу Аарону. По доносу священника Михаила Каллиникова, епископ архангельский Аарон, будучи приглашен пастором и торгующим при тамошнем порте английским обществом на закладку их церкви, прибыл 11-го июня 1828 года, в 2 часа пополудни, в дом пастора, куда собрались и все знатные по билетам. Отсюда началась церемониальная процессия: старшина, английский купец Меккензи, нес на подушке серебряную бляху с надписью, означающею время основания церкви; за ним шел в мантильоне английский пастор, после него пастор лютеранский в обыкновенной одежде, за ними преосвященный Аарон в рясе, далее званые чиновники и граждане, как из немцев, так и из русских. На месте церковной закладки уже находились архимандриты: крестный Неофит и архангельский Анастасий, соборные: протоиерей Иоанн Невдачин, священники Федор Черноруцкий и Марк Колчин, протодиакон Василий Едовин, диакон Иоанн Попов и архиерейские певчие. По прибытии на место, преосвященный и все поименованные духовные облачились. На восточной стороне, где быть престолу, поставлен был стол, на нем чаша с водою, Евангелие и крест напрестольные. Во-первых, пели водоосвящение, положенное в 1-й день августа, и преосвященный освятил воду; потом отслужен был молебен великомученику Георгию, как видно, в честь великобританского короля Георга IV. За сим преосвященный читал молитву на основание храма, по прочтении которой протопоп Невдачин со священником Колчиным водрузили крест на восточной стороне церкви, с пением «Спаси, Господи, люди твоя», а певчие пели концерт «Господи, кто обитает в жилище Твоем». Преосвященный окропил фундамент и положил основные камни, пастор – бляху, чиновники и граждане – также камни. В заключение, возглашено многолетие Государю Императору и всему Августейшему Дому и создающим храм сей; музыка играла любимую английскую песню: «Боже, спаси короля»; в это время архимандриты

кропили фундамент. Сечение народа было большое и хотя почти все стояли с открытыми головами, но никто не молился. Некоторые из русских, приведенные в негодование всем этим, говорили вслух: «Архиерей еретик, продал нашу святую веру: до чего мы дожили». «Ныне в Архангельске – писал Каллиников – большие идут суждения по домам о сем явном соблазне для православных христиан».³⁰² Этот донос побудил князя Мещерского потребовать от преосвященного Аарона объяснений, а от архангельского губернатора уяснения фактов, сообщаемых в доносе. Хотя тот и другой в своих отношениях к Мещерскому изложили факты несколько иначе и дали им другое значение, тем не менее донос Каллиникова оказался справедливым. Так, Аарон писал князю Мещерскому, что действительно 11-го числа июня 1828 года совершил он по чиноположению нашей церкви молебствие по случаю заложения англиканской церкви, и описывал это дело так: «Из дома английского пастора, где английский консул, контр-адмирал Гамильтон и прочие старейшины просили меня совершить освящение месту по чиноположению греко-российской церкви, так как она такового постановления у себя не имеет, а прибегает к нашей церкви по особенному к ней уважению, пошли они с генерал-губернатором и прочими чиновниками на место, которое так близко, что нельзя было употребить экипажа, и прибыли на место закладки, где на помосте уготовано было место для нашего духовенства. Поименованные духовные особы дожидались меня уже в облачении малом, и я возложил на себя малое облачение и начал водоосвящение пред столом, на коем находилась Божия святыня. По начатии я совершил каждение кругом стола, где и водосвятная чаша находилась. После водоосвящения тотчас начал я молебен св. великомученику и победоносцу Георгию и присовокупил молитвы на основание храма по книге Петра Могилы, ни в чем не делая изменения. По окончании молебна, при окроплении места святою водою, я поставил с молитвословием крест на месте, где быть жертвоприношению в храме, за сим и положил камень в основание храма, при окроплении водою; после подавал камни двоим архимандритам, за ними английскому

пастору, еще английскому консулу, генерал-губернатору и г-ну Гамильтону подавая по кирпичу, дабы и они участвовали в святыне. Во время какового действия певчие пели концерт «Господи, кто обитает в жилище Твоем?». Сделав основание храму, возвратились мы на место стояния нашего и начали отпуст. По отпусе на четыре стороны делал я богомольцам осенение крестом животворящим, а протодиакон провозгласил и певчие пропели Государю нашему и всему Августейшему Дому многая лета. Ко кресту все чиновники российские и английские для лобызания подходили и принимали кропление святой водою. Народ, коего стечение было немалое, во время водоосвящения и молитвы на основание храма молился с подобающим благоговением и все иностранцы делали святыне Божией благоговейное поклонение, также и во время каждения мною все стояли с открытыми главами, в шляпе никто не был из предстоящих. По совершении всего действия, все старейшины английского общества подходили ко мне, благодарили меня и превозносили великолепие обрядов греко-российской церкви, чем они были тронуты до глубины сердца. Предложение о музыке я дозволил, когда уже мы ушли с места, а она играла что-то величественное из духовных песней, что я издали мог заметить».³⁰³ Архангельский генерал-губернатор написал к князю Мещерскому почти тоже, что и Аарон, но свое отношение заключил следующими резкими выходками против доносчика: «Но чтобы по сему случаю исключительно была в народе какая-либо молва, или негодование, а по домам продолжалось якобы суждение, я до получения от вашего сиятельства отношения ни от кого не слыхал и полагаю совершенную ложью, скорее соглашаясь в том, что сей пример благоговения иностранцев к нашей церкви между простым народом служит неоспоримым ему убеждением, что наша православная вера и греко-российская церковь суть первенствующие в мире, видя всенародно, что и иностранцы при закладке храма своего признали за необходимое прибегнуть к церкви греко-российской для освящения места храму их и просили нашего-же преосвященного отправить торжественно Господу Богу молебствие по чиноположению нашей православной церкви. В

заклучение всего полагаю, что доноситель о сем происшествии, обративший торжественное богослужение в соблазн, должен быть сам сущий еретик». ³⁰⁴ Синод, которому Мещерский предложил и донос Каллиникова, и письмо Аарона, и отношение архангельского генерал-губернатора Миницкого, произнес такой приговор по этому делу: «Не предполагая из настоящего поступка преосвященного архангельского никаких предосудительных к тому в собственном лице его причин, какие дает подразумевать доноситель происшествия священник Каллиников в письме своем к г. обер-прокурору и кавалеру князю Петру Сергеевичу Мещерскому, и не отвергая мысли преосвященного Аарона, что совершить известные молитвы, по чину православной нашей церкви, на основание англиканского храма, побудили его только убедительные просьбы английского общества, по чувствованию их превосходства и великолепия богослужебных обрядов нашей церкви пред обрядами их собственной, равно не отвергая и того, что при сем случае не только русскими, но и самими иностранцами сохранено было все должное благоговение, и что не было и нет в народе столь сильного и столь явного от того действия соблазна, какой выставляет доносчик Каллиников, поскольку все то, что изложено в доставляемом от преосвященного к обер-прокурору сведении, подтверждается и отзывом к нему г. архангельского генерал-губернатора Миницкого, при всем том однако ж св. синод находит поступок преосвященного Аарона противозаконным потому, во-первых, что англичане случившиеся тогда в Архангельске, яко англиканского исповедания, как видно по самому основанию помянутого храма, состоят вне соборной апостольской церкви, а правилами св. Апостол 45, а Лаодикийского собора 33 постановлено: 1) «моляйся с еретики, да отлучится. Аще-же яко причетники приемлет я, да извержется», и 2) «с еретики и со отвергшимися от соборныя церкви да не помолится никто»; следовательно преосвященный архангельский общением с иноверцами в молитве нарушил уже сии правила, употребив существующий в нашей церкви чин действия на основание православного храма при заложении церкви другого вероисповедания, противного

учению греко-российской церкви. И во-вторых потому, что нельзя с твердостью предположить, чтобы сие священнодействие, совершенное при великом стечении народа, не произвело в нем никакого соблазна, а в слове Божиим у евангелиста Матфея, главы 18, в стих 7, сказано: «Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном: обаче горе человеку тому, им-же соблазн приходит»; и потому св. синод, не извиняя ни мало преосвященного в неосмотрительном поступке его, коим вовлек он и других служителей церкви в одну с ним вину, определяет: поручить преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, объявить преосвященному Аарону от св. синода строжайший за таковой противозаконный поступок его выговор, со внушением, притом, ему, что если он впредь когда-либо отступит от правил св. Апостолов и соборов и причинит тем соблазн, то, на основании вышеприведенного 45 апостольского правила, отлучен будет от архиерейского священнодействия и, вместе с тем, признан будет неспособным к управлению епархией. Но, не приводя в исполнение определения сего, предоставить г. тайному советнику синодальному обер-прокурору и кавалеру князю Петру Сергеевичу Мещерскому доложить о сем Государю Императору и испросить на то высочайшего Его Императорского Величества соизволения, для чего и дать к обер-прокурорским делам с определения сего копию».³⁰⁵ Князь Мещерский все дело о закладке в Архангельске англиканской церкви, с определением синода, представил Государю Императору. Император Николай написал на докладе следующее мнение о поступке Аарона, замечательное тем, что оно выражает мысль, несколько отличную от взгляда св. синода.

«Нахожу сей поступок епископа Аарона весьма необдуманым, хотя происшедшим, вероятно, от доброго намерения; ибо он мог быть и участвовать при закладке оной церкви, как частное лицо, но не священнодействовать, и еще менее по обряду, принятому при закладках православных греко-российских церквей, а потому сделать епископу Аарону за таковой его поступок строгий выговор».³⁰⁶ На этом же докладе Государь сделал строгий выговор и архангельскому генерал-

губернатору Миницкому за то, что он не только не принял благоразумных мер к отклонению епископа от подобного действия, но и сам званием своим в том с ним участвовал.³⁰⁷ Сверх того, Государь дал заметить, что «воссылание молитвы к Богу обще с другими христианами не может быть предосудительно, если не делается тогда нарушения приличию обряда, каждому вероисповеданию свойственного, который надлежит соблюдать свято, и еще менее допускать к нему соблазн, как тому, по неосторожности епископа Аарона, был подан повод».³⁰⁸ Резолюция Государя объявлена была князю Мещерскому чрез статс-секретаря Муравьева, а выговор Аарону был послан чрез митрополита Серафима, от имени которого изготовлено было к нему секретное отношение. В ответ на это отношение, Аарон написал к Серафиму следующее письмо: «Высокопреосвященнейший владыко, милостивейший отец и архипастырь! Почтеннейшее вашего высокопреосвященства отношение, от 28-го ноября 1828 года ко мне пущенное за № 10 секретно, со строгим для меня выговором за учиненную мною закладку английской церкви в Архангельске, я получил с болезнью сердца моего и потщуся оное обратить себе в научение, о чем вашему высокопреосвященству благопочтеннейше сим рапортую. Вашего святейшества, милостивейшего отца моего и покровителя, усерднейший послушник Аарон, епископ архангельский и холмогорский».³⁰⁹

III. Выговор Стефану, епископу вологодскому

В 1828 году Стефан был переведен с волынской кафедры на низшую вологодскую за то, как видно из синодального доклада, что в ходе епархиальных дел синод заметил медленность, в особенности же по устройству архиерейского дома.³¹⁰ Стефан, большой хлебосол, жил весело на Волыни, за что любили его польские паны и шляхта, так что с некоторыми из них он свел близкое знакомство. Вечерники, устраиваемые им, отодвинули на задний план епархиальные дела и, разумеется, такой образ жизни преосвященного ни мало не соответствовал тем видам, которые наше правительство стало обнаруживать в отношении Западного края. Государь, на синодском докладе о переводе Стефана из Волыни в Вологду, написал следующий неодобрительный о нем отзыв: «В Волынскую губернию нужно назначить надежную особу».³¹¹ После польского восстания в 1830 году многие из поляков были сосланы в Вологду и здесь они познакомились или возобновили старое знакомство со Стефаном. К числу новых его знакомцев принадлежал Волынский помещик Пининский, первоначально содержавшийся в с.-петербургской крепости за содействие польским мятежникам к переписке с их родственниками и приятелями, а потом сосланный по высочайшему повелению в Вологду, куда за ним последовал и его сын. Между ними и Стефаном завязалась самая тесная дружба, так что они поселились даже в архиерейском доме и, когда Пининский-сын по высочайшему повелению был посажен на гауптвахту, то служитель архиерейского дома носил ему туда обед и ужин. Со Стефаном познакомился также князь Гедройц, первоначально сидевший в динабургской крепости, оттуда сосланный в Устюг под строжайший надзор полиции и, наконец, переведенный в Вологду. Это знакомство Стефана с поляками естественно обратило на себя внимание вологодского общества: начались разговоры, пересуды, толки, переданные в столицу жандармским штаб-офицером. 13-го октября 1831 г. князь Мещерский получил от ген.-адъют. Бенкендорфа следующее

секретное отношение: «Волынский помещик Пининский, содержащийся в здешней крепости за содействие находившимся в оной, по делу о польских злоумышленных обществах, арестантам к переписке с их родственниками и приятелями, сослан был, по высочайшему повелению, в Вологду, куда последовал за ним и сын его. Здесь нашли они себе сильного покровителя в епископе Стефане, который даже принял их к себе в дом, к крайнему негодованию вологодских жителей. Таковое покровительство доставило Пининскому-отцу возможность войти в тайное сношение с генерал-майором князем Гедройцем, сосланным из динабургской крепости в город Устюг под строжайший надзор полиции, и потом, когда Пининский-сын, за неприличное его поведение, был, по высочайшему повелению, посажен на гауптвахту, преосвященный Стефан ежедневно посылал к нему с монастырским служителем обед и ужин. Столь предосудительное потворство епископа Стефана поляку, сосланному за преступление под надзор полиции, и сыну его, обратившему на себя гнусным поведением строгое, по высочайшему повелению, взыскание, возлагает на меня обязанность обратить на оное внимание вашего сиятельства, тем более, что епископ Стефан переведен в Вологду из Волынской губернии вследствие дошедших, как говорят, до св. синода сведений на счет жизни его в Житомире, не соответствовавшей его сану».³¹² Князь Мещерский потребовал от Стефана объяснений по этой бумаге. Преосвященный по пунктам разобрал взведенные в ней на него обвинения и каждое из них опроверг с достоинством, смело и не без искусства. В своем объяснении, довольно объемистом, Стефан 1) отрицал тот пункт доноса, которым он обвинялся в покровительстве Пининским, утверждая: а) что был только знаком с ними, но точно так же, как были знакомы с ними все вологодские жители, не исключая даже губернатора, который вместе с Пининскими посетил его в день Пасхи, причем уверял, что отец Пининский прислан в Вологду не под надзор полиции, но на жительство, впредь до высочайшего повеления; б) что принимал Пининских только по воскресным и праздничным

дням после литургии, и то потому, что чиновники, дворяне и даже жандармский полковник Дейер, неоднократно говорили ему, что Пининские имеют полную свободу со всеми знакомиться и что знакомство с ними никому не может повредить; наконец, в) что сам был очевидцем ласкового обращения с Пининскими не только местных высших властей и дворян, но даже сенаторов, ревизовавших Вологодскую губернию, которые все смотрели на них, как бы на вологодских уроженцев. 2) Принятие Пининских в архиерейский дом для квартирования Стефан называл действием человеколюбия и врожденной ему склонности делать всякому, по возможности, добро. Так как квартира, занимаемая Пининскими, была нестерпимо холодна, а сухой и теплой они не могли найти во всей Вологде, по случаю появления в ней холеры, которая навела такой страх и уныние на жителей, что никто из них не хотел отдавать в наем покоев, то они, находясь в стеснительной крайности и, притом, зная, что Стефан в 1829 году отвел помещение в архиерейском доме прибывшему тогда в Вологду археологу Строеву с двумя его помощниками, обратились с нему, преосвященному, с просьбою поместить и их на жительство в архиерейском доме, и он, по долгу христианскому, приказал отвести им три небольшие комнаты, за наемную плату в пользу дома, в котором они и жили с октября месяца 1830 года до последних чисел июля 1831 г. 3) Что касается Гедройца, то Стефан писал, что он был введен к нему Пининским, который, при представлении его преосвященному, объяснил ему, что он его совсем не знает и видит в первый раз в жизни. Гедройц желал сойтись с Стефаном преимущественно затем, чтобы узнать от него, не был-ли он знаком с его братом, епископом Гедройцом. Получа от владыки на свой вопрос о брате отрицательный ответ, Гедройц, будучи глух, продолжал неоднократно повторять, его, что чрезвычайно утомило Стефана, который по слабости тогда своего здоровья, не был в состоянии громко говорить. Заметив это, Пининский вывел Гедройца из комнат Стефана, который с тех пор более его не видел и только впоследствии узнал от губернатора, что он отправлен из Вологды в Устюг, но не под строжайший надзор. 4)

Обвинение, что принятие Пининских для квартирования в архиерейский дом возбудило крайнее негодование во всех жителях Вологды, Стефан опровергал таким образом: «Из объясненных выше обстоятельств изволите усмотреть, ваше сиятельство, могло-ли быть какое негодование, когда Пининские почти всеми почтенными лицами были любимы, в чем я совершенно уверяюсь, что никакого негодования не было; ибо ежели-бы такое негодование от жителей гражданских происходило, то гражданский губернатор Брусилов, как человек просвещенный, благоразумный, пользующийся любовью жителей Вологодской губернии всех сословий, исключая немногих, ревностный и верный слуга всемилостивейшего Государя нашего, истинный христианин, управляющий десять лет Вологодской губернией и, можно сказать, знающий склонности каждого жителя Вологды, не мог бы мне, по его искренней откровенности, не объявить о происходящем от жителей за Пининских ко мне негодовании, но сего от него, губернатора, мне объявляемо не было. А сверх того, если бы о Пининских начала публика разуместь столько невыгодно, то не могли-бы долее продолжать с ними знакомство чиновники и дворяне, но оное продолжалось и всегда они к ним, Пининским, ездили, в том числе и жандармский полковник Дейер взаимно с ними перегащивался». 5) Касательно доставления кушания архиерейским служителем посаженному на гауптвахту сыну Пининского, Стефан писал следующее: «Когда сын Пининского, по высочайшему повелению, посажен был на гауптвахту, кто там его кормил, я совершенно не знал, а ныне, по получении от вашего сиятельства предписания, видя явную на себя клевету, вынужденным нашелся учинить изыскание, по какому поводу такая клевета на меня могла произойти, и открылось, что действительно принадлежащий архиерейскому дому штатный служитель, живущий вне архиерейского дома, носил на гауптвахту сыну Пининскому кушание, потому что Пининский-отец, отправляясь в Сольвычегодск, того служителя подрядил, в бытность сына его под арестом готовить на него кушание и носить к нему, так как, по случаю тогда свирепствовавшей холеры, получать из трактиров кушание было трудно, а иногда и

совсем невозможно. Да ежели-бы упомянутый сын Пининского обратился посредством кого-либо в такой крайности об оказании ему пособия в пропитании ко мне или к другой какой-либо добродетельной особе, по долгу христианскому никто-бы также не отрекся благого дела, руководствуясь благим на то примером Государя Императора, установившего попечительные комитеты. Следовательно, от кого-бы таковое благотворение сыну Пининского, яко арестанту, оказываемо ни было, кажется, законопреступлением признано быть но должно, ибо сим никакого особенного покровительства Пининским ни мало не доказывается, кроме одной христианской добродетели. Но из чего доноситель генерал-адъютанту Бенкендорфу признал меня особенным покровителем Пининских, не знаю, и что под покровительством он разумеет, и почему оно есть законопреступно, не постигаю. Ежели доноситель на меня есть из числа таких лиц, которые несправедливо верили нелепым мнениям, что свирепствовавшая смертоносная болезнь холера происходила якобы от отравы воды и пищи поляками, то по сему можно допустить, что такой доноситель и одно мое приватное с Пининскими знакомство мог почитать преступлением; столько же, однако, ошибочно так думать и о смертности людей от отравы, а не от холеры».

Наконец, на последний пункт доноса Стефан отвечал так: «Побудительных причин к доносу на меня г. генерал-адъютанту Бенкендорфу с таким превратным изложением событий и с видимою целью подвергнуть меня замечанию высшего начальства со стороны моей никаких не нахожу; ибо я ни жизнью своею, ни распоряжениями своими в делах епархиальных ни малейшего к неудовольствию повода ни духовенству, ни светского звания лицам не подал, кроме тех только духовного звания людей, с которыми, яко оказавшимися за всеми исправительными мерами в духовном звании нетерпимыми, поступил по точности, как повелено высочайшими указами, без всякого послабления; но и сии, чувствуя важность своих преступлений и соответствующую оным меру наказания, кажется, также не должны-бы питать ко мне неудовольствия. Но, может быть, некоторые из них, потеряв

совесть свою и скрыв свои поступки, жаловались в виду невинного их угнетения жандармскому полковнику Дейеру, с обнесением меня невинно вышепрописанными обстоятельствами и г. Дейер, может быть, доносил о том г. генерал-адъютанту Бенкендорфу. К таковому заключению ведет меня то только, что без всяких видимых причин он, г. Дейер, прекратил со мною свое знакомство и никогда уже, по прежнему своему обыкновению, даже и в высокотожественные дни после литургии из собора с прочими чиновниками ко мне не заходит». ³¹³

Отзыв Стефана при особом докладе князь Мещерский представил Государю, который приказал сделать епископу строгий выговор за поступки, вовсе неприличные его сану. ³¹⁴

IV. Строгое замечание епископу тамбовскому Евгению

В 1831 году, для уменьшения числа лиц духовного звания и для очищения духовного ведомства от негодных членов, высочайше повелено было обратить излишних и неблагонадежных из духовного звания в военное. Здесь не место говорить о том, в какой степени этою мерою правительство достигло предположенной им цели, тем более, что оно само впоследствии, именно в 1853 году, созналось, что упомянутая мера, при всех предосторожностях, с какими она была приводима в действие, исполнялась не без больших затруднений и с немалым ропотом и что она не освободила духовное ведомство от лиц, действительно для него излишних по совершенной необразованности или ненадежному поведению, так как многие из них или по физическим недостаткам, или по летам, оказались к военной службе неспособными.³¹⁵ Сверх того, способ, которым эта мера приводилась в исполнение, неразборчивость и преступное невнимание к положению лиц, подлежащих этой мере, со стороны некоторых епархиальных начальников, сообщили ей характер жестокости, какого-то гонения, воздвигнутого правительством на беззащитное сословие. В самом деле, трудно представить себе то безучастие к своим меньшим братьям, то бесчеловечие, которыми очернили себя некоторые епархиальные начальники, приводя в исполнение высочайшее повеление.

Особенным усердием к выполнению видов правительства, неразборчивостью и невниманием к участи подчиненных отличился тамбовский епископ Евгений. Действительно, его неразборчивость и невнимание граничили почти с жестокостью. Синодальные акты 1831 и 1832 годов наполнены жалобами синоду и даже самому Государю на жестокость Евгения. Из многих подобных жалоб приведем в образец некоторые. Так, жена одного церковника, Осипа Федорова, Анна Тимофеева, обратилась со всеподданнейшим прошением к Государю

Наследнику, прося его ходатайства пред Государем Императором о возвращении ей мужа, отданного по распоряжению Евгения, в октябре месяце 1831 года, в военную службу, несмотря на то, что она оставалась после него беременною с 4-мя малолетними детьми, без всяких средств к их пропитанию.³¹⁶ Или вот другой пример: престарелая пономарская вдова Петрова просила Государя Императора, чтобы из двух её сыновей, отданных Евгением в солдаты, оставили ей одного, как единственного её кормильца на старости лет. Просьба её передана была на рассмотрение в синод, который, найдя, что Евгений поступил неразборчиво, тем более, что один из сыновей вдовы Петровой не был ни в чем замечен, а, напротив, отличался нравственным поведением, положил: возвратить его престарелой матери.³¹⁷ В таком виде дело представлено было на высочайшее воззрение. Государь утвердил мнение синода, но, пораженный поступком Евгения, а может быть припоминая и другие жалобы на него по подобным же делам, написал на синодальном докладе следующее: «Возвратить, но за неправильную отдачу сделать строгое замечание».

V. Замечание архангельскому епископу Георгию

12-го сентября 1832 года синодальный обер-прокурор князь Мещерский словесно предложил св. синоду на благорассмотрение о замеченном им неприличии со стороны духовенства во время церемонии, бывшей 25-го июня того года в Архангельске, при открытии памятника покойному статскому советнику Ломоносову, которая подробно была описана в 170 № «С.-Петербургских Ведомостей» 1832 года. Затем было прочитано следующее описание этой церемонии из показанных «Ведомостей»: «Утром 25-го июня, в 9 часов, начался благовест к божественной литургии, которая совершена в кафедральном соборе епархиальным преосвященным со старшим духовенством. Пред окончанием литургии, инспектором семинарии Софонием произнесено приличное сему торжественному дню слово. По окончании литургии и благодарственного о здравии Его Императорского Величества и всего Августейшего Дома молебствия и по разоблачении духовенства, началось торжественное шествие к памятнику. Впереди ученики здешних духовных и гражданских училищ, кантоницы архангельского полубатальона и воспитанники приказа общественного призрения с их наставниками и прочими чинами; за ними потомки и родственники Ломоносова, потом преосвященный с прочим духовенством, предшествуемый архиерейскими певчими; за духовенством военные и гражданские чиновники, в предшествии военного губернатора, по старшинству их чинов; за ними дамы, дворянство, купечество и прочие граждане.

В продолжение шествия архиерейскими певчими пета была ода сочинения Ломоносова: *Хвала Всевышнему Владыке*.

По прибытии к памятнику и по занятии всеми своих мест, г. губернским прокурором прочтено отношение бывшего г. министра народного просвещения, в котором объявлено Высочайшее Его Императорского Величества на сооружение сего памятника соизволение. После сего, устроенный губернским архитектором над памятником намет, по сделанному

сигналу, мгновенно открыт, и в ту же минуту музыка здешнего порта заиграла туш, а вслед затем певчие пропели: *Боже Царя храни!* Потом протодиакон в устроенной заблаговременно на ступеньках под памятником, подле самого пьедестала, кафедре читал краткую речь, приготовленную на сей случай преосвященным, по окончании которой, вместе с музыкою, пропели первое отделение сочиненного на сей случай в здешней семинарии канта. Учитель гимназии, г. коллежский советник Смирнов, прочел сочиненную выбывшим уже отселе с Петрозаводск учителем г. Никольским речь, после которой певчими с музыкою пропета вторая часть канта.

Потом студент семинарии Спасский произнес сочиненную им речь и пропета третья часть канта; после чего прочтена сочиненная учеником богословия Молчановым на сей случай ода, и напоследок стихи на латинском языке. В заключение всего, певчими пропето *Тебе Бога хвалим*.

Духовенство, высшие чиновники, почетные граждане и родственники Ломоносова градским главою приглашены были в общественный зал на завтрак, в продолжение которого всеми присутствовавшими, воодушевленными чувствованиями всеподданнейшей благодарности и пламенной любви к Августейшему виновнику настоящего торжества, пито за здоровье Его Императорского Величества и всей Высочайшей фамилии».

Синод приказал преосвященному Георгию донести ему, действительно-ли, при открытии памятника покойному Ломоносову, происходило все так, как напечатано о том в «С.-Петербургских Ведомостях», по какому поводу находился он с духовенством при этой церемонии и чем руководствовался в соучастствовании в оной? При объяснении велено было Георгию «доставить в св. синод копии с произнесенных при этом случае духовными лицами речей и пропетых архиерейскими певчими канта, оды и стихов, сочиненных учеником Молчановым на латинском языке, с переводом последних на русский язык».³¹⁸

Георгий, в объяснении своем синоду сознавался, что при открытии памятника Ломоносову почти все действительно происходило так, как описано в «С.-Петербургских Ведомостях»,

но находил, что в них начало открытия памятника несправедливо слито с предшествовавшим богослужением, так что по описанию выходит, будто бы и проповедь, и литургия, и самый благовест, начавшийся в 9 часов утра того дня, имели непосредственное отношение единственно к памятнику и служили началом открытия его, между тем как все это происходило обыкновенным порядком, по случаю высокаторжественного дня, для которого и без открываемого памятника были бы и литургия с благовестом, и проповедь в свое время, и благодарственное молебствие о здравии Его Императорского Величества и всего Августейшего дома. Так, начало открытия памятника последовало не в 9 часов утра, а по совершенном окончании богослужения в церкви. Другая неточность в известиях «Ведомостей» заключалась в том, что после речи, произнесенной учителем гимназии Смирновым, говорил речь учитель Спасский, а после оды, сказанной учеником Молчановым, говорил латинские стихи учитель Заринский.

Но самое любопытное в этом объяснении – это ответ Георгия на вопрос синода: по какому поводу находился он с прочим духовенством при такой церемонии? «Находился я при этой церемонии – писал Георгий – по словесному и письменному приглашению военного губернатора, заступающего должность гражданского губернатора и прочих гражданских чиновников, отнюдь не почитая действием противозаконным и предосудительным соучаствовать в изъявлении всеобщей торжественной радости и признательности к такому мужу, коего заслуги в ученом отношении для всех россиян незабвенны. К сему приводило и то, что первую мысль о сооружении памятника Ломоносову подал покойный преосвященный Неофит, и что сей же высокаторжественный день предназначен на месте, на той же площади, где по обстоятельствам холеры всенародно молились, торжественно излиться пред Господом в ощущениях благодарности и радости общенародной о избавлении нас от всех неприятных смут, кои тоже препятствовали давно желанному для всех, по Высочайшему благоволению, открытию памятника, как то изъяснено в речи

под № 3. Самый день рождения Его Императорского Величества, столь радостотворный для счастливых подданных, служил для меня новым побуждением участвовать во всеобщей радости всех и чрез сие способствовать к усугублению величия не столько открытия памятника, совершавшегося в сей день, сколько самого дня, столь высокаторжественного, и к поощрению любви и соревнования к наукам жителей града Архангельска, кои весьма неохотно давали в училища своих детей».

На последний вопрос синода: чем руководствовался Георгий в соучаствовании в церемонии открытия памятника Ломоносову? он отвечал так: «По редкости подобных случаев, я не имел образцов и примеров для руководства в предстоящем деле. Но если при открытии памятника Демидову, мужу-благотворителю, совершенно было, по распоряжению преосвященного Авраама, архиепископа ярославского, молебствие с водосвятием при самом памятнике, то не казалось мне предосудительным, при открытии памятника Ломоносову, мужу ученому, почтить сие открытие тут же, за оградю кафедрального собора, личным моим присутствием с духовенством, без облачения и без всяких особых церковных церемоний. Бывшие при памятнике Демидова молебствие и водосвятие не меньшей важности почитаю я, нежели одно мое присутствие пред памятником Ломоносова, при стечении всех изъясненных обстоятельств, которые пропущены в «С.-Петербургских Ведомостях».³¹⁹

При объяснении приложены были копии с произнесенных при этом случае речей, оды, латинских стихов с переводом и пропетого певчими канта. Кроме этого официального объяснения, Георгий прислал к князю Мещерскому конфиденциальное, в котором просил его оказать ему снисхождение, потому что «если он и поступил в этом деле неприлично для своего сана, то с совершенной чистотой целей и намерений, к возбуждению благодарности к Богу и Государю и соревнования к наукам».³²⁰ Но, кажется, это отношение более повредило Георгию, чем принесло ему пользы; особенно весьма некстати было в нем указание на московского митрополита

Филарета, который не только участвовал при закладке в Москве триумфальных ворот, но и произнес при этом речь. Князь Мещерский и это конфиденциальное отношение к нему предложил св. синоду, следовательно, ссылка на Филарета сделалась гласною и произвела на него, присутствовавшего при чтении этого отношения, весьма неприятное впечатление. Из дела синодского о поступке архангельского епископа ясно видно, что митрополит московский сам взял на себя труд написать синодскую резолюцию по делу преосвященного Георгия – так оно его заняло! Вот эта резолюция: «По рассмотрении сего дела, св. синод находит в действовании епархиального начальства немаловажные несообразности и неприличия, как-то: 1) О памятнике Ломоносову упомянуто в церковном слове на высокаторжественный день рождения Его Императорского Величества, не только потому, что почеть памятника есть гражданская и для церкви посторонняя, но еще более потому, что при церковном торжестве о высоком рождении Благочестивейшего Государя Императора несообразно было выставлять пред алтарем похвалу и почеть подданного. 2) Из распоряжения о церемониальном шествии к памятнику вышла также несообразность, что храм Божий превратился в сборное место для процессии гражданской. 3) Смешение священного со светским, особенно странное для простого народа, представлялось и в том, что протодиакон, употребляемый для церковных возгласений, употреблен был для чтения речи при памятнике. 4) В речи сей священное изречение: *Сей день, его-же сотвори Господь*, употреблено неуместно; и 5) Латинские стихи по недостаткам и содержания, и языка, допущены до публичного чтения не к чести духовных училищ. Заметив сие преосвященному епископу архангельскому, подтвердить ему, чтобы впредь от подобных несообразностей и неприличий удержался; чтобы сочинения лиц духовного ведомства, читанные и петье при открытии памятника, не были напечатаны, и чтобы впредь в донесениях начальству не пропускал он никаких нужных обстоятельств, как то в сем деле пропущено, какого училища и каких предметов учителя Спасский и Заринский».³²¹

VI. Высочайшее замечание смоленскому епископу Иосифу

В сентябре месяце 1832 года статс-секретарь Танеев сообщил обер-прокурору св. синода, по высочайшему повелению, следующие Государя Императора замечания: «1) Смоленский архиерей, встретив Государя со крестом и дав приложиться, останавливался при каждом повороте и благословлял, идучи вверх по крыльцу, вместо того, чтоб прямо идти на свое место. 2) Певчие у этого архиерея одеты весьма грязно и вопреки всякого приличия, большие из них в немецких изношенных и изгаженных кафтанах».³²² При этом Танеев объявил князю Мещерскому высочайшую волю, чтобы певчие смоленского архиерея немедленно были переодеты по покрою певчих с.-петербургского митрополита, равно как и во всех епархиях.

Это высочайшее замечание, по обыкновенному порядку, было объявлено князем Мещерским синоду и смоленскому епископу. Последний написал к синодальному обер-прокурору, что «с глубочайшим верноподданническим благоговением приемлет помянутые замечания и что, встретив Государя Императора у соборного крыльца со крестом и идучи вверх по сему довольно высокому и крутому крыльцу, останавливался он при каждом повороте и тем же крестом осенял, по примеру предшественников своих, епископов: Иринея и Иоасафа, встречавших таким же образом блаженные памяти Государя Императора Александра Павловича. Сим от предшественников заимствованным примером думал он и желал торжественнейше изъявить свое благоговение к лицу Помазанника Божия.

Что же касается до парадной одежды певчих, то она, по приказанию его, оставлена была за ветхостью; певчие скоро будут вновь переодеты». Относительно одежды Иосиф прибавил, что, «в усталости возвратившись из высочайше дозволенного ему отпуска в Киев за два только дня до прибытия Государя в Смоленск, не мог он при других занятиях напомнить себе о сказанном предмете».³²³

VII. Выговор Илиодору, епископу курскому

Статс-секретарь Танеев сообщил князю Мещерскому, что Государь, в бытность в Белгороде в тамошнем кафедральном соборе, к крайнему своему удивлению и неудовольствию, заметил висящий в нем свой портрет, который приказал тогда же чрез тамошнего гражданского губернатора снять, и что Государь поручил св. синоду именем его сделать за это строжайший выговор курскому преосвященному, с объявлением о том по всем епархиям и с подтверждением, чтобы в церквях не было никаких изображений, кроме икон.³²⁴ Св. синод, передавая преосвященному курскому этот выговор, вместе с тем предписал ему донести: кем именно внесен в белгородский собор портрет Государя Императора, по чьему дозволению и распоряжению, и известно-ли было об этом портрете ему, преосвященному? Но еще прежде синода подобные же запросы предложены были Илиодору курским гражданским губернатором. Спрошенные по этому случаю соборяне белгородского собора показали: 1) что Императорские портреты в белгородском соборе введено ставить с 1787 года, по распоряжению епархиального начальства; в это время поставлен был на боковой стороне портрет Императрицы Екатерины II, впоследствии повешены были в соборе по обеим сторонам портреты Императоров Павла I и Александра I. На основании этих примеров, в мае месяце 1827 года, по распоряжению епархиального архиерея, поставлен был в соборе и портрет Государя Императора Николая Павловича. 2) «Побуждением к поставлению таковых портретов как прежних монархов, так и ныне царствующего, было единственно благоговейное верноподданническое чувство к высокому покровителю св. церкви, дабы всегда иметь пред глазами своими видимое Помазанника Божия изображение и тем пламеннейшую возносить молитву к Царю царствующих о благоденствии и долгоденствии его, каковое чувство чисто нелицемерной, св. верою требуемой приверженности и глубочайшего уважения к всемилостивейшему Государю своему,

служители греко-российской церкви, всегда нося в душах своих, считали и ныне считают обязанностью, всеми способами, по крайнему своему разумению, утверждать и других в тех верноподданнических чувствах».³²⁵

Синод старался оправдать Илиодора и ходатайствовал через князя Мещерского о снятии с него того наказания, которому он подвергся. Вот доклад князя Мещерского по этому предмету: «Синод, усматривая из сего донесения (т. е. преосвященного Илиодора), что обыкновение иметь в белгородском кафедральном соборе Императорские портреты введено с 1787 года бывшим тогда епархиальным начальством, и что портрет Вашего Императорского Величества внесен в оный еще в 1828 году, т. е. четырьмя годами прежде поступления на тамошнюю архиерейскую кафедру епископа Илиодора, который прибыл туда в мае месяце сего года (1832), находит, что как побуждением к сему введению было единственно благоговейное чувство к высоким покровителям св. церкви, то всякое покушение на уничтожение такого обычая, который существовал свыше 45 лет, а паче покушение только что вступившего на паству епископа могло-бы произвести неприятные чувствования в тамошних жителях и даже подозрения на верноподданническую преданность и благоговение его к Монарху. По уважению сих обстоятельств, а равно и того полезного и похвального служения, коими всегда отличался епископ Илиодор и в низших степенях иерархии, и в настоящем сане его, св. синод поручил мне представить все сие на благоусмотрение Вашего Императорского Величества и всеподданнейше испрашивать, не благоугодно-ли будет Вашему Величеству повелеть Высочайше назначенный епископу Илиодору строжайший выговор всемилостивейше снять с него и в послужной список его не вносить». Государь написал на этом докладе: «Согласен, но объявить, что Я приказал непременно везде по церквам портретов Моих не вешать».

VIII. Выговор Евлампии, епископу орловскому

Об этом выговоре уже было сказано при изложении ограничения архиерейских прав в царствование Николая I, а потому здесь мы представим только сущность этого дела. В 1843 году статс-секретарь Танеев объявил графу Протасову высочайшее повеление, чтобы епископу орловскому сделан был от св. синода выговор за произнесение речи при встрече Государя Императора в городе Орле, вопреки запрещению, объявленному в 1826 году по духовному ведомству. Св. синод исполнил это повеление, а вместе с тем подтвердил всем архиереям, чтобы они, на точном основании высочайшего повеления, отнюдь не произносили речей во время высочайших путешествий.³²⁶

IX. Выговор епископу подольскому Елпидифору

В 1849 году граф Протасов получил следующее анонимное письмо: «Будучи уверен в высокой ревности вашего сиятельства, с которою неусыпно трудитесь о благе православных российских церквей, приемлю смелость почтеннейше донести вам о великих злоупотреблениях, чинимых в отношении церквей подольской епархии, в которой имею жительство. Преосвященный Елпидифор, епископ подольский и брацлавский, посещая в настоящее лето сельские церкви, возил с собой родного брата своего, молодого парня, Гаврилу, поручив ему поверять при ревизии наличные суммы каждой церкви. Гаврила этот, по обсчете суммы, взимал без исключения с каждой церкви по 12 рублей серебром, и на спросы приходских священников и церковных старост, на что и для кого забирает эти деньги, не обвиняясь отвечал, что забирает их по приказанию преосвященного на его же надобности. В одном приходе священник решился спросить самого преосвященного, следует-ли этот взятки (sic) писать по церковным реестрам расходом, и получил от него такой ответ: «Пиши, если хочешь, но упреждаю тебя, что нигде места не сыщешь». В других местах случалось так, что под ревизию в наличности не было более в церкви 3 или 4 рублей; в таких случаях тот же Гаврила, с протодиаконом и другими членами архиерейской свиты, сильно настаивали, чтобы они заступно за церковь давали своих по 12 рублей, и буде не имеют своих, то заняли-бы у кого-нибудь, а в последствии времени, по мере накопления церковной суммы, удовлетворяли бы из ней кредитора, и, страдая священника отрешением от места, заставляли их удовлетворять своим требованиям. Подобные примеры были в селениях Могилевского уезда Поповцах, Гальчинцах и Комаринцах, чего я был очевидным свидетелем. В последнем из них священник, не могши ни у кого занять денег, по выезде уже архиерея, достал у кого-то 12 рублей и, во избежание тяжкой беды, послал их в догонку за ним в г. Бар.

Не имея в деле сем никакого интереса, я единственно из чистой ревности к святыне всепокорнейше доношу о сем вашему сиятельству и осмеливаюсь уверить, что если еще другая подобная последует архиерейская ревизия в подольской епархии, то сельские церкви, и без того довольно нищенские, крайне разорятся. Если настоящее донесение мое не будет удостоено вероятия, то не благоугодно-ли будет вашему сиятельству, для удостоверения в том, командировать кого из добросовестных канцелярии своей инкогнито по тем селам, в которых учинена ревизия, для спросу о том церковных старост и приходских священников, так, впрочем, чтобы о командировке этой и приезде командированного не могла знать подольская консистория, преисполненная иезуитами.

Р. S. Прошу извинить великодушно, что я, во избежание всяких могущих случиться по этому неприятностей, подписался не собственным именем. Гумберт».³²⁷

По получении этого доноса немедленно было послано от графа Протасова к Елпидифору конфиденциальное, с приложением псевдонимного письма, отношение, которым затребовано от преосвященного на него объяснение. Елпидифор отвечал Протасову 23-го декабря 1849 года. «Сейчас – писал подольский преосвященный – имел я честь получить милостивое конфиденциальное отношение вашего сиятельства от 12-го сего декабря за № 7594, с приложением письма какого-то лжеименного Гумберта о действиях моих при обозрении епархии, и трепещущею от душевного смущения рукою спешу высказать вашему сиятельству со всею откровенностью и прямою, что и как было.

Родного брата и никакого родственника при себе не имею, а наименованный в письме братом моим некто Гаврило есть совершенно чужой мне человек, служащий мне келейником, впрочем кончивший курс учения в воронежской семинарии, сирота, мною призренный, восемь лет уже страдающий неизлечимою болезнью и потому меня не оставляющий и мною не оставляемый. Я о нем, не обвиняясь, могу сказать, что он сам, ни в чем не нуждаясь, всецело и искренно бережет и мою честь: так он был настроен с самого начала и в таком

отношении и ныне постоянно мною удерживается. При ревизии церковей я считал излишним пересчитывать церковные деньги, в том предположении, что таковые к моему прибытию непременно уже будут в наличности, и потому ни в одном селении к церковным деньгам ни я сам и никто другой пальцем не прикасался и не видел их; а рассматривал я сам везде приходо-расходные книги и другие документы церковные, и смотрел также, надлежащим-ли образом и в безопасном-ли месте держится и сохраняется ящик с суммами церковными. Гаврило же оный знал только, при входе моем в церковь, принять мою палку и держать её, не отходя от клироса, или на улице хлопотать около экипажа и людей.

Что касается до получения денег, при проезде по церквам, то действительно было таковое получение, и с ведома моего, *как всегда везде водилось и водится*, но в настоящий раз при мне это было совсем не так, как описал г. Гумберт. Зная, что при этом случае нередко бывают злоупотребления, я, в предотвращение такового, нарочито не брал с собою ни ключаря и никого другого для пособия себе при рассмотрении отчетностей церковных, и сам все рассматривал и благочинным открыто говорил, чтобы, если кому из духовенства, по обычаю, угодно будет что-нибудь пожертвовать на свиту, то давали-бы отнюдь не из церковных денег, а свои собственные, а дабы и со стороны бывших в свите со мною не было от кого-либо нахальства и плутовства, поручено было получать даваемое, но отнюдь не вынуждаемое, одному регенту, и записывать, где что будет дано. Поэтому регент и получал везде; в некоторых же немногих местах, и то только в первую поездку, и не в уездах, о которых упоминает Гумберт, когда певчие почему-либо отставали от меня, принимал Гаврило мой и после отдавал регенту. Во вторую-же поездку по уездам, упоминаемый в письме Гумберта Гаврило решительно нигде ни копейки не принимал. И деньги давали обыкновенно благочинные по 10 р., иногда и поболее, но не от каждой церкви, а по обзору всех, какие приходились на пути, церковей округа того или другого благочинного, очень-же редко где сами священники давали, и где это случалось, то давали только по 2, по 3 и в одном месте

6 руб. По возвращении, регент список, где что получено, и самые деньги представлял эконому, и деньги, по особому расписанию, с утверждения моего, поступали в раздел всем певчим и бывшим в поездке диаконам. Поэтому никто нигде меня не спрашивал, и не было повода спрашивать, как записать в книгу церковную выданные на свиту мою деньги. Ежели где-либо благочинные взимали для этого церковные деньги против моего внушения, то это мне неизвестно, и я не могу, особенно вдруг, искоренить все их злоупотребления. От старост церковных решительно нигде не было взято.

Конечно, нельзя похвалить, что это мною было допущено, но я к этому склонился частью повсеместным обычаем, частью же здесь и особенною некоторою нуждою: здесь певчие и служащие при мне диаконы, не как в других русских городах, совершенно почти никаких доходов не имеют, а одним жалованием содержаться очень трудно. Сознаюсь и каюсь в этом, и покорнейше испрашиваю милостивого вашего благоснисхождения. Не думаю, чтобы все или даже кто-либо этим отягощался и имел собственно за то на меня неудовольствие; но принесший на меня такую жалобу должен быть или от тех, кто вообще привык клеветать и недавно составлял на меня и на других клеветы пред св. синодом и вашим сиятельством, или из числа тех, кои после ревизии моей за свои неисправности подверглись заслуженному взысканию. Пусть бы лжеименный ревнитель польз церковных писал то и так, что и как было, а не бросал своей грязи на лицо, которое всемерно старается соблюсти себя совершенно чистым. Больно для сердца, что совершенно напрасно честь страдает. Для успокоения моего смею надеяться и ожидать милостивого и благожелательного вашего мне по сему вразумления».³²⁸

После открытого признания Елпидифора в том, что действительно во время обозрения им епархии делались поборы, конечно, странными должны были показаться Протасову возгласы преосвященного против клеветы, взведенной, будто бы, на него псевдонимным Гумбертом и защищение своей чести и чистоты действий. Дело говорило само за себя, а потому объяснение Елпидифора обратилось в

новый обвинительный против него акт. Протасов³²⁹ предложил о таких вопиющих злоупотреблениях по подольскому епархиальному управлению синоду, а синод написал по этому случаю Елпидифору следующее: «Св. синод из отзыва преосвященного епископа Елпидифора с особенным прискорбием усматривает, что он, преосвященный, допущением сбора приношений от подчиненного ему духовенства в пользу людей, составляющих его свиту и получающих от щедрот Монарха содержание, дозволил себе такое действие, которое противно церковным и гражданским постановлениям, унижительно для его, преосвященного, сана и звания, и крайне соблазнительно для подчиненных и для всей паствы, в которых чрез сие не может не колебаться уважение к архиерейскому достоинству, особенно же в стране, наполненной иноверцами. Посему св. синод определяет: 1) преосвященному Елпидифору за таковые действия сделать строгий выговор, с подтверждением, впредь не допускать отнюдь подобных действий, и 2) сумму, подобным образом полученную его свитою, обратить в тамошнее попечительство о призрении бедных духовных для предписанного правилами употребления».³³⁰

Х. Выговор Иннокентию, епископу екатеринославскому

Мы уже несколько раз упоминали, какой беспорядок и расстройство производили в епархиальных делах те лица, которые из канцелярий синодальной и обер-прокурора св. синода были отправляемы на должность секретарей консисторий. Эти лица, всегда состоявшие или под особенным покровительством Сербиновича, Войцеховича, Юзефовича и Яковенко, или связанные какими-то тайными отношениями с Карасевским, Новосильским и др., являлись на секретарские должности с правами прокуроров и ставили себя вовсе не в подчиненные отношения к своим архиереям. Один из таких чиновников синодской канцелярии, особенно близкий к обер-секретарю Яковенко, был назначен секретарем в екатеринославскую консисторию. Архиерей держал себя в отношении к нему, как начальник; это не понравилось секретарю: начались неофициальные доносы на преосвященного в Петербург об образе его жизни и действий и об его отзывах о синодских порядках. Последнее особенно не понравилось тогдашней синодской бюрократии, которая была недовольна Иннокентием. Но для того, чтобы поразить его, был нужен формальный донос и, притом, не от консисторского секретаря, а от постороннего. Дело за этим не стало: Иннокентий, как человек болезненный, служил редко, что было стеснительно для ставленников или кандидатов на священно- и церковнослужительские места. Один из них, подстрекнутый и возбужденный секретарем екатеринославской консистории, подал в св. синод жалобу на архиерея и письмоводителя его Ширяева в том, что последний берет взятки и продает места. Этого было достаточно. Для формы потребовали объяснений от Иннокентия по жалобе, принесенной на него, и присылки некоторых ставленнических дел. После получения отзыва, долго рассуждали в синодской канцелярии, как поступить с преосвященным. Проект определения несколько раз изменялся под рукою Яковенко и Позняка: то хотели прямо послать

Иннокентия на покой, то сделать строжайший выговор, наконец остановились на последнем. Приводим здесь в подлиннике определение синода. «Из обстоятельств дела сего видно, гласит синодский указ: 1) Воспитанник екатеринославской семинарии Иван Федоров, в присланном его сиятельству г-ну обер-прокурору св. синода прошении, изъясняет, что из 42 воспитанников, кончивших с ним курс семинарского учения в 1849 году, только 8 рукоположены в сан священнический, прочие-же, а в числе их и он, Федоров, не удостоиваются сего потому, что не могут внести архиерейскому письмоводителю Ширяеву положенных им на каждого ста рублей серебром; ибо чиновник сей, только по получении сей суммы, побуждает преосвященного к богослужению, которое он редко совершает, а между тем не платящие воспитанники, проживая в Екатеринославле с женами, снискивают себе пропитание – летом пилением дров на пристани, а зимою колотьем льда. При сем воспитанник Федоров просит обратить начальственное внимание на такое горестное его и соучеников его положение. 2) Преосвященный Иннокентий, от которого по содержанию таковой жалобы требовались сведения и самые дела о воспитанниках, не произведенных в священство, в рапорте своем св. синоду от 30-го минувшего апреля объяснил, что жалоба Федорова есть наглая клевета, как в отношении к самому преосвященному, так и к письмоводителю его Ширяеву; что редкому служению его в 1849 и 1850 годах были причиною болезненные припадки его, и что воспитанник Федоров не рукоположен доселе потому, что не умеет прочесть порядочно часов. При сем преосвященный представил производящиеся у него ставленнические дела о воспитанниках: Федорове, Комаревском, Шереметьеве, Ладдаеве, Иванкове и Постреланеве. Из дел сих видно, что они начались 1) 25-го октября, 2) 9-го декабря 1849 года, 3) 22-го мая, 4) 7-го октября, 5) 17-го июля и 6) 25 сентября 1850 года. Рассмотрев внимательно объяснение преосвященного Иннокентия и все означенные дела и сообразив оные с жалобой воспитанника Федорова, св. синод с прискорбием замечает, что изъясняемые им, воспитанником, нарекания имели основание в той

непростительной медленности, какая допущена была преосвященным сперва в производстве дел, а потом в откладывании рукоположения, и хотя нет в виду законных доказательств, чтобы действия сии зависели от причин, указуемых Федоровым, за всем тем нельзя не согласиться, что они могли послужить к жалобам со стороны обиженных и даже соблазном для посторонних, тем более, что если преосвященный действительно не мог служить по болезни, то, с окончанием каждого делопроизводства, надлежало ему отсылать ставленников для рукоположения к соседственным епархиальным архиереям и, таким образом, предотвращать повод к нареканиям и жалобам. По сим соображениям, св. синод определяет: 1) Преосвященному Иннокентию, сделав строгий выговор как за допущение столь важного беспорядка в управляемой им епархии, так и за неправильное применение слов апостола Павла к настоящему случаю: а) поспешить неотложным рукоположением упомянутых шести воспитанников и отпуском их к предназначенным для них местам, б) письмоводителя Ширяева, для предотвращения дальнейших нареканий и соблазна, перевести в одно из духовных правлений екатеринославской епархии в должность столоначальника, в) на будущее время не допускать ни малейшей медленности в производстве ставленнических дел и самом рукоположении кандидатов в священство. Если-же и теперь болезненное состояние препятствует преосвященному исполнять с надлежащею точностью пастырские обязанности свои и в особенности неупустительное совершение им самим богослужения, то о сем обязан он донести св. синоду не медля, к особому рассмотрению. 2) О сем, для должного исполнения, послать ему, преосвященному, указ, с возвращением представленных им дел и с требованием от него неукоснительного донесения о последующем».³³¹

XI. Выговор екатеринославскому епископу Гавриилу

15-го июня 1829 года князь Мещерский получил от действительного статского советника Фон-Фока частную записку о следующих беспорядках по екатеринославскому епархиальному управлению:

1) В 1826 году по доносу о злоупотреблениях, будто бы, симферопольского протоиерея Чернявского по постройке тамошней церкви, произведено было следствие, по которому он был оправдан; но за всем тем, его отрешили от присутствования в духовном правлении и на его место назначили доносчика, протоиерея Молчанова. Между тем, экстракт из этого дела был сочинен и отдан секретарю Неводчикову для просмотра, а тот держит его у себя на квартире три года и до сих пор медлит окончанием дела, ожидая от Чернявского вещественной благодарности.

2) В том же 1826 году возникло по Новомосковскому уезду между протоиереями Башинским и Цугаловским 16 дел о растрате церковных доходов и других злоупотреблениях. Неводчиков, получив от Цугаловского в подарок 4 лошади в 600 руб., до сего времени не давал этим делам никакого хода по консистории и старался подвести их под всемилостивейший манифест; наконец, епископ Гавриил приказал заняться этими делами и дать им движение.

3) Дела ставленников, приуготовляемых к посвящению, все без исключения находятся не в консистории, как следовало бы, но на дому Неводчикова, с тою целью, чтобы священно- и церковнослужители приходили к нему с благодарностью, которая истощает этих бедных людей до такой степени, что они для выкупа грамот и для избежания тягостной проволоочки, принуждены занимать у служащих в консистории деньги на самое короткое время за невероятные проценты.

4) Дела о разных происшествиях в церквях, на которые, по высочайшему повелению, не распространяется всемилостивейший манифест, удерживаются Неводчиковым под

разными предложениями и он, обнадеживая виновных то манифестом, то маловажностью их проступков, получает от них взятки.

5) Канцелярия консистории, при составлении ведомостей из годовых церковных отчетов по свечной сумме, находя в некоторых уездах совершенное небрежение и даже утайку денег, докладывает о том Неводчикову, а он, вместо принятия мер к прекращению такого зла, скрывает от присутствия беспорядки, списывается с виновными и получает от них по 200 и более рублей; так, еще недавно были ему присланы от настоятеля иеромонаха Тихона 300 руб., а от протопопа Кошевского лошадь.

К довершению сих злоупотреблений, находящийся при епископе Гаврииле домовым секретарем губернский секретарь Николаевский, за объявление ставленникам резолюций преосвященного, берет с каждого от 20 до 50 руб. Ежели-же кто по бедности, или почему-либо другому, не удовлетворит его требованию, таковой с дерзостью и бранью выгоняется из комнаты, а за сим следует отказ просителю в его просьбе. Кроме того, грамоты священнические и диаконские, за кои положено брать по 15 коп., продают по 16 руб., 10 копеечные – по 12 руб., а 5-копеечные – по 8 руб.³³²

По заведенному порядку записку Фон-Фока князь Мещерский препроводил к Гавриилу, с тем чтобы он обратил особенное внимание на содержащиеся в ней обвинения, и если найдет, что действительно упомянутыми в записке лицами допущены какие-либо злоупотребления, то произвел бы по ним исследование.

Чтобы оценить объяснение, данное Гавриилом по этой записке, мы должны предварительно сказать несколько слов об его характере. Преосвященный Гавриил имел самые патриархальные свойства: он смотрел на епархию, как на свою собственность, которою мог распоряжаться по произволу, и потому имущество церквей и достояние причтов он рассматривал, как свои оброчные статьи. С такими взглядами, Гавриил постоянно находился в зависимости от своих подчиненных, которые брали взятки и раздавали места, кому

хотели. В Екатеринославле на него имел влияние письмоводитель Николаевский, в Одессе – келейник Драков, в Твери – иподиакон Дмитрий Семенов. Секретари консистории, письмоводители и келейники находились под защитой и покровительством Гавриила. Жалобы на лихоимство, особенно в Одессе, свидетельствуют, что преосвященный, защищая взяточников, защищал этим самого себя. Поэтому неудивительно, что объяснение Гавриила по записке Фон-Фока преимущественно направлено к оправданию консисторского секретаря Неводчикова и архиерейского письмоводителя Николаевского. Представим это объяснение Гавриила по пунктам.

1) О Чернявском преосвященный писал, что действительно дело о нем тянулось с 1825 года по 1829, но причин такого медленного производства не изложил и даже не послал дела в синод, как этого последний требовал.

2) О Молчанове Гавриил доносил, что он с 1829 года уже более не присутствует в духовном правлении, и что он, за упущение по должности и в особенности за недостодолжное употребление денег, отпущенных на постройку свечной лавочки, лишен звания благочинного. В 1826 году между протоиереями Башинским и Цугаловским действительно возникло немалое число дел, которые и оставались без движения также до 1829 года, но в этом году были возобновлены и о ходе их приказано консистории доносить ему, преосвященному, еженедельно.

3) Неводчиков во взятии у Цугаловского 4-х лошадей не признался, а изъяснил, что за дальностью квартиры от консистории принужден был купить сначала одну лошадь, вороную, а потом другую, рыжую, что в 1828 г. тех лошадей он променял Цугаловскому на двух-же лошадей, стоящих ныне не более 150 руб., в чем и сослался на него, присовокупив, что, служа беспорочно, невыгодное о себе мнение принимает с крайним прискорбием, лишаящим его охоты продолжать службу.

4) Цугаловский также показал, что Неводчикову 4-х лошадей он никогда не давал, и что двух его лошадей, карюю и гнедую, выменял на своих.

5) Неводчиков дела консисторские брал к себе, по весьма малому числу способных канцелярских служителей; сие ему теперь воспрещено. Ставленнические дела текут не мешкотно и не обременительно для ставленников. На притеснение никто ему, преосвященному, не жаловался. За грамоты взималось со священников по 15 руб., с диаконов по 9 руб., но не за одни только грамоты, а также и на клир (?!), по указному предписанию (?!), и на церковные потребности (?), по положению предшественников его, преосвященного. Ныне за грамоты взимается сумма, соразмерная их стоимости и пересылке из Москвы; на клир же пошлина берется теперь сообразно указам.

6) Относительно уменьшения свечных доходов Гавриил писал, что оно действительно замечено консисторией в тех местах, где хлеб был истреблен саранчой; но, по вновь сделанному распоряжению, сумма эта с 1828 года уже начала увеличиваться.

7) Иеромонах Тихон отозвался, что он точно послал деньги Неводчикову, но с просьбою передать их в другое место (?). Неводчиков-же на сию статью объяснения не дал, за приключившеюся с ним тяжкою болезнью. На вопрос о лошади, присланной, будто бы, от протоиерея Кошевского в подарок Неводчикову, последний отвечал, что, желая вместо двух негодных лошадей иметь одну хорошую, он поручил в 1828 году Кошевскому купить такую лошадь, на что и дал ему 150 руб. Кошевский по этому пункту показал согласно с Неводчиковым.

Относительно корыстолюбия Неводчикова Гавриил писал, что «хотя совести глубины и трудно проникнуть, нельзя однако же об умеренности его в том не подумать, видя небогатое его состояние и скромную жизнь при расстроенном здоровье.

Извет на Николаевского, по объяснению Гавриила, произошел от зависти других скромной и трезвой его жизни (!); он против сего оправдывается и тем, что с августа 1829 года находится болен». Заключение объяснения Гавриила написано до того темно, что в нем можно понять смысл только последних слов. В них он просит обратить милостивое внимание «как на секретаря консисторского, так и на прочих».³³³

Так как улика была слишком ясна, то синод, по настоянию обер-прокурора, положил сделать преосвященному Гавриилу, за допущение злоупотреблений и противозаконных поборов, строгое замечание.³³⁴

7) Низведение архиереев на низшие кафедры и посылка их на покой

Эти два отдела соединены в один, на том основании, что весьма часто, непосредственно за распоряжением синода о низведении какого-нибудь архиерея на низшую епархию, следовало и его увольнение на покой. Причиной такого явления были иногда особенные соображения св. синода, а иногда оскорбленное самолюбие низводимых архиереев; и в этом отделе, как и в предшествовавших, мы будем следовать хронологическому порядку.

I. Низведение на низшую епархию пермского епископа Дионисия и посылка его на покой

В 1828 году обер-прокурор св. синода князь Мещерский получил от унтер-шихтмейстера пермских заводов Пермякова, прошение, в котором он жаловался на племянника Дионисия, священника Яковкина, за то, что последний расстроил его брак с дочерью умершего унтер-шихтмейстера Падерина, а также и на медленность в производстве дела, начатого им, Пермяковым, по этому случаю в пермской консистории. Князь Мещерский потребовал объяснения по этой жалобе от Дионисия, который отвечал обер-прокурору, что брак Пермякова с Падериной был остановлен вследствие рапорта местного благочинного, пермского кафедрального собора протоиерея Квашнина, который донес ему, что священник Яковкин не решается их венчать по причине оказавшегося между ними родства. Это обстоятельство заставило Дионисия поручить протоиерею Квашнину определить степень родства между означенными Пермяковым и Падериной. Пока это родство разбиралось Квашниным, а потом консисторией, пока консистория представила свое мнение об этом преосвященному и пока приводилась в исполнение его резолюция, он получил от Падериной и ближайших её родственников прошения, в которых они ходатайствовали дозволить ей выйти замуж за другого, а не за Пермякова. Причины, приводимые в этих прошениях, заключались в том, будто Падерина к браку с Пермяковым была принуждаема управителем Мотовилихинского завода Рыжковским, и что как она сама, так и родственники её, никогда не изъявляли своего согласия на этот брак. «Основываясь на этих прошениях, писал в заключение своего объяснения Дионисий, я приказал прекратить дело о браке Падериной с Пермяковым и позволил ей вступить в брак с другим лицом»,³³⁵ что действительно и случилось. Объяснение Дионисия показалось князю Мещерскому не только неудовлетворительным, но явно обличающим его в противозаконных действиях, а потому он в предложении своем

синоду решительно обвинял преосвященного в незаконных действиях и находил, что ему тотчас-же следовало бы, по получении поленной росписи, дать разрешение на брак, потому что из неё прямо было видно, что жених и невеста состоят между собою в 7-й степени свойства, между тем как по указу св. синода от 17-го февраля 1810 года дозволены браки в 5-й степени родства по крови. Но преосвященный, вместо того, приказал изготовить выписки из законов, в явную противность 2-го пункта своей должности, изображенной в духовном регламенте, от чего проистекла, медленность, к явной обиде просителя, который еще более мог считать себя притесненным, когда преосвященный Дионисий, после разрешения этого брака консисторией, сделал новую остановку какими-то ненужными вопросами. Последнего показания Пермькова преосвященный в отзыве своим ничем не опроверг и не оговорил. Наконец, после полугодовой проволочки, брак Пермькова расстроился и невеста его, как видно из просьбы её родственников, считая, что свадьба не может состояться за родством, вышла замуж за другого, от чего проситель, сделавший разные расходы к предстоявшему браку, действительно понес напрасные убытки.³³⁶ Вместе со своим предложением, князь Мещерский представил на рассмотрение синода просьбу Пермькова и объяснение по ней преосвященного Дионисия. На беду преосвященного, к этому делу присоединилось еще новое: о раскольниках пермской епархии, по которому была замечена синодом нетвердая его деятельность. Эти обстоятельства были причиною того, что Государь, вероятно, от самого же синода получивший сведения о бездеятельности преосвященного Дионисия, чрез митрополита Серафима приказал синоду войти в рассуждение о переводе Дионисия в низшую епархию и о назначении на его место другого архиерея, с более твердым характером, подобно тому, как «по высочайшему повелению сделан перевод в прошедшем году казанского архиепископа в Тверь».³³⁷

Но дело о низведении Дионисия на низшую кафедру вдруг приняло другой оборот, вследствие вмешательства московского митрополита Филарета, который представил синоду, что как до

сего было в Москве обыкновенно несколько архиереев для частых, по особенным обстоятельствам, священнослужений и крестных ходов, и именно: в 1821 г. находилось три грузинских архиерея, ныне же остается один архиепископ Досифей, который от священнодействия в холодных соборах отказывается болезнью и, сверх того, просит увольнения в отечество, то для служб, которые исправляемы были помянутыми архиереями, полезно было бы назначить епископа Дионисия на пребывание в Москве, с производством ему, по примеру двух грузинских архиереев, по три тысячи рублей (асс.) в год. «Я приемлю смелость, докладывал князь Мещерский Государю, мысль митрополита Филарета повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества, прежде нежели поднести формальный доклад синода о переводе епископа Дионисия, тем паче, что четырехлетний опыт открыл в нем недостаток твердости, которая нужна для управления не только пермскою, но и всякою другою епархией.

Сим всеподданнейшим донесением почитаю я долгом ускорить, дабы синод успел к следующему докладному дню приготовить доклад о епископе Дионисии в том виде, как благоугодно будет Вашему Величеству разрешить».³³⁸

Этот доклад был поднесен Государю князем Мещерским 16-го апреля 1828 года, а 18-го апреля он предложил синоду, что Государь Император, соизволяя на увольнение пермского епископа Дионисия от управления епархией, высочайше повелеть соизволил иметь ему пребывание в Москве для исправления священнослужения, с производством ему на содержание по три тысячи рублей (асс.) в год из сумм, на духовный департамент ассигнуемых.³³⁹

II. Увольнение на покой архангельского епископа Аарона и низведение Георгия полтавского на архангельскую кафедру

Мы выше видели, что преосвященный Аарон подвергся высочайшему выговору за принятие участия в церемонии и освящении при закладке англиканской церкви в Архангельске. Сверх того, до св. синода доходили на него и жалобы. Так, в 1826 году коллежский советник Назимов жаловался св. синоду, что Аарон, при возникшем у него, Назимова, несогласии с женою, вошел в разбирательство поданных ею жалоб, в которых она просила его содействия к воспрепятствованию мужу взять с собою в Петербурга её и сына, и что преосвященный своими резолюциями по тем жалобам, вовсе не относившимися к его рассмотрению и суждению, усилил семейную ссору и помрачил честь его, Назимова, обидными выражениями.³⁴⁰ Государь, как-то узнавший об этом деле, приказал, чтобы по принесенной св. синоду жалобе Назимова на распоряжение Аарона донесено было ему как об отзыве, какой получен будет по этому предмету от преосвященного, так и о заключении по нем св. синода.³⁴¹ Заключение синода по делу Назимова обвиняло Аарона; синод отменил все резолюции его по этому делу и прекратил всякое по ним действие, а рассмотрение и решение возникших между Назимовым и женою его несогласий предоставил светскому начальству; потом сделал ему строгий выговор за то, что он присвоил себе не принадлежащую ему власть и, «действуя во всех случаях без оснований и узаконенного порядка, по образу своих только собственных суждений, позволял себе употреблять в резолюциях выражения смелые и оскорбительные»,³⁴² и, в заключение, подтвердил ему «отнюдь не входить впредь в рассмотрение дел, другой власти принадлежащих, да и дела, кои принадлежат суду духовного правительства, разбирать осмотрительно, и те из них, кои требуют законного исследования, поручать консистории и ожидать, пока оные придут к нему по порядку, не вмешиваясь и в оные преждевременными предложениями, разве только

побудительными, в случае медленного производства по консистории». ³⁴³ Это заключение синода и объяснение Аарона были доложены Государю князем Мещерским. После решения этого дела, св. синод на Аарона, которого положение становилось все более и более затруднительным, смотрел очень неприязненно и, наконец, составил о нем следующий доклад Государю: «Из вступающих в св. синод дел открывается, что по управлению архангельской епархией возникают разные беспорядки, по коим судить можно, что тамошний епископ Аарон не оправдал избрания своего к сей должности. Многие предписания, данные синодом к направлению действий его сообразно порядку, не имели доселе должного успеха. Епископ Аарон в донесениях своих синоду сам сознает себя не в силах управлять долею помянутой епархией и потому просит переместить его в другую или уволить вовсе на покой. Синод признает нужным назначить в архангельскую епархию другого архиерея, полагая уволить епископа Аарона на покой, с дозволением ему избрать для пребывания своего монастырь и с назначением ему пенсии, на основании прежних примеров, по 2,000 рублей (асс.)». ³⁴⁴

Но прежде чем члены синода приступили к окончательному заключению по этому делу, князь Мещерский довел до их сведения о безнравственных действиях полтавского епископа Георгия, с тою целью, чтобы низвести его с полтавской кафедры на архангельскую, имеющую сделаться праздною по увольнении на покой Аарона. Георгий отличался непомерным корыстолюбием, для удовлетворения которого он, между прочим, устроил при архиерейском доме свечную епархиальную лавку, отдал её на откуп, и предписал всем церквам своей епархии покупать из неё свечи. ³⁴⁵ Князь Мещерский об этом поступке получил безымянный донос, а потому нужно было его проверить. С этою целью он обратился с конфиденциальным письмом к малороссийскому генерал-губернатору князю Репнину. «До сведения моего – писал князь Мещерский – доходили неоднократно слухи о злоупотреблениях, замеченных по управлению полтавской епархией, в которой якобы в пользу самого преосвященного допускаются разные противозаконные

поборы с просителей. По таковым слухам решился я обратиться к вашему сиятельству, как к главному начальнику того края, с покорнейшею просьбою почтить меня своим уведомлением, не известны-ли вам, милостивейший государь, какие-либо пристрастные действия или предосудительные послабления по епархиальному управлению по Полтавской губернии, которые могли-бы подать верное понятие о правах и способностях самого начальника епархии.

Не считаю нужным присовокуплять, что переписку нашу по сему предмету желал-бы я сохранить в совершенной тайне. Ваше сиятельство, конечно, сами признаете достаточную к тому причину, как в существе самого дела, так и в необходимом уважении к лицу, облеченному высоким священным саном».³⁴⁶

Ответ князя Репнина был уклончив и нерешителен. Вот он: «Письмо, коим ваше сиятельство почтить меня изволили, принял я знаком лестного для меня доверия вашего; но, признаюсь вам, милостивейший государь, что весьма затрудняюсь исполнением требуемого вами; совесть не позволяет обвинять кого-либо без ясных и сильных доводов, а я их не имею.

Преосвященный наш несколько опрометчивого характера; распоряжения его оскорбили многих; уважение мое к его сану оградило и меня, но теперь, по милости Божией, сношения наши дружественные; с другими же он остается в прежнем положении, почему и можно полагать, что слухи о злоупотреблениях, как здесь распространившиеся, так и до вашего сиятельства достигшие, увеличены недовольными».³⁴⁷

Несмотря на такой нерешительный отзыв князя Репнина, князь Мещерский был до того уверен в корыстолюбивых действиях Георгия, что доложил о них синоду, как о предмете совершенно ему известном. «Я почел нужным – пишет он в докладе своем Государю – уведомить членов синода о дошедших до меня частных сведениях касательно корыстолюбивых действий полтавского епископа Георгия по управлению вверенной ему епархией. Хотя сведения сии, по секретному сношению моему с малороссийским военным губернатором достаточно и не подтверждаются, ибо из отзыва

его видно, что к оным могли служить поводом необходимое обращение сего епископа с разными лицами и даже самим военным губернатором, который, впрочем, состоит ныне с ним, как пишет, в хороших отношениях; но, за всем тем, поскольку вышеозначенные сведения оставляют некоторое сомнение на счет действий епископа Георгия, то по важности места и звания его не могли не быть приняты мною в особенное внимание». ³⁴⁸

Члены синода, выслушавшие такое предложение князя Мещерского, вошли в рассуждение и положили следующее решение по делу Георгия: «Формальным исследованием к раскрытию таковых действий не всегда можно достигнуть сей цели, поскольку к оному требуются ясные и определенные доказательства, кои при подобных случаях редко представить возможно, а между тем, может быть чрез сие потрясено должное уважение к сану епископа. Имея в виду примеры, что в случаях сомнительных действий архиереев были они иногда переводимы из одной епархии в другую, для испытания на новом месте их служения, они полагают, что мера сия могла-бы быть употреблена и в настоящем случае назначением епископа Георгия к переводу в архангельскую епархию, потому более, что самый перевод сей из епархии полтавской, которая по выгодам, предоставленным епархиальным архиереям, есть лучшая против архангельской, мог бы служить и в виде исправительной меры, в случае если бы были действительно какие-либо со стороны сего епископа недозволенные действия». ³⁴⁹

Государь утвердил определение синода и, таким образом, Георгий из Полтавы переведен был в Архангельск, на место уволенного на покой Аарона.

III. Низведение нижегородского епископа Амвросия на пензенскую епископию

О нравственном характере Амвросия и об образе его управления мы уже упоминали не раз; а потому здесь прямо приступим к описанию тех двух обстоятельств, которые послужили поводом к низведению его на низшую кафедру. Первое из этих обстоятельств было то, что Амвросий, без всякого суда и следствия, по одним своим резолюциям, подверг разным наказаниям 13 диаконов, большая часть которых была лишена мест и права священнослужения. Такое самоуправство возбудило протест со стороны обиженных Амвросием и по рассмотрении дошедших от них до св. синода жалоб, приказано было преосвященному отменить свои распоряжения касательно этих диаконов, что им хотя и было исполнено, но с неуместными возражениями. К этому обстоятельству присоединилось еще и другое. В городе Балахне огласили святым одного монаха, по имени Пафнутия, умершего слишком за двести лет тому назад. Стали рассказывать, особенно женщины, о разных чудесах, будто бы бывающих на его могиле. Амвросий, основываясь на этих рассказах, без всякого сношения с синодом, как бы канонизовал Пафнутия и приказал построить над его гробом церковь. Между тем, обследование и исторические соображения открыли, что на том месте, где построена церковь, никогда не было похоронено никакого иеромонаха Пафнутия. Синод после этого уже не мог быть снисходителен к Амвросию, и вот состоялось определение о переводе его в низшую по степени епархию. «Поелику преосвященный епископ нижегородский, имея в виду, как теперь доносит, невыгодные о некоторых из диаконов сведения, не представил их в свое время св. синоду и тем самым вовлек оный, по мнению его, в несправедливое о них заключение; когда же, по таковому представлению его, получил указ из оного, несогласный с его распоряжениями, в противность чина архиерейской присяги и 7-го пункта именного высочайшего указа 1802 г. сентября 8-го дня, дозволил себе возражать против

оного с дерзновенными выражениями, то за таковые его действия хотя-бы и следовало подвергнуть его ответственности, тем же чином архиерейской присяги положенной, но, по уважению к прежней хорошей и немаловременной его службе, переместить его ныне в другую, третьего класса низшей степени епархию, со строжайшим, впрочем, подтверждением, что впредь за подобный беспорядок и неповиновение указным предписаниям высшей власти подвергнется строгому по законам суждению».³⁵⁰

Нечаев, исправлявший за князя Мещерского должность обер-прокурора св. синода, в докладе своем Государю написал об Амвросии, что в действиях его замечено много произвола и неосновательности и потому он находит неловким оставить его в той епархии, где немалое число его распоряжений не только не было одобрено синодом, но даже совсем отменено, как несогласные со строгим законным порядком. «Почему – продолжает Нечаев – лучшею в сем случае мерою представляется перевод сего архиерея в иную епархию; а чтобы перевод таковой послужил вместе и вразумлением ему действовать впредь осмотнительнее, конечно, небесполезно сделать оный с некоторым понижением.

Из другой записки, при сем же докладе прилагаемой, об оглашении за святого умершего монаха Пафнутия, Ваше Императорское Величество изволите усмотреть новую причину к перемещению епископа Амвросия, которого самомнение, не терпящее возражений, и самоуправство, уклоняющееся от строгой подчиненности законному порядку, должны быть приведены в теснейшие границы».³⁵¹

Доклад синода о низведении Амвросия возвратился от Государя с следующею резолюцией: «Перевести; быв в Нижнем, Я сам заметил, что он не охотник исполнять волю начальства; его надо иметь под строгим надзором».³⁵²

Синод предположил низвести Амвросия на пензенскую кафедру, которую занимал в то время епископ Иоанн, и это предположение было удостоено 19-го января 1835 года высочайшего утверждения.³⁵³ Таким образом, Амвросий был переведен в Пензу, а Иоанн в Нижний Новгород. В указе о

перемещении Амвросия на новую епископию не только выставлены были те незаконные его действия, за которые он подвергся понижению, но «и в сообразность, как выражается синод, высочайшей воле Государя Императора, для ближайшего надзора за действиями епископа Амвросия по управлению вновь вверенною ему епархией, сверх общих положений, по коим решения и распоряжения епархиальным архиереев подлежат ревизии или утверждению св. синода»,³⁵⁴ постановлены были новые правила для епархиального управления Амвросия. Эти правила, довольно сильно ограничивавшие его деятельность и стеснявшие его произвол, были следующие: «а) в судебных и следственных делах, во всяком случае, когда епископ Амвросий не будет согласен с мнением консистории, или только с большинством голосов в ней, то, не отменяя и не изменяя такового мнения, он обязан представлять его со своим заключением на предварительное рассмотрение св. синода; б) если епископ Амвросий признает нужным уволить или удалить от должности кого-либо из присутствующих консистории, то на это, с изъяснением уважительных причин, должен испрашивать разрешения от св. синода, представляя вместе на предполагаемую вакансию двоих кандидатов, с подробными списками о их службе; в) сверх того, предоставить г. синодальному обер-прокурору подтвердить секретарю пензенской консистории, чтобы он во всяком случае, когда в нынешнем епархиальном управлении усмотрено будет отступление или несообразность с правилами церкви и законными постановлениями, тотчас о том доносил обер-прокурору, не останавливая, впрочем, исполнения по решениям и распоряжениям епархиального начальства».³⁵⁵

IV. Низведение вятского епископа Иоанникия на оренбургскую кафедру

В числе кандидатов на оренбургскую кафедру был представлен, вместе с двумя архимандритами Нилом и Феодотием, и епископ вятский Иоанникий. Так как это сопоставление могло показаться странным и броситься в глаза Государю, то князь Мещерский объяснил причины этого явления в следующей докладной записке: «Поднося при сем доклад св. синода об избранных на вакансию оренбургской архиерейской кафедры кандидатах, долгом почитаю представить Вашему Императорскому Величеству предварительное объяснение о причине, почему в число их внесен, совокупно с двумя архимандритами, епископ вятский Иоанникий занимающий ныне кафедру хотя также третьеклассной епархии, но старшей против оренбургской. Побуждением к сему назначению были особенные обстоятельства вятской епархии и учрежденных в ней миссий, по которым, при всей благонамеренности нынешнего начальника, остается еще желать в занимающем сие место особенной твердости и личной настоятельности в надзоре управления. В сей епархии замечено не всегда просвещенное и усердное, и не всегда бескорыстное действие приходского духовенства относительно неутвержденных в вере черемис и вотяков; донесения об успехах миссий оказываются не во всех частях верными, а со стороны епископа Иоанникия неполная мера силы характера, каковая в преимущественной степени требуется в подобных обстоятельствах, чтобы ближайшим и точнейшим образом открыть положение дел и людей и дать тем и другим решительное направление к лучшему. Напротив того, оренбургская епархия, малочисленная и по населению военному зависящая наиболее от особенного поставленного над ним начальства, не представляет таких трудностей в своем управлении, почему и можно надеяться, что епископ Иоанникий, приобретший уже и некоторую опытность в епархиальном управлении, будет здесь существеннее полезен, ежели Вашему Величеству благоугодно будет назначить его на сию кафедру.

Члены св. синода, препоручая мне всеподданнейше доложить о таковом их предположении, изъявляли мнение, что было бы по обстоятельствам обеих епархий полезнейшею мерою, если бы поступил на оренбургскую кафедру сей первый кандидат – епископ Иоанникий, с сохранением настоящей своей степени (ибо понижения не заслуживает), как о том упомянуто и в синодском докладе, а в вятскую епархию был определен другой начальник, с качествами, наиболее для дел её нужными.

Исполняя сие поручение, относительно прочих кандидатов, архимандритов Феодотия и Нила (которые находятся теперь здесь на чреде священнослужения), осмеливаюсь присовокупить, что члены синода разумеют их равно способными к занятию архиерейских вакансий; но по моему наблюдению третий кандидат, архимандрит Нил, хотя и моложе другого, по едва-ли не будет надежнее для епархиального управления».³⁵⁶

Государь согласился с мнением обер-прокурора св. синода; Иоанникий был переведен в Уфу, а на его место назначили Нила.³⁵⁷

V. Увольнение на покой екатеринославского архиепископа Феофила

Преосвященный Феофил любил кутежи, в которых принимал участие екатеринославский вице-губернатор. Эти пиршества иногда оканчивались ссорой между ними. Сверх того, почти достоверно было известно и то, что Феофил брал взятки при посредстве своего письмоводителя Жуковского. Бенкендорф, извещенный о таких поступках преосвященного, представил о нем Государю Императору следующую записку: «Архиепископ Феофил имеет несчастную привычку употреблять большое количество горячительных напитков, даже до непристойности. Говорят, что он причастен и лихоимству. Для сбора употребляет келейника, который по представлению его получил чин и несправедливо представлен к ордену, якобы за спасение утопавших, коих вытащили из воды сторонние люди».³⁵⁸

Записка Бенкендорфа была передана по приказанию Императора Николая князю Мещерскому, который, чтобы удостовериться в фактах, в ней изложенных, вошел в переписку с екатеринославским губернатором Свечиным и статским советником Мизко. Собранные этим путем сведения князь Мещерский изложил в своем докладе Государю, в котором, между прочим, писал следующее: «Как и до меня доходили несколько подобные, хотя, впрочем, и, весьма неопределенные слухи, то по важности лица и предмета почел я нужным секретно отнестись к екатеринославскому гражданскому губернатору Свечину и начальнику екатеринославского комитета Израильских христиан, статскому советнику Мизко, особенно известному мне издавна по его доброй нравственности, чтоб они без огласки и формальных изысканий разведали под рукою о сущности дела. Отношения мои обращены к сим лицам к каждому порознь, дабы иметь сведения из двух источников и сличить их. Ныне получены отзывы: 1) от губернатора Свечина, что он подтверждает дошедшие сюда сведения, выше изложенные; описывает поведение находящегося при

архиепископе чиновника 14 класса Жуковского касательно непозволительного вымогательства денег у просителей и упоминает о неправильном представлении его к награде орденом. Он присовокупил, что смелые действия Жуковского рождают сомнение и на счет самого архиепископа.

Ко мне действительно поступило от екатеринославского архиепископа представление о награде Жуковского за приведение в порядок запущенных по консистории дел, коих показано 128. 2) От статского советника Мизко, что местная молва действительно описывает происшествие между вице-губернатором и архиепископом, сомнения тамошней публики о нетрезвости последнего, причины сих сомнений и невыгодное общее мнение о келейнике Жуковском. Мизко присовокупил утвердительно, что архиепископ вообще не пользуется любовью и доверенностью своей паствы.

Прежде сего в подобных случаях, касавшихся архиереев, обыкновенно с высочайшего дозволения сообщается было чрез митрополита под рукою, чтобы просили увольнения от епархии, для успокоения в одном из монастырей, в коем пожелают».

Государь на докладе князя Мещерского написал: «Велеть просить увольнения; о Жуковском взять меры, чтобы приведен был к порядку, взяв на то меры по вашему усмотрению».³⁵⁹

После всего этого, Феофил не замедлил прислать в синод просьбу о своем увольнении по слабости здоровья от управления вверенной ему епархией, и синод разрешил ему отбыть на покой.

VI. Низведение епископа Елпидифора с каменец-подольской кафедры на вятскую

Выше было сказано о действиях преосвященного Елпидифора, за которые он получил от св. синода строгий выговор, вскоре сделавшийся известным всей епархии. Вследствие этого выговора, положение преосвященного в Подольске стало весьма неловким и щекотливым, особенно же после того, когда он, по указу синода, должен был собранною его свитою, во время поездки по епархии, деньги обратить в подольское попечительство о бедных духовного звания. Около этого времени упразднилась архиерейская кафедра в Петрозаводске и по этому случаю произошло перемещение архиереев, которым воспользовался синод для наказания Елпидифора. В Петрозаводск перевели пермского преосвященного Аркадия, которому было также неловко оставаться в Перми, после так называемой архаровской истории.³⁶⁰ На место Аркадия в Пермь переместили вятского епископа Неофита, а на его место Елпидифора.

VII. Посылка на покой екатеринославского епископа Иннокентия

Выговор, довольно жесткий, сделанный Иннокентию синодом, по жалобе на него воспитанника екатеринославской семинарии Ивана Федорова,³⁶¹ так оскорбил самолюбие преосвященного, что он немедленно по получении этого выговора прислал в синод прошение об увольнении его на покой по слабости здоровья, на что и последовало согласие синода.

Примечания

¹ - См. в св. синоде дело 1848 года по доносу IX-го класса чиновника Костенского о беспорядках в херсонском епархиальном управлении.

² - Замечательно, что еще в 1829 года Фон-Фок в донесении синоду о беспорядках по епархиальному управлению Гавриила; в донесении Фон-Фока, между прочим, сказано было, что домовый секретарь Гавриила Николавский за объявление ставленникам резолюций преосвященного вымогает с каждого от 20 до 50 рублей; грамоты, за кои положено брать по 15 коп., продаются по 16 руб. Но синод остался равнодушен к этому доносу, удовольствовавшись самым слабым и уклончивым объяснением преосвященного (см. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело о злоупотреблениях по екатеринославской консистории, 15-го июня 1829 года).

³ - Вот что писал шеф жандармов к графу Протасову 7-го января 1850 года: «До моего сведения дошло, что письмоводитель тверского архиепископа Пархоменко, пользуясь влиянием своим на его преосвященство и снисхождением, которое ему сей последний оказывает, позволяет себе корыстолюбивые действия по управлению делами епархии, до такой степени, что каждый имеющий какое-либо дело по духовному управлению или ищущий места, иначе не может ожидать успеха, как заплативши прежде письмоводителю Пархоменко, по его назначению, и что такое злоупотребление, возбуждая ропот, навлекает от жителей нареkanie на архиепископа Гавриила, которому известны противозаконные действия помянутого чиновника» (см. в св. синоде дело о письмоводителе преосвященного тверского Пархоменко, 13-го февраля 1850 года).

⁴ - Говорили, что он родом молдаван. Физиономия его была очень похожа на цыганскую.

⁵ - См. в св. синоде дело 18-го июля 1828 г., № ¹¹⁴/114, по предложению синодального члена Серафима, митрополита

новгородского, о сделанном пензенским преосвященным Иринеем добавлении к богослужению.

⁶ - См. в этом же деле список с отношения саратовского гражданского губернатора к обер-прокурору св. синода, от 25-го июня 1828 г., за № 7030.

⁷ - См. там же определение синода и указ митрополиту Серафиму, августа 10-го дня 1832 г.

⁸ - См. в св. синоде дело 1847 года, под № 94, по замечаниям относительно духовной части, сделанным при ревизии государственных имуществ в Сибири, тобольской, томской и иркутской епархий.

⁹ - В продолжение менее года Ириней отрешил от должности: кафедрального протоиерея Парнякова, протоиерея Громова, протоиерея и благочинного Флоренсова, секретаря консистории Копылова, удалил от управления игуменью Иларию, запретил присутствовать в консистории ректору иркутской семинарии. Мы не упоминаем здесь о других духовных лицах, то удаленных Иринеем от должностей, то запрещенных в священнослужении, то переведенных с хороших мест на худые, без всякого суда, и следствия.

¹⁰ - Одна старуха, не получившая удовлетворения по своей просьбе у Лавинского, пришла к архиерею с жалобой на губернатора. Архиерей, встретивши Лавинского близ собора, в присутствии многих начал поносить его вслух, называя притеснителем бедных и сирых.

¹¹ - См. в св. синоде записку о нанесенной обиде преосвященным Иринеем кафедральному протоиерею Парнякову отрешением его от собора и консистории с запрещением священнодействия.

¹² - См. в св. синоде дело об удалении архиепископа Ириней от управления иркутской епархией и о переведении на место его пермского епископа Мелетия с повышением во архиепископа.

¹³ - См. в вышеприведенном нами деле предложение князя Мещерского синоду.

¹⁴ - См. в вышеприведенном деле доклад св. синода.

15 - Чтобы получить обстоятельное понятие о поступке Ириней, мы приведем здесь дословно донесение об этом чиновника Голубева, отношение иркутского гражданского губернатора к генерал-губернатору Восточной Сибири и рапорты эконома архиерейского иркутского дома Варлаама и протоиерея Каноровского. Голубев доносил Лавинскому, что когда он 20-го сентября, в 8½ часов пополудни, явился к высокопреосвященному Ириней и после должного приветствия объявил ему, что он назначен сопутствовать ему до места его пребывания, «то сие объявление преосвященный Ириней принял в виде насилия и спросил у меня, по какому праву я пришел его схватить, присовокупляя к тому, что он должен сдать собор имеющему прибыть архиепископу Мелетию; но постепенно отклоняясь от сего последнего изречения, объявил мне, что присланный указ на счет смены его есть подложный и что он не признает его действительным потому, что все именные указы должны быть печатанные; что никакого архиерея Мелетия на место его не назначено, и пришед в некоторое исступление, вышел из дома, украшенный орденом и пангией, не переставая повторять вышесказанного, и что я первый, как исполнитель сего ложного указа, лишусь чинов и моего шитого мундира, и что он не хочет отдать себя гражданскому начальству. Я, следуя за ним, удостоверял его самыми почтительными выражениями, что я отнюдь не приехал схватить его; что время отправления его вовсе не принужденно, но он ничего не слушал и держал меня за руку; хватая даже за шпагу и за борт, приближался к стоящему у собора часовому и приказал как ему, так и собравшимся на дворе служителям и казначею его, защищать его от насилия и задержать меня, а между тем послал еще за часовыми, которые и прибыли от находящегося вблизи шлагбаума и триумфальных ворот, и получили от него те же отзывы на счет насилия и таковое же приказание задержать меня и вести за ним на главную гауптвахту. Я, предвидя, что сие решительное намерение его может произвести большое смятение в городе, хотел с помощью служителей его и казначея не допустить его выйти из соборного двора, но будучи окружен людьми его и часовыми,

убежденными ложными объявлениями его о насилии и о прочем и в точности исполняющими его приказания, я излишним счел сопротивляться, и за таковым конвоем вышли мы чрез соборный двор к помянутой заставе, с которой ефрейтор нарядил двух часовых, приказав им идти за нами на главную гауптвахту. Все убеждения мои к его высокопреосвященству и ко всем вышеупомянутым лицам оставить сию столь позорную для сана его процессию, или, по крайней мере, идти к г. генерал-губернатору, были бесполезны и мы в таком виде и в сопровождении постепенно стекавшегося народа прибыли на главную гауптвахту, где и были встречены караульным офицером и плац-майором, и не взирая на дальнейшие настояния высокопреосвященного Иринея задержать меня, я оставил их и имел честь явиться к вашему высокопревосходительству. Во время-же следования нашего он, высокопреосвященный Ириней, всякому встречающемуся лицу объявлял, что я хотел внезапно схватить его, не допустить к сдаче собора, зарезать его на пути и потом объявить, что он, как сумасшедший, сам зарезался; что до сих пор не было молебствия по случаю рождения великого князя Николая Николаевича и что указы синода о смене его ложны». Гражданский губернатор в отношении своем писал: «После произведенного 20-го сентября соблазнительного и предосудительного поступка высокопреосвященным Иринеем, я, желая узнать о состоянии его здоровья, послал к нему окружного лекаря Сарочинского, который по возвращении от него доложил мне, что здоровье его не показывает никакого болезненного состояния, но что умственные его способности находятся еще в воспламенении. В разговоре старался ему доказать ложность указов, уверяя его, что он вскоре опять будет архиепископом иркутским и тогда он ему в знак благодарности и его к нему, архиерею, преданности поручит пользование в семинарской больнице. По прошествии недели, полагая, что имел время обдумать нелепость учиненного им поступка, я, вместе с г. комендантом Покровским, отправился к нему; по прибытии в келью доложили о нашем приходе; он вышел в приличной одежде, сделал скромное приветствие, спросил о

нашем здоровье; но когда я, по кратком разговоре, сделал вопрос о его здоровье, то он с неудовольствием отвечал, что он здоров и что это докажет мне, вскочил с некоторою горячностью с дивана, пошел в спальню и вынес несколько бумаг, сел опять и, отложив их к стороне, начал рассказывать о Пугачеве, о возмущениях, бывших в царствование блаженной памяти Государыни Екатерины, и что они все происходили от ложных указов, почему письменным не велено верить. Когда я ему сказал, что это относится к делам, кои во всем государстве должны быть известны, а что дела к лицам, или одной части принадлежащие, исполняются по письменным указам: то он с горячностью стремился мне разъяснить, что есть письменное или печатное распоряжение и как должно понимать именные Высочайшие повеления, указывая на печатный доклад св. синода о его назначении в иркутскую епархию. На возражение мое, что доклад печатается для циркулярного сведения и рассылки в другие епархии, он назвал мое суждение софизмами, потом начал разъяснять предшествовавшие пред 20 числом действия свои; что он приготавливался к публичной сцене, зная с мая месяца, что ему предназначается перемена, что он чрез разные хитрости выводывал расположение умов; что мы верно перемену его нрава заметили; что в нем азиатская кровь, но что высокопреосвященный патриарх константинопольский, при котором он яко бы находился в служении, замечал его ум и говорил, что редко такой хитрости найти можно; что и здесь, получив указ синода на имя его, он 7 дней удерживал его без огласки; что он от того времени старался знакомить солдат с его особой, выходил под видом прогулки к стоящим у собора и у московского шлагбаума часовым и караульным, разговаривал с ними и так готовил их к тому, что ежели ему нужна будет защита войск, они его уже знали; что посещение его к г. генерал-губернатору и изъявление готовности к отъезду была хитрость и отзыв его, что не имеет готового экипажа, сделал для того, дабы г. генерал-губернатор приказал починить экипаж в ремесленном доме и чрез что все каторжные узнали, что ему готовят отъезд. Продолжая такой разговор более часа, на отзыв г. коменданта, чтоб он был

теперь спокоен, ибо никто его к выезду принуждать не будет, а верно прибудет доверенная особа из С.-Петербурга, он отвечал: Можно нарядить какого-нибудь обманщика в генеральский мундир и обвешать его орденами для того только, чтобы выманить его из Иркутска и тогда умертвить; почему никакая сила не вывезет его отсюда, если ему не будут предъявлены некоторые печатные указы. Между продолжавшихся более 2-х часов разговоров (ибо когда мы хотели удалиться, он опустился предо мною на колена и просил терпеливо его слушать), он уверял меня, что буде я к нему буду расположен, спасет меня и выпутает из сего дела и что он одного губернатора, который с семейством своим у ног его просил, избавил от всякой беды. Потом упрекал, что я с архимандритом Иларием в дружбе и что старались скрыть 15.000 рублей, но что все это выведено. Когда же я его спросил, что верно он шутит, делая мне такие укоризны, то стал извиняться. Продолжая разговор, он сказывал, что собирал всех священников, убеждал их не верить полученному указу, что архиепископ Мелетий не существует; что за распубликование указа секретарь будет наказан кнутом, а протоиерей расстрижен; что он, дабы приобрести преданность духовных лиц, дарил их серебром, рясами, богатыми поясами. Все его рассказы клонились к тому, чтобы доказать, что он не может лишиться своего места и что все партикулярные письма, получаемые им от знакомых и объясняющие участие в его положении, есть следствие подложных указов, разосланных от известных ему лиц из С.-Петербурга во все места. Прение продолжалось два часа; уверения наши, что он заблуждается, всегда принимаемы были с обновлением горячности, которая в продолжении его разговора опять утихала. Из всего сего я вижу какое-то смешение обдуманного плана и запальчивости страстей; полагаю, что без особенных решительных мер нельзя будет склонить его к выезду из Иркутска». С другой стороны, эконо́м Варлаам так рапортовал об этом иркутской консистории: «Вчерашнего, т. е. 20-го сентября, в 9 часов утра, пришедши в архиерейский дом, чиновник Голубев имел с его высокопреосвященством архиепископом Ирине́ем аудиенцию во внутренних покоях дома, по выходе из коих в прихожую

учинился между ними неизвестно почему громкий спор и в те ж самые минуты пошли они оба к часовому солдату, охраняющему соборную ризницу. Когда они шли, трудно было заметить, который из них которого вел, поскольку держались один за другого. В сие время сказано было о сем происшествии эконому архиерейского дома иеромонаху Варлааму, находящемуся тогда в своей келье, который прибежал к означенному караулу и увидел их держащих друг друга за ворот, и чиновник Голубев кричал своему кучеру: За Кабритом сейчас, за Кабритом, чтобы заставлял меня здесь! Между тем извещен бывши военный караул, стоящий на посте с въезду Московского тракта, сбежался и, взявши того чиновника, повел со двора архиерейского чрез семинарский двор. Что за оградой между ними происходило, нам неизвестно, поскольку эконом во время ухода их за ограду, возвратился осмотреть дом архиерейский, и чрез полчаса примерно отправился осведомиться о преосвященном, коего нашел в ордонанс-гаузе, окруженного чиновниками и солдатами. В ордонанс-гаузе эконом, препятствуем будучи толпою чиновников, ничего не мог услышать, кроме как преосвященный часто произносил имя Императора Николая и предавал себя защите воинов, требуя присутствия г. коменданта. Между тем эконом, не зная причины сего обстоятельства, за нужное почел просить г. иркутского городничего, там же находившегося, обезопасить дом архиерейский воинскою стражею, и сам возвратился в архиерейский дом, куда чрез малое время прибыл и его высокопреосвященство, в сопровождении г. коменданта; затем прибыли г. генерал-губернатор Александр Степанович Лавинский с чиновниками; немного спустя, прибыл гражданский губернатор Иван Богданович Цейдлер, а наконец и г. прокурор, недавно приехавший из С.-Петербурга. Будучи все в зале архиерейского дома, разговаривали много, но разговоров их никто из нас в связи заметить не могли, испугавшись внезапности происшествия. Со стороны его высокопреосвященства часто выражаемо было Высочайшее имя Императора Николая, коего решению он вверял свою участь, и объявил, что он желает встать пред суд вместе с г.

генерал-губернатором, уверяя притом, что указы об отпращивании его высокопреосвященства архиепископа Ириней и о определении на его место архиепископа Мелетия суть подложные, и что он желает быть судим здесь, не соглашаясь отправиться из Иркутска, особенно с чиновником для него подозрительным, и вообще ни с каким, до решения своей судьбы на месте в Иркутске Государем Императором. После сего г. генерал-губернатор, г. гражданский губернатор и все чиновники отправились, оставя караул около архиерейского дома, который караул и теперь находится». Рапорт протоиерея Каноровского отличается особенными подробностями. «Сего сентября 20-го числа, совершая позднюю божественную литургию, мог заметить как вне церкви великое смятение народа, так и в церкви многих пришедших в смущение и вышедших из оной. По окончании литургии узнал по слухам, что причиною сего смятения было взятие преосвященного архиепископа Ириней чиновником Голубевым из архиерейского дома и отведение его в гауптвахту, что и понудило меня прямо из церкви идти в архиерейский дом, куда пришед, не застал уже ни чиновников и никого из посторонних людей, но только расставленный кругом архиерейского дома военный караул, и вошедши в келью преосвященного, нашел в оной иеродиакона Паисия и прочих принадлежащих преосвященному келейников, которые все совокупно объяснили мне следующее происшествие: как только начался благовест к поздней божественной литургии в соборе, в то самое время вдруг вошел в прихожую комнату чиновник высокого роста и спросил у бывшего тут иеродиакона Паисия весьма грубо: «У себя-ли архиерей»? Он отвечал: дома. Чиновник сказал: «Где он? доложи ему, что чиновник Голубев пришел к нему от генерал-губернатора за важным делом». Паисий сказал: «Хорошо, я сейчас доложу», и пошел во внутренние покои и доложил преосвященному. Преосвященный, надев рясу и прилично одевшись, пошел в гостиную залу и приказал Паисию просить чиновника Голубева к себе, и когда Голубев пришел к преосвященному в залу, то был встречен им, преосвященным, весьма учтиво и, расхаживая по зале, сказал преосвященному:

«Я послан от г. генерал-губернатора объявить вам, чтобы вы готовы были к выезду сегодня в третьем часу», и что ему поручено сопровождать его, преосвященного. На что преосвященный говорил ему со скромностью: «Никак невозможно мне исправиться так скоро больше потому, что имеющееся у меня в ответственности имущество никому не сдано, а сдавать оное нужно время». Голубев на то сказал: «Это вздор, и мне до того дела нет, а вы будьте готовы к выезду в третьем часу». Преосвященный говорил, что и от чего происходит такая поспешность, и как можно так скоро исправиться к отъезду. Голубев говорил с величайшею грубостью: «Когда так, и ты не хочешь, то вас свяжут и увезут: мне то поручено по Высочайшему повелению!» Преосвященный на это сказал: «Как ты смеешь мне так дерзко говорить, невежа!» После чего, должно полагать, что Голубев ударил преосвященного, потому что последовал стук и шум, и вдруг увидели, что Голубев тащит преосвященного по кельям, держа за ворот ризы у горла, и так протащил его по всем покоям, вытащил в сени, где неизвестно кто из них кричал: караул! Видя такое происшествие, келейники испугались и побежали к шлагбауму объявить караулу, стоящему у перевоза на Московский тракт, и просить солдат на защиту к преосвященному. Голубев, вытащивши в ограду преосвященного, кричал караульному, стоящему у собора: «Возьми, свяжи его!» Но караульный сказал: «Я не могу отойти от поста». Голубев, ведя преосвященного чрез ограду к караульному, дернул его посреди ограды так сильно за рясу, что преосвященный повалился, причем Адриан Быков подхватить его и удержал, а Голубев кричал своему кучеру: «Кучер, за Кабритом, сейчас за Кабритом! чтобы заставлял меня здесь!» и, притаща к будке, толкал его, преосвященного, в оную, но преосвященный в том воспротивился. После чего Голубев хотел тащить преосвященного в ворота, где стояли лошади с дрожками, куда преосвященный также воспротивился и не пошел, а пошел с Голубевым, держа друг друга, по ограде мимо консистории, где встретились с ними солдаты, пришедшие от шлагбаума по повестке келейников. Преосвященный, увидавши

солдат, сказал им: «Воины! защитите меня; я нахожусь в опасности»! и в сопровождении солдат пришли они на шлагбаум, где преосвященный взошел на плац-форму и говорил солдатам: «Воины, защитники отечества! сохраните меня, пусть я здесь у вас умру, но только-бы сей изверг не мог у меня отнять жизни и меня задушить. Ведите нас обоих куда следует»! И после того пошли на гауптвахту в сопровождении четырех человек солдат, которые шли за ними с ружьями. Голубев, отгоняя солдат, кричал им: «Не троньтесь! не ходите! я вам приказываю именем бригадного: мне дана власть связать его и везти». На что солдаты отвечали: «Мы, видя такую особу в опасности, не можем тебя слушать, а должны вас обоих препроводить куда следует, и там ваше дело будет рассмотрено». Но Голубев кричал: «Прочь! я вас всех передую»! причем ругал их и преосвященного называл разбойником, и когда пришли к гауптвахте, то преосвященный взошел на фронт и просил у стоящего тут караула защиты, объявлял, что он и даже самая жизнь его состоит в величайшей опасности, а Голубев неизвестно куда ушел. Вскоре после того, пришел тут генерал-губернатор Лавинский в фуражке, во фраке и в плаще, и, пришедши, приказывал тут бывшим взять преосвященного и увести в арестантскую, но плац-майор и никто другие не исполняли сего приказания. А генерал-губернатор, сам взявши преосвященного, повел на крыльцо и говорил ему: «Потише! потише! не разглашайте ничего народу, пойдем лучше в комнату и там поговорим». Преосвященный, входя на крыльцо, увидел, что его генерал-губернатор ведет в арестантскую, испугался и не пошел далее и сел тут на ступень, и, сидя тут, плакал, утираясь платком. Народ, стоящий пред гауптвахтою, видя в таком положении преосвященного, также плакал. Вдруг вставши, сбежал (он) со ступеней на фронт и говорил народу: «Православные христиане! вы видите, сумасшедший-ли я, и в каком я нахожусь теперь положении! можете видеть, что самая жизнь моя состоит теперь в опасности! прошу вас, будьте свидетели всего, что делается теперь со мною». Между тем, генерал-губернатор, тут же подошед, приказывал несколько раз тащить его,

преосвященного, в арестантскую, но никто на то не соглашался, почему генерал-губернатор, с досадою и азартом взяв преосвященного за руку, тащил его со сквернословным ругательством, а преосвященный, ухватившись за столбик, где кладут ружья, и держась за оный крепко, требовал коменданта и говорил генерал-губернатору: «По какому праву вы требуете от меня, чтоб я шел в арестантскую и для чего?» Генерал-губернатор говорил, что то делает по Высочайшему повелению Государя Императора. На сие преосвященный сказал: «Объявите и покажите мне подлинный на сие указ». В то время, подошед к нему, председатель губернского правления Муравьев сказал: «У нас есть в губернском правлении о том указ печатный, чтобы вас увезти даже связанного». На что преосвященный сказал: «Да где же он? покажите мне его, и когда я сам увижу повеление Государя Императора и будет здесь комендант, то тогда не только пойду в арестантскую, но даже в тюрьму, и готов буду во всем повелению Высочайшему повиноваться». Потом, обратясь к народу, говорил: «Прошу вас, будьте свидетели все в том, что генерал-губернатор ложно объявляет фальшивый указ, чтобы меня посадить в арестантскую и, связав, увезти неизвестно куда». Между тем, приехал комендант и, с поспешностью соскочив с дрожек, бежал к преосвященному, а преосвященный, увидевши его, пошел к нему навстречу. Комендант подошел с учтивством к преосвященному и просил у него благословения. Преосвященный, дав руку, объявил ему обо всем случившемся происшествии и просил у него, вспоминая имя Государя Императора, защиты. Комендант сказал: «Как и кто мог здесь помимо меня распоряжаться и брать таковую особу под арест»? Потом пошли они к дому преосвященнейшего, куда за ними последовали генерал-губернатор, за ним Муравьев, городничий и с ними прочие чиновники и весь народ, и когда преосвященный с комендантом и генерал-губернатор с прочими чиновниками вошли в кельи и покои преосвященного, тогда вскоре прибыли тут же г. гражданский губернатор и прокурор, коим всем преосвященный объявлял и говорил, что генерал-губернатор не есть ему судья, потому что сам в своем деле

судьей быть не может, на что сам генерал-губернатор, подошед близко к преосвященному, сказал: «У нас с вами никаких дел нет, да и не бывало». Преосвященный говорил: «Ваши с вами дела велики, их разбирать может только доверенная особа от Государя Императора. И так мы оба будем пред правосудием великого монарха на одной стоять половице и между нами Государь будет посредником. Я донес на тебя Его Императорскому Величеству чрез г. Бенкендорфа от 11-го и 18-го июля». Затем преосвященный всему собранию объявлял обо всех чинимых ему притеснениях и о бывшем происшествии, и Высочайшим именем Государя Императора просил у всех защитить его от генерал-губернатора и его сообщников. Наконец, генерал-губернатор вышел в особое место и с ним несколько чиновников и, неизвестно о чем посоветовавшись, опять вошли в залу и все, учтиво откланявшись, ушли от преосвященного, который всех их сопровождал учтиво, а г. комендант расставил вокруг дома архиерейского военный караул, который остается и доныне, с таковым, притом, строжайшим приказанием, чтобы никого из светских особ не впускать в покои преосвященного».

¹⁶ - См. в вышеписанном деле предложение князя Мещерского синоду.

¹⁷ - Там же письмо Лавинского к князю Мещерскому от 23-го сентября 1831 года.

¹⁸ - Там же приведенное нами предложение князя Мещерского синоду.

¹⁹ - См. в нижеприведенном деле письмо Ириней к Серафиму, от 29-го сентября 1831 года.

²⁰ - Там же письмо Ириней от 28-го сентября 1831 года.

²¹ - В синоде состоялись три указа об удалении Ириней: один письменный, на имя иркутской консистории, об удалении Ириней от управления иркутской епархией, о сдаче им всей собственности архиерейского дома и о следовании в вологодский Спасоприлуцкий монастырь, в сопровождении особого чиновника; другой, тоже письменный и также на имя Иркутской консистории, о назначении на место Ириней Мелетия;

третий, печатный, разосланный по всему синодальному ведомству, говорил только о назначении Мелетия в Иркутск. Теперь в числе 500 печатных экземпляров посланы были все три указа.

²² - См. в вышеприведенном деле предложение св. синоду князя Мещерского, от 28-го октября 1831 года.

²³ - См. дело об удалении архиепископа Ириней от управления иркутской епархией и о прочем.

²⁴ - См. в вышеприведенном деле журнал, составленный при вологодском архиерейском доме 28-го декабря 1831 года, а также свидетельство о состоянии здоровья архиепископа Ириней, произведенное инспектором врачебной управы и акушером.

²⁵ - См. в вышеприведенном нами деле журнал св. синода от 30-го октября 1831 года по делу об оглашении указов св. синода архиепископом Иринеем подложными.

²⁶ - Там же.

²⁷ - См. в деле об удалении Ириней рапорт св. прав. синоду от преосвященного Мелетия, архиепископа иркутского, от 24-го сентября 1832 года.

²⁸ - См. протокол св. синода, составленный о преосвященном архиепископе Иринее 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

²⁹ - См. предложение князя Мещерского св. синоду 16-го ноября 1832 года.

³⁰ - См. протокол св. синода 1834 г. 14-го февраля.

³¹ - См. протоколы 1832 г. мая 16-го и октября 24-го.

³² - См. рапорт преосвященного архиепископа Мелетия св. синоду от 29-го октября 1832 г., за № 170.

³³ - После преосвященного Дамаскина остались сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами, деньгами и т. п. Когда преосвященный Димитрий, приехав на похороны Дамаскина, увидел эти сундуки, то отвернулся от них и плюнул.

³⁴ - Страшным бичом при Дамаскине был эконо́м тульского архиерейского дома Никанор, который отличался

корыстолюбием, мстительностью, гордостью и своим влиянием на архиерея. Известно, что при Дамаскине однажды на воротах тульского архиерейского дома явилась следующая надпись: «Здесь продаются самые лучшие места».

³⁵ - См. доклад обер-прокурора св. синода 1833 года № 242.

³⁶ - Одни панталоны.

³⁷ - Пред комиссией, производившей следствие над Давыдовым до прибытия Бутурлина, Давыдов заперся в том, что поливал вином диакона Терентьева и покрывал его полотном, но Бутурлину сознался в этом.

³⁸ - По медицинскому свидетельству, произведенному 3-го июля, т. е. спустя неделю после высечения диакона, оказалось, что у него на лице, под левым глазом, был сине-багровый знак, на спине пониже плеч, на седалище и лядвиях во многих местах сине-багровые, продолговатые и мелкие знаки, начинающие проходить и местами заструпившие, происшедшие, по-видимому, от наказания палками и розгами.

³⁹ - См. в св. синоде дело 1833 года, под 269, об истязании, учиненном помещиком Давыдовым диакону Антонию, Терентьеву, и о сдаче в архив тульской консистории нерешенного дела, касавшегося до означенного диакона, и в деле рапорт Бутурлина Чернышеву от 7-го октября 1833 года, за № 10.

⁴⁰ - См. в вышеприведенном нами деле об истязании диакона Терентьева помещиком Давыдовым предложение обер-прокурора Нечаева св. синоду, от 24-го октября 1833 года.

⁴¹ - См. в вышеприведенном нами деле об истязании диакона Терентьева помещиком Давыдовым рапорт Дамаскина синоду от 13-го октября 1833 года.

⁴² - См. доклад обер-прокурора св. синода 1834 года, № 55.

⁴³ - Здесь считаем нужным сказать, что синод, а особенно обер-прокуроры св. синода всегда смотрели на ревизию консистории, как на ревизию в тоже время и административной деятельности архиерея. Всего лучше это подтверждается следующим случаем: когда в 1829 году Государь велел предать суду уголовной палаты секретаря с.-петербургской консистории

Соколовского, то обер-прокурор князь Мещерский прямо доложил Государю, что от этого может пострадать честь митрополита Серафима... «Но, предавая его (Соколовского) суждению на основании общего порядка, нельзя оставить без внимания, что к сему делу прикосновенно лицо, по сану, по заслугам и по летам заслуживающее снисходительного ограждения от тех неприятностей, кои сопряжены с судопроизводством следственного дела. Напр., суд обязан будет требовать объяснений, почему преосвященный Серафим не письменно, а словесно изъявил несогласие свое на доклад консистории и приказал вновь пересмотреть дело. Личная доверенность может послужить преосвященному извинением; суд не в праве будет прейти молчанием сие обстоятельство и заключение его легко может обратиться в слишком гласное и несоразмерное поступку оскорбление чести митрополита. По сим уважениям я осмеливаюсь всеподданнейше представить, не благоугодно-ли будет Вашему Императорскому Величеству повелеть консисторского секретаря Соколовского отрешить от должности без суда, яко ненадежного к отправлению оной, наводящего на себя довольно сильное подозрение в лихоимстве и вообще имеющего в сем отношении худую репутацию» (Си. доклад обер-прокурора св. синода 17-го февраля 1829 года).

⁴⁴ - См. доклад обер-прокурора св. синода 27-го января 1834 г., № 55.

⁴⁵ - См. в деле об истязании диакона Терентьева помещиком Давыдовым предложение обер-прокурора Нечаева св. синоду, от 23-го февраля 1834 года.

⁴⁶ - См. в деле об истязании диакона Терентьева помещиком Давыдовым рапорт Войцеховича Нечаеву, от 16-го апреля 1834 года, за № 37.

⁴⁷ - См. в св. синоде дело 1834 года о беспорядках тульской консистории, под № 812.

⁴⁸ - См. в деле об истязании, учиненном помещиком Давыдовым диакону Антонию Терентьеву и о сдаче в архив тульской консистории нерешенного дела, касавшегося до

означенного диакона, указы св. синода 1835 г. от 16-го января и 26-го февраля.

⁴⁹ - См. в отчете обер-прокурора св. синода за 1834 г. стр. 82.

⁵⁰ - См. доклад обер-прокурора св. синода, год 1835, № 305, о кандидатах на оренбургскую кафедру.

⁵¹ - См. в св. синоде дело 1836 года, под № 1.291, об удалении секретаря оренбургской духовной консистории Василия Мамина от занимаемой им должности, и в нем приложение под буквою С.

⁵² - Там же.

⁵³ - См. дело св. синода под № 1291, об удалении секретаря оренбургской консистории Василия Манила от занимаемой им должности, и тут же указ св. синода под № 313, на стр. 126, а также приложение к этому делу под лит. С, стр. 130.

⁵⁴ - См. приложение к упомянутому уже делу под лит. С, озаглавленное так: «Записки и заключение из следствия по доносу трех членов на секретаря Мамина», стр. 130.

⁵⁵ - Там же, стр. 131.

⁵⁶ - Там же.

⁵⁷ - При Протасове возникло множество ссор архиереев с консисторскими секретарями, вследствие той системы, которой он держался по отношению к архиереям, всячески ограничивая и обуздывая их власть и силу. Для достижения этой цели, между прочим, употребляемы были и секретари, которым словесно и письменно приказывалось наблюдать за всеми действиями архиереев и членов консисторий, следить за всеми событиями епархиальными и прямо обо всем доносить обер-прокурору, так что секретарь, в некотором роде, был прокурором, ревизором и шпионом всего, что совершалось в епархиальном управлении. Отсюда начало той частой и смелой оппозиции со стороны секретарей архиереям, обнаружившейся во времена Протасовские. В этой-же системе нужно искать причины и того явления, что секретари, по большей части, были назначаемы против воли архиереев из чиновников синодальной или обер-прокурорской канцелярий, и притом из чиновников,

пользовавшихся особенною доверенностью директоров Сербиновича, Войцеховича и Карасевского, или даже состоявших с ними в законном или незаконном родстве.

⁵⁸ - См. в вышеприведенном деле объяснение преосв. Иоанникия синоду, стр. 40.

⁵⁹ - См. в упомянутом нами деле список с доклада, поданного в 12 день апреля 1836 г., за № 15, к преосв. Иоанникию секретарем оренбургской консистории.

⁶⁰ - См. в вышеприведенном деле доклад пр. Иоанникию трех членов оренбургской духовной консистории.

⁶¹ - Вот ответ Бреева: «На предложенный вашим преосвященством на обороте листа сего мне запрос о секретаре консистории, губернском секретаре Мамине, имею долг отозваться, что доклад относительно ненадежности его, секретаря, внесенный к вашему преосвященству гг. присутствующими консистории протоиереями Александром Кандарицким, Андреем Лепоринским и иеромонахом Владимиром, не подписан мною потому, что изложенных в оном обстоятельств я достоверно не знаю и утвердить оных не могу. Что же касается до требуемого вашим преосвященством от меня об нем, секретаре Мамине, отзыва: ручаюсь-ли я за его исправность по должности и могу-ли иметь его на своей ответственности, то по неревностному усердию его к должности секретарской я никак поручиться за него, Мамина, не могу, а тем паче принять еще его и на свою ответственность». А вот отзыв Несмелова: «На предложение вашего преосвященства, от 7-го числа сего апреля за № 691 последовавшее, сим долг имею вашему преосвященству объявить: 1) что доклад консистории, прочими членами, за подписанием их, к вашему преосвященству поданный, относительно ненадежности г. секретаря Мамина и неосновательных его поступков мною не подписан потому, а) что о подаче оного в общем присутствии консистории при мне никогда рассуждаемо не было: б) в то число, когда был написан и подан к вашему преосвященству сей доклад, я совсем не был в присутствии, да и совершенно не знал, в которое именно время был оной писан, ибо никем из членов доселе о сем предуведомлен не был; 2) что поскольку в

прошлом 1834 г., как мне известно, оренбургское епархиальное начальство, особым представлением засвидетельствовав пред св. правительствующим синодом об отличном поведении г. Мамина и о исправном прохождении должности его, ходатайствовало даже о награждении его следующим чином, да и ныне в послужном его списке аттестован он с хорошей стороны как по должности, так и по поведению его: то вопреки сему в столь короткое время отзываться о исправности его в противную сторону не могу; равным образом и неосновательных поступков его, г. Мамина, какие замечены в нем прочими членами консистории, я не знаю и со своей стороны доказать не надеюсь, и 3) ручаться же на будущее время за его исправность, равно и взять на свою ответственность действия его я также никак не могу».

⁶² - См. в вышеприведенном деле доклад секретаря Мамина от 8-го апреля 1836 г.

⁶³ - См. в вышеприведенном деле доносы Мамина на стр. 18–34.

⁶⁴ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 7-го июля 1836 г.

⁶⁵ - По словам Мамина, около трех слишком суток.

⁶⁶ - См. вышеприведенное дело.

⁶⁷ - См. в деле об удалении секретаря Мамина рапорт Иоанникия синоду от 28-го октября 1836 г.

⁶⁸ - См. в деле об удалении Мамина указ св. синода, 27-го января 1837 года, № 313.

⁶⁹ - См. приложение к делу об удалении Мамина, под лит. С, стр. 125–128.

⁷⁰ - См. в деле об удалении Мамина рапорт арх. Феофана св. синоду от 5-го августа 1838 г., за № 54.

⁷¹ - См. в деле об удалении Мамина указ св. синода 4-го ноября 1838 года, № 242.

⁷² - Тут же указ 16-го мая 1838 года, № 156.

⁷³ - Там же.

⁷⁴ - Вот как записано это происшествие в синодальном протоколе 1840 г. 23-го декабря: «7-го декабря 1840 г., в три четверти 7-го часа пополудни, вбежал в комнаты эконома семинарии, профессора Ипполита Подбельского, ректор семинарии, архимандрит Никодим, весь в крови, сильно раненный в горло ножом и еще вмятым, по слабым голосом проговорил ему, эконому, следующие слова: «Меня зарезали, меня зарезал Елпидифорка» (живший у ректора дворовый человек г-жи Степановой); это случилось во время отправляемого в семинарской зале всенощного бдения, когда все ученики семинарии, а в числе их и живущий у ректора ученик, его племянник, находились у богослужения. Когда экономом немедленно было оглашено сие происшествие в семинарском корпусе, то тот же ректор, подтвердив прежде сказанное эконому, присовокупил, что в преступлении с Елпидифоркою участвовал уфимский мещанин Аполлон Алексеев (прежде тоже у него, ректора, живший). О каковом несчастном случае немедленно дано было знать градской полиции, а для оказания медицинской помощи приглашен был врач. Виновники вышеозначенного преступления успели между тем скрыться; но мерами семинарского правления один из них, именно Елпидифорка, был пойман, и в присутствии как семинарских чиновников, так и прибывших в семинарию гг. гражданского губернатора и полицеймейстера, приставлен был ректору, который и обознал в нем, Елпидифорке, виновника своей раны, полученной от него в горло. Он, Елпидифорка, обознанный самим ректором и, сверх того, уличенный в учинении преступления кровавыми знаками на руках и полушубке, по приказанию самого гражданского губернатора чрез полицейских служителей отправлен в полицию». К этому семинарское правление в журнале своем, состоявшемся по сему случаю на другой день, т. е. 8-го декабря, присовокупило следующее: «1) в продолжении ночи с 7-го на 8-е число ректор, в пояснение дела, объявил находившимся при нем безотлучно ученикам, что вышеупомянутые покусители на его жизнь, пришедши к нему, сначала просили у него займы денег, но внезапно покушались накинуть на шею его веревочную петлю,

которая, впрочем, оказалась мала; затем начали давить его кушаком и один из них, схватив лежавший на столе перочинный нож, сим последним наносил ему удары в горло, а другой, именно Аполлон Алексеев, схватил ректора за язык, сиюсь вытянуть оный, но ректор, стиснув его руку в зубах, весьма сильно укусил его палец. После сего ректор, обеспамятев, упал в крови на пол. Злодеи, почитая его мертвым, кинулись один за огнем (поелику свеча в обоюдной борьбе была загашена), а другой к комоду, где хранились деньги. Ректор, в это время опамятавшись несколько и пользуясь темнотой, собрав силы, вышел из комнаты в другие двери на коридор и вбежал в комнаты эконома, как выше упомянуто» (см. в св. синоде протокол 23-го декабря 1840 года).

⁷⁵ - Этот Шмотин оговорен был священником Петровым и исправником Челябинского уезда в том, будто бы он, вместе с священником Милицыным, поддерживал возмущившихся казенных крестьян Челябинского уезда в веровании нелепым слухам о передаче их из казенного ведомства в частное владение какого-то Кульнева. Военный губернатор Обручев тотчас донес об этом обер-прокурору св. синода. Обвиняемым прямо запрещено было священнодействие, наряжено следствие, они вызваны были в пермский архиерейский дом; места их заняты другими священниками. Оказалось, что Шмотин не только не поддерживал волнения между означенными крестьянами, но выходил к ним с крестом и еще уговаривал их, давал им из церковного архива для прочтения указ о сеянии картофеля, который (указ) и был, между прочим, виною и началом всех последующих волнений. Дознано было, что эта клевета затеяна была сослуживцем Шмотина, Петровым, который, испугавшись возмущения крестьян, убежал не только из своего села, но даже и из своей епархии. Преосвященный Иоанникий действительно вел себя в этом деле так, что можно было легко заметить какое-то снисхождение к Петрову; в рапортах своим синоду он называл Петрова не злобным доносителем, а малодушным, который для своей защиты берется за все безрассудно. Св. синод назначил Шмотину другое священническое место, взамен прежнего. Но

бедняга от сильного поражения горем лишился употребления руки, ноги и языка и наконец умер (См. в св. синоде дело 1843 года, под № 480, о священниках Иоанне Милицыне и Иоанне Шмотине, оговоренных в участии с возмущившимися крестьянами Челябинского уезда).

⁷⁶ - См. в св. синоде секретное дело по доносу протоиерея Уфимского кафедрального собора Субботина о беспорядках и злоупотреблениях по епархиальному управлению в Оренбургской губернии; началось 14-го января 1849 года. Донос Субботина признан св. синодом голословным, выражающим стремление чернить своего архиерея, ибо в доносе его помещены многие из таких обстоятельств, которые относятся к давнему времени, были в виду св. синода и обсужены окончательно и которых посему повторять не было никакой надобности. «Св. синод, так говорится в синодальном указе, имея все сие в виду и приняв во внимание, что протоиерей Субботин наполнил извет свой укоризнами не только на счет преосвященного, но и на все высшее монашеское духовенство, и, сверх того, дозволил себе употребить в оном такие выражения, которые показывают в нем преобладающий дух противления и непокорности установленной над ним власти, заключил, что протоиерей Субботин, при таком несвойственном священнослужителю образе мыслей, неблагонадежен к дальнейшему прохождению занимаемых им ныне должностей настоятеля кафедрального собора и члена консистории, и вследствие того определяет: перевести его в соседственную с оренбургскою вятскую епархию для определения на священническое место по усмотрению преосвященного».

⁷⁷ - Приводим здесь наивное оправдание игумена Порфирия на обвинение его в жестоком обращении с учениками тифлисской семинарии, как доказательство господствующего в наших семинариях воззрения на систему воспитания. «Я, говорит Порфирий в объяснении своем, пользуясь правом родителей, в крайней нужде, применяясь к возрасту, классу и важности проступков, наказывал виновных в духе отеческом розгами; каковое наказание употребляемо было и прежними

инспекторами; да и в каких духовных семинариях и училищах такая мера наказания не употребляется? Это не было бесполезно и здесь до того времени, когда злоба неблагонамеренных людей и некоторых учеников не перетолковала таковых наказаний в худую сторону, называя оные неуместными, строгими и даже жестокими... Меры, употребляемые мною, были соединены с отеческою любовью к ученикам, как к детям своим, именно: лишение обеда, стояние на коленях в столовой во время обеда или ужина, содержание в карцере от 3-х до 8 часов, но на целый день, особенно на ночь, никогда не простиралось, а иногда, но весьма редко (?), учеников низшего отделения, за неуважение к учителям и за проступки, требующие большего наказания, слегка наказывал розгами, имея в виду пример первосвященника Илия, и помня слова мудрейшего из царей: «Розги и наказание делают людей умными который бо есть сын, его же не наказует отец? (Евр. 12:7). Любая сына своего, да участит ему раны (Сир. 30:1)». (См. в св. синоде дело под № 122 по жалобе ученика тифлисской семинарии Давида Тинникова на жестокое обращение с ним инспектора той семинарии, игумена Порфирия, и приложений к нему часть 2-ю, стран. 154–155, 56–57).

⁷⁸ - Вот официальный отзыв о Сергии, сделанный в одном рапорте синоду экзархом Грузии: «Архимандрит Сергей, по своим болезненным припадкам иногда впадая в задумчивость, забывает то, о чем было словесно рассуждаемо в присутствии конторы» (см. рапорт экзарха в деле канцелярии обер-прокурора св. синода под № 2037 об исполнении конторою журналов её, без сообщения оных на прокурорский просмотр).

⁷⁹ - См. в духовно-учебном управлении при св. син. дело по отношению прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы. Здесь-же и о ревизии оной по сему случаю, № 122, 1843 г.

⁸⁰ - См. в приб. к делу о Тинникове, ч. II, стр. 186–187, где, между прочим, Мелитон Фомин показал, что Порфирий взял с ученика Матафьева лошадь и довольно большой бурдюк вина.

⁸¹ - Экзарх тайно жаловался св. синоду на Дмитриева за то, будто бы он укорительными словами выражался о присутствии тифлисской синодальной конторы. Дмитриев, со своей стороны, не пропускал некоторых журнальных статей синодальной конторы, по его мнению противозаконных, и жаловался обер-прокурору св. синода, что присутствие синодальной тифлисской конторы запретило выдавать ему копии с не пропущенных статей (см. в канцелярии обер-прокурора дело 1840 г., под № 2041, о медленности в составлении по синодальной конторе журналов, и дело 1840 г., под № 2047, об исполнении конторою журналов, без сообщения оных на прокурорский просмотр).

⁸² - См. прибавл. к делу о Тинникове, ч. II, стр. 155, где Порфирий в объяснении своем пишет, что один из возмущившихся учеников, именно Григорий Павлиев, был родственник Иосселиани. См. также там же стр. 116, где инспектор тифлиских духовных училищ Павлинский в объяснении своем следственной комиссии пишет, что Иосселиани, в квартире Дроздова, когда зашла речь об учениках тифлисской семинарии, в разговоре произнес следующие слова: «В самом деле, к чему такие нападки на учеников? Я никак не согласен на мнение некоторых членов семинарского правления; я подам отзыв в семинарское правление, протест против строгости наказаний, определяемых ученикам. Я по долгу моему буду стараться об облегчении наказаний: они мои соотчичи. И действительно поступлю бессовестно, против правил любви к отечеству, если соглашусь на определение строгого наказания».

⁸³ - Тинников по происхождению был Пшавец, из полудиких горских племен (см. мнение экзарха в приложении к делу Тинникова, стр. 5, на обороте).

⁸⁴ - См. в св. синоде дело 1840 г., № 122, по жалобе ученика тифлисской семинарии Давида Тинникова на жестокое обращение с ним инспектора той семинарии, игумена Порфирия, и при этом деле два приложения, заключающие в себе следственное дело по жалобе Тинникова.

⁸⁵ - См. следственного дела по жалобе Тинникова ч. I, стр. 4–7.

⁸⁶ - См. в канцелярии обер-прок. св. синода дело 1840 года, под № 265, по доношению исправляющего должность прокурора грузино-имеретинской синодальной конторы о неприличных действиях инспектора тифлисской семинарии, игумена Порфирия, и самого экзарха Грузии.

⁸⁷ - См. следств. дела по жалобе Тинникова ч. I, стр. 10–13.

⁸⁸ - Вот эти прошения: 1) прошение Татиева: «Сего 1840 г. апреля 18-го числа я, вместе со старшим моим, учеником богословия Тинниковым, был уволен к ученику богословия Лонгину Борисову. Пообедав у него, мы вышли; Тинников прямо ушел домой, а я пошел к брату моему, для узнания домашнего обстоятельства. Не застав брата в квартире, я пошел в семинарию и часом позже Тинникова пришел. Взошедши в комнату, я вижу весь пол окровавленным и учеников трясущихся от страха. Спрашивал я учеников: что это значит? Они, не говоря о происшествии, только советуют удалиться от взоров жестокого инспектора, а то в противном случае убьет меня. Имея чистую совесть, я им отвечал: «Для чего он убьет меня? Я был уволен им самим». «Да, так, они отвечали; кажется, и Тинников был уволен инспектором, на это кровь его, и он, т. е. инспектор, так был озлоблен, что ежели-бы мог, убил-бы до смерти, а тебя, как меньшего, кулаками убьет». На другой день призывает меня в правление; призвав сторожей, запирает дверь семинарского правления и, повалив меня, бьет меня розгами дотоле, покамест я от крика и испуга и в отчаянии замолчал и не мог уже чувствовать. Едва пришедши в чувство, я встал и поспешно удалился. Взошедши в комнату, я не мог сидеть ни на минуту заднею; почему я от стыда принужден был удалиться из семинарского дома в одну ночь, чтобы, поправясь где-нибудь, я мог здоровым явиться в семинарию; ибо я так был изуродован, что едва остановил кровь, происшедшую от розог. На другой день семинарское правление присылает сторожа и с великим трудом дошел до семинарии (sic) и за отсутствие я осужден стоять на коленях во время обеда. Но этим не кончилось мое несчастье и непрерывное бедствие: я исключен из письмоводства инспектором семинарии, игуменом Порфирием, и на место меня определил Ивана Уварова,

который беспрестанно просил инспектора, дабы я был лишен письмоводства и он определился бы на место меня. Я от инспектора лишен слуха; однажды, не застав меня дома и когда идущего меня встретил на улице, кулаками бьет меня по щекам и ушам так больно, что, ежели-бы он не постыдился посторонних, тут же бы убил меня. Ненасытись этим наказанием, он призывает меня в правление, запирает дверь, и так сильно и долго бил меня, что покамест не заболели у него руки, пота не отступил от меня. От сего жестокого биения у меня распухли виски и щеки и целый месяц болела голова, так что я едва уже на своем уме. А сколь много я страдал в темницах безвинно голодным и голым, когда вспоминаю, едва удерживаюсь от слез. Находясь еще письмоводителем, несмотря на то что я, имея двух товарищей, делал один более, нежели они оба, чему будут служить доказательством записки инспектора, где он отмечал мою усердную службу. Порозов беспрестанно жаловался на меня и меня сажали в карцер. Хотя у нас назначено было каждому особенное дело и несмотря на то, что меня обидели и в сем определении, назначив труд одному мне более, нежели им обоим, но Порозов заставлял переносить и свои труды, поскольку был любим инспектором, а когда я отказывался от его трудов, то страдал от жестоких наказаний; ибо что хуже, как в зимнее время сидеть в карцерах холодных, не евши и голым? Кто может выразить те бедствия, которые я претерпевал от инспектора и от наушников! Сильная любовь к науке заставила терпеть таковое бедствие, а то бы я лучше желал быть наемником, нежели видеть себя в таковом жалком положении. И ныне до той степени я обижен, что уже не в силах переносить эти бедствия. Посему припадая под ноги, прошу воззреть на жалкое мое положение и защитить меня, и Бог, который не оставляет ни одного доброго дела без награды, воздаст вам за ваше милосердие к столь несчастному, каков я».2) А вот содержание прошения Мамацова: «1840 г. апреля 4-го числа вечером, после ужина, большая часть учеников, так как не пускают их никуда, бывает (sic) на крыше семинарского дома, где и я был и пел тихо в сие время с несколькими учениками песни, поимые на св. Пасху, т. е. Да воскреснет Бог и расточатся

врази его, и другие. На другой день кто-то донес инспектору семинарии Порфирию, что я пел на крыше песни. После сего в седьмом часу утром инспектор призывает меня к себе в свою комнату и говорит громким голосом и с гневом: «Зачем ты песни пел? ты не знаешь, что это не позволено»? В ответ я говорю: когда? и какие? Он же отвечает мне: «В солдаты тебя! разве не знаешь, какие песни? Ведь ты после ужина пел вчера на крыше»! Я желал оправдать себя; но он взял меня за волоса, вывел меня на двор и закричал: «Снимите с него платье»! – и по окончании сих слов, я сам скинул сюртук и шаровары; после чего он велел ученику Антону Фомину запереть меня в карцер, где я и сидел по приказанию его в рубашке и подштаниках довольно долгое время, от чего я простудился от холода. Потом инспектор присылает мне чрез этого-же ученика разодранный сюртук, а сам пошел в собор и служил, а меня не пустил ни в церковь, ни обедать, оставив там от седьмого часа утра до пятого пополудни. Выпустив меня из карцера, я пошел (sic) тотчас к о. ректору и сказал подробно все случившееся и в заключение сказал на его слова: «Все это у вас нехорошо: «Я прав, я прав! и кажется, что он без вас и правления не может посадить в карцер голым, а тем более без надлежащего исследования, допросов и без малейшей причины, основываясь на одних только тайных доносах своих наушников». Но он сказал только то: «Иди; хорошо». На другой день в правлении зашед я к о. ректору, где были еще инспектор и Климент Васильич (Каневский), сказал: «За что посадил он меня вчера в карцер»? Ректор отвечает мне: «За буйство». Я же сказал: «За какое буйство, когда я прав во всем этом случае? Извольте исследовать все это». Инспектор говорит мне при сем: «Что, ты разве не пел песни»? Я говорю: «Пел песни, но не светские, а духовные, именно: Да воскреснет Бог и расточатся врази его, и т. далее, – притом весьма тихо; поскольку мы хорошо знаем, что если бы громко запели, то слышно-бы было всем и повсюду». «Кто с тобою был»? спрашивает ректор. «Со мною были такие-то ученики, коих призывая спрашивали: вчера после ужина на крыше были вы? они говорят: были. «Песни пели там»? Пели: да воскреснет Бог. «Этот ученик совсем не умеет

петь, говорит инспектор о. ректору, указывая рукою, и как же он говорит: что и они пели? Я не говорю, сказал ему, именно, что этот ученик пел, а говорю, что эти были со мною и, разумеется, кто из них знал, пел, а кто не знал, сидел только. Потом, призывая других учеников, на крыше семинарского дома бывших, спрашивают: «Вы там были? Там слышали, что эти ученики пели»? Нет. «А как же вы там были и не слышали»? Были, отвечают они, но мы не слышали, что они пели что-нибудь; за ними я сказал им: мы не пели так громко, чтобы слышно было им, хотя и недалеко от нас они ходили и прочим там бывшим и разговаривающим. Далее инспектор говорит мне: «Как вы тихо пели: вы на той стороне крыши пели песни»? указывая рукою на юг. А я сказал ему: «Не там пели, а здесь», поднимая руку вверх – к северу. «Нет, ты врешь»? Я говорю: «Ежели я вру, то спросите этих учеников, не пел-ли я песни духовные тихо и притом на этой стороне. Притом могу сказать я, что ни одной песни светской я не знаю; если я не духовные песни пел, то какие-же именно песни светские я пел? «Вот какие песни пел», говорит мне, и, сказавши сие, он задумался долго, но после, не могши сказать ничего, обращается рукою на письмоводителя Уварова и спрашивает: «Какие песни пел он»? Но он также, не смея сказать ничего ложного предо мною, поскольку я не пел другой песни, кроме вышесказанной песни духовной, оба замолчали, а ректор, погодя немного, сказал мне: «Иди, хорошо». На третий день опять позвали в правление, где спросил ректор: «Что ты, Мамацов, не врешь в том, что не пел песни светские, а духовные песни»? Я говорю: нет; инспектор же сказал мне: «Свидетели есть на то, что ты пел светскую песнь, именно: По улице мостовой, те самые, которые ты пел с Тинниковым, Мревловым и Цицвианидзевым». Вот я здесь, отвечал я: призовите их сюда, и пусть скажут они, ежели это правда; я в то время этой песни не пел и не только не знаю, но и не слышал никогда, сказал я; призовите их, ежели со мною они пели, или, по крайней мере, были. Но они сказали: «У тебя с Тинниковым есть шайка»? У нас никакой шайки нет; я другой и Тинников другой. «Ступай, хорошо», сказал мне ректор, и я вышел, пошел тотчас в класс. Потом призвав Цицвианидзева,

спросили: «Ты был и пел с Мамацовым песни»? Он же отвечает: «Нет, и если я пел песни, то представьте здесь свидетелей; притом, где я пел? какие песни? и кто видел? Я совсем в эту вечерь не ходил туда». Теперь видя себя, что невинно без всякого надлежащего исследования, без допросов и без малейшей причины наказан строго, прошу ваше высокоблагородие войти в несчастное и жалкое мое положение, довести сие до сведения г. обер-прокурора св. синода и тем ускорить наше дело; поскольку ежедневно мучат как меня, так и других; эдаким образом и стараются как-нибудь испортить хороших учеников». 3) Прошение 27 учеников: «Доведенные до последней крайности унижения жестокостями и неприличным обращением с нами семинарского начальства и не находя ни в ком себе защиты, осмеливаемся прибегнуть к вашему сиятельству и покорнейше просить, дабы обращено было на вас милостивое внимание и доставлены были нам все средства к воспитанию и содержанию себя, с избавлением нас от тиранства некоторых наших начальников. Состояние наше до 1836 г. было самое лучшее в отношении как к образованию, так и содержанию нашим; все средства были направляемы к тому, чтобы воспитанники семинарии принесли пользу отечеству и церкви в свое время. Посему все наставники тщательно старались внушать нам просвещение, от того и умы наши, развиваясь под руководством тогдашних наставников, обещали большие успехи. Книги давались ученикам для чтения; бумаги, перья, чернила и чернильницы и прочие нужные вещи для ученика были также отпускаемы всегда столько, сколько нужно было на классические потребности. Холод и голод не причиняли нам никакого вреда, одежды у всякого было довольно и постель чиста; комнаты чисты и прибраны; никто, как ныне, не шатался в разодранном платье; больница была чиста, пища и питье для больных приготавливались, какие только лекарь приказывал. Никто не мог, как ныне, в городе обижать нас. Главное, то было хорошо, что все происшествия и жалобы на учеников до тонкости были исследуемы и никто не наказывался безвинно; имели хорошие ученики цену и достоинство; благополучие и спокойствие во всей семинарии были в полноте. Пища была

всегда естественная нашим сложениям и по переменам различная, а в праздничные дни по три кушания. Также сказать и время было отдыхати, и время читати; словом, каждый почивал под своим виноградом, яко во дни Соломона Израильтяне. Но вскоре за сим иссякла надежда и успехи на дальнейшее благосостояние и просвещение их (?). С прибытием настоящего инспектора Порфирия все образование наше состоит только в одном заучивании уроков на память. Учители семинарии, кроме ректора и Иосселиани, редко объясняют ученикам предметы, коим они учат; но от инспектора доселе не слышали, чтобы он хотя что-либо объяснял нам из церковно-библейской истории, отчего мы менее всего знакомы с нею. Упражнения по части сочинения хотя и заставляют делать, но, кроме Иосселиани, не разбирают их в классе и не показывают ученикам их ошибок и никогда не дают этих задач, а прямо относят к экзарху. Поэтому ученики совершенно не знают тех погрешностей, которых должно избегать в сочинениях. Учители татарского языка Ксенофонтов в осетинского Хундуков, должно сказать, что они совершенно нас не учат и в продолжение 4-х с половиною лет не знаем от них и 40 слов, ибо они только занимаются пустяками и повестями о чем-нибудь. Не можем исчислить, скольких они ложными своими доносами замарали учеников и подвергали невинно наказаниям начальства. Семинарская библиотека не приносит нам ни малейшей пользы, потому что не дают нам книг для чтения, и хотя мы неоднократно просили у инспектора и профессоров, с тем условием, если затеряем книги, которые они дадут, то в таком случае мы заплатим за оные, и что мы, читая сии книги, дадим каждый отчет, что мы извлекли из такой-то книги; но все таковые условия наши были тщетны и безуспешны к получению книг. Даже инспектор не позволяет ученикам читать книги, кроме проповедей, когда они достанут со стороны. Одним словом, все наше учение заключается в затверживании уроков наизусть, которых большею частью ученики не понимают, и в писании задач таким образом, как кому вздумается. Из такового образа воспитания учеников мы замечаем, что наставники наши не только не хотят развить наши способности и внушить нам какие-

либо сведения, но, кажется, намеренно стараются оставить нас в том же состоянии невежества, в каком мы пришли в училище, и отбить всякую охоту к учению. Что же касается до нравственного образования нашего, то инспектор, Порфирий, на котором лежит эта обязанность, ни внушениями, ни примером не назидает нас. Никогда не случалось, чтобы инспектор, приходя в комнаты учеников, или призывая к себе на дом, дал им какое-либо наставление и внушение, как себя вести безгрешно и прилично. Потому об учениках можно сказать, что они живут, не зная правил, как надобно жить, и не получая от наставника руководства в том, что хорошо, что худо, и почему. Даже в случае, когда ученики сделают какой-либо проступок, инспектор не внушает им, как обыкновенно делают отцы с детьми, но ограничивается одним наказанием, которое обыкновенно начинается руганием, продолжается посаджением в карцер и оканчивается или розгами, или даже исключениями из казеннокоштного содержания и из семинарии, и все это делается без исследования, без расспросов ученика о причинах и обстоятельствах, которые побудили его сделать проступок, и часто основываясь на каких-то тайных и ложных доносах. От того на инспектора мы смотрим, не как на наставника доброй нравственности, но как на человека, у которого власть в руках наказывать учеников. Притом, при разборе этих проступков мы не видим справедливости: часто за одинаковые проступки один ученик наказывается весьма строго, а другой совсем не наказывается или слабо. Что сказать об обращении инспектора Порфирия с воспитанниками семинарии? Бедные воспитанники часто наказываются невинно розгами, не говоря о стоянии на коленях. Именно, он наказал розгами учеников богословия в правлении, Аполлона Размадзева и Георгия Надирова, которые ныне окончили курс семинарских наук, за то, что армяне поссорились с солдатами и они были с ними, но не участвовали в ссоре. Димитрия Ионина более четырех разов побил собственноручно за то, что учитель осетинского языка напрасно жаловался на него, что он будто не уважает его; также лишил его оный инспектор полнокоштного иждивения на счет митрополита Ионы; заключил, между прочим, один раз в карцер

в то время, когда он, по дозволению о. ректора, должен был произнести в церкви проповедь. Димитрия Мамацова, также, по донесению того же учителя, что он, Мамацов, будто бы обижает его, не слушает, не уважает и не учится, который хотя и не был таковым. За это по распоряжению инспектора, будучи записан в журнал, лишен был экзархом церковного содержания. Мало того: во время экзамена, когда оный Мамацов мучился лихорадкой, несмотря на таковую болезнь его, он был приведен в публику экзархом и наказан стоянием на коленях в расстроенном положении и поте, и это, вероятно, было по донесению инспектора. Фому Элизбарова два раза побил собственноручно за то, что он занимался ночью заучиванием уроков и сочинением задач далее десяти часов. Ученика Исаака Вардиева, бывшего тогда еще в риторике, презирая по какому-то побуждению, мучили его так один год; ибо сей ученик просил принятия на церковное содержание, а на другой объявили ему, что он будто рожден тогда, когда еще отец его был дьячком, несмотря на то, что церковным иждивением пользуются дети разного звания, и другие какие-то ложные причины, и выключили его из бursы, говоря: «Учись на своем содержании». Когда же он просил и увольнения вовсе из класса, поскольку по сиротству и крайней бедности не в состоянии содержать себя, то ему сказали: «Нельзя; куда ты хочешь идти»? Оный Вардиев, долго смотря, что не удовлетворяют его ничем, поступил в писаря в управу, чтобы пропитывать себя. Инспектор же, узнав это, велел привести его, говоря: «Примем тебя опять на церковное иждивение». После чего представляли его экзарху Грузии, что оный Вардиев самовольно ушел и сам же пришел к нам и просит принятия, полагая себя виновным. Экзарх велел наказать его тридневным заключением в карцере, и после не приняли его на церковное иждивение, пока не согласился по окончании курса служить в осетинской комиссии. Павла Королевского, который никогда не ходит в татарские классы, и, притом, не знает даже азбуки татарской, не пишут в экзаменических ведомостях и он не бывает на экзаменах; но когда составляют общие списки в академическое правление, записывают первым. Между прочим Цицвианидзева, ученика

философии, обругал и побил линейкой 4-го апреля 1840 г., угрожая ему лишением церковного содержания, отправил в карцер со сторожами за то, что Цицвианидзе, обучая нотному пению учеников тифлисских духовных училищ, зашел в канцелярию семинарского правления за бумагою для составления списка оных. Ложно доносил письмоводитель Порозов, будто бы обругал как его, так и всех наставников, чего никогда не было (?). Оный инспектор, не спрося Цицвианидзе, обращается к нему с этими словами: «Как ты смел взойти в правление? ты знаешь, что и профессора не могут входить туда»! Но не видно, чтобы та комната была правлением, потому что там живут письмоводители, которые с наушниками инспектора наливаются вином и несколько раз из них Порозова рвало, которого инспектор Порфирий видел однажды в таком бесчестном виде, и не только ничего не говорил ему, но еще взял его и положил на свое ложе, и потому что инспектор часто играет так в шашки с Порозовым и Уваровыми и делают там сии и прочие мерзости. Лашаурова, бывшего тогда еще в философии, в 1839 г. за греческим классом побил при всех учениках собственноручно потому только, что он, Лашауров, во время сего класса занимался другим предметом. Побил Алексидзева Михаила, ученика высшего отделения уездного училища, в канцелярии правления, так что у него изо рта и носу лилась кровь, за то, что оный Алексидзев, будто купив татарскую азбуку у инспектора, принес ему фальшивый абаз. Но кто исчислит все побои, нанесенные инспектором ученикам как семинарии, так и училищ? Кроме вышеисчисленных учеников, многие ученики, исключая училищных, за маловажную и ложную причину, иногда-же невинно, розгами пред портретом помазанника Государя Императора Николая Павловича и зеркалом наказываются беспощадно. Не говоря о прошедших временах, в которых наказывали учеников, представим для примера следующих учеников семинарии, которых наказывали в настоящем годе, в месяце марте: Ивана Микадзева, Спиридона Мтварелова, Ивана Абелова, Ивана Протопопова, Соломона Дидебулидзева, Захара Аладова, Георгия Елиосидзева, Иоилия Аладова. При образах в зале, где сам же инспектор Порфирий

совершает всенощную и часы для нас, высек: Феодора Иосебадзева, Ивана Махарова, Ивана Цихистова, Димитрия и Евстафия Наскидовых, Алексея Калубанского, Александра Гуриснидзева и проч. Очень нередко случается, что инспектор в воскресение и праздничные дни собственноручно бьет учеников семинарии, ругает, – и отправляется в собор к литургии служить. В соборе, равно как в зале, где сам совершает для учеников всенощную, начинает мутить словами и петь так, что слушатели не могут удержаться часто от смеха, и сам смеется. Этим он подает нам дурной пример к благоговению во время молитвы. Наушники инспектора со всякими учениками низшими и высшими себя классами и успехами ссорятся и ругают, полагая надежду на инспектора, который берет с учеников подарки и для того возвышает их в списках учеников. С самого приезда инспектора Порфирия все испортилось в бурсе: он, желая оставить много денег из положенной ученикам суммы, для одной только выгоды своей покупает сам для нас что-либо нужное дешевой цены, несмотря на то, что то вредно нам. Картофеля, капусты, пшена сарачинского, орехов и прочего, узнавши что дешево, покупает много; почему оные, сгнивши, составляют наше продовольствие, так что многие, наевшись, заболевают. В первые два года по простым дням было одно кушание, а по праздничным по два; после-же по два по простым, а по три по праздничным дням; но эти кушания приготавливались так, что лучше желали иметь одно, да хорошее. Вода до посещения г. Гаевского воняла по причине нечистых бочек. Не делают и квасу, а если бывает, то непременно такой, которого нельзя принять. В самый день Благовещения не было у нас рыбы, а когда-же мы спросили, отчего не было у нас её, то комиссар по наущению инспектора говорил: «Не нашел и нигде нет»; но как верить, чтобы в Тифлисе не было рыбы? В масленице кушанье наше состояло в лобии, которая приготавливалась с немногим маслом. Опасаясь вреда, кушания худого остается часто много, которое и на другой день с прибавлением немного свежего подается ученикам. Плов, почти всегдашнее кушание, делается у нас с горьким маслом, от чего двое умерли, а многие заболели так, что кашель их была кровь.

Видя это и зная сие, не ели плова; но комиссар, оклеветав их пред инспектором, что они не едят потому, что бунтуют, успел наказать их. Хотя неоднократно просили переменить кушание, но тщетно. В столовой кувшины у нас нечисты, разве только в месяц один раз помоют, и столы также нечисты и ничем не покрыты; чашки и тарелки по пятницам, средам и в постных днях также нечисты. Ножи и вилки до 1839 г. было по паре на четырех или пять учеников, а другим вовсе не было их, и эти все заржавелые и нечистые, а после купили оные вполне, отнявши жаркое, которого не было у нас в праздничных днях два раза. Так же когда недостает у нас чашек или ложек, лишают какого-либо кушанья и тем покупают оные. Старшие вместо сторожей стоят и раздают ученикам кушанье и хлеб; не видели никогда, чтобы экономя хотя-бы один раз зашел в столовую и посмотрел, что там делается. Но что же сказать более о кушании, когда и хлеба не дают весьма часто достаточно! Несмотря на то, и у больных не бывает никогда приятного кушанья, хотя и лекарь много раз говорил сделать им такие-то кушанья; чай и сахар не отпускается достаточно, и не для всех, а только для тех, кои весьма больны. Что касается до больницы, постели пахнут от нечистоты; больницами бывают иногда и погреба, где темно даже и днем, от чего тяжело выздоравливать больным, тем более, что в случае идти на двор, одевается больной одним только тем сюртуком, какой он имеет, чрез что часто ветер, расстраивая его, причиняет ему новое нездоровье. Подавая пищу больным, всякой из них должен поставить на постелю. Часто сторож и подлекарь, который обыкновенно бывает ученик, уходя, оставляют больных, которые, томясь жаждою, или нуждаясь в чем-либо, мучатся вместе с болезнью. Вообще, что лекарь приказывает, того не найдете в больнице, ибо инспектор говорит: «О, нельзя: вредит вам»; после чего нечего и говорить. В 1839 г. появилась в семинарии заразительная болезнь. Лекарь, видя, что это не прекращается в долгое время, просил ректора и инспектора об увольнении учеников, пока прекратится эта заразительная болезнь, но тщетно. Потом вскоре за сим умер один, и еще тогда просил он их, но и тогда напрасно, ибо они говорили в

ответ: «Бог милостив, сама болезнь прекратится». Пять самых хороших умерли, а все прочие заболели. Ученики больные лежали без всякой помощи, потому что подлекарь был болен, сторожа также, а они лежали в своих комнатах. Говоря об одеждах, надобно сказать, что и они несоразмерны при настоящем инспекторе, который сам один и инспектор, и эконо́м, и ректор. Он с самого приезда своего в Тифлис не сшил нам кроме одной, но жилетки лишил, пары рубашек с подштанниками; начал шить нам сюртуки из сукна серого, гнилого и худого; говаривал портным: «Берегитесь, чтобы много материи не пошло»; отчего узкие и короткие сюртуки суконные и нанковые, и отчего многие претерпевают наготу, сами будучи не в состоянии дать себе ни малейшего даже пособия. Для рубашек и подштанников, по причине того, что инспектор велит шить слишком узкие, многие берут у инспектора материю, и кто в состоянии, прибавляя свое, отсылает домой для шитья полных. В прибытие г. Гаевского одеяла, кои были дурны, сшили новые, скольким успели, а другим постилали вместо их покрывала; после Гаевского стали давать нам наволочки, простыни и опять дали прежде убавленную рубашку с подштанниками; а до прибытия г. Гаевского ученики спали на одной кровати по двое; но кровати были такие, что часто в полночи вставали несколько раз и занимались поправлением их, не имея покоя. В прибытие Императора Николая Павловича вся Грузия торжественно ликовала, в городе везде слышен был тон радости; все удостоились узреть Царя; но мы, будучи заперты в доме, подобно как многие животные, во время зимы запертые в пещерах и норах, составляли ни что иное, как одно только заключение арестантов. В таком состоянии бываем всегда, но тогда более, ибо не видали, пока Государь не уехал, и дневного свету. Лучезарное наше солнце озарило нашу страну, но мы не чувствовали его теплоты; весь народ, приветствуя Венценосца сыновнею любовью, торжественно удовлетворялся; но мы, сидя в запертом доме, не слышали ни одного приветствия сего народа, с которым бы и мы смешали свое собственное о приезде Государя. Что же было причиною сего нашего огорчения?... Вероятно, причиною сего было то, что

ученики, исключая наушников и близких инспектора, были не совсем одеты, что можно видеть и ныне. Осмелимся сказать, что инспектор, не чувствуя того, что он, как отец сирот, должен иметь одинаковое об учениках попечение, заботится только об тех, которые хороши только по наружным видам. Он, подражая Нерону, лишает незаконным образом прав хороших и допускает своих любовников пользоваться ими. Это подает нам смелость докладывать вашему сиятельству нечто еще об одеждах учеников. Однажды вместо сюртуков сшили нам халаты из такого холста, который не употребляется и на мешки; но этих халатов нельзя было надеть, не услышав насмешки народа. Но недавно из России приехали двое, Иван и Михаил Уваровы, которые, еще не кончив курса риторики, были переведены в философию. Их, несмотря на то, что они имеют отца священника здесь, брата учителя, получающего из училища 200 руб. сер. и из экзаршеской канцелярии также 200 руб., приняли на полное церковное содержание и в скором времени сшили им сюртуки и брюки из хорошего сукна, которого мы никогда не имели, сшили им сюртуки из нанки и еще дали им сюртуки суконные, не совсем старые. Подрядясь с сапожником за малую цену, шьют сапоги худые, которые недовольны бывают до назначенного срока. Кратко сказать: много у нас худого из того, что нам дается, а еще чего нам недостает нужного и необходимого нам, можете видеть в проекте устава духовных семинарий в точности. Окончившие курс семинарии, исключая немногих, должны служить в осетинской духовной комиссии. Из них многих насильно отсылают; в случае же несогласия, должен шататься без места. Исключенные-же, хотя-бы были из философского класса, отсылаются большею частью насильно дьячками в осетинскую духовную комиссию. Мы не так сильны в русском языке, чтобы могли во всей подробности и ясности описать наше положение. Одна крайность дала нам смелость выразить пред вами так, как умеем. Будьте нашим благодетелем, отцом, примите участие в нашем положении и избавьте нас от тиранства некоторых наших наставников. Мы немногого желаем и просим; мы просим и молим, чтобы наши наставники обучали

нас, как следует, и воспитывали не как сторожей; тогда мы не пожалеем о своем прежнем невежестве».

⁸⁹ - См. следствен. дела ч. I, стр. 5.

⁹⁰ - См. следств. дела ч. I, стр. 68 и 76.

⁹¹ - Эти наставники были учителя осетинского и татарского языков.

⁹² - Приглашенные наставники были следующие: Иосселиани, Соколов; Каневский должен был быть в этом заседании *ex officio*, как секретарь семинарского правления. Кроме этих лиц, приглашен был ректор тифлисских духовных училищ, протоиерей Кульматицкий, тоже принадлежавший к партии Дмитриева и Дроздова.

⁹³ - Мнение семинарского правления было исключить Тинникова из семинарии.

⁹⁴ - Следственного дела по жалобе Тинникова ч. 1, стр. 249–255.

⁹⁵ - Там же.

⁹⁶ - См. следственного дела по жалобе Тинникова ч. I. стр. 246–258.

⁹⁷ - См. в деле во жалобе ученика тифлисской семинарии Давида Тинникова на жестокое обращение с ним инспектора той семинарии, игумена Порфирия, синодский указ от 6-го мая 1840 года.

⁹⁸ - Там же.

⁹⁹ - Там же.

¹⁰⁰ - Как показывает то обстоятельство, что диакон Урусов, живший у Сергия, был в близких сношениях с Тинниковым и другими.

¹⁰¹ - См. в деле по жалобе ученика Тинникова прошение на Высочайшее имя инспектора Порфирия, от 4-го июля 1840 г., стр. 18–22.

¹⁰² - См. вышеприведенное нами дело.

¹⁰³ - Там же.

¹⁰⁴ - См. в том же деле стр. 22, а также указ синодский от 23-го сентября 1840 года.

¹⁰⁵ - Донесение Дмитриева Протасову почти буквально основано на показаниях учеников, допрошенных следственной комиссией. А показания эти были почти все в роде следующего показания ученика Мамацова, имевшего от роду 16 лет: «Написанные в прошении Тинникова слова: «в каком бедственном положении содержатся казеннокоштные воспитанники», означают то, что нам даются кушанья худые, притом такие, что евши эти кушанья, часто болеем от этого; говядина иногда бывает гнилая, а сыр полон червей; кваса у нас не бывает, а если и бывает, то весьма худой; притом, также кушанья и хлеб не даются нам в соразмерном количестве. В столовой, когда сидишь за столом, то от нечистоты столов и стульев и от того, что эти столы никогда не бывают ничем покрыты, разве во время посещения какого-либо знаменитого человека, все платье у нас марается. Чашки, кувшины, вилки и ножи никогда не бывают чисты, разве в неделю два раза помоют, а вилки и ножи бывают заржавелые. Когда недостает нам чашек, ложек, вилок и ножей, то убавлял всегда отец Порфирий какое-либо кушанье и этими деньгами покупал. Но все эти столовые приборы бывали нечисты и в сале замараны, особенно по пятницам, четвергам и постным дням. Отец Порфирий, уведомившись, что продаются дешево в городе капуста, орехи и прочее, надевает священническую шляпу, пойдет вместе с комиссаром и покупает оных весьма много, которые, сгнивши, составляют наше продовольствие и не выбрасывают, пока не сгниется очень. Плов нам делают с весьма горьким постным маслом, особенно в великом посту, от чего именно два ученика умерли, а прочие заболели и кашляли кровью, а однажды по той причине, чтобы не заболеть когда ученики не ели плова, то комиссар Николай Одишилидзе, ученик философии, подал записку в правление, что ученики не ели плова не потому, что они опасались вреда, но потому, что они сделали между собою заговор и взбунтовались, за что и наказали некоторых учеников. В первые два года отец Порфирий давал вам по простым дням одно кушанье, а по праздничным по два, но после по два по простым, а по праздничным по три, а на ужин одно всегда, а теперь по два. В

самой больнице кушанье и хлеб бывали при нем такие же, какие у здоровых, и хотя несколько раз лекарь приказывал сделать им такие-то кушанья, но Порфирий не велел давать, разве только один суп. Чай и сахар не давались больным, разве тем только, кои находились в крайней болезни, и, притом, когда подносили им кушанья и хлеб, они должны поставить все это в свою постель и там есть. Когда ученики заболеют, то они отсылаются в больницу с прежними платьями и там должны свое платье носить всегда на себе, так как нет больше (?), и когда выздоравливают, выносят с собою замаранное лекарством. Часто больной желая выйти на двор, должен разодранный сюртук надеть на себя и так пойдет, от чего часто, простудившись, опять заболеет. Постель в больнице всегда бывает нечиста и воняет; простынь и наволочек не было прежде вовсе ни в больнице, ни в комнатах, а только дали нам во время прибытия г. Гаевского. Один раз отец Порфирий выгнал из больницы, неизвестно за что, больного ученика философии Иоссора Матулова, которому лекарь давал лекарства. Сторожа часто уходят куда-нибудь после подлекаря, который уходит в класс; остаются одни больные, кои, томясь жаждою, или в чем-либо другом нуждаясь, должны терпеть вместе с болезнью до их пришествия. В июне месяце отец Порфирий не имел у себя прислужника, взял больничного сторожа к себе, и он, служа у него, оставлял их без человека, и с учеником богословия Афанасием Амиранидзевым в это время сделался обморок и долгое время находился в таком положении, тогда как тут не было никого. В таком положении находясь, ученики больные, равно как и здоровые, как я выше сказал, хотя просили, чтобы переменить кушанья, но он, т. е. о. Порфирий, не принимал их прошения. В доказательство всего этого, что сказал я на счет больницы, я сам находился (вероятно, в больнице) и переносил все это. Платье нам дается для зимы суконный сюртук с брюками из серого сукна и гнилого, на три года, а для лета нанковой сюртук и шаровары, и однажды вместо летнего сюртука и шаровар сшил нам халаты из полосатого холста, которых никогда не видели на одежде и не могли носить вне семинарии, в городе, не услышав насмешки от людей. Жилетку

Порфирий сшил нам только одну в продолжение четырех лет, а другую пред экзаменом сего 1840 года. Рубашек и подштанников прежде давал нам по две пары, а теперь по три. Но когда шить нам платье, тогда Порфирий, желая оставить денег из положенной суммы для семинарских воспитанников, говорит портным, которых сам выбирает, эти слова: «Берегись, чтобы материи пошло мало»; и потому нам шьют платье весьма узкое и коротенькое, особенно рубашки и подштанники, которых не бывает нам достаточно до назначенного срока, равно как и сюртуки с шароварами и брюками. Потому многие ученики выпрашивают у о. Порфирия материю для платья и прибавляют еще свое, кто в состоянии, и шьют просторное платье себе. 1839 г. в семинарии появилась повальная болезнь и лекарь, видя, что долго не прекратится эта болезнь, просил у о. Порфирия и о. ректора в зале пред учениками, чтобы уволить, но они не согласились на это и чрез несколько дней помер один (ученик), и он еще просил их, но и тогда не уволили, и потом пять учеников умерли, а прочие заболели и лежали по комнатам, не имея никакой помощи от сторожей, лежали и находились в таком жалком положении, что им если понадобится вставать или выходить на двор и принести им хлеба, должны были просить учеников, а если не было их дома и находились в классах, должны были переносить все это до их прихода, потому что не было у них сторожей. Во всем вышеизложенном экономе семинарии не участвует – он занимается только покупками дров. Что игумен Порфирий находится под покровительством экзарха Грузии, то доказывается тем: в правлении духовной семинарии он действует самовольно и наказывает он учеников, какого бы класса ни было, без исследования и без распоряжения семинарского правления, и часто невинных; весьма строго содержит учеников и весьма худо, как выше я написал, и все это делает он, как ему хочется, и, что вероятно, не без известия его высокопреосвященства. Во время поправления и составления списков для отослания в академическое правление он Павла Королевского пишет по языку татарскому первым, который хотя никогда не ходит в класс и не знает

азбуки, а в экзаменических ведомостях его никогда не бывает и прочих своих любимцев, к коим он расположен соблазнительно для нас; в случае же, если не согласятся члены оногo правления на то, как он составляет списки, то он пойдет к экзарху Грузии жаловаться и в одно время в правлении, не согласясь подписаться на какой-то бумаге, встал на середине присутствия и сказал членам: «Велено всем подписаться», где были и ученики на счет следствия Тинникова, на которого осетинский учитель внес в правление записку. О. Порфирий весьма часто, иногда и целый день, бывает у его высокопреосвященства. Игумен Порфирий бил собственноручно, как я сам видел, учеников семинарии, именно: Гавриила Татиева, Давида Тинникова, Ивана Лашаурова, Герасима Кикодзева в канцелярии правления и на балконе, Иассона Татиева, Виссариона Хавшидзева на улице, Фому Элизбарова в комнате, Ефрема Хмиадова, Дмитрия Протопопова, Михаила Бухановского, Афанасия Виноградова и Михаила Алексеева... Ученики семинарии по распоряжению игумена Порфирия посредством сторожей, имя и фамилию коих, по частой перемене их, теперь не помню, были наказываемы розгами пред портретом Государя, следующие: Алексей Двалишвили, Спиридон Мтварелов, Захарий Копинов, Георгий Елиосидзев, Цихистов, Алодов. Пред св. образами, где совершается всенощная, были наказываемы следующие: Иван Махаров, Иван Протопопов, Федор Иосебадзе, Симеон Лагуров. Я не был очевидцем сих наказываемых, а только от самых этих же слышал» (см. ч. 1 прибавлений к делу по жалобе Тинникова, стр. 108–112).

¹⁰⁶ - См. приложения к этому делу, ч. II, стр. 74–78.

¹⁰⁷ - Там же.

¹⁰⁸ - Там же.

¹⁰⁹ - Там же, стр. 71.

¹¹⁰ - Там же, стр. 156–157, а также заключение следственной комиссии.

¹¹¹ - См. прибавлений к делу по жалобе Тинникова ч II, стр. 163.

¹¹² - См. прибавлений ч. II, стр. 156–157.

¹¹³ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода секретное дело 1840 года, под № 44, по рапорту Дмитриева о подозрении его, что экзарх Грузии имеет с кем-либо из синодских переписку и получает уведомления, предвещающие его о распоряжениях св. синода. На деле этом карандашом сделана следующая отметка неизвестною рукою: «Рапорт сей приказано держать в секрете и потому он не внесен в общий реестр».

¹¹⁴ - См. в деле по жалобе Тинникова предложение св. синоду Протасова от 26-го августа 1842 года.

¹¹⁵ - Слич. объяснение ректора Сергия, который сказал, что Тинников в правлении прямо жаловался на то, что инспектор Порфирий прибил его, сонного, до крови (См. прил. к делу о Тинникове, ч. II. стр. 54–55).

¹¹⁶ - См. при деле по жалобе Тинникова заключение следственной комиссии.

¹¹⁷ - См. при деле Тинникова записку следственной комиссии, стр. 154–161.

¹¹⁸ - См. при деле Тинникова мнение экзарха, стр. 21–22 и 34.

¹¹⁹ - См. при деле Тинникова мнение экзарха.

¹²⁰ - Этот предостерегатель был сам преосвященный Филарет.

¹²¹ - См. в деле по жалобе Тинникова предложение графа Протасова св. синоду, от 24-го августа 1842 г., за № 11058.

¹²² - Там же.

¹²³ - См. при деле Тинникова мнение экзарха, стр. 7, на обороте.

¹²⁴ - Чтобы иметь понятие о письмах архиереев к Протасову и чтобы видеть, как много было в них раболепия приводим здесь для образца: 1) письмо Анатолия, назначенного в это же время из волынских викариев на могилевскую кафедру: «Сиятельнейший граф, милостивый государь! Сколько раз ни удостаиваюсь получать относящиеся к земной судьбе моей ваши писания, столько раз получаю новые доказательства милости и благодеяний, изливаемых на меня вашим

сиятельством. Взысканный, избавленный благотворною десницею вашею от тесноты и скорби, вскоре милостивым предстательством вашим у всероссийского Престола я призван в сонм святителей церкви Христовой, возведен на екатеринбургскую архиерейскую епархию, сопричислен к ордену св. Анны I степени, а теперь возведен на могилёвскую кафедру, славную прежними своими святителями. Чем же я воздам вашему сиятельству за толикие благодеяния? К прискорбию, земные выражения благодарности так слабы, безжизненны, что я не нахожу в них ни одного слова к изъявлению благодарных ощущений, исполняющих теперь мое сердце. Посему, утешаясь единственно тою мыслью, что в Боге есть конечно воздаяния, достойные великих подвигов ваших для блага церкви святой и ваших благодеяний, не престану возносить теплейших молений Подателю всех благ, да воздаст вам за изливаемые на меня благотворения неисчерпаемыми своими щедротами» (см. в деле о назначении архиереев на новые кафедры) и 2) письмо Иринарха: «Новый знак милости, явленной мне всемилостивейшим Монархом в назначении меня в начальники кишиневской епархии, исполняя меня чувством благоговения к имеющему в руках своих сердце Царево и уклонившему оное столь милостиво на мое недостойнство, побуждает меня в тоже время обратиться к вашему сиятельству, как к главному орудию, посредством которого явлена мне сия милость, чтобы принести вам искреннейшую мою признательность. Будьте уверены, что я вполне понимаю, до какой степени обязан я нашему ходатайству и содействию настоящим моим перемещением в лучший климат, в котором здоровье мое начинает чувствовать великую нужду. Благодеяние, которое вы оказали мне в сем случае, будет самым приятнейшим чувством в моем сердце и непрестанным напоминанием обязанности приносить о вас Господу Богу моления: да венчает вас новыми милостями и щедротами! да облакает вас новою силою и славою свыше ко благу своей церкви! Благоволите, милостивый государь, принять нелестное уверение в чувствах глубокого почтения и совершенной преданности, с каковыми имею честь быть вашего

сиятельства покорнейшим слугою Иринарх, епископ кишиневский и хотинский».

¹²⁵ - См. в деле, находящемся в канцелярии обер-прокурора св. синода, под № 66, о назначении преосвященных: Смарагда архиепископом орловским, Исидора экзархом Грузии, Иринарха епископом кишиневским, Анатолия епископом могилевским, Евгения архиепископом астраханским и Евлампия епископом вологодским, письмо Евгения к Протасову за № 31, от 1-го марта 1845 года.

¹²⁶ - Там же.

¹²⁷ - См. в этом же деле указ от 13-го июля 1845 года.

¹²⁸ - См. в канцелярий обер-прокурора св. синода дело 1844 года под № 252, по рапорту секретаря костромской консистории о причине медленного течения дел по костромскому епархиальному управлению, и в нем донос секретаря Архарова от 12-го сентября 1844 года.

¹²⁹ - Там же, а также дело св. синода об устранении медленности по костромскому епархиальному управлению и об увольнении от управления оною, за болезнью, пр. Виталия и об определении костромским епископом викария с.-петербургской епархии Иустина.

¹³⁰ - См. синодскую справку в приведенном выше деле об устранении медленности по костромскому епархиальному управлению и проч.

¹³¹ - См. в деле (1844 года, № 252), находящемся в канцелярии обер-прокурора св. синода, по рапорту секретаря костромской консистории о причине медленного течения дел по костромскому епархиальному управлению, письмо Софонии к Протасову от 14-го апреля 1845 года.

¹³² - См. в деле св. синода об устранении медленности по костромскому епархиальному управлению и об увольнении от управления оною, за болезнью, пр. Виталия, и об определении костромским епископом викария с.-петербургской епархии Иустина, указ св. синода от 28-го мая 1845 года.

¹³³ - См. в вышеприведенном нами деле св. синода рапорт синоду Евгения от 20-го июля 1845 года.

¹³⁴ - См. в деле св. синода об устранении медленности по костромскому епархиальному управлению, и об увольнении от управления оною, за болезнью, пр. Виталия и об определении костромским епископом викария с.-петербургской епархии Иустина, рапорт Евгения св. синоду от 20-го июля 1845 года.

¹³⁵ - См. в деле канцелярии обер-прокурора св. синода по рапорту секретаря Архарова о причине медленного течения дел по костромскому епархиальному управлению, рапорт Архарова Протасову от 25-го июля 1845 года.

¹³⁶ - См. в вышеприведенном деле об устранении медленности по костромскому епархиальному управлению и о проч. указ синода от 8-го августа 1845 г.

¹³⁷ - См. в вышеприведенном деле указ синодский от 10-го сентября 1845 г.

¹³⁸ - Виталий умер 29-го января 1846 года в Костроме, как выражается Протасов в докладе Государю, после тяжелой болезни, воспрепятствовавшей ему даже выехать оттуда к новому месту служения (См. доклад Протасова от 4-го февраля 1846 года).

¹³⁹ - См. в вышеприведенном деле рапорт синоду Иустина от 28-го марта 1846 года.

¹⁴⁰ - См. в св. синоде дело 1849 года по жалобе служившего писцом в костромской консистории Александра Владимирова на оказанные будто бы ему секретарем консистории Васильевым притеснения.

¹⁴¹ - Иночество и девство, по понятию Нафанаила, не могли существовать одно без другого.

¹⁴² - Он почитал нечистыми всех женщин, какого-бы возраста и звания они ни были.

¹⁴³ - По смерти Нафанаила осталось с полсотни рублей денег, небольшая библиотека, золотая медаль в память воссоединения униатов и несколько пар платья, до того, впрочем, поношенного, что затруднялись определить его стоимость. Вследствие всего этого, для покрытия расходов по погребению Нафанаила был сделан сбор по подписке доброхотных дателей.

- ¹⁴⁴ - Нафанаил родом был из Архангельской губернии.
- ¹⁴⁵ - В рапортах синоду он предлагал себя, как жертву, за своих любимцев и был готов брать на себя те взыскания, коим подвергались они по синодским определениям.
- ¹⁴⁶ - См. в синоде дело о беспорядках по псковскому епархиальному управлению, доклад членов псковской консистории от 19-го мая 1844 года.
- ¹⁴⁷ - См. вышеприведенный доклад.
- ¹⁴⁸ - См. в приведенном деле прошение диакона Рудакова и резолюцию на нем Нафанаила.
- ¹⁴⁹ - См. в деле св. синода о беспорядках по псковскому епархиальному управлению рапорт Сварацкого к Протасову от 6-го февраля 1845 года, № 14.
- ¹⁵⁰ - См. в вышеприведенном деле рапорт Нафанаила в св. синод от 28-го февраля 1845 года.
- ¹⁵¹ - См. там же предложение Протасова синоду, 31-го мая 1845 года.
- ¹⁵² - См. в вышеприведенном деле рапорт Сварацкого графу Протасову от 6-го февраля 1845 года.
- ¹⁵³ - См. в вышеприведенном деле рапорт Сварацкого Протасову от 23-го ноября 1845 года.
- ¹⁵⁴ - См. там же рапорт Нафанаила синоду от 21-го июля 1845 года.
- ¹⁵⁵ - Там же.
- ¹⁵⁶ - Там же синодальный указ 21-го декабря 1845 года.
- ¹⁵⁷ - См. в деле св. синода по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством письмо Лебедева к Карасевскому от 5-го августа 1855 года.
- ¹⁵⁸ - См. в вышеприведенном деле стр. 21–22.
- ¹⁵⁹ - Там же, стр. 22 и следующие.
- ¹⁶⁰ - См. ч. I приложений к донесению в св. прав. синод, по исполнению указов оного от 17-го декабря 1847 г. за № 14.252 и от 31-го того же декабря за № 15.248, стр. 131–133.
- ¹⁶¹ - См. в вышеприведенных приложениях.

¹⁶² - См. в св. синоде дело по доносам священника Лебедева о злоупотреблениях свечными доходами по псковской епархии и в нем вопросные пункты Лебедеву и ответы его на эти вопросы.

¹⁶³ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника Лебедева на злоупотреблении и стеснения его епархиальным начальством стр. 26–27.

¹⁶⁴ - См. в том же деле стр. 28–30.

¹⁶⁵ - См. в вышеприведенном деле стр. 34–35.

¹⁶⁶ - См. обо всем этом в деле по всеподданнейшей жалобе священника города Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством стр. 43–44.

¹⁶⁷ - Там же.

¹⁶⁸ - См. в вышеприведенном деле.

¹⁶⁹ - Впоследствии этот поступок, приписанный Лебедеву консисторией, был им формально опровергаем.

¹⁷⁰ - См. в вышеприведенном деле стр. 43–44.

¹⁷¹ - См. в деле св. синода по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством всеподданнейшее прошение его от 9-го июня 1844 года.

¹⁷² - См. там же прошение Лебедева от 16-го июня 1845 года.

¹⁷³ - Там же, стр. 10–14.

¹⁷⁴ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством рапорт Нафанаила в синод от 28-го августа 1844 года.

¹⁷⁵ - Там же дна указа св. синода от 26-го апреля и 31-го декабря 1844 г.

¹⁷⁶ - См. в вышеприведенном деле указ синода от 14-го мая 1845 года.

¹⁷⁷ - Там же прошение Лебедева к Протасову от 23-го февраля 1846 года.

¹⁷⁸ - См. в приведенном деле прошение Лебедева от 17-го января 1847 года.

¹⁷⁹ - Там же прошение от того же года и числа.

¹⁸⁰ - См. в вышеприведенном вами деле синодальный указ от 9-го июля 1847 года.

¹⁸¹ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 9 -го июля 1847 г.

¹⁸² - См. в деле по доносам священника Василия Лебедева о злоупотреблениях свечными доходами по псковской епархии рапорт синоду Нафанаила от 24-го октября 1847 года.

¹⁸³ - См. в приведенном деле письмо Лебедева к Протасову от 24-го октября 1847 года.

¹⁸⁴ - См. там же рапорт Нафанаила св. синоду от 29-го ноября 1847 года.

¹⁸⁵ - См. в деле по доносам священника Василия Лебедева о злоупотреблениях свечными доходами по псковской епархии указ синодальный от 10-го декабря 1847 года.

¹⁸⁶ - См. вышеприведенный указ синода от 10-го декабря 1847 года.

¹⁸⁷ - См. в этом же деле письмо архимандрита Симеона к Протасову от 13-го января 1848 года.

¹⁸⁸ - См. в деле св. синода по доносам священника Василия Лебедева о злоупотреблениях свечными доходами по псковской епархии донесение в синод архимандрита Симеона от 21-го июня 1849 года.

¹⁸⁹ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством указ 10-го июня 1848 года.

¹⁹⁰ - См. вышеприведенный указ 10-го июня 1848 года.

¹⁹¹ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством рапорт Нафанаила св. синоду от 29-го ноября 1848 г.

¹⁹² - См. в вышеприведенном деле синодский указ от 10-го декабря 1848 г.

¹⁹³ - Там же рапорт Нафанаила синоду от 14-го декабря 1848 года.

¹⁹⁴ - См. в вышеприведенном деле синодский указ от 22-го декабря 1848 г.

¹⁹⁵ - См. в вышеприведенном деле синодский указ от 8-го июня 1849 года.

¹⁹⁶ - См. в вышеприведенном деле письмо Лебедева к Протасову от 19-го июля 1849 года.

¹⁹⁷ - См. секретную записку, под заглавием: «Псковская епархия с 1840 по 1849 год».

¹⁹⁸ - Эти два пункта были также помещены в синодском указе, состоявшемся после первой ревизии.

¹⁹⁹ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника г. Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством указ от 10-го февраля 1850 года.

²⁰⁰ - См. в вышеприведенном деле рапорт преосвященного Платона синоду от 11-го мая 1853 года.

²⁰¹ - Личность Кунинского была самая фальшивая и грязная, и такой отзыв о нем основан на его характеристике, сделанной преосвященным Филаретом рижским. Сказав в отчете, что все священники его викариатства ведут себя с примерным усердием к исполнению своих обязанностей, с благоговением совершают богослужения и духовные требы, между собою сохраняют мир, и что вообще их исправность в делах и нравственная безукоризненность должны быть признаны достойными изумления, он продолжает: «Исключением из общего положения духовенства служит протоиерей Кунинский, сварливый, непокорный, гордый и интригант» (См. в отчетах епархиальных архиереев за 1847 год отчет о состоянии рижского викариатства).

²⁰² - См. вышеприведенный рапорт преосвященного Платона синоду от 11-го мая 1853 года.

²⁰³ - См. в вышеприведенном деле письмо Лебедева к Протасову от 10-го ноября 1853 года.

²⁰⁴ - Там же синодский указ от 16-го сентября 1853 года.

²⁰⁵ - См. рапорт преосвященного Платона синоду от 4-го декабря 1853 года.

²⁰⁶ - См. указ синода от 14-го мая 1854 года.

²⁰⁷ - См. в приведенном деле всеподданнейше прошение священника Лебедева от 10-го ноября 1853 года, а также письмо его к Протасову от 23-го февраля 1854 года.

²⁰⁸ - См. письмо Лебедева к Протасову от 23-го февраля 1854 года.

²⁰⁹ - Бывают священнические места хуже дьяческих. Странен каприз преосвященного, давшего Утрехтскому священническое место, которого он не искал, а отказавшего ему в отцовском диаконском, которого он всеми силами домогался. Это заставляет смотреть на поступок Платона совсем не с той оптимистической точки зрения, с которой на него смотрел Софония, старавшийся защитить во чтобы то ни стало Платона.

²¹⁰ - См. в деле по всеподданнейшей жалобе священника города Пскова Василия Лебедева на злоупотребления и стеснения его епархиальным начальством донесение Софонии в св. синод от 3-го августа 1854 года.

²¹¹ - См. в приведенном деле указ св. синода от 18-го октября 1854 года.

²¹² - См. в приведенном деле всеподданнейшее прошение Лебедева на имя Государя от 12-го июля 1855 года, а также письма его к Карасевскому от 12-го июля 1855 года, от 5-го августа 1855 года и от 16-го августа 1855 года.

²¹³ - См. вышеприведенные письма Лебедева.

²¹⁴ - См. письмо Лебедева от 16-го августа 1855 году.

²¹⁵ - См. там же, указ синодский от 26-го августа 1855 года.

²¹⁶ - См. синодальный указ от 6-го февраля 1857 года.

²¹⁷ - См. там же рапорт Иустина, епископа владимирского, от 14-го ноября 1857 года.

²¹⁸ - См. там же синодский указ от 8-го декабря 1857 года.

²¹⁹ - См. указ св. синода от 10-го декабря 1858 года.

²²⁰ - См. протокол св. синода, 31-го августа 1844 года, № 294.

- 221 - Там же.
- 222 - См. вышеприведенный протокол св. синода.
- 223 - См. вышеприведенный синодский протокол.
- 224 - См. в синодальном архиве указ св. синода от 30-го декабря 1846 года.
- 225 - См. вышеприведенный синодский указ от 30-го декабря 1846 г.
- 226 - См. вышеприведенный синодский указ от 30-го декабря 1846 г.
- 227 - См. вышеприведенный указ св. синода от 30-го декабря 1846 года.
- 228 - См. в св. синоде протокол 25-го ноября 1846 года, № 393.
- 229 - См. там же.
- 230 - См. в св. синоде протокол за 1847 год, № 200.
- 231 - См. указ св. синода, 28-го февраля 1846 года, также указы 30-го октября и 4-го мая того же года.
- 232 - См. в св. синоде протокол 25-го сентября 1846 года № 394.
- 233 - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 1845 года под № 33, по жалобе секретаря пензенской духовной консистории Ошанина на неповиновение ему чиновников и на предание его преосвященным уголовному суду.
- 234 - Там же.
- 235 - Дело той же канцелярия и того же года под № 38, по рапорту секретаря пензенской консистории о неправильном удержании у него епархиальным начальством жалования за время бытности в болезни.
- 236 - См. в этих материалах биографию с.-петербургского митрополита Антония.
- 237 - См. в канцелярии обер-прокурора, св. синода дело 1844 года под № 215 по просьбам секретаря пензенской консистории Ошанина об увольнении его от службы.
- 238 - Там же.

²³⁹ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 1844 года, под № 215 по просьбам секретаря пензенской консистории Ошанина об увольнении его от службы.

²⁴⁰ - См. вышеприведенное дело под № 215.

²⁴¹ - См. в св. синоде дело по доносам секретаря пермской консистории Архарова о существующих в тамошней консистории беспорядках и о произвольных – неправильных распоряжениях преосвященного Аркадия по управлению епархией, и по жалобам Архарова на притеснения, делаемые ему преосвященным и проч., и в этом деле рапорты Архарова графу Протасову от 11-го и 27-го июля 1848 года.

²⁴² - Там же.

²⁴³ - Учитель пермской семинарии Вешняков был аттестован Аркадием в послужных списках неодобрительно за то, что был вхож в дом Архарова. Здесь, кстати, расскажем о стараниях Аркадия запятнать его в общественном мнении и повредить его репутации, чтобы видеть, до какой степени преосвященный был изобретателен и искусен в науке мщения. Однажды приезжает к Аркадию с обыкновенною рапортничкою о состоянии семинарии её инспектор. Аркадий с печально-таинственным видом спрашивает инспектора, знает-ли он о распространившемся в городе слухе, что учитель семинарии Вешняков болен дурною болезнью? Тот отвечает, что не знает. Аркадий удивляется, показывает вид, что не верит словам инспектора, и с самым, по-видимому, простодушным смехом говорит: «Что вы, что вы, отец инспектор, притворяетесь незнайками? Я сегодня уже от троих светских людей слышал об этом. Да вы спросите-ка отца ректора и своих товарищей, так и те вам скажут это!» Инспектор приезжает в семинарию и тоже с таинственным видом начинает раскрашивать о Вешнякове профессоров семинарии и ректора. Таким образом слух, выдуманный Аркадием, расходится по всей Перми и возвращается к своему источнику – к Аркадию, который выслушивает его, как новость для себя. А между тем Вешняков куда ни явится к знакомым, везде на него смотрят как-то двусмысленно. Наконец, друзья сообщают ему о молве, распространившейся в городе на его счет. Вешняков запирается в своей квартире и не является в обществе, а Аркадий, уже на

основании общей молвы, считает себя теперь совершенно вправе говорить вслух всем об его болезни. Мало того, он считает своею обязанностью, на основании слуха, пущенного им в ход, аттестовать неодобрительно Вешнякова в формулярном списке.

²⁴⁴ - См. в вышеприведенном деле рапорт Архарова Протасову от 11-го июля 1848 года.

²⁴⁵ - См. вышеприведенный рапорт Архарова Протасову от 11-го июля 1848 г.

²⁴⁶ - Ненависть пермского духовенства к этому архимандриту Павлу была всеобщая и сильная.

²⁴⁷ - См. в вышеприведенном деле письмо преосвященного Аркадия к Протасову от 22-го августа 1848 года.

²⁴⁸ - Павел переведен был из Перми в пензенский Спасопреображенский третьеклассный монастырь настоятелем 22-го сентября 1848 года (См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело под № 51 об отпуске прогонов назначенным настоятелями монастырей архимандритам Павлу и Герасиму).

²⁴⁹ - См. в вышеприведенном деле рапорты преосвященного Аркадия синоду от 22-го января, 22-го и 26-го февраля, 7-го марта, 9-го августа и 5-го октября 1849 года.

²⁵⁰ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 24-го октября 1849 г.

²⁵¹ - См. рапорт преосвященного Филарета синоду от 15-го декабря 1849 г.

²⁵² - Впоследствии сам св. синод не согласился с таким воззрением следственной комиссии на этот предмет.

²⁵³ - См. в вышеприведенном деле донесение следственной комиссии св. синоду от 2-го марта 1849 года.

²⁵⁴ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 31-го декабря 1850 года.

²⁵⁵ - Вот письмо Аркадия к Протасову: «Сиятельный граф, милостивейший государь! Владимирской епархии села Черкутина протоиерей Михаил Федоров и жена его, родная и единственная сестра покойного графа Михаила Михайловича Сперанского, оба слишком семидесятилетние, имеют нужду в

призрении. Протоиерей свое священническое место желает сдать своему внуку, сыну вдовы-дочери, окончившему курс во Владимирской семинарии Павлу Киржачскому; но так как сей внук кончил семинарский курс во втором разряде, то владимирский архипастырь отказал протоиерею в просьбе, предлагая протоиерею поменяться местом с перворазрядным священником, чтобы на место сего священника произвести помянутого внука. Протоиерей Михаил, мой родной брат, поступил в село Черкутино на место родителя, графа Михаила Михайловича; граф, из признательности к протоиерею за успокоение родителей, и зная скудость его, выстроил для него в селе Черкутине каменный домик; протоиерею оставить Черкутино, и особенно из признательности к покойным родителям и высокому благодетелю – тяжело; притом же, протоиерей в нынешнем году лишился единственного сына, статского советника Петра Сперанского, который волей Божией умер; имеет двух дочерей с сиротами, оставшихся после священников; вдовы и сироты многочисленные, доселе питаются приютом у престарелых родителей, которые образец добродетелей супружеских и родительских. Сиятельный граф! изъяснив горькие обстоятельства престарелых сестры и зятя покойного графа Михаила Михайловича Сперанского, осмеливаюсь обратиться к вам, милостивейший государь, с моею покорнейшею просьбою – не соблаговолите-ли вы и ныне обратить ваше милостивое внимание на тяжкое положение поминаемых родных покойного графа и найти возможным, чтобы сестра и зять его могли провести последние дни своей жизни в селе Черкутине, при родном призрении внука, поминаемого воспитанника семинарии Павла Киржачского, с определением его на священническое место, занимаемое теперь протоиереем». (29-го августа 1853 года).

²⁵⁶ - См. в св. синоде дело о производстве семинариста Павла Киржачского во священника в село Черкутино на место протоиерея Михаила Третьякова, год 1853 № 1313.

²⁵⁷ - См. в деле св. синода об увольнении от службы неблагонадежных чиновников, начавшемся 18-го декабря 1846 года, указ синодский от 8-го июня 1849 года.

²⁵⁸ - См. в вышеприведенном деле копию с выписки из журналов комитета министров 19-го ноября и 3-го декабря 1846 года.

²⁵⁹ - См. в вышеприведенном деле указ синода от 20-го декабря 1846 года.

²⁶⁰ - См. в вышеприведенном деле предложение графа Протасова синоду от 10-го декабря 1847 года.

²⁶¹ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 15-го июня 1849 года.

²⁶² - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 1849 года, под № 30, по рапорту секретаря олонецкой консистории о болезни преосвященного олонецкого Венедикта.

²⁶³ - См. в приведенном деле об увольнении от службы неблагонадежных чиновников рапорт преосвященного Венедикта от 7-го августа 1849 года.

²⁶⁴ - См. письмо его к о. протоиерею И. И. Григоровичу от 29-го октября 1849 года.

²⁶⁵ - Письмо к тому же протоиерею Григоровичу от 8-го апреля 1850 года.

²⁶⁶ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 1850 года под № 971, о кончине архиепископа олонецкого Венедикта и об избрании на его место другого. Венедикт умер на 61 году. Государь на докладе графа Протасова о смерти Венедикта написал только: «Избрать другого» (См. там же доклад обер-прокурора).

²⁶⁷ - См. ревизию уфимского епархиального управления.

²⁶⁸ - См. в св. синоде дело по доносам секретаря кавказской духовной консистории Васильева на тамошнее епархиальное начальство о беспорядках по управлению, и в этом деле рапорт членов кавказской консистории Крастилевского и Граникова, в котором они жалуются Иоанникию, что секретарь Васильев 13-го июня 1857 года называл в присутствии консистории протоиерея Гремяченского «торгашом, шабаем, кулаком» и доказывал, что «ему приличнее торговать с бабами ломаным железом и с цыганами лошадьми, нежели присутствовать в консистории».

²⁶⁹ - См. в св. синоде дело 1849 года по жалобе, служившего писцом в костромской консистории Александра Владимировича на оказанные, будто бы, ему секретарем консистории Васильевым притеснения.

²⁷⁰ - См. в вышеприведенном деле по доносам секретаря кавказской консистории Васильева на тамошнее епархиальное начальство о беспорядках по управлению рапорт его обер-прокурору св. синода об истязаниях, причиненных протоиереем Иаковом Преображенским дьячку Моздокского собора Петру Спиридонову, а также о злоупотреблениях его по сему собору и значительной растрате церковной суммы, где, между прочим, Васильев доносит, как Преображенский предлагал ему подарки и уверял его, что в решении дела в пользу его Васильев на встретит препятствия ни со стороны преосвященного, ни со стороны консистории, и как все дело повернулось в пользу Преображенского, хотя и составлен был уже протокол, совершенно его обвинявший.

²⁷¹ - См. в вышеприведенном деле рапорты секретаря Васильева обер-прокурору графу Протасову, Карасевскому, Сербиновичу и графу Толстому о звонаре Афанасии Лашке, укравшем 67 руб. из соборной кружки, о побоях, нанесенных Троицкого собора протоиереем Гремяченским крестьянину Тамбовской губернии Феоктисту Свищеву, о священнике Песчанском, замеченном в дурном поведении о священнике Михайлове, преданном пьянству и отправленном на два месяца в монастырь, о повенчании протоиереем Петровым противозаконных браков, о священнике Григории Лаврове, венчавшем браки в избе, притом несовершеннолетних, и бросившем самовольно свой приход, и пр.

²⁷² - См. в вышеприведенном деле рапорты св. синоду преосвященного Иоанникия.

²⁷³ - Там же, секретный указ синода Евгению, от 30-го апреля 1855 года.

²⁷⁴ - См. в приведенном деле рапорт Евгения св. синоду, от 20-го июня 1856 года.

²⁷⁵ - В том же рапорте.

²⁷⁶ - Там же.

²⁷⁷ - Там же.

²⁷⁸ - См. там же рапорт Евгения синоду от 20-го июня 1856 года.

²⁷⁹ - См. в вышеприведенном деле указы синода от 12-го октября 1856 года и 17-го мая 1857 года.

²⁸⁰ - См. вышеприведенный указ синода.

²⁸¹ - См. вышеприведенный указ.

²⁸² - В том же указе.

²⁸³ - В том же указе.

²⁸⁴ - Когда производилось здесь в Петербурге дело о налитографировании русского перевода Библии, тогда Варлаам, будучи членом следственной комиссии по этому делу, открыто говорил, что о. Павского, как главного виновника этого еретического незаконного перевода, следовало бы сжечь в срубе.

²⁸⁵ - Однажды на тропинке, ведущей из архиерейского дома в баню, Варлаам увидел так называемый гашник от портков, что привело его в смущение и неистовство. Началось розыскание о том, кому принадлежит эта вещь. По следствию открылось, что владелец этой вещи был певчий из архиерейского хора, который, распарывая свои износившиеся портки, бросил гашник от них на тропинку, как вещь ему более ненужную. Бедняк и не думал, что эта ветошь будет причиной его несчастья и что на него изведут обвинение в намерении «испортить» архиерея. А между тем это случилось: Варлаам, подозревая, что певчий хотел его «испортить», приказал под розгами допрашивать несчастного, с какою целью он бросил свой гашник на тропинку, по которой, знал, что будет проходить архиерей. Безвинного преступника секли по три раза в день розгами, но не могли этим вынудить сознания и наконец оставили его в покое.

²⁸⁶ - Профессор пензенской семинарии Рязанов заподозрен был Варлаамом и ректором семинарии Евпсихием в вольнодумстве и еретичестве за то, что выпустил из риторики Бургия хрии, обращался человечно с семинаристами и давал им

темы для сочинений из жизни действительной, как, например, описание святок, лета и т. под., а не из свящ. Писания.

²⁸⁷ - Во время нахождения Варлаама викарием в Киеве, ему однажды, после обедни, вздумалось заехать к тамошнему генерал-губернатору Бибикову, с которым он уже успел поссориться и даже серьезно. Докладывают Бибикову, что преосвященный викарий хочет его видеть. «Не могу принять, скажи ему», кричит Бибиков своему лакею. Лакей буквально передает Варлааму слова господина. «Скажи, что мне непременно нужно видеть его высокопревосходительство», говорит Варлаам. Лакей идет в кабинет Бибикова и передает ему сказанное Варлаамом. «Так скажи ему, что я в одном халате, а следовательно не могу его принять». Несмотря на это, Варлаам почти насильно проталкивает лакея в кабинет Бибикова и опять с тем же требованием. Взбешенный такою назойливостью, генерал-губернатор кричит в бешенстве: «Так поди и скажи ему, что я нагой и, если он хочет, так пусть идет сюда», и, с этими словами, снимает с себя все платье, даже рубашку, приказывает подать себе сигару и в таком положении ложится на диван. Когда лакей пересказал Варлааму, какой прием готовится ему в кабинете генерал-губернатора, он возразил, что это его, как монаха, не соблазнит, и спокойно вошел в кабинет Бибикова, сел против него на кресла и начал с ним разговаривать. И Бибиков, и Варлаам выдержали свои роли во время разговора, продолжавшегося около получаса; один, нагой, лежал и курил, а другой сидел против него, как бы не замечая этого.

²⁸⁸ - См. в св. синоде секретный указ 2-го декабря 1846 года за № 125.

²⁸⁹ - См. в св. синоде секретное дело о принятии мер к отвращению вредных последствий по случаю военных обстоятельств, и в нем предложение синоду графа Протасова от 23-го августа 1854 года.

²⁹⁰ - См. в вышеприведенном деле копию с рапорта архангельского военного губернатора Бойля военному министру, от 4-го августа 1854 года.

²⁹¹ - См. в том же деле копию с письма вице-адмирала Бойля к военному министру от 11-го августа 1854 года.

²⁹² - См. там же копию с секретного отношения военного министра к обер-прокурору св. синода, от 19-го августа 1854 года, за № 552.

²⁹³ - См. там же указ синода преосвященному Аркадию от 27-го августа 1854 года.

²⁹⁴ - См. так же рапорт преосвященного Аркадия синоду от 17-го сентября 1854 года.

²⁹⁵ - Там же второй рапорт преосвященного Аркадия синоду.

²⁹⁶ - См. там же рапорт преосвященного Варлаама синоду от 18-го сентября 1854 года.

²⁹⁷ - Там же указ синодский архиепископу Аркадию от 2-го октября 1854 года.

²⁹⁸ - Там же рапорт преосвященного Варлаама синоду от 26-го октября 1854 года.

²⁹⁹ - Там же рапорт преосвященного Аркадия синоду от 3-го ноября 1854 года.

³⁰⁰ -) Там же указ св. синода от 17-го декабря 1754 года.

³⁰¹ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 23-го февраля 1828 года об учинении строжайшего выговора подполковнику Волкову и воронежскому епископу Антонию за то, что осмелились распечатать бумагу, адресованную на высочайшее имя Государя Императора.

³⁰² - См. в св. синоде дело 31-го июля 1828 года по предложению г. синодального обер-прокурора, с приложениями о происшествии, случившемся в г. Архангельске, при заложении английской церкви, и в нем письмо священника архангельской Успенской церкви Михаила Каллиникова к князю Мещерскому.

³⁰³ - См. в том же деле письмо преосвященного Аарона к князю Мещерскому.

³⁰⁴ - См. в приведенном выше деле отношение генерал-губернатора Миницкого к князю Мещерскому.

³⁰⁵ - Там же указ св. синода.

³⁰⁶ - См. в вышеприведенном деле сообщение высочайшей воли чрез статс-секретаря Муравьева г. обер-прокурору св. синода князю Мещерскому.

³⁰⁷ - Там же.

³⁰⁸ - Там же.

³⁰⁹ - См. в приведенном деле письмо преосвященного Аарона к митрополиту Серафиму от 26-го января 1829 года, за № 101.

³¹⁰ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода доклад 24-го ноября 1828 г., под № 231.

³¹¹ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода доклад 24-го ноября 1828 г., № 231.

³¹² - См. в деле св. синода об учинении вологодскому епископу Стефану строгого выговора за неприличные сану его поступки, список с секретного отношения генерал-адъютанта Бенкендорфа к обер-прокурору св. синода, от 13-го октября 1831 г. за № 5203.

³¹³ - См. в деле об учинении вологодскому епископу Стефану строгого выговора за неприличные сану его поступки отношение его к князю Мещерскому.

³¹⁴ - Там же предложение князя Мещерского св. синоду.

³¹⁵ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода книгу докладов, год 1853, № 100.

³¹⁶ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода в книге всеподданнейших докладов 1831 год № 280.

³¹⁷ - См. в книге докладов 1832 год, № 304.

³¹⁸ - См. в св. синоде дело о бытии преосвященного Георгия, епископа архангельского, при церемонии по случаю открытия памятника Ломоносову, и в этом деле выписку из синодского журнала 12-го сентября 1832 года.

³¹⁹ - См. в приведенном деле отношение преосвященного Георгия к князю Мещерскому от 10-го ноября 1832 года.

³²⁰ - Там же.

³²¹ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода.

322 - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода доклад 22-го октября 1832 года.

323 - См. приведенный доклад.

324 - См. в книге высочайших докладов обер-прокурору св. синода 1832 года № 102.

325 - См. там же.

326 - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода 1843 год, № 147.

327 - См. в архиве канцелярии обер-прокурора св. синода дело о случае, бывшем во время обозрения преосвященным подольским вверенной ему епархии.

328 - В том же деле.

329 - Вместо Протасова делал предложение синоду Карасевский.

330 - В том же деле указ св. синода от 17-го февраля 1850 года.

331 - См. в св. синоде указ 11-го июля 1851 года.

332 - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 1829 года, под № 8, по доносу о злоупотреблениях по екатеринославской консистории, и в нем записку Фон-Фока от 15-го июня 1829 года.

333 - См. в деле о злоупотреблениях по екатеринославской консистории, стр. 9–19.

334 - Там же, стр. 20.

335 - См. в св. синоде дело 1828 года под № 159, по предложению г. синодального обер-прокурора, с приложением прошения штата главной конторы пермских заводов унтер-шихтмейстера Пермякова с жалобой на племянника бывшего пермского епископа Дионисия, расстроившего бракосочетание его с дочерью умершего унтер-шихтмейстера Падерина, и в этом деле объяснение преосвященного Дионисия от 9-го февраля 1828 года.

336 - В том же деле предложение князя Мещерского синоду от 26-го мая 1828 года.

³³⁷ - См. в св. синоде дело 1828 года под № 153, по предложению синодального члена преосвященного Серафима, митрополита новгородского, с изъяснением высочайшего повеления о переводе пермского епископа Дионисия в другую епархию.

³³⁸ - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода год 1828, № 230.

³³⁹ - См. в св. синоде дело 1828 года, № 153, по предложению синодального члена преосвященного Серафима, с изъяснением высочайшего повеления о переводе пермского епископа Дионисия в другую епархию.

³⁴⁰ - См. в св. синоде дело 1826 года, № 314, по прошению коллежского советн. Назимова, с жалобой на неправильное вступление преосвященного архангельского в разбирательство жалоб на него жены его, и в нем прошение Назимова и предложение князя Мещерского синоду.

³⁴¹ - Там же, предложение князя Мещерского синоду от 19-го февраля 1827 г.

³⁴² - Там же, указ св. синода от 15-го апреля 1827 года.

³⁴³ - См. в вышеприведенном деле указ св. синода от 15-го апреля 1827 г.

³⁴⁴ - См. в канцелярии обер-прокурора св. синода дело 9-го августа 1830 года о перемещении полтавского епископа Георгия в архангельскую епархию, по увольнении от управления сею последнею епископа Аарона, и в нем доклад св. синода Государю.

³⁴⁵ - См. в той же канцелярии дело 7-го ноября 1829 года об устроенной преосвященным полтавским при доме своем свечной лавки, с отдачею оной на откуп.

³⁴⁶ - См. в приведенном деле о перемещении полтавского епископа в архангельскую епархию, по увольнении от управления последнею епископа Аарона, письмо князя Мещерского к князю Репнину.

³⁴⁷ - См. в приведенном деле о перемещении полтавского епископа Георгия письмо князя Репнина к князю Мещерскому.

³⁴⁸ - См. в приведенном выше деле о перемещении полтавского епископа Георгия доклад князя Мещерского Государю Императору.

³⁴⁹ - См. вышеприведенный доклад князя Мещерского.

³⁵⁰ - См. в св. синоде дело 1835 года № 1604, по определению св. синода о переведении преосвященного епископа нижегородского Амвросия на другую, низшей степени, епархию, и в нем определение синода 29-го октября 1834 года.

³⁵¹ - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода, год 1835, №№ 5 и 6.

³⁵² - Там же. доклад 1835 года за № 5.

³⁵³ - В том же деле указ св. синода епископу Амвросию от 18-го января 1835 года.

³⁵⁴ - См. в деле о переведении преосвященного епископа нижегородского Амвросия в другую, низшей степени, епархию указ св. синода.

³⁵⁵ - См. вышеприведенный указ св. синода от 18-го января 1835 года.

³⁵⁶ - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода год 1835, № 305.

³⁵⁷ - См. в св. синоде дело 1835 года, под № 1611, о перемещении Иоанникия, епископа вятского, на кафедру оренбургской епархии и о бытии ректору ярославской семинарии архимандриту Нилу епископом вятским.

³⁵⁸ - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода год 1827, № 201.

³⁵⁹ - См. в книге высочайших докладов обер-прокурора св. синода 1827 год, № 201.

³⁶⁰ - См. выше в отделе о ревизиях над архиереями ревизию пермского епархиального управления.

³⁶¹ - См. выше выговор Иннокентию, епископу екатеринославскому, и также указ синода от 11-го июня 1851 года.